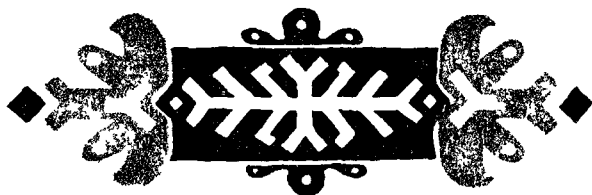

ЭСТОНСКИЙ НАРОДНЫЙ

« Э П О С »

СОБРАЛ И ОБРАБОТАЛ
ФР. КРЕЙЦВАЛЬД

перевели
с эстонского
ВЛ. ДЕРЖАВИН
и А. КОЧЕТКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

ЭСТОНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС „КАЛЕВИПОЭГ“

1

Много прекрасных литературных произведений непреходящей, неувядаемой ценности оставила в наследие нашему времени прогрессивная культура прошлых веков, неисчерпаемые богатства заключены в фольклоре каждого народа, воплотившего в устной поэзии свои думы и чаяния. В сокровищнице национальных культур есть творения, наиболее полно и глубоко отражающие исторические судьбы народа, своеобразные черты его психического склада, его радости и горести, его страдания и борьбу за лучшее будущее. Таковы сказания народного эпоса. Своими корнями они уходят в глубокую древность, к временам первобытно-общинного строя.

На протяжении многих веков сюжетные мотивы и образы героического эпоса развивались и дополнялись, затем песни и сказания, бытовавшие в народе, записывали, превращая таким образом в литературные явления (например, русские былины). По народным сказаниям были записаны карело-финский эпос „Калевала“ и эстонский — „Калевипоэг“. В настоящее же время, в условиях социалистического общества, эпос некоторых народов составлен в результате исследовательской работы научных учреждений (армянский эпос „Давид Сасунский“ и киргизский — „Манас“).

Эпос, как особое явление устной поэзии и литературы, часто играл в жизни народа весьма важную роль, оказывая на его духовное развитие значительное влияние. Эпос становился как бы величественным символом жизни и свободы народа, его национальным сокровищем и гордостью. Именно такую ценность представляет для эстонского народа эпос „Калевипоэг“. Он пробуждал национальное самосознание в народе, изнывавшем в течение многих веков под игом чужеземных поработителей, служил знаменем борьбы против социального и духовного гнета и способствовал развитию эстонской демократической культуры.

В образах богатырей, созданных самими трудящимися массами, воплощена жизненная сила народа, его вера в лучшее будущее; в произведениях народной поэзии неизменно присутствует оптимизм, уверенность народа „в его победе над всеми враждебными ему силами“¹. Подлинно демократическая сущность народного эпоса, содержащиеся в нем идеи борьбы против всякого угнетения и несправедливости, свойственный народному творчеству дух жизнерадостности, бодрости и отваги делают эти древние сказания близкими советским людям. Мы бережно храним эпос народов нашей страны и, как драгоценное наследство, передаем его новым поколениям. Взаимное изучение национального эпоса еще более сближает братские народы советских республик, показывает, насколько сходными были чаяния и стремления трудящихся масс разных национальностей, несмотря на все различия в их историческом развитии, быту и психическом складе.

Составление эпоса „Калевипоэг“, осуществленное в середине XIX века, неразрывно связано с происходившими в то время в Эстонии глубокими социально-экономическими изменениями. Совершался переход от феодально-крепостнической системы хозяйства к капиталистической, происходило формирование эстонской нации, возникало национальное движение. Направленное против укоренившихся остатков феодализма, движение это стало общенародным и достигло наибольшего размаха в 1860—1880 годах; в его развитии немалую роль сыграла деятельность первых эстонских писателей-демократов и прогрессивных общественных деятелей. Большое значение в борьбе против гнета прибалтийских немецких баронов-помещиков имел также „Калевипоэг“ — монументальное произведение зарождавшейся эстонской национальной литературы.

Эстляндия, вошедшая в 1710 году в состав Российской империи, была в своем социальном и экономическом развитии тесно связана с другими частями России. При этом, однако, в жизни эстонского народа, как и других народов Прибалтики, имелись свои специфические черты, оказавшие значительное влияние на развитие их передовой общественной мысли и национальной культуры.

В Эстонии, как и во всей России, начиная со второй половины XVIII века, стали усиленно развиваться товарно-денежные отношения, помещичье хозяйство все теснее связывалось с внутренним и внешними рынками. Особенно интенсивным был рост производительных сил в первой половине XIX века; к этому времени относится также начало промышленного переворота в Эстонии (по уровню развития промышленного производства прибалтийские губернии принадлежали к числу наиболее развитых областей России). В то же время здесь было налицо резкое

¹ М. Горький, О литературе. Литературно-критические статьи, Советский писатель, Москва, 1953, стр. 698.

отставание производственных отношений. В Прибалтике сохранялся сложившийся еще в XVII веке, во время владычества шведов, „остзейский особый порядок“, дававший помещикам большую власть над крестьянами, чем в других областях России. Система особых привилегий прибалтийского дворянства, которую помещики защищали с отчаянным упорством, являлась по существу пережитком феодальной раздробленности; немецкая дворянская верхушка вынашивала сепаратистские планы, ориентируясь на Германию. Одной из характерных черт эстонской передовой общественной мысли было то, что она направляла свое острие против реакционного „остзейского особого порядка“ и выступала в защиту тесных связей Эстонии с Россией.

Существенную роль в историческом развитии Эстонии играло то, что классовые противоречия здесь дополнялись и обострялись противоречиями национальными. Крестьянство состояло из эстонцев, а эксплуататорский класс — из потомков немецких рыцарей, вторгшихся в Эстонию в начале XIII века. Для укрепления своих позиций и оправдания своих привилегий прибалтийские бароны проповедовали феодальный расизм, пытались приписать себе миссию „носителей культуры“ и отрицали не только способность эстонского народа к культурному развитию, но и перспективы самого существования его как нации. В то время слово „эстонец“ сначало — крестьянин; по мнению угнетателей, эстонцы являлись рабочим скотом, им они и должны были оставаться. Поэтому эксплуататоры-помещики старались держать народ в темноте и невежестве, закрывали ему все пути к образованию и культуре. В этих условиях в Эстонии до XIX века не могла возникнуть своя национальная интеллигенция (те немногие эстонцы-крестьяне, которым удавалось получить образование, обычно растворялись в немецко-помещичьих кругах или в среде бюргерства), не могла развиваться национальная культура. Зачатки ее существовали лишь в виде народного творчества. Представители пробуждающейся эстонской общественной мысли вели острую борьбу в защиту жизненных прав народа, против умышленного систематического унижения его достоинства; разумеется, при этом вопросы просвещения и культуры приобретали особо важное политическое содержание и значение.

Уже в конце XVIII столетия немецкие интеллигенты Г. Меркель и И. Х. Петри, находившиеся под влиянием идей „века просвещения“, выступили в защиту народов Прибалтики. С глубоким сочувствием писали о положении эстонцев русские декабристы (Бестужев, Кюхельбекер и другие). Хотя эти произведения, написанные на немецком и русском языках оставались тогда неизвестными широким массам эстонского народа, они все же оказали значительное влияние на развитие прогрессивной общественной мысли в Эстонии.

Все более углублявшийся кризис феодально-крепостнической системы привел к крайнему обострению противоречий между крестьянством и прибалтийскими баронами. Неизбежный процесс перехода к капитализму помещикам было выгодно осуществить путем постепенных реформ, за счет

усиления эксплуатации крестьянства, с сохранением многих пережитков феодально-крепостнического строя, т. е. тем путем, который В. И. Ленин характеризует как прусский путь развития капитализма. Формально эстонские крестьяне были „освобождены“ без земли в 1816—1819 годах, но фактически „остзейский особый порядок“ в основном сохранялся до 80-х годов.

В первой половине XIX века в Эстонии появились вышедшие из народа прогрессивные общественные деятели, выдающиеся просветители-демократы, взгляды которых выражали жизненные интересы широких масс, боровшихся против крепостничества. Это—Фридрих Роберт Фельман (1798—1850) и Фридрих Рейнгольд Крейцвальд (1803—1882). Им принадлежит особо выдающаяся роль не только в эстонской литературе, но и в развитии всей демократической национальной культуры Эстонии. Благодаря их трудам было осуществлено составление эстонского народного эпоса „Калевипоэг“: Фельман начал эту работу, наметив в общих чертах план произведения на основе фольклорных материалов, но главная тяжесть этой задачи пала на Крейцвальда.

Фр. Р. Фельман родился в Северной Эстонии в семье служащего в имении. Преодолев многочисленные препятствия и большие материальные затруднения, он закончил уездное училище и гимназию (эти учебные заведения были в то время рассчитаны лишь на прибалтийское дворянство и бюргерство, обучение там велось на немецком языке) и одним из первых эстонцев поступил в Тартуский университет. Кроме медицины, Фельман изучал философию, эстетику, поэтику и сравнительное языковедение; в свободное от занятий время он собирал народные сказания и песни. Получив в 1827 году звание доктора медицины, Фельман до конца своей жизни работал в Тарту врачом и преподавателем в университете.

Тартуский университет, основанный в 1802 году, был в 1820—1830 годах важным центром передовой науки и общественной мысли. В числе преподавателей университета были такие выдающиеся русские и западноевропейские ученые того времени, как основоположник экспериментальной хирургии Н. Пирогов, знаменитый физик Б. Якоби, астроном В. Струве, историк Г. Эверс, филолог К. Моргенштерн и другие. С университетскими кругами Тарту были тесно связаны русские поэты В. Жуковский и Н. Языков. По тому времени богатым и разнообразным был фонд научной и художественной литературы в университетской библиотеке.

Из крестьянской среды в университет тогда попадали, разумеется, только единицы, да и из этих людей некоторые впоследствии отрекались от своего крестьянского происхождения и онемечивались,—для эстонского народа они были потеряны. К концу 20-х годов в Тартуском университете все же сложился небольшой кружок связанных личной дружбой молодых эстонцев, которых объединяли их демократические взгляды, их любовь к родной земле, к родному народу. Возглавлял этот кружок

Фельман, а его самым близким единомышленником стал Крейцвальд, поступивший в университет несколькими годами позже. С той поры и началась крепкая дружба этих двух выдающихся людей, длившаяся до самой смерти Фельмана.

Фр. Р. Крейцвальд также был родом из северной Эстонии; он родился 26 декабря 1803 года, близ Раквере, в семье мызного сапожника-крепостного. Росший в крестьянской среде, мальчик с самых ранних лет видел произвол и несправедливость господ, тяжелое положение крестьян. Уже ребенком он познал богатый и многообразный мир устной народной поэзии. Юный Крейцвальд слышал немало сказаний о богатыре Калевипоэге, в которых многие окрестные места народ непосредственно связывал с жизнью и подвигами могучего героя. Знакомство с народным творчеством оказало на одаренного мальчика глубокое влияние, побудило его впоследствии к собиранию и литературному использованию богатств народной поэзии.

В 1815 году помещик дал вольную отцу Крейцвальда. Юноше посчастливилось попасть в Ракверескую начальную школу, а затем в уездное училище, где учился в свое время и Фельман. Несмотря на свои незаурядные способности, юный Крейцвальд был вынужден из-за тяжелого материального положения семьи оставить школу. Короткое время он служил учеником в одном из таллинских торговых домов, затем ему удалось поступить в таллинское уездное училище. Здесь Крейцвальд пробует свои силы в литературном творчестве, а также начинает собирать и записывать народные сказания и песни.

Окончив училище в 1820 году, он работал в Таллине преподавателем начальной школы; переехав в 1824 году в Петербург, он в течение полутора лет был домашним учителем. Вернувшись в Тарту, он сдал экзамены за курс гимназии и в 1826 году был зачислен на медицинский факультет университета.

Крейцвальду часто приходилось сталкиваться в университете с презрительным отношением со стороны баронских сынков, кичившихся своим сословным положением и своей национальностью; постоянным спутником юноши были материальные затруднения. „Я очень хорошо знаю все те пути, которые сковывают ноги молодого эстонца, пока ему не удастся с крестьянских лугов попасть в среду людей просвещенных“, — писал впоследствии Крейцвальд¹. Юноша мужественно преодолевал трудности. Во время обучения в университете Крейцвальд с увлечением занимался и гуманитарными науками, вопросами литературы и народной поэзии.

Окончив университет в 1833 году, Крейцвальд стал врачом в маленьком уездном городе Выру, где и проработал сорок четыре года

¹ Ф. Р. Крейцвальд, Избранные письма, Эстгосиздат, Таллин, 1953, стр. 131.

Наряду с врачебной практикой, главным образом среди крестьян, Крейцвальд развил широкую общественно-публицистическую и литературную деятельность, занялся собиранием фольклора. К середине прошлого века он стал самым выдающимся представителем эстонской прогрессивной общественной мысли и зарождавшейся национальной культуры.

Крейцвальд и Фельман смело заговорили об историческом прошлом народа, которое тщательно скрывала от широких масс и фальсифицировала господствовавшая феодально-церковная идеология, о свободной жизни древних эстов до вторжения немецких и скандинавских захватчиков; наряду с этим оба выдающихся просветителя учили ценить устное народное творчество, в котором отображена стойкость народа, его боевой дух и надежды на светлое будущее.

Фельман первым из эстонцев резко разоблачал вымысел остзейских историков, утверждавших, будто немецкие рыцари, вторгшиеся в Прибалтику в XIII веке, и их потомки принесли коренному населению Эстонии культуру и благодать христианской веры. Он говорил не только об исторической несправедливости, — он разоблачал жестокую эксплуатацию крестьян и в современной ему Эстонии. В одном из писем Крейцвальду (1845) он передает высказывания самих крестьян о своем положении: „Мы дошли до предела нищеты и ниоткуда не видим помощи, но если будем жаловаться, то нас назовут мятежниками, избьют до крови, а затем сотнями сошлют в Сибирь“.

В тот период, в 40-х годах, труды Фельмана еще не находили путей к народным массам. Некоторые свои статьи он смог опубликовать только в изданиях, выходивших на немецком языке, большая же часть сохранилась до наших дней в рукописях; литература, издававшаяся на эстонском языке, то есть предназначенная для крестьян, подвергалась особенно строгой цензуре, в ней не допускалось ни малейшего упоминания о социальных противоречиях. И все же деятельность Фельмана имела огромное значение, особенно благодаря Крейцвальду, который на протяжении многих лет после смерти друга популяризировал его труды, продолжал его дело.

Крейцвальд разделял основные общественно-политические взгляды Фельмана. В первых же публичных выступлениях Крейцвальда в 1830 — 1840 годах проявляется его глубокое сочувствие к угнетенному крестьянству. Он стремится пробудить народ от того оцепенения, в котором тот прозябал в течение долгих веков крепостничества, освободить его сознание от оков темноты и невежества, распространить в массах крестьян необходимые им знания, указать им пути к улучшению своего хозяйства и быта.

Крейцвальд начал свою литературную деятельность с научно-популярных изданий для народа (например, „Мир и кое-что из того, что в нем находится“); он редактирует приложения к календарям (эти приложения в условиях того времени до некоторой степени заменяли периодическую

печать, которой на эстонском языке не существовало). Крейцвальд не был последовательным материалистом, однако он всегда опирался на достижения естественных наук, был непримиримым борцом против мракобесия церковников. Он страстно разоблачал и опровергал клеветнические вымыслы идеологов крепостничества, утверждавших, будто эстонцы по природе своей неспособны к развитию и единственно достойный их удел — это удел рабов. Крейцвальд показывал, что именно захватчики-феодалы и их потомки, поработившие народ, и препятствовали естественному его развитию.

Крейцвальд понимал, что время феодализма миновало, что пережитки его сковывают экономическое и культурное развитие страны. И хотя в силу ограниченности, свойственной просветителям, Крейцвальд не смог в своих общественных взглядах подняться до уровня революционных демократов, — его лучшие художественные произведения, отличающиеся большой обличительной силой, нередко объективно приводили читателя к революционным выводам.

„Нельзя забывать, — указывал В. И. Ленин, — что в ту пору... когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии“¹. В борьбе против крепостничества крестьянство вначале выступало в основном как единый класс, и Крейцвальд искренне верил, что ликвидация феодальных форм эксплуатации принесет с собой общее благосостояние. Но он видел и все больше замечавшееся расслоение в крестьянстве, проявления новых противоречий, свойственных капиталистическому обществу. Он выступал против консервативно-клерикального лагеря и его главарей, отражавших интересы нарождавшейся сельской буржуазии, искавших союза с прибалтийским дворянством и пресмыкавшихся перед царскими властями.

Высоко ценил Крейцвальд дружбу и исторически сложившиеся связи эстонского народа с великим русским народом. Как в своих статьях, так и в художественных произведениях он подчеркивал огромное прогрессивное значение, которое имело присоединение Эстонии к России в начале XVIII века. Будущее эстонцев Крейцвальд представлял себе только в условиях самого тесного сотрудничества с русским народом. Он выступал за изучение русского языка в эстонских школах, чему всячески препятствовали помещики и пасторы; русский язык, говорил Крейцвальд, „необходим нашим детям, как хлеб насущный“.

На примере деятельности Крейцвальда мы видим, как эстонская национальная культура складывалась и развивалась в тесной связи с персидской русской культурой. Крейцвальда, как выдающегося знатока эстонского языка, народной поэзии и этнографии, высоко ценили ученые Петербургской академии наук, особенно академики Шифнер и Видеман,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 473.

которым принадлежит большая заслуга и в осуществлении издания „Калевипоэга“. Академия не раз пользовалась сотрудничеством Крейцвальда, его труды публиковались в ее изданиях; в то же время исследования по фольклору других народов, издаваемые Академией, давали Крейцвальду много ценного, расширяли его кругозор и во многом обогащали, как фольклориста; в своей оценке народной поэзии он был близок к взглядам Белинского и Добролюбова.

Крейцвальд вполне справедливо считал, что народная поэзия не является лишь романтическим отзвуком далекого прошлого, как это утверждали западноевропейские фольклористы того времени, но что она служит поэтическим выражением мировосприятия трудящихся масс и должна лечь в основание национальной литературы. Как и Фельман, Крейцвальд был основоположником эстонской фольклористики; он дал всей работе по собиранию, исследованию и литературной обработке материалов народной поэзии определенное демократическое направление. Крейцвальд ценил идейное содержание народного творчества, его боевой дух. Он первый сказал народу о том, каким драгоценным национальным достоянием является самим народом созданная поэзия. В своих статьях Крейцвальд показывал, как в народной поэзии, под внешним покровом сказочной фантастики, находит свое отражение реальная жизнь; лучшим традициям народной поэзии он следовал в своем художественном творчестве.

Не будет преувеличением сказать, что до Крейцвальда эстонской литературы почти не существовало, хотя к началу его деятельности печатное слово на эстонском языке имело уже свою трехсотлетнюю историю (первый катехизис на эстонском языке был выпущен в 1535 году). Но вся эта „литература“ почти целиком была поставлена на службу церкви и преследовала цели, враждебные народу. Поэтические творения самого народа считались „языческими бреднями“, их старались вытравить из народной памяти, ибо они выражали миропонимание крестьян, находившееся в резком противоречии с клерикальной „культурой“ эксплуататоров.

С возникновением кризиса крепостничества и обострением классовой борьбы господствовавший класс пытался изыскивать все новые средства идеологического воздействия на крестьянство, чтобы подорвать силу его сопротивления. Так, во второй половине XVIII века возникла наряду с церковной и „светская“ литература, антинародная по своим целям и содержанию. Авторами ее были немецкие пасторы и другие приспешники дворянства (Арвелиус и др.). В их писаниях проповедовалась беспрекословная покорность, смирение, терпение, которые якобы являются основой счастливой жизни простых людей; крепостнический строй идеализировался как патриархальный, благословенный, вечный, самым богом установленный порядок.

Нельзя, однако, не отметить, что в этот же период, особенно в начале XIX века, деятельно занимались вопросами эстонского языка и

фольклора некоторые прибалтийские немцы — И. Х. Розенплентер и др.; заслуги этих исследователей несомненны.

Гораздо более значительная роль в формировании эстонской национальной культуры принадлежит литераторам эстонского происхождения — О. В. Мазингу (1763—1832) и К. Я. Петерсону (1801—1822). Мазинг опубликовал ряд книжек поучительного содержания и издавал в 1821—1825 годах первую эстонскую газету; после того как выход ее прекратился, газет на эстонском языке долго не было. Петерсон, умерший совсем молодым, был первым замечательным эстонским поэтом; он с увлечением разрабатывал вопросы фольклора, собирал народные песни и писал стихи по их мотивам.

Но Мазинг и Петерсон были все же только предшественниками и предвестниками эстонской национальной литературы; в последующие десятилетия прочную основу ее развития заложили Фельман и Крейцвальд.

Всю свою жизнь Крейцвальд вел непримиримую борьбу с реакционной литературой, насаждавшей в народе дух рабского смирения. Это антидемократическое направление, главными представителями которого были в то время журналист И. В. Яннсен — бывший кистер¹, немецкие пасторы К. Кэрбер, К. М. Хеннинг и другие, было прямым продолжением предшествовавшей крепостнической „литературы“. Резко разоблачая в своих статьях, рассказах и письмах единомышленникам антинародную сущность литературной стряпни подобных авторов, Крейцвальд в то же время отмечал произведения, проникнутые духом демократизма, направленные против крепостников и клерикалов.

В эстонской печати Крейцвальд впервые выступает как автор рассказов; первый из них — „Винная чума“ — вышел в 1840 году. Часть рассказов, сатирического содержания, написана в форме аллегии, в других же непосредственно отражена жизнь эстонской деревни. Писатель был, очевидно, вынужден прибегнуть к аллегии потому, что для прямого отображения социальных вопросов в то время возможностей не было: даже аллегорические произведения писателя значительно пострадали от руки цензуры. В 1850 году Крейцвальд опубликовал переработанную им широко известную старинную сказку-аллегию, распространенную у многих народов, — „Хитрый Лис“; в форме рассказа о животных здесь вскрываются и высмеиваются различные отрицательные явления общества, основанного на эксплуатации и угнетении.

В рассказах „Простак“ (1857) и „Ветреник“ (1858) Крейцвальд высмеивает всякую отсталость и предрассудки, тупую косность и консерватизм, разоблачает мракобесов, бичует раболепствующих перед угнетателями.

В условиях цензуры того времени писатель не мог выступать с прямой критикой общественных отношений в деревне. Его произведения

¹ Кистер — помощник пастора.

носят в большинстве случаев просветительский характер. Таковы рассказы „Землепашец и должностное лицо“, „Михкель Пыллуапп“ и „Новый учитель“, главным действующим лицом последнего является учитель русского языка, отслуживший свой срок старый солдат Иванов; Крейцвальд делает героя глашатаем передовых педагогических взглядов. В рассказе „Сумерки“ (1853) писатель высмеивает представителей возникавшей эстонской сельской буржуазии, их алчность и нелепые суеверия.

Свои первые стихи Крейцвальд написал еще в школе, публиковать поэтические произведения он начал в 40-х годах. Его „Песни виурского певца“¹ (1865) надо считать первым художественно зрелым сборником стихов в эстонской литературе. Крейцвальд утверждает в поэзии социальную тему; в его стихах говорится о рабской доле крестьянства, о страданиях народа, изнывавшего под игом чужеземных захватчиков, воспевается свобода (ода „К вольности“); поэзия его проникнута патристическим боевым духом. В приветствии к пятидесятилетию юбилея Тартуского университета (1852) и в поэме „Война“ (1854), написанной в связи с началом Крымской войны, Крейцвальд особенно подчеркивает историческое значение присоединения Эстонии к России. В его лирике нашло свое выражение богатство и многообразие человеческих чувств и переживаний, ряд стихотворений написан под непосредственным влиянием великих немецких классиков — Шиллера, Гете и Гейне. После смерти Крейцвальда была издана его большая поэма „Лембиту“ (1885), трактующая религиозно-философские проблемы и отображающая антицерковные и антимилиитаристские взгляды писателя.

Выдающимся творческим достижением Крейцвальда и главным трудом его жизни было составление на основе материалов народного творчества эпоса „Калевипоэг“, над которым он работал более десяти лет. Большое значение для развития эстонской литературы имела также его замечательная книга — „Старинные сказки эстонского народа“, первое классическое произведение эстонской прозы. Сказки эти, как и „Калевипоэг“, собранные и записанные Крейцвальдом из уст народа, подверглись мастерской литературной обработке и превратились в законченные художественные произведения. Крейцвальд ценил старинные сказки, как отображение жизни и мировоззрения народа; в образах героев и необычайных фантастических событиях сказок поработенный народ воплощал свои стремления и чаяния, свой гнев и протест против угнетения, свои мечты о переустройстве жизни. Эти черты народной поэзии сохранены в „Старинных сказках“, и потому они могут быть с полным основанием названы народными сказками.

Ценной частью литературного наследия Крейцвальда является его обширная переписка, из которой многое сохранилось до наших дней; наибольший интерес представляют письма Фельману, петербургским академиком (особенно А. Шифнеру), выдающимся демократическим обще-

¹ Ф. Р. Крейцвальд был уроженцем уезда Виру.

ственным деятелям — публицисту К. Р. Якобсону, поэтессе Л. Койдула, художнику И. Кёлеру и другим.

В большинстве писем Крейцвальд высказывает свои суждения по общественным и литературным вопросам; здесь он мог более свободно выражать свои взгляды, нежели в печатных произведениях, проходивших через цензуру. Переписка Крейцвальда имеет огромную ценность для изучения современной ему жизни, общественных течений того времени, истории эстонской национальной культуры.

В 1877 году Крейцвальд оставил должность врача и переехал из Выру в Тарту, где продолжал свою литературную и общественную деятельность. Писатель умер 25 августа 1882 года.

Роль Крейцвальда в развитии эстонской национальной культуры и прогрессивной общественной мысли исключительно велика. Сын крепостного, он стал выдающимся литератором, ученым и мыслителем своего времени. Творчество его, проникнутое гуманизмом и глубоко патристическими чувствами, вошло в золотой фонд эстонской классической литературы.

2

Стремление составителей „Калевипоэга“ исторически осмыслить фольклорный материал, конкретнее и убедительнее выявить присущее народной поэзии свободолобие столкнулось с мрачной действительностью последних лет царствования Николая I и пресловутым „остзейским особым порядком“. Окончательное завершение эпоса совпало с революционной ситуацией в России в 1859—1861 годах и явилось в известной степени ее литературным отражением.

Начало собиранию многочисленных сказаний о Калевипоэге, встречающихся в эстонском устном народном творчестве, было положено Фельманом. Впервые об этом упоминается в его письме Крейцвальду в 1833 году. Именно Фельману принадлежит мысль о создании эпоса, возникшая у него, по всей вероятности, под влиянием выхода в свет в 1835 году первоначального издания карело-финского народного эпоса „Калевала“, тем более, что уже раньше Петерсон указывал на общие мотивы в фольклоре двух родственных народов.

В 1838 году по инициативе Фельмана при Тартуском университете было создано Ученое эстонское общество по исследованию фольклора, языка и исторического прошлого эстонского народа; в члены этого общества вступил и Крейцвальд. В начале 1839 года Фельман на собрании общества прочитал доклад о результатах своей работы над сказаниями о Калевипоэге. Этот сжатый обзор явился первой попыткой объединить различные народные предания, связанные с богатырем Калевипоэгом, в идейно-тематическое целое. С тех пор Фельман постоянно занимался исследованием фольклорных материалов о Калевипоэге. У него возникла даже мысль отказаться от врачебной деятельности и по примеру соста-

вителя „Калевалы“ Э. Лённрота собирать по стране материалы о Калевипоэге. Однако эти планы не были осуществлены из-за преждевременной смерти Фельмана, последовавшей в 1850 году. Работу над составлением „Калевипоэга“ продолжил Крейцвальд.

Опираясь на распространенные в то время теории, составители „Калевипоэга“ считали, что эпос некогда бытовал в народе как нечто целое, а с течением времени распался на фрагменты и частично позабылся. С точки зрения общественных задач такое понимание давало составителям возможность подчеркнуть высокую древнюю культуру народа и его героическое прошлое и нанести этим прямой удар по идеологии феодализма. Крейцвальд видел свою задачу в том, чтобы на основе сохранившихся фрагментов и частей эпоса представить себе величественные контуры некогда единого целого, соединить весь имеющийся у него материал таким образом, чтобы произведение по возможности соответствовало предполагаемому древнему эпосу.

Сейчас, на основе сравнительного исследования, мы знаем, что эта теория о целостных эпосах, бытовавших в прошлом в народе, не имеет под собой почвы. Появление целостных эпосов, начиная с времен античной Греции, всегда было результатом сознательной организации материала, большей или меньшей литературной обработки, подбора, объединения и слияния многочисленных вариантов. И это вполне закономерно, так как при устной передаче ни один, даже самый выдающийся народный певец-импровизатор не смог бы точно запомнить сказания и легенды, достигающие порой объема в десятки тысяч строк. Об эпосе, как о целостном произведении, можно говорить лишь тогда, когда он записан.

Разумеется, работа над составлением эпоса зависит от характера имеющихся материалов. Например, составитель карело-финского эпоса „Калевала“ Лённрот мог использовать руны в их стихотворной форме, повествовавшие об отдельных приключениях героев. Составителю пришлось творчески обработать, объединить разрозненные истории в одно логическое целое, причем Лённрот значительно расширил руны за счет народного песенного материала — лирических песен, заклинаний и т. д. Несравненно более сложная задача стояла перед Крейцвальдом.

Взяв в основу эскиз эпоса, разработанный Фельманом, и использовав его записи, Крейцвальд и сам дополнительно собрал фольклорные материалы. Однако материал, которым он располагал, был недостаточен. Крейцвальд восполнял пробелы песнями и сказаниями, не имеющими непосредственного отношения к преданиям о Калевипоэге, и в некоторых случаях вносил отдельные литературные дополнения, на что он сам и указывал.

Предания о Калевипоэге бытовали в устном народном творчестве большей частью в форме прозаических повествований. Вначале у Крейцвальда было намерение весь материал, касающийся Калевипоэга, оформить в тематический сборник сказаний с вплетенными в них соответствующими

народными песнями и фрагментами. Подготовив материал, Крейцвальд вскоре убедился, что этот труд не удовлетворяет его. Близкое знакомство с песенным богатством псковских эстонцев побудило Крейцвальда отказаться от первоначальной мысли и объединить весь материал в единое целое, обратившись к стихотворной форме эстонской народной песни. В 1853 году был закончен первый вариант „Калевипоэга“, состоявший из двенадцати песен, как задумал еще Фельман.

Однако этот вариант произведения не мог быть опубликован и дошел до наших дней лишь в виде рукописи. Царский цензор в Тарту вычеркнул из рукописи все места, в которых содержался хоть малейший намек на угнетенное положение эстонского народа или на его былую свободу. У Крейцвальда хватило мужества не отступать перед препятствиями. Он решил еще раз переработать „Калевипоэга“: в случае, если эпос не удалось бы опубликовать, для грядущих поколений осталась хотя бы рукопись... Крейцвальд значительно дополнил эпос, обогатив его новыми эпизодами и сказаниями, количество песен в эпосе возросло до двадцати. В конце концов в течение четырех лет (с 1857 по 1861 год) удалось опубликовать „Калевипоэга“ частями в изданиях Ученого эстонского общества; параллельно с оригиналом был опубликован и его немецкий перевод.

Это было „чисто научное издание“ тиражом в 500 экземпляров, призванное служить материалом для языковедов и фольклористов, и поэтому эпос прошел через „узкие ворота“ цензуры, не подвергаясь сокращениям. (Между прочим в награду за свой многолетний труд Крейцвальд получил... всего лишь двадцать пять экземпляров книги).

Но цензура была не единственным врагом эпоса. Идеологи и апологеты прибалтийского дворянства — пасторы — подвергли эпос яростным нападкам, встав в позу „защитников“ народной поэзии, обвиняя Крейцвальда в ее „фальсификации“. На их злонамеренные нападки и намекает Крейцвальд в начале XV песни эпоса.

Нет спасенья песнопевцу
От церковных черных галок,
Ястреба его терзают,
Щиплют жадные вороны,
Заклевать живьем грозятся —
Прежде, чем дитя родится¹,
Выйдет к солнышку навстречу,
На лужочки золотые.

Помощь и поддержку Крейцвальд нашел в Петербурге: академики Шифнер и Видеман помогли писателю довести работу до конца. Они оценивали появление „Калевипоэга“ как важное событие в культурной жизни эстонского народа. В 1859 году Крейцвальд по совету друзей представил вышедшую часть „Калевипоэга“ в Петербургскую академию

¹ Подразумевается опубликование эпоса.

наук на сонскание Демидовской премии. В своей рецензии Шифнер и Видеман отмечали, что Крейцвальд подарил эстонской литературе капитальное национальное произведение, которое во все времена будет для эстонцев тем же, чем для греков была их „Илиада“. Это — „народное произведение, полное прекрасного богатства житейской мудрости эстонцев и осмысленного созерцания всего эстонского мира“, это — „великолепное сооружение, в котором постоянно живет душа эстонца со всеми ее страданиями и радостями, тоской и стремлениями и всегда находит в ней новую усладу и новые утешения“¹. На основе этого отзыва, при поддержке академика И. И. Срезневского, произведению была присуждена премия Академии наук за 1860 год. Это авторитетное признание сыграло большую роль в жизни писателя, вдохновило его на работу по завершению „Калевипоэга“.

Первое, научное, издание „Калевипоэга“ фактически было недоступно народу. Крейцвальду пришлось преодолеть ряд серьезных затруднений, в особенности материального характера, прежде чем удалось выпустить народное издание эпоса в 1862 году. Желая обойти цензуру, Крейцвальд печатал „Калевипоэга“ при содействии академика Шифнера в Финляндии. Третье и последнее при жизни составителя издание „Калевипоэга“ появилось в 1875 году. Крейцвальд вновь просмотрел его и внес небольшие редакционные поправки.

Сказания о Калевипоэге восходят к далекому прошлому народа, в основной своей части, повидимому, к началу текущего тысячелетия, когда предки эстонского народа жили свободно и достигли по тому времени весьма высокой ступени развития. В столкновениях с суровой и скупой природой и воинственными соседями, в труде, на охоте, в морских плаваниях и борьбе с иноземными захватчиками вырабатывались основные качества людей — сила и храбрость. Эти качества воспевались в песнях и преданиях. Конкретные герои и их богатырские дела с течением времени слились в сознании народа в один легендарный образ, наделенный фантастической силой и вообще гиперболическими свойствами. В образе богатыря частично воплощены силы природы, которые при тогдашнем уровне развития человеческого мышления в большинстве случаев олицетворялись в исполинских человекоподобных существах. Многие сказания о Калевипоэге связаны с различными природными образованиями, каковыми являются борозды, вспаханные богатырем, его ложе, следы, оставленные богатырским конем, огромные каменные глыбы, переброшенные героем во время состязаний с другими богатырями или в борьбе со злыми существами — чертями, волками и др.

Сказания о Калевипоэге имеют общие черты с преданиями о богатырях, созданными другими народами, в первую очередь, соседними —

¹ Разбор сочинения г. Крейцвальда, „Kalevipoeg, eine estnische Sage“, составленный академиками А. А. Шифнером и Ф. И. Видеманом, 1860.

русским и карело-финским. В основном это объясняется более или менее равной степенью развития этих народов и сходством общественных, бытовых и природных условий. Несомненно, однако, что существенную роль сыграли здесь и взаимные влияния. Близость языка и народного творчества народов финского племени обусловлена уже этнографически, чем объясняются общие моменты также в эстонском и карело-финском эпосах. С другой стороны, у эстов, до вторжения на их земли западных захватчиков, существовала тесная связь с русскими, а земля восточных эстонских племен непосредственно входила в состав Киевского государства. Это обусловило известную общность в народном творчестве двух народов. Дружба с русскими нашла свое отражение и в сказаниях о Калевипоэге. Помимо использованных в эпосе народных сказов о том, как Калевипоэг покупал доски в Пскове и строил мост на Чудском озере, имеются предания, рассказывающие, как богатырь ходил в Россию на свадьбу, вместе с русскими богатырями участвовал в играх на испытание силы; пахота Калевипоэга схожа с пахотой Микулы Селяниновича и т. д.

На эти сказания и легенды, возникшие в период ранних феодальных отношений, наложили свой отпечаток столетия рабства, полные разрушительных войн и отчаянных восстаний. Часть древних преданий была забыта, возникали новые сказания, например, о том, как Калевипоэг, кидая огромные камни, пытается разрушить поместья и церкви. Встречаются здесь и мотивы, относящиеся к периоду собирания эпоса.

Наравне со сказаниями, непосредственно связанными с Калевипоэгом (или вообще с калевитянами), Крейцвальд широко использовал в эпосе другие бытовавшие в народе предания и сказки о богатырях, искусно вплетая их в сюжет эпоса. Так, например, вошли в эпос эпизод охоты сыновей Калева (III песня), погоня за Тусларом, хождения в подземный мир и т. д. Составитель широко использовал в произведении эпические и лирические народные песни — свадебные, сиротские, трудовые и праздничные, песни-загадки, заклинания и т. д., стремясь сосредоточить в эпосе как можно больше фольклорного материала, всесторонне и широко отобразить в нем жизнь древних эстов.

Кроме того, в „Калевипоэге“ использованы материалы и мотивы литературного происхождения. В эпосе мы встречаем имена Ванемуйне (финский Вайнямёйнен) и Ильмарине, заимствованные на основе свободной аналогии из карело-финской мифологии. Некоторые общие черты имеются и с циклом Куллерво из „Калевалы“, оказавшим влияние на эпизод с девушкой-островитянкой (песнь IV). Религиозные представления народа и государственное устройство в стране в таком виде, как это отражено уже у Фельмана, свидетельствуют об известной доле влияния образцов античных эпосов. Однако все эти мотивы имеют побочное значение и в идейно-художественной структуре произведения не играют существенной роли. „Калевипоэг“ по своей сути является глубоко народным героическим эпосом.

Эпос „Калевипоэг“ пронизан идеей свободы и справедливости; во имя свободы и благосостояния народа и происходит борьба с враждебными силами. Самоотверженное служение родине, непримиримый гнев против чужеземных захватчиков и угнетателей — вот та глубоко народная, патриотическая идея, которой проникнуто произведение. Как и во всех народных эпосах и в фольклоре всех народов, в „Калевипоэге“ проявляется извечная борьба светлых сил добра с темными силами зла.

„Калевипоэг“ не преследует цели лишь прославления прошлого, — нарисованные в произведении картины старины служат в первую очередь целям борьбы за лучшее будущее, что неоднократно подчеркивал в своих статьях сам Крейцвальд. „Пусть наши дети и потомки любят воспоминания о Калевипоэге так же, как любили их наши предки, которые, пребывая на протяжении нескольких столетий в оковах крепостничества, скорбели о счастливой поре короля Калевипоэга и только ждали его возвращения“, — писал составитель эпоса.

В течение долгих столетий рабства угнетатели сознательно пытались скрыть от народа радости и страдания его прошлого. Певец поставил перед собой задачу рассказать о былых временах, когда эстонский народ жил свободно и счастливо, а также показать, как с вторжением в страну захватчиков увяли „цветы былого счастья“ и наступили тяжелые дни мучений, войн, голода и мора.

В долгих битвах за отчизну
С полчищами чужезмцев
Пали волости и земли,
Пали лучшие из лучших,
Пали доблестные мужи...
Но великая их слава,
Богатырские деянья,
Несказанные мученья
Пусть звучат для нас немолчно...

В эпосе отображается борьба народа во главе с Калевипоэгом против немецких и скандинавских захватчиков. После победоносной битвы в Ассамалле (XVII песнь) Калевипоэг обращается к будущим поколениям, говоря, что эта битва должна служить для них примером того, как надо защищать родину и свободу народа. Позднее, в тяжких сражениях против немецких псов-рыцарей — „железных людей“, эстонское войско терпит поражение, и народ теряет свою свободу. Смерть Калевипоэга и то, что его приковывают к скале у ворот ада, является символическим выражением потери свободы. Однако в эпосе звучит надежда на освобождение витязя, то есть народа: заключительные слова эпоса говорят о том, что настанет время, когда Калевипоэг

В дом отцовский возвратится
Счастье созидать потомкам,
Прославлять страну родную.

Эпос в сущности правдиво, но в характерной для народной поэзии индизнаказательно-фантастической форме, отражает исторические судьбы народа, его борьбу и страдания, его неугасимое стремление к свободе и твердую веру в торжество справедливости.

Идея борьбы против рабства и угнетения раскрывается в аллегорически-фантастической форме ярче всего в схватках Калевипоэга с Рогатым, — это одна из центральных и основных линий сюжета. И если в эстонских народных песнях баронская мыза часто сравнивается с адом, то в „Калевипоэге“ логовище Рогатого олицетворяет богатое имение с жестоким рабовладельческим укладом жизни. Здесь принуждают к непосильной работе барщинников и батрачек, подгоняя их железной палкой и медным прутом, а плодами их труда пользуется злобный угнетатель Рогатый, который нажил несметные богатства и почивает на золоте (XIV песнь); победа Калевипоэга над Рогатым после тяжелого поединка предвещает торжество свободлюбивого народа над силами произвола и насилия.

Борьба против Рогатого и других состоящих с ним в союзе злых сил — напряженная и титаническая борьба, ее приходится вести с подлыми и хитрыми врагами. Эти враги особенно опасны, потому что они рассчитывают на внезапный удар в спину, на различные колдовские средства и волшебство. В Калевипоэге, кроме исполинской силы и величия, нет ничего сверхъестественного; весь облик героя, его мышление, поступки — вполне человеческие, по-деловому житейские и реальные. К заклинаниям злых духов и колдунов, к их волшебству он относится с чувством превосходства, говорит о них с иронией и насмешкой, хотя и сам иной раз использует против врагов отнятые у них же волшебные средства. Калевипоэг, наделенный природной силой, разумом и храбростью, противостоит всем заклинаниям и заговорам врагов, и в конце концов никакое волшебство не может спасти от возмездия ни Туслара, ни Рогатого.

В близкой связи с этим находится и антирелигиозная направленность эпоса: ведь уже отрицание одних сторон сверхъестественного приводит логически к отрицанию его вообще. Церковь запугивает народ адом и сатаной, а Калевипоэг разрушает ад, заковывает в цепи Рогатого и не боится бога. Крейцвальд в своих письмах неоднократно называл Калевипоэга „некрещеным язычником“ и неверующим. Победа над Рогатым, вассалом всевышнего, является по существу вызовом богу: кто в силах справиться с чертом, тот может поколебать устои всего небесного царства, ставя под угрозу могущество и авторитет самого бога. Антирелигиозная идея здесь неразрывно связана с идеей освободительной борьбы. Вся деятельность Калевипоэга направлена против угнетателей трудового народа и тем самым также против бога. И небо мстит ему путем подлого

обмана и коварства: безногого героя, прибегнув к его же собственной силе, приковывают к скале... Максим Горький неоднократно сопоставлял героя эстонского эпоса с Прометеем, имея в виду выраженную в этих образах идею богоборчества народных масс¹.

Важное место в идейном содержании эстонского эпоса отведено дружбе и сотрудничеству с русским народом. Рассказывая во „Вступлении“ о страданиях, ставших уделом эстонского народа после вторжения в страну западных захватчиков, певец говорит:

Таково былое эстов
До времен, когда Россия
Под своим крылом могучим
От врагов нас защитила.

Этими строками в эпосе подчеркивается историческое значение присоединения Эстонии к России: эстонскому народу, которому разорительные войны угрожали физическим истреблением, это событие обеспечивало длительный мир и создавало предпосылки для мирного развития страны.

Дружба и сотрудничество с русским народом ярко проявляются и в самом сюжете произведения. Ведя борьбу против варягов и „железных рыцарей“, Калевипоэг поддерживает дружеские отношения с восточными соседями. Таким образом, в эпосе отражается и благотворное влияние русского народа на общественное развитие эстов, на их быт и культуру (вспомним, например, что в 1030 году киевский князь Ярослав Мудрый основал город Тарту). Для того чтобы облегчать общение и укрепить дружеские связи с русскими, Калевипоэг даже делает попытку построить мост через Чудское озеро (XII песнь), но прежде, чем он доводит работу до конца, буря разрушает мост. Несмотря на препятствия,

¹ Вопрос усложняется и в некотором отношении становится противоречивым в связи с тем обстоятельством, что в эпосе речь идет о языческом национальном Олимпе, который в эстонской литературе прошлого столетия был в основном использован именно для борьбы против церковно-феодалной идеологии. Бог Таара (Уку, Дедушка) в „Калевипоэге“ отождествляется с жестоким Иеговой; в нем сохранились черты первоначального представления о боге, как „художественном синтезе трудовых достижений“, „учителе и помощнике людей“ (М. Горький). Уку, например, приходит на помощь мучающейся при родах Линде (II песнь), Таара дает совет Калевипоэгу (IX песнь) и т. д. Но очевидно, что изменения общественных отношений порождают изменения в представлениях о божестве: по мере того как трудовой народ попадает все в горшую кабалу и рабство, бог „уходит“ все выше за облака, и доброжелательный „седой дедушка“ заменяется жестоким небесным тираном. Хотя бог в конце эпоса называется старыми именами, но он действует как враг, как настоящий Иегова; показать же его непосредственно в литературном произведении в отрицательном свете в то время было бы немислимо.

чинимые злыми духами, Калевипоэг неоднократно переправляется через Чудское озеро в Псков, — приобрести доски для постройки городищ, чтобы оградить страну от вторжения иноземных захватчиков¹.

В „Калевипоэге“ выдвигается мысль о значении созидательного труда в жизни народа — в первую очередь в картинах богатырской пахоты и в строительной деятельности героя. Произведение воспитывает веру в силы и разум человека, способного покорить природу, показывает, что его целеустремленный и упорный труд является источником всех благ.

Прославляя мирную жизнь как предпосылку для созидательного труда, эпос наряду с этим показывает тяготы и страдания, которые несут народу войны. В „Калевипоэге“ подчеркивается стремление народа к знаниям, к познанию мира, что дороже серебра и золота. Высоко ценится честность и верность слову, резко осуждается измена и переход в лагерь врагов народа. В эпосе воспеваются храбрость, смелость, сила, упорство, справедливость и готовность помочь в беде; в нем превозносятся все лучшие и возвышенные человеческие качества и встречаются осуждение злорадия, жестокость, коварство и безрассудное легкомыслие.

Калевипоэг при всех его гиперболизированных качествах и способностях, является прежде всего обыкновенным человеком. У него достойные родители; тем самым подчеркнута величие самого героя. Примечательно, что в происхождении старого Калева и Линды гораздо больше проясняется мифическое, сказочное начало. О Калеве, например, рассказывается, как о потомке Таары, он прилетает в Эстонию на спине могучего северного орла, его предпочитает всем другим женихам, даже Месяцу и Солнцу, вышедшая из яйца тетерки девушка Линда. Но именно такими и должны быть родители героя эпоса: из времен далекого сказочного прошлого они встают как символы древней патриархальной жизни и жизненной мощи народа.

Особенно привлекательна в эпосе мать Калевипоэга Линда. Линда — воплощение женского достоинства и чистоты, образец высокой любви и нерушимой верности. Неутешно скорбя по своему супругу, она сооружает на могиле Калева целый каменный холм, из ее слез рождается озеро, а перед ненавистным разбойником и похитителем она превращается в холодный камень..

¹ Заслуживает внимания тот факт, что по эпосу Калевипоэг вместе с Оловом закладывает на могильном холме старого Калева город Таллин (Линданиса), как укрепление против варягов, тогда как немецкие и эстонские буржуазные историки, напротив, приписывали основание Таллина захватчикам (датскому королю Валдемару II в 1219 году). Археологические исследования советских ученых теперь неопровержимо доказали, что на месте Таллина издревле было старинное эстонское городище. Впервые это было отмечено еще в 1154 году арабским географом Ал-Идриси, называвшим городище Колывань; позднее это название встречалось и в русских летописях. Можно предположить, что название Колывань происходит от имени Калева (*Kalevalinn* — город Калева).

Сам Калевипоэг встает перед нами как подлинный крестьянский богатырь, несмотря на то, что он именуется в эпосе королем;¹ это служит как бы эпитетом могущества героя и употребляется наравне с наименованием старейшины. Его детские игры ничем не отличаются от игр крестьянских детей, королем же он становится, выигрывая состязание в метании камня; первой его королевской работой является пахота. Позже он приносит на себе доски и камни для строительства и усталый бросается на землю отдохнуть, ест салаку с хлебом и запивает квасом; по народному обычаю он состязается на дубинке с водяным духом („кто кого перетянет“) и борется с Рогатым. Во всем этом нет ничего, что говорило бы о его принадлежности к высшему сословию и вообще о существовании аристократического сословия в обществе древних эстов; все в богатыре подчеркнуто-просто и даже по-мужицки неотесанно. Калевипоэг не какой-то властитель-угнетатель, а, как подчеркивалось уже в первом наброске эпоса у Фельмана, „один из нас“, кто „работал и страдал вместе с нами...“ В его образе воплощены черты простого труженика, справедливого народного вожака, храброго воина и смелого мореплавателя. Калевипоэг не ищет никаких личных благ, тихого счастья или благополучия, он чрезвычайно нетребователен. Не жажда славы или власти, а внутреннее чувство долга заставляет Калевипоэга всегда быть впереди и в труде и в сражениях.

Любовь и преданность своей родине — самые святыне чувства для богатыря, с презрением отвергающего предательские предложения врагов. В эпосе подчеркивается, что не только в огромной силе, но прежде всего в преданности родине, в служении интересам народа подлинное величие витязя; именно с этим непосредственно связана мысль о непобедимости и бессмертии героя, выраженная наиболее ярко в надежде на возвращение Калевипоэга.

Образ Калевипоэга глубоко человечен. Герой испытывает большую радость и счастье, когда выходит победителем в битве и в труде, зная, что этим обеспечивает родине и народу счастливую и мирную жизнь. Он искренне предан матери, крепкая дружба связывает его с соратниками по труду и борьбе — с мудрым строителем Олевом, с храбрым Сулевым и хитрецом Алевым. Калевипоэг благороден, великодушен, всегда готов прийти на помощь, горе любого слабого и беззащитного вызывает в нем сочувствие, желание помочь. И в то же время богатырь не лишен человеческих слабостей и недостатков; иногда он действует необдуманно, в состоянии возбуждения. В порыве легкомыслия он губит девушку-островитянку, в хмельном бреду убивает сына кузнеца; эти поступки преследуют его всю жизнь, как проклятие, и являются этической мотивировкой отщепенца мечом.

Калевипоэг наделен не только силой, — он высоко ценит и знания и ум; богатырь совершает опасное и трудное путешествие по морю, чтобы

¹ Первоначальное, дофеодалное значение этого слова — старейшина, предводитель племени.

увидеть, где небо сходится с землей, и убеждается в том, что мир беспределен (XVI песнь). В эпосе ярко показаны высокие духовные качества героя, его способность правильно оценивать положение и обстановку и действовать в соответствии с этим. Калевипоэг остроумен и находчив; где надо, умеет проявить хитрость, к месту пошутить. Он превосходный певец и умеет в художественной форме выражать свои чувства и переживания, будь то радость или горе. Ему не чужды печаль, сомнения и тоска, — не идеальная схема героя, а живой человек со своими сильными и слабыми сторонами предстает перед читателем.

Художественное построение произведения служит целям всестороннего показа характера героя, отображения его жизненного пути, поступков и борьбы. Эпос „Калевипоэг“ композиционно сконцентрирован и по сравнению с большинством других крупных эпических произведений отличается четкостью развития сюжета. Только как исключение побочный эпизод вырастает в эпосе в самостоятельную поэму-балладу, например, красочная история об огромном дубе (песни IV — VI); отклоняется от основного сюжета и песенка сироты в конце XII песни, но она имеет в эпосе большое значение, подчеркивая его демократическую сущность.

„Калевипоэг“ начинается характерным для эпоса „Вступлением“, в котором заложена основная мысль и идея произведения. Отдельные песни, являющиеся в большинстве композиционно законченным целым, также начинаются с запевов. В них певец через личные раздумья, предсказания или обращения, создает определенное настроение, подготавливает читателя к событиям, о которых повествуется в песне (сравним, например, жизнерадостный и оптимистический запев в VIII песне с трагическим, мрачным вступлением к XX песне). Окончания песен, как это присуще эстонской народной поэзии вообще, — довольно обрывистые, так же как и переходы внутри песен от одного события к другому. Описания природы обычно сжаты, но яркие и при этом тесно связаны с сюжетом. В песнях используются композиционные контрасты (например, похищение Линды и веселые напевы сыновей на охоте в III песне), нарочитая отрывочность (например, в IX и XV песнях) и т. д.

Эпосу, с его своеобразным героическим миром, своеобразными образами и событиями, присуща и особая поэтика. Спокойный и торжественный тон эпоса соответствует героике его содержания, величая неторопливость и плавность повествования — мощи героя, величие совершаемых им подвигов. Эта монументальность эпического стиля в „Калевипоэге“ достигнута благодаря использованию в нем в известной степени определенных и в большинстве случаев неразрывно связанных друг с другом поэтических приемов (различных повторов, перечислений и т. д.). Широкое и подробное эпическое повествование отражает все новые характерные стороны, черты и детали явлений, создает новые дополнения и поэтические образы; красочные картины, символы и гиперболы сменяют друг друга. Вместе с тем в художественное полотно произведения вплетены

лирические, юмористические и сатирические элементы народной песни, что умножает богатство выразительных средств.

Для „Калевипоэга“, как и для других древних эпосов, характерна гиперболизация жизненных явлений, фантастика, аллегория и символика. С одной стороны, это почерпнуто из народной поэзии, с другой же — сам составитель эпоса, учитывая внешние препятствия, вынужден был раскрывать в аллегорической сказочной форме острые идеи борьбы. Поэтическое существо эпоса в том и состоит, что в нем изображаются дела, которые не по плечу обыкновенному человеку: только богатырь в борьбе с фантастическими существами и может проявить свою силу и способности. Как и сказка, эпос не рождает сомнений в том, что возможно и что невозможно; в его представлениях и образах имеется своя внутренняя логика. Все по-своему обосновано и мотивировано, подготовлено особой сказочной атмосферой былинного мира; в последовательности и правдоподобии этих обстоятельств художественная убедительность образов и событий.

Как уже отмечалось, „Калевипоэг“ полностью выдержан Крейцвальдом в форме эстонской старинной народной песни. Это позволило наиболее ярко раскрыть содержание образов и событий в эпосе, отразить своеобразие эпохи. Стих эстонской старинной народной песни состоит обычно из четырех хореических стоп, причем для стихотворного ритма существенны как ударения, так и специфические для эстонского языка соотношения длительности гласных. В переводе это ритмическое чередование, так же как и своеобразие фонетики и морфологии языка старинных эстонских песен, передать почти невозможно; непереводаема полностью и вся система звуковых образов эстонской народной песни — аллитерация и ассонанс, начальная рифма. Широко используется в эпосе параллелизм — своеобразный художественный прием народной песни, заключающийся в том, что мысль, выраженная в одном стихе, повторяется в следующем или в следующих другими словами и образами. Параллельные стихи помогают развить и уточнить мысль, углубить настроение, придать новые эмоциональные окраски. Сопоставляя отдельные, схожие по содержанию конкретные картины, параллелизм приводит к известному обобщению.

Благодаря образности и конкретности, свойственным народной песне, умелому использованию сложившихся в ней в течение столетий и отшлифованных до совершенства стилистических и художественных приемов поэтики, меткости сравнений и обилию пословиц и поговорок „Калевипоэг“ — глубоко народное и по своей форме ярко национальное произведение. Его словарное богатство непосредственно выражает богатство содержания эпоса, который охватывает разнообразнейшие проявления жизни народа. Живо, конкретно и красочно, как бы через особую линзскую призму, в произведении отражается многообразие древней эстонской народной культуры.

„Калевипоэга“ — произведение творческого духа эстонского народа, выражение его характера, исторической судьбы и многовековой борьбы, поэтическое обобщение народных традиций, стремлений и чаяний. Это национальное творение, зовущее к свободе, к созидательному труду, пробуждающее творческие силы народа.

Особая роль „Калевипоэга“ в общественной и литературной жизни, в развитии демократической культуры народа подчеркивается той острой борьбой вокруг эпоса, которая началась еще в период его составления. Почти на протяжении целого столетия „Калевипоэга“ была ареной столкновений противоположных общественно-литературных направлений и течений, являясь мощным оружием в руках демократических сил.

Во второй половине прошлого столетия, в период национального движения, направленного против крепостничества, стан врагов эпоса возглавляют идеологи реакционного помещичьего класса — прибалтийские пасторы Каллмейер, Шюдлэффель, Аренс и другие. Они стремились уничтожить труд Крейцвальда, утверждая, будто эпос „Калевипоэга“ не народное произведение, а мистификация, тенденциозная выдумка. Особую ненависть врагов вызывали намеки на острые социальные проблемы и отражение народной борьбы против иноземных захватчиков и различных угнетателей. Наряду с немецкими пасторами выступал против „Калевипоэга“ и представитель консервативно-клерикального направления реакционный эстонский журналист и литератор Яннсен.

Представители же демократического направления в национальном движении, напротив, с большим воодушевлением встретили появление эпоса. Они подчеркивали его идейно-художественные достоинства и социальное значение.

Молодой К. Р. Якобсон, выдающийся общественный деятель-демократ, особо отмечал боевое значение „Калевипоэга“. В своих школьных хрестоматиях Якобсон публиковал отрывки из наиболее насыщенных актуальным содержанием глав эпоса. Часто он пользовался цитатами из „Калевипоэга“ в статьях и передовых, которые печатал в издаваемой им демократической газете „Сакала“.

Пламенными почитателями „Калевипоэга“ были поэтесса и основоположница эстонского театра и драматургии Лидия Койдула, крестьянский поэт Адо Рейнвальд, поэт и выдающийся языковед-фольклорист Михкель Веске, драматург и критик Юхан Кундер, автор исторических повестей Эдуард Борнихэз и другие. Эпос высоко ценили выдающийся художник Иохан Кёлер, композитор Кунилейд-Себельман, скульптор Аугуст Вейценберг; идеи, заложенные в „Калевипоэге“, оказали значительное

влияние на их творчество (Вейценберг создал, например, по мотивам эпоса ряд скульптурных произведений)¹.

Передовые народные учителя воспитывали у своих учеников любовь к „Калевипоэгу“, желание изучать это произведение. Велико было влияние „Калевипоэга“ на дальнейшее собирание и изучение материалов народного творчества, а также других этнографических памятников. Результатами этой деятельности эстонцы вправе гордиться: рукописное собрание фольклорных материалов, хранящихся в Литературном музее имени Крейцвальда при Академии наук Эстонской ССР, достигло семисот пятидесяти тысяч страниц; оно несомненно принадлежит к числу самых больших и полных собраний фольклора в мире.

С конца прошлого столетия главными врагами „Калевипоэга“ стали реакционеры — идеологи буржуазного национализма. Они стремились извратить и подтасовать идеи эпоса. Пасторы пытались так истолковать эти идеи, чтобы они могли служить целям лицемерной церковной морали, буржуазные политики старались использовать популярность „Калевипоэга“ для демагогической пропаганды „национального единства“. Но это не удавалось им в силу ясно выраженного демократического содержания эпоса. Тогда в „Калевипоэге“ начали выискивать различные „ошибки“, „недостатки“ и заговорили о необходимости „исправления“ и переделки эпоса. С рядом нигилистических статей о „Калевипоэге“ выступили декаденты из литературного кружка „Ноор-Эсти“ („Молодая Эстония“), преклонявшиеся перед улагодническими веяниями западноевропейской буржуазной культуры. Они пытались объявить эпос эстонского народа несуществующим и призывали „забыть все явление“. Особенно сильное влияние это направление имело в годы буржуазной диктатуры (1920—1940), когда даже в учебниках литературы пытались внушить молодежи презрительное отношение к эпосу. В этом преследовании всего наследия демократической культуры выражались космополитизм и враждебное отношение правящей буржуазной клики к подлинной народной культуре. Нападки на боевое демократическое содержание „Калевипоэга“ были частью общей атаки реакции на освободительное движение трудового народа.

Совсем по-иному относились к национальному культурному наследию широкие массы эстонских трудящихся, боровшиеся против самодержавия и капиталистического гнета. Они видели в „Калевипоэге“ поэтический призыв к осуществлению своих чаяний и стремлений. Высоко ценили эпос выдающиеся революционеры-ленинцы — Виктор Кингиссепп, Ян Креукс и другие. Пролетарский писатель Юхан Лиilienбах в своих революционных изданиях использовал отрывки из эпоса как непосред-

¹ Следует отметить, что литературное влияние „Калевипоэга“ уже в прошлом столетии простиралось за пределы Эстонии. В 1875 году в Германии появилась, например, написанная под влиянием „Калевипоэга“ и непосредственно на его материале поэма Юлиуса Гроссе „Приключения Кадева“.

ственные призывы к борьбе. Образ Калевипоэга в его стихах помогает понять, что путь к своему освобождению народ прокладывает только собственными силами.

Восстановление советской власти в Эстонии спасло демократическое культурное наследие от попыток буржуазных пособников извратить, подтасовать и замолчать эпос и поставило его на подобающее место в классической литературе. Литературное наследие Крейцвальда, в том числе и „Калевипоэг“, пользуется в советской Эстонии поистине всенародным уважением и любовью. Большие успехи сделаны в области исследования и марксистско-ленинской оценки взглядов, общественной деятельности Крейцвальда и его творческого наследия.

Значительные результаты достигнуты в издании произведений Крейцвальда. В буржуазное время произведения Крейцвальда печатались редко и случайно, обычно в извращенном виде. Характерно, что лишь в советской Эстонии, к 150-летию со дня рождения Крейцвальда, было осуществлено издание собрания сочинений писателя. Начата также публикация хранящейся в архивах музея переписки Крейцвальда, которая составит шесть томов. На русском языке изданы „Старинные эстонские народные сказки“ и сборник избранных писем Крейцвальда¹. Создан документальный фильм, рассказывающий о жизни и деятельности писателя, на эстонском и русском языках издан альбом с фотографиями и документами, знакомящий с жизнью, творчеством Ф. Р. Крейцвальда и современной ему эпохой².

Эпос эстонского народа „Калевипоэг“ нашел у советских людей достойное признание. В послевоенное время „Калевипоэг“ издавался на эстонском языке трижды, причем тираж каждого современного издания в отдельности превышает общее количество экземпляров всех прежних изданий. Можно сказать, что эпос теперь нашел путь в каждый дом как в городе, так и в деревне. Это один из ярких признаков бурного культурного развития эстонского народа. Неисчерпаемым источником стал „Калевипоэг“ для многих областей искусства. Композитор Эуген Капп написал музыку к балету „Калевипоэг“, в основу которого положен сюжет эпоса; этот первый эстонский советский балет имел особое значение для развития национального хореографического искусства. По мотивам „Калевипоэга“ эстонские композиторы создали кантаты и симфонические произведения; написано много песен на тексты эпоса. Часто сюжеты его используются в изобразительном искусстве, большую работу проделали художники по иллюстрированию изданий „Калевипоэга“.

Начиная с прошлого столетия „Калевипоэг“ служит важнейшим источником ознакомления с эстонской национальной культурой. Уже

¹ „Старинные эстонские народные сказки“, Собрал и обработал Фридрих Рейнгольд Крейцвальд, Эстгосиздат, Таллин, 1953; Ф. Р. Крейцвальд, Избранные письма, Эстгосиздат, Таллин, 1953.

² Ф. Р. Крейцвальд в портретах и иллюстрациях, Эстгосиздат, Таллин, 1953.

первое издание произведения привлекло к себе широкое внимание, вызвало множество статей в газетах и журналах. Затем последовали переводы эпоса на многие языки. В 1876 году был опубликован первый русский пересказ „Калевипоэга“ (в рижском журнале „Прибалтийский сборник“, I). В конце прошлого столетия вышло два русских стихотворных перевода эпоса — Ю. Трусмана („Калевич“, Ревель I—1886, II—1887) и — неполный — Н. Алексеева („Сын Калева“, „Ревельские известия“, 1893, 1894, 1897). Перевод „Калевипоэга“ на немецком языке опубликовал в 1900 году Ф. Лева (известен как переводчик поэзии Пушкина). Позднее частичные переводы или прозаические переложения появились на венгерском, латышском, французском, английском, итальянском, финском, шведском, украинском и других языках.

Новый русский перевод „Калевипоэга“ вышел в двух изданиях — в Москве в 1949 и в Таллине в 1950 годах. Благодаря ему эстонский народный эпос нашел путь ко всем братским народам нашей социалистической родины. В настоящее издание перевода „Калевипоэга“ внесен целый ряд уточнений, причем эстонским оригиналом перевода послужило издание эпоса, выпущенное Эстгосиздатом в 1953 году к 150-летию юбилею Крейцвальда.

В могучей семье свободных советских народов свершилась многовековая мечта эстонского народа о возвращении Калевипоэга, о новых счастливых временах.

Борясь против капиталистического гнета, против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, эстонские трудящиеся находили поддержку в образе богатыря Калевипоэга. „... советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса“, — говорил М. И. Калинин¹.

Калевипоэг в наши дни — это народ, освободившийся от угнетения и произвола, занятый грандиозным творческим трудом. Исполнинская сила советских людей, их воля заставляют отступать болота и топи, на месте каменистых и бесплодных земель возникают новые массивы полей; реки меняют свое русло и вся страна — свой облик. Освобожденный народ строит и созидает, непреклонно шагая по бороздам новой жизни, но держа наготове и свой славный меч,

Чтоб не ведал мирный пахарь
Злой военной непогоды,
Облаков вражды кровавой.

Эстонский эпос „Калевипоэг“, как и эпосы других народов нашей страны, стал теперь достоянием всех советских людей. Народные эпические произведения, в которых нашла отражение борьба народных масс за свое счастье в далеком прошлом, актуальны и сегодня. Они учат нас

¹ М. И. Калинин, Статьи и речи о коммунистическом воспитании, Учпедгиз, М. 1951, стр. 113.

любить созидательный мирный труд, дороже всего ценить свободу, они призывают быть готовым к защите своей родины с тем непоколебимым мужеством, о котором после победоносного боя с иноземными захватчиками говорил Калевипоэг, обращаясь к своим воинам:

Будьте тверды, словно скалы,
Словно стены из железа!
Будьте в битве словно башни,
Выкованные из стали!
Стойте, словно лес дубовый,
Как утесы над прибоем!
Неустанно щит свободы
На руке своей держите!

ЭНДЕЛЬ НИРК

*З*А*П*Е*В*

ай мне каннеле, Ванемуïne!*

Песнь в уме моем созрела.
О старинных поколениях
Повесть дать хочу я миру.

Громче вы, голоса живые,
Пойте в недрах сокровенных,
В золотых глубинах сердца
О деяньях незабвенных!

Выйди из волн прозрачных Эндлы*,
Дочь седого песнопевца,
Заплетающая косы
Перед зеркалом озерным.

Поднимайтесь дружно, тени древних
Витязей и чародеев,
Оживайте, вереницы
Калевитян величавых!*

* Звездочкой отмечены имена собственные и понятия, объясненные в примечаниях.

Полетим мы в страну полудня,
Повернем оттоль на север*,
Где побеги их, как вереск,
Где их отпрыск на чужбине.

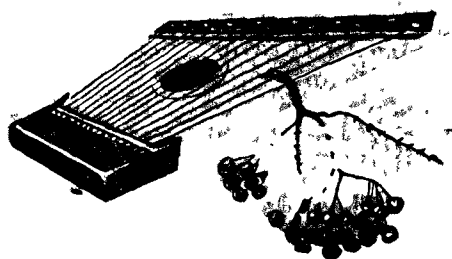
Все, что взял я на отчем поле,
Что собрал с чужой полоски,
Все, что принес мне буйный ветер,
Прикатали волны моря,

Все, что берег в себе я долго,
В глубине души лелеял,
На орлиных гордых скалах
Укрывал крылом от бури, —

Все звенеть я заставил в песне
Для чужих людей далеких.
А весны моей любимцы
Беспробудно спят в могиле*.

И мои соловьиные трели,⁷
Кукования печали,
Зовы жаждущего духа
Не дойдут до слуха мертвых.

Буду я грустно и одиноко
Плакать звонкою кукушкой,
Буду на лугу широком
Петь, покуда не погибну.

ВСТУПЛЕНИЕ

азвернитесь, зазвоните,
Древних лет воспоминанья,
О могучем славном роде
Калевитян незабвенных!
От курганов безыменных,
От болот глухих, туманных,
От весенних зорь багряных,
Словно вереск, вырастайте,
От озер ночных вставайте,
Где героев древних тени
В глубине времен таятся,
Прячутся под кровом праха,
Под полою Уку дремлют*,
Спят в объятиях Марии...*

Солнце их не озаряет,
Не поет им днем весенним
Златоклювая кукушка,
Птиц обманщица гнездовых.
Месяц брезжит сквозь деревья,
Очи звезд с ночного неба

Тускло светят стражу тѣней,
Души калевитян древних
Облачают в платье мира,
Тканью вечного покоя
Покрывают стан умерших,
Обиталище ушедших.

Налетит со взморья ветер,
По лесу подымет шелест,
Донесет он шум прибоя,
Будто вести дорогие,
О делах давно минувших
Смутные воспоминанья,
Что зарей на тучках брезжат,
На листве росой мерцают,
В голубом тумане тонут,
Мглою стелются прозрачной,
Там, где призрачные духи,
В час вечерний пробуждаясь,
Собираются гурьбою,
Как цветов благоуханье,
Кроются в ночной прохладе,
Ткут узор воспоминаний,
Шепчут сказку золотую.

Пляской их любуйся, братец!
На игру смотри, сестричка!
Упроси певца, дружок,
Умоли разговориться,
Чтоб они не улетели
Сновидением крылатым!
Чтоб зарей блеснув туманной,
Невозвратно не погасли,
Чтобы жаворонка трелью,
Сладкой песней соловьиной,
Кукованием весенним
В тихой чаще не умолкли, —
Не умчали ночь и счастье!

Быстро наши дни проходят,
Час за часом, неуклонно,
Торопясь к холмам могильным,
В лес безмолвья и покоя,
На постель листвы опавшей.
У покойника нет дома,
Нет у путника покоя,
Прах его — наследство миру!
Ветер, словно на свирели,

На ветвях деревьев играет,
Заставляет петь вершины,
Завывает меж стволами,
Шелестит в сосновой чаше.
Иль повергнет в трепет листья,
Повелит дрожать березке,
Повелит трястись осине —
Трепетать, как перед вором.
Как разбойника, бояться.
Или нежно вдруг повеет,
Струны трав перебирая,
Чтоб в цветах жужжали пчелы,
Чтоб толклись на солнце мошки,
Комары в траве пищали,
Черные жуки гудели,
Мирно мотыльки порхали.

Слух певца во всем услышит
Звуки радости и плача,
Звуки счастья и печали,
Звуки скорби и веселья,
Сокровенных дум напевы,
Темной древности загадки,
Тайных слов узлосплетенья.

Словно двойня, — брат с сестрою,
Ходят радость и забота,
Ходят рядом в этом мире,
Ходят по следам друг друга
Породил один отец их,
Матушка одна вскормила,
Вместе в зыбке колыхала.

Пламя красное заката
Горы облак окаймляет,
Красит золотом и кровью,
Алым шелком вышивает...
Слышишь, сын, как в темной туче
Быль таинственная дышит,
Перекатываясь громом,
Синей молнией пылая,
Грохоча жемчужным градом,
Шелестя сетями снега?
Снег косматый дремлет в туче,
До поры гроза таится...
Слезы прячутся в зеницах,
Слез роса блестит на веждах.
Отблеск радости мгновенной,

Холод горести вечерний
Наши слезы порождает,
Наши слезы утоляет.
Радостью ли дышит сердце,
Грусть ли грудь переполняет,
Горячо прорвутся слезы,
Из очей роса польется
От сердечного порыва,
От душевного смятенья.
Чародей правдивых сказов,
Мудрый ткач былин узорных,
Безупречный созидатель,
Песнопенье начиная,
Горсть берет в стране мечтаний,
Горсть другую — в доме правды,
Третью горсть — в деревне слухов;
Горсть большую в долг берет он
Из ларей усадьбы мысли,
Чтобы речь текла красиво,
Истинно лилась, разумно,
Чистым золотом струилась.
Так творит певец умелый,
Сказов ткач, творец искусный,
Труженик за станом слова.

Стоны ночью я услышал,
Стоны Мардуса лесного *,
Плачущего в темной чаще,
Причитающего громко.
Кто же Мардуса обидел,
Кто его рыдать заставил?
Что кричит он так истошно?
Что так воет он и стонет?
Он над гибелью рыдает,
Над родною кровью плачет,
Над слезами мук народных,
Над терзаниями неволи,
Над безвременной кончиной
Тех, что в небе, словно горы
Облаков, окаменели
И кровавою каймою
На закате отпылали...

Бедствий стелются покровы,
Кроют черною завесой,
Заслоняют темной тучей
Путь певца в долинах жизни.

Тени в облаке тумана
Над вечернею росой
Тихим шагом выступают:
Тешиться игрой кровавой,
Пляской топоров тяжелых,
Блеском стали под луною.
Слышен гул войны в долинах,
Рдеет зарево пожаров,
А вослед плетутся голод,
Смерть, чума и мор свирепый *.
Вести черные несутся
С громким воем и стенаньем...
Снова льются кровь и слезы,
Слышны вопли, скрежет пыток...

В долгих битвах за отчизну
С полчищами чужеземцев
Пали волости и земли,
Пали лучшие из лучших,
Пали доблестные мужи...
Наши нивы запустели,
Наши юноши и мужи
Незарыты опочили, —
Но великая их слава,
Богатырские деянья,
Несказанные мученья
Пусть звучат для нас немолчно,
Светят пусть неугасимо
В дорогих воспоминаньях!

В небесах, в жилище Таары *,
За беседою разумной
Мужи сильные сидели,
Победители гостили,
Перед очагом толкуя
О седых веках минувших.
Богатырь Калевипоэг
Князем восседал меж ними.
Подперев щеку рукою,
Он в глубокой думе слушал
Песни старых песнопевцев,
Перекааты, перезвоны
Каннеле золотострунной,
Восхвалеңья песнотворцев
Всем его делам великим,
Подвигам его бывалым,
Чудесам, что совершил он

В пору жизни, в мире смертных.
Все, что он в былые годы
На земле успел исполнить,
По утерянным тропинкам,
По следам едва заметным
Собранное терпеливо,
Сбереженное любовно,
Снова ярко оживало
На устах певца седого
В золотой заветной были...

Подбирать слова я стану,
Прясть серебряную нитку
Да сучить златую пряжу,
На пол медные пуская
В звонкий танец веретена!
Ткать сказание начну я,
Вытку облики бывшего,
Чтоб глядели, как живые!

Посмотри: в лесу глубоком,
За кустарником дремучим,
Под печальною ольхою,
Под плакучею березой
Семь холмов стоят могильных,
Семь курганов позабытых,
Семь могильников замшелых.
Ни присмотра нет за ними,
И ни дружеской заботы,
Нет у них ночного стража,
Нет ни родственной охраны.
Первый — холм беды, напасти,
Холм другой — могила рабства,
Третий — холм грозы военной,
Под холмом четвертым — голод,
Пятый — холм народных бедствий,
Лютый мор в шестой могиле,
А в седьмой — чумы зараза.

Таково былое эстов
До времен, когда Россия
Под своим крылом могучим
От врагов нас защитила!
Если выпадет удача
И тебе, сынок, случится
По призыву Мårdусову
К тем замшелым древним ломам,
К тем семи холмам пробраться, —

Посади там, сын, кусточек,
Матери, отцу на радость,
Посади цветочек счастья
Для сестры — шиповник алый,
Вишню белую — для брата
И черемуху — для друга!
Посади умно, с любовью,
Саженцы их молодые,
Разрыхли сырую землю,
Корни закопай поглубже,
Чтобы принялась посадка,
Чтоб росли они, тянулись,
Чтобы в пору расцветали
Спящим предкам на утеху,
Дедам дремлющим на радость,
Внукам будущим на память!..
Как-то раз, — когда был молод
И ходил я со свирелью
По лугам за нашим стадом,
В городки играл и в бабки
Да качался на качелях, —
Помню, как тогда уснул я
Пред костром пастушьим нашим,
Под кустом росистой ивы,
В теплой дымке летней ночи
Возле Яни-городища *,
И такое я увидел
Сновиденье золотое:
У ворот души дремотной,
Пред закрытыми глазами
Появились в озаренье
Мужи мудрые, седые —
Гусляры и песнопевцы...
Вышли из холмов могильных
К праздничным кострам полночным
Толпы молодых красавиц,
Прсмеяться, покружиться,
Поплясать в лугах туманных...
В легком плавном хороводе,
Будто рея над землею,
Робким шагом, с тихим смехом
Приближались, улыбались,
Знаками меня манили
И, казалось, говорили:
„Усыпи нас! Убаюкай!..“ *

О забытые! Усните!
Отдыхайте безмятежно,
Золотой дремлите дремой,
До поры, как в день заветный,
Под лучом зари рассветной
Снова к жизни вас разбудят
В тереме высоком Таары!

Парни, мужи молодые —
Виру, Ярвамаа отростки,
Сестры Харью, дочери Ляне,
Лучшие невесты Пярну *,
Вы к речам моим склонитесь,
Песне, милые, внимлите
О делах времен старинных,
О святых тенях героев,
О былой красе и счастье,
О печалях стародавних!
Золотою древней речью,
Складом прадедовых былей
Воспою я и прославлю
Мужей Калевов деянья,
Мужей Алевов сраженья *,
Мужей Олевов походы *,
Мужей Сулевов творенья *.
Все, что я сорвал с рябины,
Наломал с черемух белых,
Что поведал мне дуб Таары
Старым словом узловатым,
Сквозь века проросшим в сказах,
Что нашел я в косах Юты *,
В кушаке у Ванемуйне,
Что в душе всю жизнь лелеял, —
Это все я бережливо
Впрял в золотую нитку слова
И соткал полотна песен
В память Калеева сына!

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

*Прибытие Калева. Сальме и Линда.
Свадьба.*

Н

ачинай, певец речистый,
Подгоняй кораблик песни,
Лодочку повествованья
К берегу тому крутому,
Где орел — слова златые,
Где серебряные — ворон,
Лебедь — медные известья
Обронили, разметали
О веках давно минувших!
Птицы умные, скажите,
Волны моря, прошумите,
Ветры, вести принесите,
Где та колыбель отважных,
Витязей гнездо на скалах?
Запевай, сказитель вещей,
Золотым звенящим словом!
Что, певец, не запеваешь?
Что, родной, нам не вещаешь?
Что я, люди, прокукую —
Безутешная кукушка?

В поле молодость увяла,
На ветвях берез плакучих,
В ельнике заоченела.

Прежде — в пору ликованья —
Как поутру начинал я,
На заре звеня свирелью,
Ткал полотна золотые,
Ткань серебряную песни, —
Диво-дивное я видел,
Вести тайные слышал.

Мать ветров крылом взмахнула*,
Бурей по лесу дохнула, —
Дубы, сосны вековые
Затрещали, закачались;
Волны на море широком
Заходили, заиграли;
Взгромозились, сбились тучи
В грозовой клубок гремющий
На просторе вольном Пикне*.

Со скалы веселья утром
В даль туманную глядел я,
В глубину седых преданий,
На зарю времен минувших.

Вы быстрее бегите, реки!
Подымайтесь, станьте кругом,
Вы свидетели былого —
Рощи, древние курганы!

Песнь растет необозримой,
Белооблачной волною...

Вот уж видимы хоромы,
Славный калевитян город:
Скалами подперты стены,
Опоясаны валами;
Двор просторный утопает
В белой кипени черемух.

Слышу дальний шум прибоя,
Рушащегося на скалы,
Не разбитые волнами,
Не размытые дождями,
Выстоявшие под ветром...

Так распашем пашню слова
По следам старинных сказов
Мудрых, сильных поколений!

Пращуры далеких дедов
Встарь встречали в Калевале

Мужей складки богатырской,
Что во многих селах жили,
На дворах росли окрестных,
Словно дубы в роще Таары —
Что от лона смертных женщин
Народились в этом мире.

Корня древнего побеги,
Мужи мудрого совета,
Исполнители велений
Праотца живущих — Таары —
Из усадеб отдаленных
Брали жен себе по нраву,
И от них ведет начало
Род великий, богатырский,
Калевитян знаменитых,
Мужей, как дубы, могучих.

Двор стоял о край полночи,
Дом высокий на утесах,
На опушке рощи Таары:
Полдвора — в лесу укрыто,
Полдвора в открытом поле.

В том доме росли три сына,
Три куста дубравы Таары.
Первый сын на Русь уехал,
В Турьямаа другой умчался*,
Третий сел на крылья бури —
На спину орла морского... *

Первый сын, что в Русь уехал,
Стал торговым знатным мужем,
Стал купцом, богатым гостем.
Тот, что в Турьямаа умчался,
Вырос воином отважным,
Витязем с мечом в деснице.
Третий за море унесся
На спине орла морского,
И летал он долго-долго
На крыле орла морского;
С ночи на полдень он правил,
Часть пути летел к востоку,
Пролетел от моря финнов
Через Западное море,
Прошумел над морем Виру,
Наконец, по знаку счастья,
По небесному велению,

На скалистый берег Виру
Опустил орел героя.

Муж, сойдя на нашу землю,
Основал свою державу;
Новь привольную расчистил
И построил дом красивый.
Он могучею рукою
Волостью широкой правил.

Нет о нем других известий,
Не оставил Калев следа
На некошенных муравах,
На лугах зеленотравых, —
Но о том, как древний Калев
Ездил сватать молодую,
На границах Пскова ходят
Сокровенные сказанья.
Прозвением о том мы в песне,
Золотым объявим словом.

В землях Ляне одиноко
Старая жила вдовица,
Словно терем неподпертый,
Крышей доброй не покрытый.
Как-то утром в день погожий
Погнала она скотину.
Что ж нашла она на стежке,
Что на выгоне коровьем
Под качелями сыскала?
Курочку нашла рябую,
Курочку нашла на стежке,
На лугу яйцо тетерки
И живого вороненка.
Курочку взяла подмышку,
Подняла яйцо тетерки,
Чтобы вывести цыпленка,
Вырастить взамен ребенка,
Чтоб печаль свою утешить,
Чтоб тоску свою развеять.
Вороненка ж завернула
В свой подобранный передник...
Отнесла домой находку,
В потаенном месте скрыла,
В темном каменном амбаре.
Принесла корзину с шерстью,
Сделала гнездо в корзине,

В то гнездо яйцо тетерки
Положила, посадила
Сверху курочку рябую.
Полотном гнездо накрыла
И поставила корзину
Близ ларя с пшеничным хлебом.
Вороненка же швырнула
За сундук, в кошачий угол.

Курочка росла под крышкой,
А под ней — яйцо тетерки,
И росло оно и пухло
Месяц, и второй, и третий.
Наступил четвертый месяц,
Первая прошла неделя,
Сверх недели два денечка.
Вот пошла в амбар хозяйка
Посмотреть свою находку,
Что там выросло — проведать.

Смотрит — курочка рябая
Стала девушкой красивой,
Сальме — девушкою нежной *,
А яйцо тетерки тоже
Стало девушкой красивой,
Линдой ласковою стало *.
Ну, а что из вороненка
Выросло в углу кошачьем?
Вороненок стал сироткой,
Бедной девушкой, служанкой,
Шевелящей головешки,
За работой спину гнущей.

К Сальме стали ездить сваты, —
По семь слушателей тайных *,
Соглядатаев — по восемь,
Гости знатные езжали.
И один жених был Месяц *,
А другой жених был Солнце *,
Паренек-Звезда был третий *.

Месяц-юноша приехал —
Светлоокный, бледнощекий,
На пятидесяти конях,
О шестидесяти слугах, —
Сальме взять хотел он в жены,
Обручиться с нежной девой.

Поняла, смекнула Сальме,
Отозвалась из амбара *,

Из-под каменного крова:
— Нет, я — золото, женою
Месяцу быть не желаю!
Серебро я, — выйти замуж
За ночной свет не желаю!
Месяц — он три службы служит,
Шесть забот еще несет он:
То встает он на закате,
Иногда — в дневную четверть,
Иногда и на рассвете;
Иногда устанет рано,
Иногда до солнца светит,
Иногда на стражу в полдень,
В час обеденный, выходит... —

Месяц грустный прочь уехал,
Бледными блеснул щеками.

Солнце-юноша явился —
Светлоокий статный парень,
На пятидесяти конях,
О шестидесяти слугах, —
Сальме взять хотел он в жены,
С нежной девой обручиться.

Сальме поняла, — сказала:

— Золото — я! Не пошла я
За холодный бледный Месяц.
Но серебряный веночек
Солнца жаркого не терпит!..
Много перемен у Солнца,
Прихотлив его обычай,
Обиход его неровен.
То оно сияет ярко,
Зноем на землю ложится,
То оно грозу нагонит
Сенокосною порою.
То овсяные посевы
Невпопад спалит лучами,
Ячмени сожжет густые,
Льны прибьет к пескам горячим.
То горох меж бороздами
Иль гречиху, чечевицу
Всю за гумнами повалит.
А когда настанет в поле
Жатва поздняя ржаная,
Солнышко росой сыплет,
Моросит дождем туманным! —

Солнце коней повернуло,
Фыркая и отдуваясь,
Красными блестя щеками,
Обжигающими гневно.

И жених приехал третий:
Молодец-Звезда прекрасный,
Старший сын Звезды Полярной *,
На пятидесяти конях,
О шестидесяти слугах, —
Сальме взять хотел он в жены,
С нежной девой обручиться.

Сальме крикнула навстречу
Из узорного амбара,
Из покоя обжитого:

— Отведите коней гостя
В ту просторную конюшню!
Лысую поставьте в стойло,
Мерина — к мучному пойду!
В ясли из точеных досок,
Перед тесаной стеною,
Положите коням сена,
Чистого овса насыпьте,
Золотистой ржи побольше!
Досыта густого поила
Лошадям в бадьи налейте!
Как сойдет с лошадок пена,
Их накройте простынями,
Самой тонкою холстиной,
Мягкой шелковой попоной.
Пусть глаза лошадок гостя
В черном бархате задремлют,
Отдохнут в овсе копыта,
За Звезду я замуж выйду,
Руку дам Звезде-красавцу,
Золотой женою буду.
У Звезды глаза сияют,
Звездным мыслям нет предела!
Он полей земных не портит,
Поздней жатве не мешает!

Гостя ясного сажайте
Перед тесаной стеною,
На рябиновой скамейке,
За узорный стол точеный,
Свежей скатертью накрытый!
Блюда рыбные несите,

Ставьте блюд мясных побольше,
Ставьте вкусные колбасы,
Ставьте свадебные хлебы.
Ставьте к милому поближе
Вороха сластей медовых,
Пива ковш большой несите,
Полный ковш хмельного меду.

В горницу Звезду позвали.
Сесть к столу его просили.
Вышла тут вдова-хозяйка,
Старая пришла, сказала:
— Кушайте, Звезда, и пейте
Радостно, Звезда, живите! —

Гость мечом блестящим звякнул,
Золотым лучом пристукнул,
Шпорой звонкою прищелкнул,
Кованой пятой притопнул:

— Не хочу я есть, старушка!
Не хочу я пить, старушка!
Веселиться не желаю!
Вы ко мне пришлите Сальме!
Здесь поставьте среди пола!

Дева Сальме услыхала
Это слово женихово,
Молодца-Звезды желанье.
Отвечала из амбара
Через двор широкий гостю.

— Милый мой, жених-молодчик,
Гость, прибывший издалека!
Дал ты вырасти мне время,
Дай же время нарядиться,
В свадебный наряд одеться!

Быстроногая сестрица
Линда, в горницу слетай-ка!
Отомкни сундук с приданым,
Платья дай мне — тонких сукон,
Шелка яркого рубашки,
Легче утренних туманов,
С расписными рукавами *,
Шитыми златым узором.
Вынь чулочки шерстяные,
Пестроцветный плат узорный *,
Вынь нагрудные мониста,
В клетку шейные платочки!.. —

Мать приемная сказала,
Старая проговорила:
— Кушайте, Звезда, и пейте,
Радостно, Звезда, живите,
Пировать садитесь с нами! —

Молодец-Звезда ответил,
Слово умное промолвил:
— Пить и есть я не желаю,
Не хочу я веселиться,
Пировать не сяду, прежде
Чем невесту не увижу! —

Поняла вдова, сказала:
— Может, отдохнуть ты хочешь.
Ягодка, уснуть с дороги? —

Молодец-Звезда ответил,
Слово умное промолвил:
— Не хочу я спать, бабуся,
Отдыхать я не желаю.
Веки Звезд не тяжелеют,
Не смежаются ресницы.
Вы ко мне пришлите Сальме.
Куточку пустите на пол!
Пусть она пред нами станет
В одеянии невесты! —

Привели тогда невесту
И поставили средь пола.
Мать в невесте не узнала
Дочь, возвращенную любовно, —
Ту, что в горнице заветной
Бабка-Муру одевала *,
Украшала, наряжала.
У нее вдова спросила:
— Кто ты — месяц или солнце,
Или дочь зари румяной? —

И тогда гостей созвали,
Милых свагов пригласили
За столы, на пир веселый.
Дуб-жених с границы Тарту,
Рядом с ним — ольха-невеста
Крепкими сплелись корнями,
Нежно обнялись ветвями.
Гости съехались на свадьбу,
Ристи-танец танцевали *,
Пляску Виру проплясали,
Золотой песок топтали,

Мураву густую мяли, —
Сын-Звезда и Сальме-дева
Свадьбу весело играли.

И опять приехал Месяц,
Шумом пира привлеченный,
На порог далекий в Ляне —
На пятидесяти конях,
О шестидесяти слугах, —
Он приехал сватать в жены
Линду — дочь лесной тетерки.

И отдать хотели братья
Девушку за князя ночи,
Только Линда не хотела
Выходить за князя ночи.
Крикнула она из бани,
Молвила с подушек мягких:

— Нет, я — золото, женою
Месяца быть не желаю!
Серебро я, — выйти замуж
Не хочу за князя ночи!
Шесть он служб несет бессменно,
Пять своих он дел имеет
Да других хлопот — двенадцать.
Иногда встает он рано,
Иногда о полдень встанет,
Иногда в тумане тонет —
В волокне росы вечерней,
То за облаками кроясь,
То в златой заре бледнея,
То и вовсе пропадает,
Бросив волость без надзора! —

Месяц грустный прочь уходит,
На лице его — угрюмость,
На крутых бровях — свирепость.

Ристи-танец танцевали,
Пляску Виру проплясали,
Золотой песок топтали,
Мураву густую мяли, —
Сын-Звезда и Сальме-дева
Свадьбу весело играли.

Тут еще жених явился,
Шумом пира привлеченный,
Вдругоряд пытаться удачу,
Солнце светлое явилось —

О пятидесяти конях,
При шестидесяти слугах, —
На своем коне горячем
Прискакало Линду сватать,
Взять женою дочь тетерки.

Вся родня отдать хотела
Князю-Солнцу Линду в жены.
Только Линда не желала.
Крикнула она из бани,
Молвила с подушек мягких,
Жениху отказ давая:

— Золото нейдет за Солнце,
Серебро — за князя полдня!
Солнце в гневе вред приносит:
Льны прибьет к пескам горячим,
На полях ячмень загубит,
Истребит посев овсяный,
Выжжет в засуху пшеницу,
Жито в борозды осыплет...
Летом светит долго-долго,
А зимой и не проглянет! —

Солнце в гневе прочь уходит,
Полыхая ярым зноем.

Ристи-танец танцевали,
Пляску Виру проплясали,
Харью-танец начинали,
Ляне-танец продолжали,
Золотой песок топтали,
Мураву густую мяли, —
Сын-Звезда и Сальме-дева
Свадьбу весело играли.

Тут жених явился третий,
Шумом пира привлеченный, —
Водяной Поток примчался —
О пятидесяти конях,
При шестидесяти слугах,
На коне горячем, в пене, —
Линду он хотел засватать,
Взять женою дочь тетерки.
И за князя волн сестрицы,
За Воду хотели братья
Выдать Линду, дочь тетерки.
Не хотела Линда выйти
За Поток кипучий водный.

Крикнула она из бани,
Молвила с подушек мягких,
Отказала, отвечала:

— Золото нейдет за Воду!
Серебро — не ровня волнам!
Воды яростны в раскате,
Волны грозны при паденье,
Не верны речные струи,
Реки быстрые безумны! —

Закипел Поток, отхлынул,
С плачем из ворот понесся.

Ристи-танец танцевали,
Пляску Виру проплясали,
Харью-танец начинали,
Ляне-танец продолжали,
В пляске Ярва пролетали,
Тарту-танец отхватали,
Золотой песок топтали,
Мураву густую мяли, —
Сын-Звезда и Сальме-дева
Свадьбу весело играли.

Тут жених четвертый прибыл,
Шумом пира привлеченный, —
Ветер взвихренный примчался —
О пятидесяти конях
При шестидесяти слугах,
Сам на жеребце крылатом, —
Линду он хотел засватать,
Взять женою дочь тетерки.
Братья за него радели,
Сестры взять в зятя хотели.
Линда лишь не пожелала
Замуж выходить за ветер.
Линда крикнула из бани,
Линда молвила с подушки,
С пуховой — пустила слово:
— Злато я — нейду за воздух,
Серебро — за князя ветра:
Ветер вихрится свирепо,
Буря яростно бушует,
Тихий воздух слишком нежен! —
Ветер в гневе прочь умчался,
Но он сердится недолго,
Коротка его досада.
Ристи-танец танцевали,

Виру-танец проплясали,
Харью-танец начинали,
Ляне-танец отбивали,
Ярва-танец завивали,
Тарту-танец отхватали,
Золотой песок топтали,
Мураву густую мяли, —
Сын-Звезда и Сальме-дева
Свадьбу весело играли.

Тут жених явился пятый, —
Прискакал к воротам Ляне
Славный Кунгла королевич —
О пятидесяти конях,
При шестидесяти слугах,
На коне золоторыжем, —
Линду он хотел засватать,
В жены взять хотел тетерку.
Братьям был по сердцу Кунгла,
Сестрам был жених по нраву,
Линда лишь не захотела.
Крикнула она из бани,
Молвила она с подушек,
С пуховых — пустила слово:
— Злато я — нейду за Кунгла.
Мне не пара королевич.
Королевы злы, сварливы,
И они меня невзлюбят! —
Королевич злой уехал,
Вышел из ворот, ругаясь.

Ристи-танец танцевали,
Виру-танец проплясали,
Харью-танец начинали,
Ляне-танец отбивали,
Ярва-танец завивали,
Тарту-танец отхватали,
Золотой песок топтали,
Мураву густую мяли, —
Сын-Звезда и Сальме-дева
Свадьбу весело играли.

Тут жених шестой явился,
Шумом пира привлеченный, —
Калев, сильный муж, приехал —
О пятидесяти конях,
При шестидесяти слугах,

Бравый, на коне горячем, —
Линду он хотел засватать,
Взять женою дочь тетерки.
Братья гостю отказали,
Отреклась вдова-хозяйка,
Но женою стать героя
Линда быстрая хотела.
Крикнула она из бани,
Молвила с подушек мягких,
Слово веское сказала:

— Этот витязь мне по нраву,
За него я выйду замуж! —

В горницу позвали гостя,
За богатый стол сажали.
Перед гостем стол точеный,
Угол тесаный за гостем,
Весь увешанный коврами.
Ковш серебряный пред гостем,
Золотой узорный кубок.
В кубке мед хмельной и сладкий,
Снизу мед, а сверху пена,
Пиво красное меж ними.

Хлеба поднесла хозяйка.
Сальме выпить пригласила:
— Кушай, Калев! Выпей, Калев!
Наших сладостей отведай!
Промочи с дороги горло
Из заветного кувшина,
Из узорчатого кубка!
Веселись, любезный Калев,
Много дней пируй ты с нами! —

Калев золотом позвякал,
Побряцал мечом тяжелым,
Шпорами стальными щелкнул,
Слово умное промолвил:
— Не хочу я есть, бабуся!
Не хочу я пить, молодка!
Ваше сладкое откусать,
Ваше кислое отведать!
Не хочу я веселиться!
Вы ко мне ведите Линду
И поставьте здесь, средь пола,
Дочь тетерки предо мною! —

Линда быстрая сказала:
— Слушай, мой жених-молодчик!

Дал ты вырасти мне время,
Вишням глаз поспеть позволил,
Дай мне время нарядиться!
Долго ль без отца родного,
Без родимой наряжаться?
Опоясываться долго ль
Одинокой сиротинке?
Некому на ней оправить
Рукавов узорных складки;
Нету матушки любезной,
Старшей нет у ней сестрички,
Чтобы дать совет разумный,
Чтобы счастья пожелать ей.
Деревенские старухи
Сиротинку наряжают,
Подают совет холодный,
И от их советов сердце
Холодеет, как железо. —

Калев не пил из кувшина,
Яств не брал для подкрепленья,
На пиру не веселился.

Снова Линда закричала
Из амбара каменного:
— Эй, сиротка, вороненок,
Горемычная служанка,
Росшая в углу кошащем!
Ты слетай, как мотылек,
К сундукам моим заветным...
Дай мне тонкую рубашку,
Чтоб надеть ее на тело,
Белого холста рубашку —
Облачить мой стан высокий.
Дай узорчатую юбку,
Чтоб надеть поверх рубашки.
Юбку звездную подай мне
Поверх юбки полотняной.
Принеси красивый пояс
В золотых узорах клена,
Чтоб обнять кунцы чресла,
На живот надеть лебяжий.
Вышивку цветную дай мне
Для моей высокой груди,
Серебристую косынку
Дай для шеи белоснежной.

Драгоценный плащ подай мне,
Золотой венец на косы! —

Мать приемная сказала,
Молвила вдова-старуха:
— Пей и ешь, любезный Калев!
Веселись, прекрасный витязь,
Много дней у нас на свадьбе,
У сынка-Звезды и Сальме! —
Слышал Калев, понял Калев,
Богатырь умно ответил:
— Не хочу ни пить, ни есть я,
Не хочу я веселиться.
Покажите мне невесту,
Здесь поставьте, середь пола,
Линду, дочь лесной тетерки! —

Привели тогда невесту
И поставили средь пола,
Пред гостями дочь тетерки.
Но старуха не узнала
Дочери своей приемной, —
Так ее в покое тайном
Нарядили девы леса,
Бабка-Муру украшала.

И у ней вдова спросила:
— Кто ты — месяц или солнце,
Или дочь зари румяной? —

Линда старой отвечала:
— Я не месяц и не солнце
И не дочь зари румяной.
Выросла я в вашем доме
Из яйца лесной тетерки! —

Калев девушку засватал,
Взял он курочку хозяйкой,
Взял желанную женою,
Милую взял для утех.

Тут опять гостей созвали,
Сватов, дружек пригласили
Праздник праздновать веселый.

Сын-Звезда домой собрался,
Сальме-курочку покликнул
Он из горницы веселья.

Стал перед вдовою старой,
Руку жал ей, говорил ей:
— До свиданья, старенькая!
До свиданья, гости-сваты!

Счастлив будь, свояк мой, Калев,
С молодой своей женою!
Увожу от вас я Сальме,
Ласкин глаз беру с собою!..
Ни сестра, ни мать о счастье
Милой Сальме не узнают.
Плачьте, плачьте, братцы Сальме!
Плачьте, девушки-подружки!
Навсегда увозят Сальме,
За ночную тучку спрячут,
В небо звездное подымут,
Сделают лучом рассвета! —

И, слезами заливаясь,
Из саней сказала Сальме:
— Матушка моя родная!
Я должна от вас уехать,
Из гусиного родного
Стада улететь должна я!
Покидает вас тетерка,
Лебедь белый улетает!
Уткой улечу из стан,
Лебедем уйду по снегу,
Клюквой-ягодой — по речке
Голубикой — по болоту!
В воздух бедную подымет,
Унесет на крыльях ветер! —

Крикнула сестрица Линда,
Крикнула вдова в хоромах,
Крикнула из-за амбара
Сиротинка-вороненок:
— Где сестрица наша Сальме?
Ястреб утащил сестрицу!.. —
Ветер лишь в ответ повеял,
Брызнул дождевой слезою
Об утерянном ребенке,
А других вестей о Сальме
Не было...

И загремела
Свадьба Калева и Линды.
Ристи-танец танцевали,
Пляску Виру проплясали,
Харью-танец начинали,
Ляне-танец продолжали,
В пляске Ярва пролетали,
, Свой же танец придержали

До поры, пока туманы
От ночных болот не встанут
И покамест кровь меж пальцев
Сквозь башмак не просочится *.
Калев-муж и Линда-дева
Свадьбу весело играли,
Вина по столам ходили —
Пять медов и шесть кувшинов.
Семь подслушивавших сватов.
Соглядатаев восьмерка.

А ходили — пусть и ходят!
Столб воротный не устанет,
Крюк колодца не сорвется,
Удалого женихова
Скакуна удерживая
На шелковом недоуздке,
На узде в оправе медной, —
Пусть еще пятерки ходят,
Пусть шестерки поспевают
Вслед семи подслушивавшим,
Вслед восьми подглядывавшим.
Пусть останусь я без пары —
Лишь бы свадьба продолжалась! —
Ристи-танец танцевали,
Пляску Виру проплясали,
Харью-танец начинали,
Ляне-танец продолжали,
В пляске Ярва пролетали,
Только свой попридержали
До поры, пока туманы
От ночных болот не встанут
И покамест кровь меж пальцев
Сквозь башмак не просочится.
Калев-муж и Линда-дева
Свадьбу весело играли.

— Эй, сиротка-вороненок!
Горемычная служанка,
Неустанная в работе!
Ты возьми-ка коромысло,
Две бадьи надень на крючья,
Принеси воды из моря,
Притащи воды из речки,
Ключевой воды студеной! —

— Задремала я у моря,
Засиделась, загляделась,

Как икру рыбешка мечет,
Как налим на дне играет,
Как самцы дерутся щучьи,
Как плотица нерестится.
Там я малость задержалась,
Задремала на часочек.

А как шла домой с водою,
Свадьбу — слышала — играли,
Ноги сами в пляс просились.
Шла навстречу мне хозяйка,
Строго старая пытала:
Где была я долгой ночью,
Где до полдня пропадала?

Добрая моя хозяйка!
Иль не знаешь ты, какие
У сиротки развлеченья?
Пять встречаются сиротке
На пути ее препятствий.
На ногах у ней шесть петель
И еще семь пут тяжелых!
Задремала я у моря,
Засиделась, загляделась,
Как икру рыбешка мечет,
Как налим на дне играет,
Как самцы дерутся щучьи,
Как плотица нерестится.
Там я малость задержалась,
Задремала на часочек! —

Ристи-танец протанцуем,
Свой же танец попридержим
До поры, пока туманы
От ночных болот не встанут
И покамест кровь меж пальцев
Сквозь башмак не просочится!

Стал домой собираться Калев,
Вызывает дочь тетерки —
Линду — из толпы подружек,
С пира шумного лебедку.
Линда молвила с порога:
— Ты напой лошадку, парень!
Запряги, батрак, лошадку,
У саней заправь оглобли,
Поверни ковровым боком
К пашне сани расписные,
А полозьями — к рассвету! —

И пошли они прощаться
С бабкой — с матерью приемной.
— Матушка моя, прощайте!
Я должна от вас уехать,
Улететь от милых сердцу!
Как от стаи лебединой,
Я из дома улетаю
От друзей моих хороших,
От родимых мест любимых.
Уж пора кончаться пиру!
Дно видать в ковшах медовых,
Хлеб доеден до горбушек! —

Калев стал ногою в сани,
Села рядом с ним невеста.
Он рукой своей могучей
Стан девицы опоясал,
Ногу выставив из санок.

Золотою звякнул шпорой,

Прозвенел задорным звоном:

— Ах, моя родная Линда!

Что ты дома позабыла?

Ты троих забыла дома:

Месяц в горнице остался —

Это мать твоя старушка,

Солнце на дворе широком —

Это дядюшка твой старый,

Да березки за порогом —

То двоюродные братья,

Что росли с тобою в Ляне! —

— А остались — пусть остались

Уку снова даст им счастье!

По проложенной недавно

Неуезженной дорожке

Улететь от них должна я! —

Месяц вслед смотрел печально.

Солнце хмурилось в раздумье.

Молча плакали березки.

Линда, радостная птица,

Улетала без печали.

Женихом своим любима,

В дом к нему она спешила

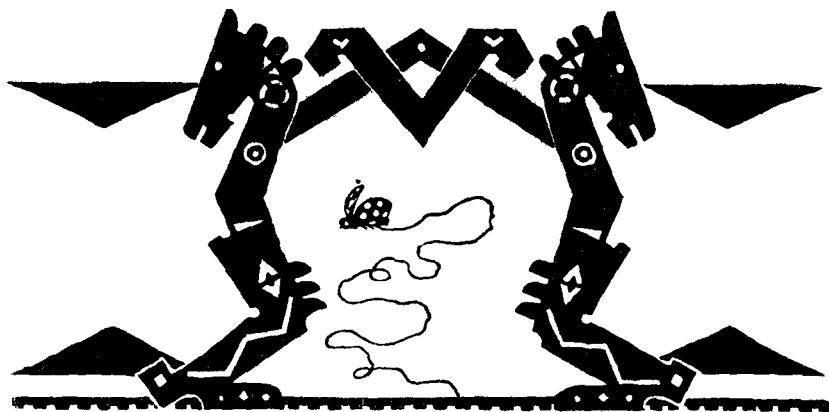
По широким белым долам,

По оснеженным дубравам,

Ясным днем — при свете солнца.

Ночью же — в сиянье бледном
От ее нагрудной пряжки *.
К дому Калева летела,
В те шелковые покои,
Где чудесное сияет
Ложь отдыха и счастья.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*Кончина старого Калева.
Детство Калевипоэга.*

К

ак рассказывать начну я,
Разолью рекою песню,
Расплесну волной прибоя, —
Удержать певца в полете
Тучи грозные не смогут,
Беспредельный путь небесный
Укротить его не в силах.
Села будут песню слушать.
Господа развесят уши,
Останавливаясь важно.
Города большие смолкнут,
Вслушиваясь издалека.

Солнце жизни проходило
В полуденные ворота.
Много сыновей и дочек
Линда Калеву родила,
По ночам над ними пела,
Колыбели шест качая.
Щедрой грудью материнской
Сильных сыновей вскормила,

Вырастила, воспитала
Витязей, отца достойных.
Дивной силой богатырской
Мускулы их одарила,
Разуму их научила.
Поднялись птенцы, окрепли
Калеву-отцу в подмогу,
Линде-матери в утеху.

А когда к закату жизни
Подходил великий Калев,
Из детей их только двое
Оставались в отчем доме, —
Будто бы в стручке гороха
Две горошины последних.
А другие разлетелись
По дорогам вольным, птичьим,
По далеким странам мира
Поискать своей удачи,
Угнеститься на чужбине.
Ведь скупая наша местность,
Пашня скудных урожаев,
Всем им дать была не в силах
Хлеб и место для жилища,
Телу — добрую одежду.

Старый Калев наказал им,
Заклинал детей любимых —
Не делить на части землю.
Завещал всю волость эстов
Одному из них в наследье.
Хоть и ростом и дородством
Сыновья с отцом сравнились,
Взяли часть отцовской мощи,
Но еще могучей силой,
Сметкой, разумом высоким
Жизнь отцова красовалась.
И еще он дал начало
Незадолго до кончины
Запоздалому отростку,
Что на свет земной явился,
Как яйцо в гнезде орлином,
Как звезда после заката,
После Калева кончины!

О его последнем сыне
Много в памяти народной
Добрых знаков сохранилось

И его уста народа
Нарекли повсюду „Сòкни“.
В наши дни в народе эстов
В песнях многих и сказаньях
Сына ветви богатырской
Вспоминают, прославляют
И зовут — „Калевипоэг“.
По его следам далеким
Реки бурные стремятся,
Волны катятся морские,
Тучи по небу несутся,
Расцветают луговины,
На ветвях звенят синицы,
Птицы вещие кукуют.
И об этом младшем сыне —
Полководце наших дедов —
Древние поют преданья,
Славят витязя деянья.

Разве есть в какой деревне
Или в темном захолустье,
Средь сынов растущих наших,
Среди дочек светлоглазых
Хоть одна душа живая,
Что не слышала сказаний,
Слòва древних поколений
О богатыре могучем,
Сыне Калева последнем?
Обойди пределы Пярну,
Обойди дороги Ярва,
Поезжай в селенья Харью,
На луга и пашни Ляне,
Проберись на берег Виру*.
Землю всю пройди до Пскова,
До дубрав тенистых Таары,
На гнедом скачи в Суоми,
Иль на сером — в Алутага, —
В каждом крае ты услышишь
Эти старые преданья.
Вести о могучем муже
Веют сумраком вечерним,
Мглой от вереска ночного,
Вдоль по улицам дубовым,
Через медные ворота,
От железных древних башен,
От гранитных скал прибрежных...

На закате славной жизни,
На заре своей вечерней
Старый Калев тихим словом
Милой женушке поведал,
Тайну добрую открыл ей:
— Линда, женушка родная,
Золотой ты мой цветочек,
Ты весеннею порою,
Летом, осенью богатой
Дюжих сыновей носила,
Сильных мне детей вскормила
Щедрой грудью материнской,
В добрых рученьках ночами
Их баюкала, качала, —
Знай, что этою зимою
Новый ты мне дашь отросток,
Новый ты родишь дубочек.
Линда, милая супруга,
Дорогой цветок из Ляне,
Детище яйца тетерки!
Тяжело опять ты ходишь
Ожидания стопою,
Каждый день меняя туфли *,
Чтобы Тюхи злой, подземный *,
Насылатель черных бедствий,
Не нашел твоих следочков.
Ты еще родишь мне сына,
Мужа силы богатырской.

Это будет сын последний,
Твой ягненок запоздалый.
Род наш славный завершит он.
Так предвечные сказали,
Так бессмертные решили.
Но его не суждено мне
В жизни увидеть глазами.
На побег последний, поздний,
Не дано полюбоваться!
Будет он отцу подобен
Бодрым разумом и силой.
Он деяньями своими
На века прославлен будет.

А когда он возмужает —
Примет в руки власть над краем,
В пору ту в народе нашем

Время светлое наступит,
Время радости и мира!
Не хочу дробить я власти,
Княжество делить на части,
Разделять меж сыновьями.
Вотчина должна навечно
Оставаться неделимой,
Под единою рукою,
Под надежною защитой! —
Поученье продолжая,
Дальше молвил старец Калев:
— Чтоб страна скалой стояла —
Прочной и нераздробленной,
Чтоб страну враги-пришельцы
По частям не поглотили,
Пусть, когда он возмужает,
Младший сын мой, — пусть он кинет
Жребий с братьями своими,
Чтобы сам отец наш Таара
Дал им предзнаменование,
Вещий знак — кому из братьев
Первенствовать и владычить,
Верным быть щитом народу.
Лучше, чем наш бедный разум,
Дело разрешит сам Таара.
Пусть останется избранник
Править, а другие братья
Пусть пойдут искать удачи
По лугам земель далеких.
Пусть на ветре избы строят —
На краю земного света,
Хаты — на стеблях брусники,
Замки — на репейных листьях,
Бани — на крылатых тучах.
Страны разные бывают,
И края небес просторны.
Богатырь пройдет по тучам,
Пролетит на крыльях ветра.
На скалах орел гнездится.
Дюжего не свяжут снасти,
Цепи мужа не удержат!

Кто там в горнице — холодный,
На полу — окоченевший,
На разостланной соломе

Распростерся неподвижно?
Это старый, древний Калев
Упокоился навеки.

Он лежит окоченевший
На разостланной соломе.

Объявивши детям волю,
Речь разумную окончив
О наследованье власти,
Лег на ложе старый Калев,
Скорбью смертною объятый,
И не смог облокотиться,
На ноги не смог подняться.

Линда-мать в полет коровку
И серебряную пряжку
На бечевке вокруг пускала:
— Ты кружись быстрее, пряжка!
Ты лети, коровка божья *,
Легкокрылая букашка!
Вы на свете поищите
Врачевателя седого,
Знахаря и чародея. —

Семь ночей и дней кружилась
Та серебряная пряжка.
Семь ночей и дней летала
Легкокрылая коровка —
Через поле, через море,
Через три владенья княжьих
И над северной страной.

Кто попался ей навстречу? —
Месяц ясный подымался,
Вслед за ним — Звезда вставала.
— Здравствуй, Месяц — ключ здоровья.
Радости родник чудесный,
Дорогой источник силы!
Молви: выживет ли Калев,
Исцелится ль от болезни? —

Хоть и слышал грустный Месяц, —
Не дал на вопрос ответа.

Вновь семь дней кружилась пряжка,
Вновь семь дней неслась коровка —
Через поле, через море,
Через три далеких царства,
Через северные страны,
Через темные дубравы,
Через горы золотые.

С кем букашка повстречалась? —
С ясной утренней Звездой.
— Здравствуй, Звездочка рассвета,
Светлый витязь остроглазый!
Молви мне, рожденный небом:
Выживет ли старый Калев,
Исцелится ль от болезни? —
Слышала Звезда букашку —
Не дала Звезда ответа,
На краю небес угасла.

Семь ночей кружилась пряжка,
Вновь семь дней неслась коровка —
Через поле, через море,
Через три далеких царства,
Через южную державу,
Через темные дубравы,
Через синий лес дремучий,
Через горы золотые.
Наконец, в пути ей Солнце
Утреннее повстречалось.

— Здравствуй, Солнце молодое,
Золотой глазок, скажи мне,
Женишок зари, промолви:
Выживет ли старый Калев,
Исцелится ль от болезни? —

Солнце жаром полыхнуло,
Не дало гонцу ответа.

Раскружила снова пряжку
И опять коровку божью
Линда-мать в полет пустила:
— Ты кружись быстрее, пряжка!
Ты лети, коровка божья,
Краснокрылая букашка!
Лекаря нам поищите,
Заманите из Суоми
Заклинателя седого,
Знахаря ветров зовите
Из пещер подземных Маны!* —

Семь ночей и дней летела
Легкокрылая букашка —
Через поле, через море,
Через три далеких царства,
Через северные страны,
Через синий лес дремучий,

Через темные дубравы,
Через горы золотые.
Кто попался ей навстречу? —
Повстречались: знахарь ветра,
Из Суоми знахарь слова
И подземный знахарь — Мана.
— Здравствуйте, волхвы-владыки!
Вы скажите, объявите:
Выживет ли старый Калев,
Исцелится ль от болезни?
Я у Месяца пытала,
И у Звездочки рассветной,
И у Солнца золотого, —
Не дали они ответа! —
И букашке отвечали
Ведуны и чародеи,
Триязыко говорили:
— То, что зной спалил в дубраве,
То, что высохло на ниве,
Под ночной луной застыло,
Под звездой помертвело, —
То не даст ростка живого,
Новых листьев не распустит. —
Раньше, чем остановилась
Та серебряная пряжка,
Раньше, чем коровка божья
Из полета воротилась,
Прибыла домой с ответом,
Был уже окован смертью,
Холоден был старый Калев.
Линда, горькая вдовица,
Языком печальным птичьим
Над любимым причитала,
Плакала над мертвым мужем,
Над холодным ложем смерти
Неутешно горевала,
Семь ночей — без сна и дремы,
Семь дней — без питья и пищи,
В горести — семь зорь рассветных,
В стонах, в муках — семь закатов,
Не смыкая глаз горящих,
Слезных струй не замыкая,
Щек от слез не отирая,
Будто бременем тяжелым,
Черным сгорбленная горем.

Неутешная вдовица
Тело мертвое омыла
Горькими сперва слезами,
А потом — морской водою,
Дождевой водою чистой
И студеной родниковой.
Кудри гладила рукою
И серебряною щеткой,
Золотым чесала гребнем,
Тем, которым водяница
Косы на море чесала.
Тонкой шелковой рубашкой,
Бархатной одеждой смерти,
Золотой парчи кафтаном,
Поясом серебротканым
Мужа мертвого одела, —
Простыней покрыла тонкой,
Легче утренних туманов.

Линда, горькая вдовица,
Яму темную копала.
Ложу выкопала мужу
В десять сажен глубиною.
С плачем друга уложила
В приготовленное ложе,
Незабвенного — на отдых.
Белым гравием покрыла
Гроб его — по грудь земную,
С муравой зеленой вровень.
Поднялась трава высокая,
По пояс трава густая
Над могилой богатырской, —
Полевица — над плечами,
Над щеками — цвет пунцовый,
Цвет лазорев — над глазами
И купавы золотые.

Неутешная вдовица
Над супружеской могилой
Плакала и тосковала,
Причитала круглый месяц,
Плакала — второй и третий
И четвертого — неделю.
Стонами тушила горе,
Скорбь слезами заливала.

Линда, горькая вдовица,
Стала каменные глыбы

Класть на мужнину могилу,
Чтобы место обозначить
Сыновьям сынов и внуков,
Дочерям времен грядущих,
Где почует старый Калев,
Спит в постели богатырской.

Кто ходил в старинный Таллин,
Тот видал курган могильный,
Где потомки дедов много
Возвели красивых зданий,
Улиц, башен горделивых.
И мы „Тоомпеа-горою“ *
Это место называем.
Там почует муж могучий,
Старый Калев отдыхает.

Линда, бедная вдовица,
Камни тяжкие таскала,
Сваливала на могилу.
Подняла однажды глыбу —
Глыбу от скалы железной,
Издали ее к могиле
Потащила через силу.
А она тогда, бедняжка,
На сносях была — тяжелой.
Как дороги половина
Оставалась до кургана,
Правой ноженькою Линда
На кочкарнике споткнулась.
Из волосяных веревок,
Из пеньковых крепких петель
Выскользнул скалы обломок *,
Грянулся огромный наземь.
И невмочь вдове усталой,
Горькою тоской убитой,
Женщине тяжелоногой —
С животом своим — нагнуться,
Обвязать веревкой глыбу,
Взять в охапку — не под силу.

Села, бедная, на камень
Дух перевести немного,
Горе черное развеять.
Неутешно зарыдала:
— Ох, я — сирая вдовица!
Ягодка оставшаяся,
Как избенка без подпорки,

Словно дом худой без крыши,
Словно выгон без защиты,
Всем ветрам открытый настежь,
Непогодам — на глумленье!
Сиротою жить мне в мире,
Одинокой — горе мыкать!

Ведь с ольхи слетают листья,
С белых яблонь и черемух
Опадают лепесточки!
С дуба, ясеня, и клена,
И с березы, и с осины
Осень листья обрывает.
У рябины гроздья вянут,
Шишки елочка роняет, —
Только я одна осталась
Вековой сиротою, —
На ветру не облетаю,
Как березовый листочек.
Нет конца постылой жизни,
Нет конца моим мученьям!.. -

Линда, бедная вдовица,
Долго плакала на камне,
Горе сердца изливая
Неутешными слезами —
Горькою водой мучений.
Слезы глаз ее катились
Бурной речкою в долину.
Землю слезы пропитали,
Стали лужею в долине,
Стали озером широким.

Чаша слез тетерки Линды,
Озеро печали вдовьей,
Сохранилась и доныне
А зовется Юлемисте *, --
Катит волны по равнине
Плоскогорья Ласнамяги *,
Плещет горестно о берег.
Там, на берегу озерном,
И теперь лежит тот камень,
На котором, горько плача,
Линда бедная сидела.

Коль тебе придется, братец,
Ехать в славный город Таллин,
Ты увидишь, подъезжая,
Близ широкой той дороги

Блещут воды Юлемисте,
Озера печали вдовьей.
Придержи коня гнедого,
Напой водой озерной,
Отпусти пастись на травку.
Сам присядь на этот камень,
Вспомни старину седую,
Вспомни Калева деянья.
Погляди на холм высокий,
Что когда-то, в оны лета,
Горе сердца заглушая,
Линда — мать героев древних
Воздвигала на поляне
Над могилою супруга
В память правнукам далеким.

Минул долгий день мучений,
День тяжелый ожидания.
Линда чуяла — подходит
Час великий разрешенья.
Мучась, к дому поспешила,
Истопить велела баню *,
Застелить полок соломой,
Ложе стонов приготовить,
Отдыха скамью поставить,
Стул — для старой повитухи.
Жарко бабы топят баню,
Воду носят из колодца,
Стелют свежую солому,
Ставят мягкую скамейку.

Роженица слабенькая,
По избе сто раз пройдешь ты.
Двести раз дойдешь до бани,
Раз десяток до колодца,
Чтоб водицей освежиться.
Ходишь — бедная, больная,
Как былиночка сгибаюсь.
Ходишь ты без опояски,
Без повойника цветного,
Только шлешь молитвы Уку,
Вздохи — к дому Рыгутаю *: —
Смилуйся! Войди к нам в избу
Тело хворое распарить!
Исцели меня, больную,
Дай мне, слабенькой, опору! —

Все в избе углы и стены
Ты оплакала, бедняжка.
Ты на всех скамьях сидела,
Облокачивалась на печь.
Места от мучений тяжких
Ты себе не находила,
Пол коленями истерла
В долгих столах и молитвах.

Только все взываешь к Уку,
Умоляешь Рыгутаю!
— Смилуйся! Войди к нам в избу,
На мои взгляни мученья,
Исцели меня, больную,
Дай мне, слабенькой, опору,
Сохрани меня от смерти,
Мать спаси во имя сына! —

За столом семья вздыхала,
Малыши под стол забились,
Дети плакали от страха.
Калев спал в сырой могиле,
Тяжких мук жены не слышал.

Роженица слабенькая
Шла через четыре леса,
Через пять трясин болотных.
Первый лес — черемуховый,
А за ним — лесок кленовый,
Третий лес — шиповниковый
Да рябиновый подлесок,
А последний лес — вишневый.
Боль осталась средь черемух,
Беды — в рощице кленовой,
Скорбь — в шиповнике колючем,
Муки — на ветвях рябины,
В вишеннике — все напасти.

Снова тяготы вернулись,
Вновь на Линду-мать напали.
Боли Линду одолели,
Муки тело истерзали,
За печь, охая, полезла,
С громким стоном на лежанку.

Бедная взывает к Уку,
Умоляет Рыгутаю:
— Смилуйся! Войди к нам в избу
Тело хворое распарить!
Облегчи мои страданья,

Беззащитной дай опору,
Погляди на мученицу,
Мать спаси ты ради сына! —
Плакала семья на лавках,
Малыши под стол забились,
Бабы выли, причитали.
Калев спал в земле холодной,
Стонов жениных не слышал.

Роженица слабенькая
Истомилась, бедненькая!
Ты одной ногой в могиле,
А другою — близ могилы,
Шаришь край другой ногою,
Хочешь пасть на дно могилы,
Где навек стихают муки.

Громче же молитесь Уку!
Призывайте Рыгутаю,
Шлите вестников проворных
К самым сильным духам неба!
Час настал во вдовьем доме,
Быстролетное мгновенье
Ярким светом полыхнуло...

Баба слабая качалась,
Обессилов, чуть стонала,
Вся дрожа, она молилась,
Охая, взывала к Уку,
Заклинала Рыгутаю:
— Смилуйся! Войди к нам в избу
Тело хворое распарить!
Исцели меня, больную,
Дай поддержку мне, бессильной!
Успокой мои мученья,
Мать спаси во имя сына! —

Уку услышал из бани,
Рыгутаю — из овина,
Исцелители — сквозь стену,
Духи неба — через крышу.
Входит в избу сильный Уку,
В дверь вступает Рыгутаю
Боги к лавке подступили,
К краю Линдиной постели.
Уку волочет солому,
Рыгутаю — две подушки,
Женщину снесли на ложе,

На постель снесли бедняжку,
Мученицу — на подушки,
Обернули простынею
И пуховым одеялом.
Погляди, под одеялом —
Две головушки в подушках,
И не два бедра в постели,
А две пары бедер стало,
И две пары ног — в подножье,
И две пары рук — в середине!

Уку крикнул людям в двери,
Крикнул громко Рыгугутая:
— Закрывайте крышку гроба!
Запирайте дверь гробницы!
Женщина лежит в постели
Под пуховым одеялом,
Две головушки в постели,
И две пары ног — в подножье,
И две пары рук — в середине!

Старому отцу спасибо!
Всем богам — благодаренье!
Был в избе могучий Уку,
Был в хоромах Рыгугутая.
Во-время они поспели,
В пору помощь оказали!
Роженица слабенькая,
Подыми ты обе ручки,
Обе ручки, десять пальцев,
Что избавилась от ноши.

Горьких слез, печали вдовьей
Утешителем сердечным
Рос последний их сыночек —
Мужа Калева и Линды.
Золотой любви источник,
Молоко из груди Линды
Пил он досыта, помногу —
Влагу щедрости и неги,
Одаряющую силой,
Рост дающую и крепость
Нежным косточкам дитяти.

Вы смекаете ли, парни,
Понимаете ли, мужи,
Вы нам скажете ли, жены, —
Кто там дремлет в теплой люльке,

В тонких вышитых пеленках?
Кто кричит нетерпеливо?
Это — сын печали вдовьей,
Без отца сынок-былинка.
Ветры сына подпирают,
Гонит в рост весенний дождик
Тучи наполняют силой,
Ночью росы закаляют.

Матушка качала люльку,
Зыбку-лодочку качала,
Песню тихо напевая,
Дрему сладко навевая.
На день десять раз малютка
Плакал громко для забавы,
Есть хотел — ревел он ревом,
С вечера кричал до света,
День кричал, неделю, месяц, —
Так что свет и не гасили
На резном столбе у люльки,
Глаз над люлькой не смыкали
Мать за помощью послала:
Где б нашелся умный знахарь,
Заговариватель плача,
Слез и криков униматель,
Малых деток исцелитель.

А как минул месяц крика
И еще неделя плача, —
Разорвал сынок свивальник,
Разметал холсты пеленок,
Разломал обочья люльки,
Сам из люльки на пол вылез,
И ползком пополз малютка
По избе на четвереньках.
Месяц он и два проползал.
А уже на третий месяц
На ноги сынок поднялся,
Стал ходить сынок на ножках

Золотой любви источник,
Молоко из груди Линды
Пил он досыта, помногу.
Утешителем сердечным
Горьких слез, печали вдовьей
Рос он в доме материнском.

Линда вскармливала сына
На руках своих три года,

Прежде чем отнять от груди.
Вырос мальчиком он крепким,
Вырос калевитян сыном,
Ростом, силой обещал он
Предсказания отцовы
Выполнить на этом свете.
Не по дням, а по часам он
Креп, мужал и подымался.
Калевитян сын любимый,
Вдовьей скорби утешитель,
С пастушонка стал он ростом,
Мужем пашни дюжим вырос.
Поднялся могучим дубом,
Обещая предсказанья
Выполнить в делах великих.
Укреплял он силу тела,
Рук и ног неутомимость.
На лугу играл он в бабки,
Колесо метал рукою,
У двора он ставил бабки,
В двух местах он рюхи строил,
Бил тяжелою битою,
Разбивал он их с удара,
Посылал лететь далеко,
Заставлял лететь за выгон,
За околицу над полем.
Далеко летели рюхи,
Падали куда попало,
Разлетались, рассыпались
По горам и по долинам,
Бухались в морские волны.

Эти рюхи и поныне
Кое-где увидеть можно —
Закругленные умело
Чурки скал продолговатых,
„Девичьих камней“ обломки.
Это — калевитян рюхи*.

Калевитян сын могучий
Камни из пращи далеко
Вскользь швырял по волнам моря.
Плитняка он брал осколки
Плоские в каменоломнях,
Плиты — фута в три длиною,
В фут примерно шириною,
Толщиною в два-три дюйма.

За версту летели камни,
Прыгая по волнам моря.
А пока летели камни,
Юный Калев кувыркался
На крутом высоком взморье.
Калевов сынок любимый
На дворе играл отцовом.
Вырывал он с корнем ели,
Стройные валил березы,
Мастерил из них игрушки,
Плел заплечные корзинки.

Годы шагом торопливым
По тропам времен ступали,
По дорогам быстрым мчались,
Из-под сени материнской
Вынесли челнок дитяти
В море возраста мужского.

Младший Калева сыночек
Вырос витязем могучим,
Вытянулся вровень братьям,
Силой стал отцу подобен.

Красотой — как день весенний,
Мощью — дуб из рощи Таары,
Твердый — как утес гранитный,
Разумом — светлее братьев.

Так покатым волны песен
Дальше, дальше — прямо к солнцу,
Зорям утренним навстречу,
Часть пути пройдем обратно —
К временам былым вернемся.

Кто там бродит до рассвета
Вкруг двора тетерки Линды?
Кто там тайно подъезжает,
Вкруг двора неслышно ходит?
Это ходят-ездят сваты,
Ночью тайно подъезжают,
Десять раз — перед зарею,
Пятьдесят — перед рассветом,
Сто раз — до восхода солнца.
Еженощно, ежедневно
Ездят после смерти мужа
Искушать вдову в печали,
Линду горестную сватать.

Как увял могучий Калев
И в его умолкшем сердце
Кровь горячая застыла, —
Много сватов ездить стало
Ко вдове, жене разумной, —
Восемь вин и десять кружек.
Сто советчиков лукавых,
Уговорщиков — две сотни.
На добро вдовы богатой,
На приданое польстившись,
Залучить ее хотели,
В сети заманить пытались.
Но вдова им отвечала:
— Не пойду я, гости, замуж,
Куручка — в чужой курятник,
К мужу новому — тетерка,
Ласточка — в гнездо чужое,
Голубь — под стреху другую.
Одинокaя лебедка,
Плачу я над мертвым другом.
Красота моя увяла,
Навсегда любовь поникла
Над холмом могильным мужа. —

И ушли понуро сваты,
Женихи ушли в печали.
Заморожены их мысли,
Думы молнией разбиты.
Не плясать гостям на свадьбе.
Девушкам не веселиться.

Как разъехались, утихли
Сватов сани расписные,
Новый женишок явился.
Засылатъ гонцов он начал,
Обольтителей лукавых,
Осаждать вином и медом.
Это был колдун Суоми,
Финский знахарь ветра Туслар *,
Родич Калева далекий.

Но вдова и не внимала,
К жениху не обратилась,
Не помыслила о браке,
О любви, о счастье новом
Рассердился знахарь ветра,
За позор отмстить поклялся.

— Вот уж с тобой сквитаюсь
За отказ твой, за издевку!
Расплачусь за осмеянье! —

Линда только посмеялась
Над угрозой жениховой:
Что мне Туслар — знахарь ветра?
Что угроз его бояться?
Три в гнезде моем орленка
Крепкоклювых вырастают.
Три с железными когтями
Поднялись орла могучих.
Защитят они вдовицу,
От напасти мать укроют!

Годы быстро проходили,
Дни крылатые летели,
Перестали ездить сваты,
Женихи угомонились.
Отдохнули верховые
Женихов гнедые кони.

Кто однажды ездил к Линде
Попытать своей удачи
И ни с чем ушел обратно,
Тот на дружеской пирушке
Запевал такую песню:

„Разлюбезные собратья,
Ко вдове не шлите сватов,
К Калеву во двор не шлите!
Там — большие груди в пряжках,
Вдовьи груди — в звоне денег,
Речь — огонь в устах румяных,
Вдовьи зубы — как железо!
Кто богатою вдовою
И добром ее прельстится, —
С кочергой домой приедет.

Стройте корабли морские,
На волну ладьи спускайте,
Ставьте мачты расписные,
И узорные ветрила,
И шелковые канаты!
Корабли ведите в море
Под широкий свежий ветер.
Пусть усядутся за весла
Старые и молодые.
Отплывайте к землям финнов,
К странам северным гребите!

Там, на берегу высоком,
На скалах — стоят рядами
Сотни девушек красивых.
Первый ряд — в янтарных бусах,
А второй — в монистах звонких;
По краям — невесты в кольцах,
В лентах, в длинных ожерельях;
Посреди стоят сироты.

Оттолкни серебробусых,
Обойди ты бусошейных,
Не гляди на перстнеруких,
На владельцев ожерелий, —
Выбери из середины,
Облюбуй себе сиротку:
Будет доброю женою,
Золотой супругой будет.

Ко вдове не шлите сватов,
К Калеву во двор не шлите!
Из вдовы не быть молодке,
Дети, вскормленные ею,
Ей повысосали груди.
Пряжка на сердце вдовицы —
Крышка на пустом колодце,
Мостик над ручьем иссякшим!
Безутешная вдовица
Плачет по умершем муже,
Муж вдовы — по молодежи!
Ко вдове не шлите сватов!“

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

*Сыновья Калева на охоте. Похищение Линды.
Возвращение сыновей.*

од горячим летним солнцем
В знойный день сидел на взморье
Младший Калевов сыночек,
Любовался он волнами,
Их игрой неустомимой
С посвежевшим быстрым ветром.
Вдруг полнеба потемнело,
Тучи громовой громада
Сильным холодом дохнула.
Разыгралась ширь морская,
Гребни с грохотом вздымая.
Эйке-гром в телеге медной *
Прогремель мостом железным,
На скаку огонь метал он,
Искры сыпал, пролетая.
Налетел и старый Пикне,
Грохотал он, наступая,
Бросил молнию на землю.

Тут, карателя слышав,
Духи зла перепугались, —
Со всех ног они от Пикне

Улепетывали в море
С визгом: „Эйке, грянь погромче!
Наглотайся смраду, Пикне!“
Поскакали все с обрыва,
Кувырком скатились в волны,
В пене брызжущей исчезли.
Калев-сын, пловец бесстрашный,
Вслед за ними прыгнул в море,
Ринулся орлом могучим
Осквернителям на шею.
Похватав их, словно раков,
Сумку доверху набил он,
Вынырнул из пасти моря,
Богатырскими руками
Выгреб на берег отлогий,
Адских выродков из сумки
Вытряс в ярости на камни!
Их увидел гневный Пикне,
Искрошил прутом железным —
Волчьей стае на съеденье.

Как-то Калевовы детки
Вышли из дому все трое
Позабавиться охотой.
Мать одна осталась дома
Сторожить лари, амбары,
Охранять весь дом богатый,
Полный талеров старинных.

У котла она стояла,
Сыновьям еду варила,
За огнем следила зорко,
Чтоб огонь не разметался,
В потолок не брызнул жаром,
Искр на крышу не насыпал, —
Так почтенной подобало
Матери — хозяйке дома.

Калева сыны в ту пору
По лесам втроем бродили,
По следам ходили птичьим,
По медвежьим тропам крались,
След сохатого искали,
След высматривали зубра,
В чашах серого дразнили.

По овсам медведь топтался,
Выгребал косматой лапой

Соты из колод пчелиных.
Лось бродил возле опушки,
Волчьи стаи — возле стада,
Возле вырубок — лисицы,
Зайцы — на лугах зеленых.

Были с братьями собаки:
Ирми, Арми, Мустукене.

В сосняке густом и темном

Псы учуяли медведя...
Вот и сам медоволапый!
Гонит Ирми, ловит Арми,
Валит зверя Мустукене.

Три собаки взяли зверя.
Младший Калева сыночек
Вскинул на плечи медведя,
За ноги его подвесил,
Чтоб домой нести добычу,
Мясо съесть, одеться в шкуру.

Братья выбрались к опушке,
На простор — из бурелома.
Вдруг навстречу им выходит
Старец леса — лось могучий.

Псы накинулись на лося,
Все в сохатого вцепились.
Гонит Ирми, ловит Арми,
Валит лося Мустукене.

Три собаки взяли зверя.
Младший брат Калевипозг
Лося за плечи закинул,
Привязал его к медведю,
Чтоб домой нести добычу,
Мясо съесть, одеться в шкуру.

Братья в ельник повернули
По следам быка лесного.
Поспешая вслед собакам,
Набрели они на зубра.
Гонит Ирми, ловит Арми,
Валит зубра Мустукене.

Три собаки взяли зверя.
Младший сын рога у зубра
Затянул петлей ременной,
За плечи его закинул,
Чтобы легче несть добычу,
Мясо съесть, одеться в шкуру.
Вновь три брата, три могучих,

Углубились в чашу леса,
Сквозь кустарник продираясь.
Вдруг идут навстречу волки
Серым полчищем несметным.
Псы накинулись на серых,
Стали рвать лесную стаю.
Гонит Ирми, ловит Арми,
Валит зверя Мустукене —
Дюжины волков загрызли.
Младший Калева сыночек
С тех волков снимает шкуры,
С четырех снимает дюжин,
А как снял он шкуры с пятой,
Поспешили братья к дому.
Младший брат взял волчьи шкуры,
На плечо их вскинул разом —
Прямо на медвежью спину,
Чтоб домой нести добычу.

Братья шли дремучим лесом,
Милю шли, а то и больше,
Вдруг навстречу им лисицы,
Золотая лисья стая.

Псы накинулись на рыжих.
Гонит Ирми, ловит Арми,
Валит зверя Мустукене!
Дюжины их затравили,
Дюжин пять лисиц загрызли.
Младший брат Калевипоэг
С рыжих лис снимает шкуры,
С четырех снимает дюжин,
А как снял он шкуры с пятой,
Поспешили братья к дому.
Младший братец поднял шкуры,
На плечо их вскинул разом —
Прямо лосю на хребтину!

Три охотника, три брата,
Шли да шли дремучим лесом,
Милю шли, а то и больше.
Вышли братья на лужайку,
Видят — зайцев там без счета.
Псы накинулись на зайцев,
Рвут осиновое племя.
Гонит Ирми, ловит Арми,
Душит зайцев Мустукене.
Серых дюжины загрызли,

Дюжин пять их затравили.
Младший брат Калевипоэг —
С зайцев он снимает шкурки,
С четырех снимает дюжин,
А как снял он шкурки с пятой,
Поспешили братья к дому.
Младший брат взял шкурки зайцев.
На плечо их вскинул разом —
Прямо зубру на загривок!
Тут они заторопились,
Живо к дому зашагали.

Чарователь ты коварный,
Злой жених, ведун-обманщик,
Как же ты нашел дорогу?
Как сумел ты через скалы,
Через яростные волны,
Через темные овраги,
Через горы и долины
Путь найти в тот дом богатый,
Полный талеров старинных?
Оттого нашел тропинку
Через темные овраги,
Через волны, через горы
Прямо к Калевову дому, —
Оттого пришел во двор ты,
Полный талеров старинных,
Что среди двора вдовицы
Шар серебряный светился,
Два шара на новой клети,
Три на кровле у амбара,
Пять у выгона на прясле,
Шесть на тыне у загона.

Оттого нашел дорогу,
Оттого посмел обманщик
К дому Калева причалить,
Что орлята улетели
Быстрокрылые из дому,
Мать оставив без защиты.

Финский знахарь ветра, Таслар
Сколько тайных наговоров,
Сколько черных заклинаний
В голове твоей теснилось,
Для вдовы готова сети!
Как ты долго хоронился

За уступом скал прибрежных,
Как ты вглядывался зорко
В ворота усадьбы вдовьей.
Как же долго ты, обманщик,
Злой жених, ведун коварный,
Ждал удачливого часа,
Потаенного мгновенья,
Чтобы Калева вдовицу
Затянуть петлей обмана,
Сетью чар своих опутать!
Лодка за скалой стояла,
Челн таился за уступом, —
Там упрямый соглядатай
День и ночь сидел в засаде.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Был в челне своем в ту пору,
Как ушли из дому братья
На охотничью забаву.
Тут почуял знахарь ветра:
Беззащитная вдовица
Одинешенька осталась,
Нет с ней сыновей могучих,
Нет ей помощи от милых.
Далеко летят орлята,
Не услышат воронята
Материнских горьких стонов,
Долгих жалобных призывов,
Не услышат криков сердца,
Что в когтях мучений бьется!
Тут подумал знахарь ветра:
Дичь сама дается в руки,
Дом остался без подпорок,
Горница стоит без кровли —
Всем ветрам на разметанье,
Всем волнам на расхищенье.
Не видать орлят могучих,
Не слышать железнолапых,
Нынче хищнику приволье,
Благодатный час для вора!

Финский знахарь ветра, Туслар,
Вывел челн из-за уступа,
В море шумное направил,
Тотчас веслами ударил.
Весла лодку подгоняли,
Волны с плеском рассекали.

Вот и парус он поставил,
Ветер паруса расправил.

Челн скользил по водной шири,
По грядам ее зыбучим,
Он качался, колыхался,
Мчался к Калевову дому.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Тихо к берегу причалил —
Там, где выгон с водопоем,
В камышах он лодку спрятал —
Близ могилы богатырской,
Сам же выпрыгнул неслышно
На скалу береговую
И пустился воровато
По злодейским тем дорожкам.
То в траве высокой полз он,
То за камнем хоронился,
Словно кошка на охоте, —
Так прокрался к дому Туслар.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Вполз в ворота калевитян.
Тут подпрыгнул — скок! — на пятку,
Тут на цыпочки привстал он,
Через двор шагнул он дерзко,
Со двора скользнул он в сени,
Заглянул в дверную щелку,
В горницу влетел, как ветер.

У огня вдова сидела
С длинной ложкой-поварешкой.
Так она перепугалась,
Что далась злодею в руки.
Финский знахарь ветра, Туслар,
Беззащитную опутал
Воровской петлей объятий.
Он в кушак ее вцепился
Ястребиными когтями,
Потащил вдову он к морю,
К челноку понес добычу.

Линда, бедная вдовица,
С похитителем боролась,
Кулаками била вора,
То в него вонзала зубы,
То рвала его ногтями, —
Все напрасно: гасла сила,
Тело Линды ослабело

Перед силой воровскою,
Пред словами колдовскими,
Убивающими силу,
Расслабляющими тело. —
Так сковал он силу вдовью.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Колдовать умел словами,
Знал он речи ведовские,
Знал он сотню слов могучих,
Знал он сотню слов премудрых,
Третью сотню слов сильнейших —
Для наращиванья силы,
Для телесного прибытка,
Чтобы втрое стать сильнее.
Знал он тысячу заклятий,
Знал слова для расслабленья,
Чтобы силы притомились,
Чтобы ловкость притупилась,
Чтоб к борьбе иссякла воля,
Чары тело оковали.

Линды горькие призывы,
Причитанья, крики сердца,
Улетали с быстрым ветром,
Падали в морские волны,
Гасли в зарослях прибрежных,
Опускались в тень лесную,
Замирали в дальних скалах, —
Но родных ушей сыновних
Эти вопли не коснулись.

Линды голос одинокий
Понапрасну звал на помощь.
Злых зверей молила Линда,
Добрых смертных призывала,
Слала вопли к чужеродным,
Умоляла светлых духов,
Призрак мужа заклинала,
Всех богов звала на помощь,
Уку старому молилась,
Тени прадеда священной.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Хитрый силой колдовскою,
Уши залепил смолою,
Чтоб отчаянные вопли,
Вдовьи жалобные стоны
Воли злой не погасили.

Но всезрящими богами,
Оградительной их силой
Не была забыта Линда.
Боги слышали молитвы,
Вдовьи жалобные стоны,
Одинокие призывы.
Повелел великий Таара,
Чтоб от туч явилась помощь,
От ветров пришла защита.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Волочил свою добычу
На крутые взгорья Иру*.
С той горы хотел сбегать он
Прямо к морю голубому,
Где челнок был наготове.
Просверкнул могучий Эйке,
Вору путь пересекая.
Полыхнул из тучи Пиккер.
Дед в гремющей колеснице
Проскакал мостом железным,
Бросил молнию на землю.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Канул в обморок глубокий,
Пал в объятия мнимой смерти.
Был он молнией пронизан,
Оглушен ударом грома, —
И упал колдун, как мертвый,
На траву крутого склона.
Изначальной силой неба,
Огневой его защитой
Вырвана была вдовица
Из объятий ястребиных.
И в единое мгновенье
Линда — бедная вдовица,
Стала каменной скалою,
Глыбою на склоне Иру.
Развязались узелочки
Долгих жизненных печалей,
Из ольховника тревоги,
Из еловой чащи горя
Вышла Линда, не доставшись
Туслару на поруганье.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Вскоре к жизни возвратился
Из глубокого забвенья,

Из объятий мнимой смерти.
Протирал глаза он долго
И в смятенье пялил веки,
Во все стороны глядел он,
Думал: где укрылась Линда,
Куручка куда исчезла?
Не нашел он вдовья следа,
Дочь тетерки потерял он.

Превращенную волшебю
В камень Калева вдовицу
Может каждый, кто захочет,
Оком собственным увидеть:
На горе, на склоне Иру,
Близ тропинки, близ дороги,
Восседает дочь тетерки.
Мимо Линды ездят в город.
Только нынешние люди
Имя Линды позабыли.
Ту скалу теперь в народе
Величают „тешей Иру“*.
Кто впервые едет в город,
Должен чтить обряд старинный —
Поклониться „теше Иру“.
Должен праздничную шляпу
На нее надеть с поклоном.

Пусть в том каменном осколке
Не найдется жизни зримой
И приметного движенья, —
Все ж от тех, кто нас постарше,
Побогаче разуменьем,
К нам дошли живые слухи,
Сокровенные сказанья:
Будто в пазухе кремневой
Мощь глубокая таится,
Чудодейственная сила.
Если каменную „тешу“
Ночью кто столкнет с пригорка,
Поутру на том же месте,
Линду он найдет стоящей
Там, где некогда стояла.

Потому и ты, сыночек,
Будь приветлив с „тешей Иру“.
Как завидишь дочь тетерки,
На нее надень ты шляпу,
Обними ее за шею:

Перед ней не провинишься,
И прохожий не осудит.

Три охотника могучих
Шли да шли тропой забавы,
По веселым тем дорожкам, --
То бегом широким логом,
То ползком через кустарник,
То вприпрыжку по болотам.
Видят вдруг — четыре леса
Стройно встали перед ними.
Первый — ельник златохвойный,
А второй — дубняк столетний,
Третий — ласковый березник,
А четвертый был ольховник.

Что за лес златохвойный?
То был княжий заповедник.
Что за лес дубняк столетний?
Был он вещим лесом Таары.
Ну, а ласковый березник?
То был лес носящих бусы.
Что за лес ольхи плакучей?
То был лес детей печали,
Лес — прибежище скорбящих.

Старший Калевов сыночек
Выбрал ельник златохвойный.
Сел, как в княжеских палатах,
Под крылом высокой ели.
Там пустил он песню в небо.
Так взвилась она могуче,
Что листвою покрылись ветки,
Окунулись в блеск зеленый
Так, что иглы грубой хвои
Мягким шелком обернулись.
Пел он так, что шишки елок
Заалели под зарею,
Дуб оделся желудями,
И сережками береза,
И ветла блестящим пухом.
Расцвели кругом деревья,
В солнечных лучах красуясь,
Под луной благоухая.
Пел он так, что лес качался,
Звоном полнились просторы,
Стлался отзвук по долинам, —

Княжьи дочери в дальней Кунгле *
Песню слушали, грустили.

Средний Калевов сыночек
Выбрал девичий березник,
Сел под пологом плакучим.
Там пустил он песню в небо.
Так взвилась она высоко,
Так могуче раскатилась,
Что цветы зажглись повсюду,
Почки брызнули огнями,
Появился хлеб на нивах,
Яблоки — на ветках яблонь,
На орешниках — орехи,
Вишенье — в садах вишневых,
Земляника — на лужайках,
Голубика — на болоте,
На краю болот — брусника,
На торфянике — морошка,
Гроздья ягод — на рябине.
Пел он так, что лес качался,
Звоном наполнились просторы,
ГнулсЯ и трещал кустарник,
Стлался отзвук по долинам, —
Златокудрые русалки
Песню слушали, вздыхая.

Младший Калевов сыночек,
Выбрал Таары лес дубовый,
Сел он в дедовских палатах,
Под ветвистым вещим дубом.
Так пустил он песню в небо,
Так взвилась она высоко,
Так широко раскатилась,
Раскружилась так могуче,
Что на зов слетелись птицы.
Курочки — в седой ольховник,
Петушки — в зеленый ельник,
Птицы умные — в березник,
Вещие — в дубняк столетний.
Песней он своей заставил
Куковать в ветвях кукушек,
Горлиц — ворковать под кровлей.
Он дроздов скликал в кустарник,
Трясогузок — в буреломы,
Жаворонков — на просторы,
Ласточек — поближе к солнцу,

Лебедей — к речным затонам,
Уток — к камышам прибрежным,
К заводям — гусей крикливых.
Соловья он песней вызвал
Ликовать в ночи и плакать,
Чаровать в часы заката,
Убаюкивать на зорях.
Пел он так, что ширь морская
Закипела, взволновалась,
Скалы грянули отгулом.
Бушевала чаща леса,
Небосвод высокий слушал,
Кручи горные качались,
Тучи с треском разрывались.
Дочь единственная Халдьи *,
Легкие лесные девы,
Златокудрые русалки,
Песню слушали, вздыхая:
„Если б с нами был поющий!
Если б рос он вместе с нами!“

Солнце за лес западало,
Ветерок едва струился,
Пряжу вечера колыша, —
Видно, гаснет день веселый
И конец настал забавам.
Видно, срок пришел и братьям
Возвращаться в дом отцовский.
Младший брат Калевипоэг
Нес охотничью добычу,
Но спина его не гнулась,
Не натруживались плечи.

Три охотника спешили
Через дол широкий к дому,
Быстрым шагом приближались.
Зорко вдаль глядели братья,
Чтобы дым жилья приметить.
Только — нет, не видно дыма,
Над котлом с едой не вьется
Тонкой струйкой пар душистый.

Три охотника спешили
По песчаному раздолю,
Все быстрее шагали к дому.
Пристально смотрели братья:
Где же дым жилья родного,

Очага дымок священный?
Только — нет, не видно дыма,
Над котлом с едой не вьется
Тонкой струйкой пар душистый.

Быстро дошагав до дома,
Братья кинулись в ворота,
Миновали двор широкий,
Дверь проворно распахнули,
На порог родной ступили...
Увидав очаг потухший
И раскрошенные угли,
Братья поняли: в жилище
Нет их матери любимой,
Что огонь их сторожила,
Очагом повелевала.

Младший брат тогда промолвил:
— В сторону уходит речка,
В темный лес бегут дороги.
Вижу, дело тут нечисто:
Все распахнуты ворота,
Настежь горница раскрыта.
Знать, стряслась беда большая,
Злое горе приключилось... —

Сыновья продули глотки,
Голоса их — словно буря.
В тишину вечеровую
Полетели их призывы:
— Где ты, матушка? Откликнись!
Отзовись нам, золотая!
Ты пропой нам песню, птичка!
Голосок подай, тетерка! —

Не ответила родная,
Ни словечка не сказала.
Только гикнул где-то леший,
Только глушь в ответ вздохнула,
Только лес пропел невнятно,
Огозвался остров Хийу,
Подав голос Курессааре *.

Сыновья продули глотки,
Снова громко прокричали.
В тишину вечеровую
Полетели их призывы:
— Где ты, матушка? Откликнись!
Прокукуй в ответ, кукушка!

Ты пропой нам песню, птичка!
Голосок подай, тетерка! —

Не откликнулась родная,
Не ответила тетерка.
Отозвался берег моря,
Стены скал прокуковали,
Волны сизые пропели,
Подал голос шумный ветер.

Сыновья продули глотки,
В третий раз они вскричали.
В тишину вечеровую
Полетели их призывы:
— Где ты, курочка? Откликнись!
Прокудахтай, золотая!
Матушка, пропой ответно!
Отзовись на клики горя,
На сыновние призывы! —

Не ответила родная,
Не откликнулась тетерка,
Не кудахтала наседка,
Лебедь белая не пела.
Где шумел сыновний голос,
Там раскалывались скалы,
Где гремел призыв сыновний,
Там леса ломала буря.
Где летели клики горя,
Там о берег бились волны,
Тучи с треском разрывались.

Но не слышно ниоткуда,
Чтоб кудахтала наседка,
Чтоб тетерочка квохтала,
Чтоб кукушка куковала —
Ни с лужайки травянистой,
Ни с болота мохового,
Ни с широкой глади моря,
Ни из пущи потемневшей,
Ни с пустых холмов песчаных.
Задремал притихший воздух,
Вся земля кругом заснула...

Вышли братья за ворота,
Из ворот во двор спустились
Понскать следов пропавшей,
Выследить тропинку вора.

Старший Калевов сыночек
Со двора пошел на выгон, —

Не нашел следов пропавшей,
Тропки вора не заметил.

Средний Калевов сыночек
Обошел загон широкий, —
Не нашел следов пропавшей,
Тропки вора не заметил,
В темноте не распознал он,
Где родная запропала,
Дочь тетерки затерялась.

Младший Калевов сыночек
Зашагал на берег моря, —
Там нашел он след пропавшей,
Распознал он там, заметил
Те места, где мать исчезла,
Где тетерочка летела.

Финский знахарь ветра, Туслар.
От прибоя волн высоких
Лодку спрятал за утесом.
Ожидал затишья Туслар
В том же месте потаенном,
Там, где темными ночами,
Где сверкающими днями —
На закате, на рассвете —
Он выслеживал добычу.

Сыновей взяла тревога:
Уж не он ли похититель?
Уж не этот ли обманщик,
Злой жених, ведун коварный,
Загубил, унес родную,
Закогтил ее, как ястреб?

Старший брат тогда промолвил,
Он сказал слова такие:
— Надо раздобыть нам хлеба,
Надо трапезой вечерней
Тело подкрепить и душу,
Да и лечь скорей на отдых:
Может, светлый сон приснится,
Нам укажет след родимой.
Завтра матушку отыщем. —

Средний брат тогда промолвил,
Он сказал слова такие:
— Волю мудрости небесной
Нам во сне объявит Уку.
Нам лугов налет росистый,
Облачка с каймой туманной

Материнский след укажут,
Нам помогут нашу птичку,
Нашу курочку родную,
Вырвать из когтей железных! —

Тут, недолго пораздумав,
Подкрепив сердца беседой,
Улеглись два старших брата,
В сон глубокий погрузились.

Младший Калевов сыночек,
Молодой Калевипоэз,
Утешитель материнский,
Утолитель вдовьей скорби,
Рассудил он по-иному,
К одинокому полету
Мысли тайные готовя.

Богатырский сын любимый
Так подумал, так размыслил:
„Ты сегодняшнего дела
Не откладывай на завтра!
Каждый день свой труд имеет,
Каждый час свою заботу!
Потому, коль ты назвался
Рыбаком прилежным счастья,
Не теряй часов бесценных,
Не промедли ни мгновенья.
Счастье быстро, — не догонишь!
Пять невзгод — у промедленья,
У сомненья — шесть печалей,
Семь несчастий — у бессилья...“

За родимую тревожась,
Сын печалился глубоко,
Сто забот давили душу.
Не успели двое братьев
Погрузиться в сон глубокий,
А уж младший встал с постели,
За порог шагнул неслышно,
Пробежал росистым лугом,
Проскользнул на темный выгон.
Он пошел к холму крутому,
Где зарыт был славный Калев.

Калевитян сын любимый,
Подошел к холму отцову,
Тихо сел на холм могильный
Остудить огонь печали.

Молвил Калев из могилы:
— Кто ступает по могиле,
Ворошит песок над гробом?
Мне в глаза летят песчинки,
Лоб мне камешки щекочут. —

Калев-сын отцу ответил:
— Это — младший твой сыночек,
Он ступает по могиле,
Ворошит песок над гробом,
Он пришел к холму отцову
Остудить огонь печали.
Ты проснись, отец любимый,
Встань, родимый, из могилы!
Покажи своим сиротам
К милой матушке дорогу! —

Молвил Калев из могилы,
Отвечал отец из гроба,
Простонал из подземелья:
— Не буди меня, сыночек!
Не могу я встать из гроба,
Придавил мне тело камень,
Налегла скала на плечи,
Курослеп растет сквозь брови,
Васильки цветут в глазницах,
Вместо щек цветы алеют.
Пусть тебя научит ветер,
Вразумит текущий воздух,
Звезды путь тебе укажут. —

Сын пустился быстрым шагом,
Соскользнул тропой кремнистой
На высокий берег моря —
Вслед за матерью любимой,
Вслед за курочкой пропавшей.
Лодка скрылась, было пусто,
Словно выметено взморье.
Калевитян сын любимый
Оглядел с горы высокой
Рассветающее море.
По волнам скользил он взглядом,
Изошряя силу глаза,
Расширяя крылья взора:
Нет ли где на водной глади,
На волнах широких моря
Убегающей бороздки?

Нет ли где какого знака,
Нет ли где какой приметы
Злого дела воровского?
Не успела ли тетерка
Легкий след свой втиснуть в землю,
Проторить в песках тропинку?

За волной волна катилась
В вечном шуме, в вечном беге,
Разбиваясь об утесы,
Берег пеной заливая,
Обдавая влажной пылью.
Об одном молчали волны,
Об одном не рассказали:
Кто сегодня в час отлива
Взбороздил веслом их гривы,
Челн увел в просторы моря.

На немолкнущие волны
Звезды ласково глядели,
Но молчали звезды в небе,
Ни о чем не рассказали.

День и ночь играет море
В вечном шуме, в вечном беге,
В красоте невозмутимой —
И не скажет, кто из смертных
Схоронен в его пучине,
Смерть нашел в морских объятьях.

Волн беспечное качанье,
Ты, играющее море,
Вы, смеющиеся звезды, —
Что вам радости людские,
Что вам дольные печали!

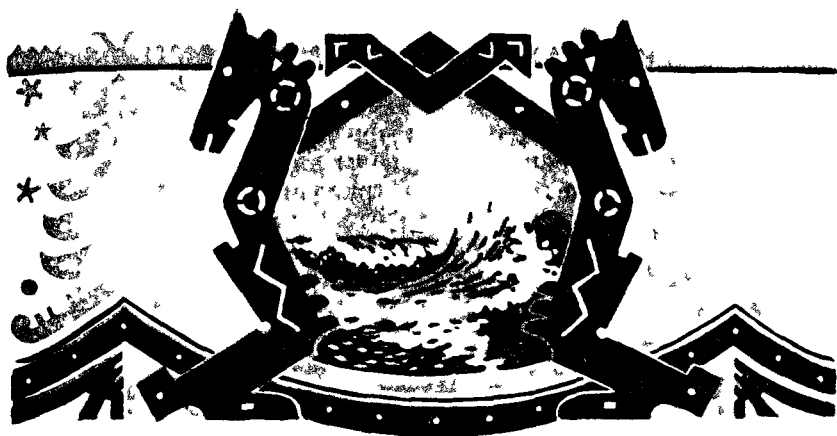
За волной волна стремится
В вечном шуме, в вечном беге,
Бьют в скалу седые гребни,
Берег пеной заливая,
Обдавая легкой пылью,
Одевая влажным дымом, —
Только слов не жди от моря,
Не проси у волн ответа.

За волной волна стремится
В вечном шуме, в вечном беге,
Бьют в скалу седые гребни,
Берег пеной заливая.
Так и волны жизнью наших
Тихо катятся, играя,

В вечеряющей прохладе
К берегам холмов могильных,
К зеленеющим лужайкам.
Смотрят ласковые звезды,
Смотрит месяц белолицый,
Смотрит солнце золотое
На расставшихся, на спящих.

Но не жалуйся могилам,
Не проси у звезд защиты,
Перед месяцем не сетуй,
Не моли напрасно солнце, —
Не услышат, не ответят!..

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Плаванье Калевипозга. Девушка-островитянка.

Песнь о море

ы кукуй, кукуй, кукушка,
Птица леса золотая,
Из серебряного клюва
Языком прощелкай медным
Ты пропой нам, приоткрой нам,
Прокукуй нам, растолкуй нам
Наши древние сказанья,
Выпряди преданий нитку,
Былей нитку золотую.

Петь не будешь, сам спою я,
Буду дикой уткой крякать,
Как озерный лебедь плакать,
Семикратно повторяя
Наши старые сказанья.
Самых древних лет преданье
Вышло из тюленьей глотки,
А второе — от прибоя,
Третье же — от скал прибрежных,
Вслед за третьим — от русалок,
Пятое — от их царицы,

От круженья лун — шестое,
А от старца островного
И от островной старухи,
От печали их — седьмое.

Стены скал прислушивались,
Гребни волн выводывали,
Очи звезд высматривали,
Как сын Калева отважный
Матушку свою родную,
Сгинувшую дочь тетерки,
Без узды и недоуздка,
Без коня искать пустился.
Сильный муж задумался бы,
Женщина заплакала бы,
Если б сына Калеева,
Зыбь одолевающего,
Посредине волн широких,
На кипящем лоне бури,
Одного во мраке ночи,
Увидали плавающим
Без челна в морской пучине.

В час, когда с утесистого
Берега ни всплеска весел,
Ни следа не видно было,
Юный витязь прянул с кручи,
Со скалы в морские волны,
В лоно бурного течения,
На постель пучины пенной.

Спереди он греб руками,
Сзади управлял ногами,
Парусил он волосами,
К финским скалам выгребал он.
К Турьи берегам он правил *.
Выгребал на север витязь,
Чтобы мать спасти родную,
Из сетей тетерку вырвать,
Линду вызволить из плена.
Злого знахаря хотел он
Захватить в его берлоге,
Злого вора отдубасить,
Когти у него повырвать,
Чтоб ни девушек, ни женщин
Похищать не смел он больше.

С неба Звездная Телега *,
Что зовут „Медведем шведским“,

И сынок Звезды Полярной —
Ясных глаз своих сверканьем
Путь указывали в море,
В водяной пустыне стежку,
Тропку по волнам широким
К берегам скалистым финнов.
Нет корчмы в морских просторах,
Ни поселка, ни сторожки,
Ни шатра, где было б можно
Отдохнуть на перепутье,
Заблудясь, спросить дорогу.
Богатырь рукой могучей
Рассекал морские волны.
В люльке бурных волн качаясь,
На хребте валов кипящих
Удалой пловец катился
К берегам скалистым финнов,
К краю моря полуночи.

Богатырь Калевипоэг,
Вдовьей скорби утешитель,
Ты не ведал утомленья,
Истощенья сил великих,
Дивной мощи угасанья,
По неведомым дорогам
В долгих поисках скитаясь,
Вслед за матерью пропавшей,
За потерянной тетеркой.

Опускались, поднимались
Звезды на небе полночном,
Лишь костер Звезды Полярной
Да Медведица Большая
На одном кружились месте.

Сильная рука героя
Рассекала волны моря.
В люльке бурных вод качаясь,
На хребте валов кипящих
Удалой пловец катился
К северу, к скалистым кручам,
К краю моря полуночи.

Богатырь Калевипоэг,
В бурных волнах выгребая,
В поисках следов родимой,
Месть готовил злому вору.

В сердце зов любви сыновней,
Жажды мести голос гневный
Силу витязю давали,
Утомленье отгоняли.

Сито Звездное вставало *,
Протянув лучи к рассвету.
Полночь в мире наступала,
Хоть о том небес глашатай,
Хода суток соглядатай,
Знака голосом не подал,
Чтобы витязь время ведал.
Не споет петух над морем,
Куточка не прокудахчет,
А у рыбы — песня в горле,
Рыбья речь застряла в путах.

Над широкими волнами
Кочка в море зачернела,
Выросла в скалистый остров,
Поднялась надежной сушей.
Удалец на сушу правил,
Выгребал пловец на остров.

Сильная рука дитины
Рассекала волны моря.
В люльке бурных волн качаясь,
На хребте валов кипящих
Удалой пловец катился
К северу, к скалистым кручам,
К берегам, из волн встающим.

Калев-сын, пловец могучий,
Отдохнуть хотел на скалах,
Дух перевести в дороге,
Головой прилечь на отмель.

Сильная рука героя
Рассекала волны моря.
В люльке бурных волн качаясь,
По хребтам валов кипящих
Все быстрее пловец стремился
К кручам близящейся суши.

Калева сынок любимый
Потянулся в утомленье,
Скованные стужей моря
Все суставы порасправил.
Прислонясь к горе скалистой,
На замшелом гладком камне,
На скамье прилег гранитной,

Ноги в море свесив с кручи,
Волю дав волнам прибоя
Поиграть его ступнями,
Пеной обдавать колени.
Хоть на час сомкнуть хотел он
Тяжелеющие веки,
Хоть на полчаса забыться,
Задремать на четверть часа.

Но пред тем, как сна владыка
Дрему сладкую наваял,
Дымкой взор его окутал,
Память песней убаюкал,
Мужа сильного осилил, —
В темноте глубокой ночи
Из-за пазухи безмолвья,
Из великих недр покоя
Переливы звонкой песни
Донеслись, ушей коснулись,
Сладкой песни лад красивый,
Молодой девичий голос,
Будто посвист соловьиный,
Будто в ельнике зеленом,
Будто в заросли ольховой
Золотое кукованье.

Богатырь Калевипоэг
Слух напряг навстречу песне:
Не кукушка ли чеканит
В чаще песню золотую?
Серебро у птицы в клюве,
Горло птицы звонче меди,
В языке у ней монеты.

Песня девичья звенела,
Жаловалась золотая:
„Далеко мой милый спутник,
За морями мой любимый,
Далеко, а все ж мне виден!
Между нами, мой любимый,
Море бурное, глухое,
Пять больших озер глубоких,
Шесть лесных дремучих дебрей,
Семь болот непроходимых,
Дальше — восемь кражей горных,
Дальше — девять рек широких,
Десять родников студеных

Да других препятствий — двадцать.
Мне нельзя уйти отсюда,
Он прийти сюда не может.
Голос милого и в месяц
До меня не донесется.
Год прожду и не дождусь я
Жарких милого объятий,
Счастья на груди у друга!..

Далеко мой милый спутник,
Мой любимый за морями,
На него хоть раз бы глянуть!
Между мною и любимым
Льются реки, встали горы.
Ветер, мчи ему привет мой,
Донеси любовь на крыльях.
Тучи, грусть к нему умчите,
Волны — жизнь мою несите,
Вы, дождей весенних капли,
Станьте добрыми гонцами!

Если есть на свете счастье,
Пусть любимый счастлив будет.
Столько шлю ему приветов,
Сколько дум в душе таится.
Столько шлю ему приветов,
Сколько на сердце желаний.
Столько шлю ему приветов,
Сколько ольх в ольховой чаще,
Сколько листьев на березе,
Игол — в ельнике зеленом.
Столько шлю ему приветов,
Сколько волн на синем море,
Сколько звезд на ясном небе!

Богатырь Калевипоэ
Жи́лы шейные напружил,
Вслушиваясь, вглядываясь,
Не видать ли той кукушки,
Пташки той звонкоголосой,
Среброгорлой той певуньи,
Глаз ее смородиновый
Не блеснет ли из тумана...
Тень свирепая морская
Остров каменный накрыла*,
Только малый огонечек
Одиноко в отдаленье
Вспыхивал под сенью дуба.

Перед тем огнем сидела
Златоклювая певунья,
Девушка, а не кукушка.
Кудри шею ей обвили,
В складках тонкая рубашка
Грудь высокую накрыла.

Не она ль так сладко пела,
Полевой звенела пташкой,
О своей печали тайной,
О тоске сказала в песне?..
У костра она сидела
В темном поле на дозоре.
Стерегла она холстины,
По траве разостланные,
Чтоб под солнцем выбелились,
В свежих росах выпарились,
Ею же на веретена
Нитками накрученные,
Ею же на ткацком стане
В полотно сколоченные.
Хоть холстину ткали руки,
Хоть челнок пускали пальцы,
Хоть и ноги неустанно
Нажимали лапы стана,
Но уста слагали песню,
Золотую нитку пряли.
Калев-сын, любезный витязь,
Песней девушке ответил,
Песней отвечал на песню,
На печальную — шутиливой.
Перекатом соловьиным
Он слова в полет отправил:
„Что грустишь ты о далеком,
Об отсутствующем плачешь,
Сирою вдовой тоскуешь?
Что ты, тоненькая станом,
Близкого, перед собою
Жениха не замечаешь?
Здесь я, рядом я с тобою!
Близко я, смотри, как близко!
Близко дорогой супруг твой,
Близко — милого объятья!
Между нами нет преграды,
Между нами нет помехи,

Между нами нет ни моря,
Ни озер глубоководных,
Ни сухих степей бесплодных,
Ни болот, ни вязких топей,
Нет ни выгонов зеленых,
Нет ни бурных рек широких,
Нет ни родников холодных.
Близко он, всмотрись, как близко,
Близко твой жених желанный.
Ждут тебя его объятья,
Здесь, на щедром лоне счастья!

Близко он, глазами виден,
Лучший он жених в округе,
Он в деревне знатный парень.
Сын семьи, известной всюду.
Он на плавниках широких
Пролетал по бурным волнам,
По морской пучине мчался
Девам острова на счастье,
Дочкам острова на радость!“

Девушка-островитянка
Услыхала кукованье —
Удальца напев обманный.
Захотелось ей украдкой
Посмотреть на песнопевца,
Поглядеть тайком на парня,
Напевающего песню,
Начала она, бедняжка,
Подходить к нему все ближе.
Шаг ступила, два ступила,
И еще шагов десятков,
И еще, пожалуй, двадцать,
И еще, быть может, сотню,
И еще сверх ста без счета.
На певца взглянуть хотела,
Не пришел ли финский родич?
Кружку винную из Виру
Не принес ли сват в подарок?

Девушка-островитянка,
Станом тонкая тростинка,
Ты беги скорей, покамест
Не попала в сети взгляда,
Не запуталась в тенетах,
Так, что с места ног не сдвинешь,
Курочка, бежать не сможешь!

Девушка-островитянка
На прибрежных гладких скалах
Молодого увидала
Мужа силы богатырской.
Подошла к нему поближе,
Задержалась, заболталась,
Шуткой перебрасываясь,
Песнями обмениваясь.
А когда любви тенета,
Сети дружбы мимолетной
Сердце спутали, связали,
Ум затмили, с толку сбили, —
Девушка-островитянка
С детской глупостью уселась
Ненароком возле мужа
На прибрежном гладком камне,
На гранитном мшистом ложе.

Что случилось, приключилось
С девушкой-островитянкой,
С бедной тоненькой тростинкой,
Что вдруг криком закричала,
Застонала слезным стоном,
Жалобно зовя на помощь?
Иль у ней в объятьях мужа,
В богатырской той охапке,
В бедрах жилочки порвались,
Кости в теле захрустели?

.

Крик ее отец услышал,
Голос дочки мать узнала.
Сна ярмо они стряхнули,
Путы дремы размотали.
Им сначала показалось,
Что дурное сновиденье
Их встревожило обманно,
Но опять к ним долетели,
Как свирели плач тревожный,
Дочки жалобные крики.

Старец острова мгновенно
Сон забыл, вскочил с постели,
В руки ухватил дубину,
Выбежал в ночную темень,
Чтоб разведать, что случилось.
Уж не парень ли, разбойник,

Не залетный ли грабитель
Взял у дочки злым обманом,
Отнял матери богатство —
Выбеленную холстину?..

А когда старик увидел
Мужа сильного у моря,
Выпала из рук дубина,
Слово грозное застряло
В пересохших связках горла,
От испуга побледнел он.

Молодая дочь понуро
На краю скалы стояла,
Робких глаз не поднимая,
Опустив лицо, скрывая
Жарко вспыхнувшие щеки,
Не сказав отцу ни слова.

Калев-сын, могучий витязь,
В выбоине скал сидел он,
В мшистой каменной охапке.
Старца он спросил без страха:
— Тут вчера не пролетал ли
Финский знахарь ветра, Туслар,
Возвращаясь из Виру,
К дому паруся родному, —
Мимо острова не плыл ли? —

Старец острова ответил:
— Много дней прошло, любезный,
Много месяцев уплыло
С той поры, когда я видел
Парус Туслара над морем.
Ты скажи мне, храбрый витязь,
Где стоит твой дом отцовский,
Где гнездо твое родное?
Ты каким великим мужем
Порожден на белом свете?
Чьей обильно щедрой грудью
Вскормлен сын такой могучий,
Как ствола богов отросток,
Мощных тааравитян отпрыск?
Я по пламенному взгляду,
По румянцу щек прекрасных,
По повадке богатырской
Угадал твою породу. —

Калев-сын, разумный, понял,
Богатырь хитро ответил:
— У крутых побережий Виру,
У скалистых кряжей Харью,
У песчаных мелей Ляне
Много стежек проторенных,
Много езженных тропинок,
Многих ног следы остались;
Но средь них одна дорога
По земле знакомой вьется,
След ступни хранит любовно,
Что меня к двору отцову,
К загородке материнской,
К нашим выгонам широким,
К воротам высоким дома
Приведет скорее прочих.
Там-то я на свет родился,
От комля большого дуба
Боковым стволом поднялся,
Как побег от корневища.
Там моя качалась люлька,
Там — гнездо мое на скалах,
Там — на мураве зеленой —
Память детских игр осталась.
Я рожден на белом свете
Праотцем мужей могучих.
Вскормлен я обильной грудью
Матушки моей любимой,
Выросшей в ольховой Ляне
Из яйца лесной тетерки.
Видишь ты богов отросток,
Тааравитян мощный отпрыск.
Может, Калев, муж великий,
Заронил зерно такое,
Посадил такой отросток.
Может быть, птенец последний,
Запоздалый, проклевался
Из яйца тетерки Линды. —
Девушка-островитянка
Робко слушала чужого,
Как покойник, побледнела,
Обмерла она, когда он
Калева отцом, а Линду
Матерью назвал своею.
Слабенькая, тоненькая,

Насмерть перепуганная,
К берегу она метнулась, —
На крутом краю обрыва
Ненароком оступилась,
Там, родная, поскользнулась,
Головою вниз упала —
В море, в волны вспененные,
В глубину, на дно морское.
Погребла волна голубку,
Деточку вода покрыла.
Шумная волна ночная
Лапушку похоронила.

Поднял крик отец несчастный,
Громко начал звать на помощь.
Прянул богатырь в пучину,
Под покровом пены скрылся,
Чтоб похищенную морем
Вынести со дна морского,
Из объятий бездны вырвать.

Но глубин тяжелых полог
На прохладном темном ложе
Утаил, укрыл голубку,
На землю вернуться не дал.

Богатырь Калевипоэг
Вынырнул из волн широких,
Молвил ждущему на скалах,
Крикнул старцу островному:
— Ты прощай, отец печальный!
В море дочь твоя попала,
Мать моя — во вражьи сети!
Бедные с тобой мы братья,
Одинаково несчастны! —

Молвив так, пустился дальше
Калевитян сын бесценный.
Плавником гребя могучим,
От скалы он отделился.
И в раскате волн широких,
В качке зыби, в свисте бури,
Из очей отца-бедняги
Скрылся сын тетерки Линды.

Калев сильною рукою
Рассекал пучину моря.
В люльке бурных волн качаясь,

На хребте валов кипящих
Удалой пловец катился
К северу, к скалистым кручам,
К краю моря полуночи.

На призывный крик, на голос
Старца острова, бедняги,
Прибежала мать-старуха
О беде узнать-проведать.

— Матушка моя, голубка!

Ты зачем, родная, встала
Из своей постели теплой,
Из-под пологов ковровых?
Вести черные, лихие,
Как мороз жестокий, зимний,
Как буран ночной свирепый,
Сердце ужасом наполнят,
Заморозят кровь живую!
Под водой — постель дитяти,
В бездне — зыбка золотая,
Колыбель — в молоке рыбьей,
Горница голубки — в море!
Волны нянкой ей не будут,
Зыбки шест не покачают,
Не споют ей колыбельной,
Доченьку не позабавят,
Одеялом не укроют.

Матушка моя, зачем ты
Средь холодной темной ночи
Из постели теплой встала
Вести страшные услышать?
Дочь твоя, что ты, родная,
В неге, в холе вынянчила,
Щедрой грудью выкормила,
С береженьем выходила,
На руках укачивала,
Под крылом выращивала,
Наша дочка спит в пучине,
В водяной глухой постели!

Матушка моя! голубка!

Ты возьми, родная, грабли,
Грабли с длинным грабелищем,
С рукояткою из меди,
С зубьями из твердой стали, —
Чтобы грабли дна морского,

Дна глубокого достали!
— Ты неси, отец мой, сети —
Самый крепкий, новый невод,
Попробуй, родной мой, счастья:
Не найдешь ли в море дочку,
Не поднимешь ли голубку
Неводом со дна морского! —

Стали дно грести морское,
Загрывать покос пучины,
Разгрывать морские норы,
В рученьках большие грабли,
Грабли — с длинной рукоятью,
Грабли — с длинными зубцами.
Рукоять — из желтой меди,
А зубцы — из синей стали,
Подграбелье — из железа.

Что же выросло из сметков?
Что поднялось из подгребков?
Стройный дуб из сметков вырос *,
Ель золотая — из подгребков.
Дуб перетасили к дому,
Золотую ель — на выгон.

Стали дно грести морское,
Проборонивать пучину,
Разгрывать морские норы.
Грабли длинные — из меди,
А зубцы — из синей стали,
Подграбелье — из железа.
Что же в сметках им явилось?
Что в подгребках отыскалось?
В сметках тех — яйцо орлицы,
А в подгребках — шлем железный.
В шлем яичко положили,
Отнесли домой находку.

Стали дно грести морское,
Проборонивать пучину,
Разгрывать морские норы.
Что же в сметках им явилось?
Что в подгребках отыскалось?
В сметках рыбу отыскивали,
Чан серебряный — в подгребках.
Рыбу плавать в чан пустили,
Отнесли в глубокий погреб.

Стали дно грести морское,
Проборонивать пучину,

С луговин подводных травы,
Выгребать густую тину,
Щупать в ямах и пещерах,
Не отыщется ль голубка,
Дочка в море не найдется ль.

Уши бедные, услыште,
Что поет в волнах глубоких.
Души скорбные, услыште
Голосок со дна морского,
Что поет в волнах прибоя,
Над раскатом водным свищет!
Из волны, со дна морского,
Песня вылетела птицей,
Вышло на берег сказанье:

„Дочь пошла качаться в море,
Слушать песни волн широких.
На прибрежном голом камне
Сбросила она сапожки,
Возле ивы — ожерелья,
На мель — шелковые ленты,
На прибрежный гравий — кольца
Стала дочь качаться в море,
Слушать песни волн широких.

Что сквозь волны там блеснуло?
Что в пучине засверкало?
Меч златой блеснул в пучине,
Серебром копье сверкнуло,
Медный лук в молоке рыбьей.
За мечом пошла девица,
За копьем морским вдогонку
И за луком желтой меди.
Вышел ей старик навстречу,
Старый воин — весь из меди,
В медной шапке и рубахе,
В медном поясе вокруг бедер,
В медных желтых рукавицах,
В медных сапогах и шпорах,
В медных бляхах на рубахе,
Письмена на них — из меди.
С медным телом, с медной шеей,
Меднозубый, медноглазый,
Медным голосом спросил он:
— Что, невеста, ищешь в море?

Что, малютка, ищешь в волнах,
Куточка — в икре и в тине? —

Дева старца услышала,
Меднотелому сказала:

— Я пошла качаться в море,
Слушать песни волн широких.
Меч златой я увидала
И копье серебряное,
И тот лук из желтой меди.
Меч добыть я захотела,
И копье, и лук из меди! —

Медный человек ответил,
Медным голосом промолвил:
— Калевы мечом владеют,
Олевы копьем владеют,
Сулевы владеют луком.
В море их добро хранимо.
Медный муж — добра их сторож,
Золотых мечей и копий
Их серебряных хранитель,
Медных луков укрыватель.
Стань же медному женою,
Куточкой моей домашней,
Утренней моей отрадой
И забавою вечерней,
И за это — меч бесценный
И копье и лук из меди
Я отдам тебе в подарок,
Дорогим залогом брачным! —

Услыхала, отвечала,
Уточкою прокричала,
Лебедем в ответ пропела:
— Разве дочка земледельца,
Хлебоборов знатных дочка,
На земле сухой не сыщет
Жениха себе по нраву,
Из деревни хлебопашца
Земледельческого рода? —

Медный старец засмеялся,
За ногу ее задел он.
Поскользнувшись на камне,
Канула она глубоко
В потаенные могилы,
Где икра густая рыба,

Как туман, висит в пещере.
Девушку взяла пучина,
Деточку укрыли волны
Глубоко — в икре и тине.

Поспешил отец на помощь,
Мать на поиски пустилась
По следам пропавшей дочки,
Курочки своей любимой,
Уточки своей домашней.
То ль не ястреб — злая птица,
Не ворона ли воровка,
Не залетный ли обманщик
Курочку унес с насеста,
Уточку с высокой гати,
Дочку из ее светлицы?
Башмачки нашли на камне,
Ожерелья — возле ивы,
Ленты — на песчаной мели,
Кольца — на прибрежной гальке,
На ветвях ветлы — мониста,
Только дочку не видали,
Курочку не отыскали.
Доченька их дорогая
На глаза не показалась.
Девушка на дне уснула,
Курочка в икре дремала,
В водяных спала хороммах.

Стали кликать дочь из моря,
Вызывать дитя на берег:
— Доченька, взойди на берег!
Воротись домой, родная!
Выходи, дитя, из моря! —

Услыхала дочь, сказала,
Прозвучал ответ из моря,
Из волны печальный голос:

— Не могу прийти, родимый!
Не могу спастись, родная!
Груз воды гнетет мне веки,
Тяжесть волн ресницы давит,
Моря глубь лежит на сердце.
Я пошла качаться в море,
Песню петь в волнах широких,
Быль поведать над зыбями.
На прибрежном ровном камне
Я оставила сапожки,

На ветвях ветлы — мониста,
На песке — цветные ленты,
Украшения — на иве.
Я пошла качаться в море,
Песню петь из волн широких,
Водяные пенить слезы.

Меч златой блеснул мне в море.
Серебро копы сверкнуло,
Медный лук отсвечивался.
Меч златой я взять хотела
И копы серебряное
Вместе с луком желтой меди.
Вышел мне навстречу старец,
Старый воин — весь из меди:
Медный лик под медной шапкой,
Медная на нем рубаха,
Руки — в медных рукавицах,
Ноги в медных сапожищах,
Шпоры длинные из меди.
Медный пояс на рубахе
В письменах, в узорах медных,
На щите — слова из меди.
С медной шеей, с медным телом,
Медногубый, медноглазый
Медным голосом спросил он:

— Что невеста ищет в море,
Маленькая, ищет в волнах,
Куручка — в икре багряной,
Уточка — в норе туманной? —
Я подумала, сказала,
Серой уточкой прокрякав,
Куручкою прокудахтав,
Птичкой золотой прощелкав:
— Я пошла качаться в море,
Песню петь в волнах широких,
Заливаться в пенных гребнях.
Я сквозь волны увидала
Отсветы меча златого,
Блеск копы серебряного,
Лука медного блистанье.
Меч я выкупить хотела,
Взять копы серебряное,
Лук тот медный выторговать. —
Медный человек ответил,
Медным голосом промолвил:

— У меча владелец — Калев,
У копья владыка — Олев,
А хозяин лука — Сулев.
Это их сокровищница,
Втуне сберегаемая...

Медный муж — оберегатель,
Страж морской меча золотого,
Светлого копья хранитель,
Лука медного защитник,
Старый сторож, медный сторож
Взять меня хотел женою,
Пташкой вырастить ручною.
Меч давал за обручение,
А копье — залогом тайным,
Медный лук подарком брачным,
Лишь бы я к нему пошла бы,
Руку старцу подала бы.
Воспротивилась я смело,
Женихов своих соседских,
Добрых сватов деревенских.
Назло старцу, восхваляла.
Медный старец засмеялся.

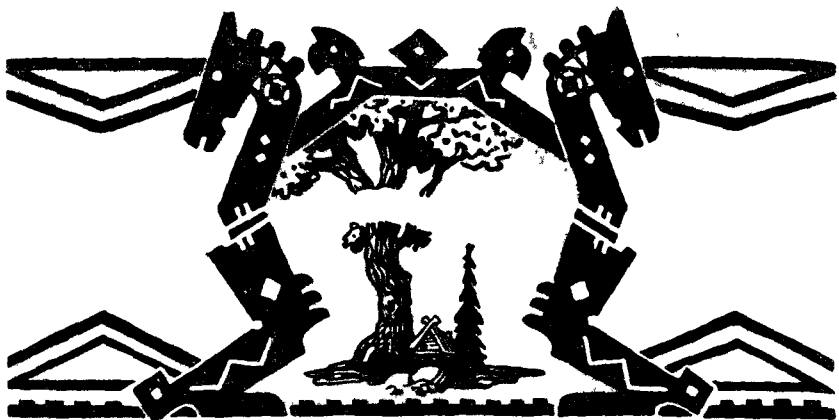
Тут ногой я оступилась,
На песке я поскользнулась,
Пала в тайные могилы,
Как в туман, в икру густую,
В потаенную пещеру.
Волны дочку полонили,
Воды курочку укрыли.
Там я — нежная — ослабла,
Там я — курочка — пропала,
Пташечка в силоч попалала,
Замерла в сачке для раков.

Я пошла качаться в море,
Песни петь в волнах зыбучих,
Притчи темных вод поведать.
Меч золотой ловить в пучинах,
Серебро-копье в глубинах,
Медный лук удить в стремнинах,
Там ногой я оступилась,
Пала в тайную могилу,
Как в туман, в икру густую,
В глубину морской пещеры.

Там я — курочка — пропала,
Там я — пташка — задремала,
Там я — нежная — ослабла,
Там — былиночка — увяла.
Ты не плачь, моя родная!
Не печалься, мой родимый!
У меня есть дом в пучине,
Горница — в морских глубинах!
Я пошла качаться в море,
Слушать песни волн широких.
Я в икру упала рыбью,
В потаенную могилу,
В глубину морской пещеры.
Там я — пташечка — пропала,
Там я — курочка — погибла,
Там я — нежная — ослабла,
Там — былиночка — увяла,
Там навеки задремала.
Ты не плачь, отец мой милый!
Не тоскуй, моя родная!
Под водой нашла я хату,
Тихий кров на дне глубоком,
Горенку в морской пещере.
Я пошла качаться в море,
Слушать песни волн широких.
Меч златой я взять хотела,
Завладеть копьём блестящим,
Луком кованным из меди.
Мужу медному, морскому
Женишку я отказала, —
Надо мной он посмеялся.
Я в икру упала рыбью,
В глубину морской пещеры.
Там я — курочка — погибла,
Там я — пташечка — пропала,
Там я — нежная — ослабла,
Там — былиночка — увяла,
Там я — девушка — заснула,
Глаз смородины закрыла.
Ты не плачь, отец мой милый!
Не тоскуй, моя родная!
Под водой нашла я хату,
Тихий кров — на дне глубоком,
Горенку — в морской пещере,
Гнездышко — в морском тумане.

Золотой я меч искала,
И копье с блестящим древком,
И тяжелый лук из меди.
Там я — пташечка — пропала,
Там я — бедная — ослабла,
Там, как цветик, я увяла,
Глаз смородины закрыла.
Там я — девушка — заснула,
Там — голубушка — застыла.

Не горюй, отец мой милый!
Не тоскуй, моя родная!
Я навек останусь в море.
Тайный дом мой — под волнами,
Горенка — в икре и тине,
Гнездышко — в морском тумане.
В холоде — моя кроватька,
На глубоком дне — постелька,
В глубине прохладной — зыбка.
Калевы меня качают,
Алевы меня колышут,
Сулевы мне напевают!“

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

*Калевипоэз в Суоми. Могучий дуб.
Расправа с Тусларом.*

ж предутренний румянец,
Молодой зари предвестник,
Озарил ланиты неба;
Уж сияющие звезды
У границ зари померкли;
Уж петух пропел над морем,
Дню ворота отпирая;
Уж кудахнут куры Таары
На вратах страны рассвета, —
Сын же Калева могучий,
Проносясь в пучине водной,
Мчась по гривам волн широких,
Выгребал к финляндским скалам.
Витязь мощною рукою
Рассекал морские волны.
Колыбель кипучей зыби
Сильного пловца катила,
Удалого мужа мчала,
По хребтам неутомимым,
По волнам несла на север,
К берегам скалистым финнов.

Вот заря лучом багряным
Озарила ширь морскую,
Гребни волн воспламенила.
Засинел вдали скалистый,
Неприютный финский берег,
Все утесистей, все круче
Подымаясь из-за моря.

Витязь мощною рукою
Рассекал морские волны.
Колыбель кипучей зыби
Сильного пловца катила,
Удалого мужа мчала
По хребтам неустомимым,
По волнам к прибрежным скалам.

Только день лучом широким
Поборол туман рассвета
И, здороваясь, рассыпал
В море блески золотые,
Что на волнах утром блещут,
Как нарядные подвески
И как шелковые ленты,
Деву моря украшают, —
Выгреб отпрыск богатырский,
Ухватился муж могучий
За скалистый финский берег.
Сел он, тяжело изнуренный,
На уступ гранитной глыбы,
Чтоб в пучине утомленным
Отдых дать могучим членам.
Сел он на уступ утеса,
Чтобы сил набраться новых
У прохладного прибоя,
У ласкающего ветра.
На скалу он опустилсЯ,
Чтобы тело отдохнуло
В утренней росе прохладной,
Под живым дыханьем моря.
Финский знахарь ветра, Туслар,
Выволок свой челн на отмель.
Лодочку свою к утесу
Приковал железной цепью,
Чтоб ее игрой прибоя,
Чтоб ее волной высокой,
Чтоб ее волной свирепой
Море в щепы не разбило.

Птицы певчие проснулись,
День приветствуя, запели.
Жаворонок топчет звонко
Ветра легкую дорожку.
В ельнике поет кукушка,
Соловей — в ольховой чаще,
В дубняке — звенят синицы.
В ликование всех пернатых
Песнь хвалебная звенела
Прославлением делу Таары.
Но на берегу широком,
На опушке темной леса
Ни зверей не видел витязь,
Ни следа людей, ни дыма
В отдаленье не заметил.
Гребни гор, лесные дебри
В дымке утренней дремали.

Витязь даль окинул взором,
Оглядел он все побережье,
Нет ли где какого следа,
Нет ли следа иль приметы,
Что бывал здесь финский Туслар.
Но нигде он не увидел
Ни следа его, ни знака.

Тишина рассвета мглою
Землю кутала и море
И людей своим широким
Покрывалом укрывала.
Богатырь Калевипоэг
Отдых членам дал усталым,
Окунул в дремоту веки
На единый час, не боле.
В это время солнце утра,
Ветра теплого дыханье
Высушили платье мужа,
Хоть глубокий сон, короткий,
Не успел еще сложиться
В золотое сновиденье.

Калевов сынок любимый,
Той порой, как меж утесов
На спине ты спал беспечно,
Твой певец смотрел в раздумье
На твои пути-дороги
Вдоль глухих прибрежий финнов.

Подымалось солнце мирно,
Спящего на скалах грея.

Той порой шальные ветры,
Бури, северные вьюги
Буйно с полночи летели,
Солнце утра затмевая.
Эйке налетел с угрозой,
Тяжко загремел над морем,
Молнией сверкая в тучах.
Лязг брони, оружия скрежет
Быстрым ветром доносило.
Пала кровь росой на травы,
Стон раздался в темной чаще, —
Обнажил свой меч разбойник.

Ты же спи, усталый витязь!
Над тобой, как солнце утра,
Реют крылья песнопевца,
Подымаясь выше, выше,
Осенья нашу землю,
Уходя в иные страны.

Старец острова печальный,
Мать острова — голубка —
Дочь в волнах не отыскали,
Не слышали воркованья
Горлинки своей пропавшей.
И пошли домой, бедняги,
Поиски свои оставив,
Поглядеть на дуб средь луга,
Ель на выгоне проведать.
Взяли, выкопали с луга
Крепкий дуб в ветвях широких
Дуб во двор к себе втащили,
К тем качелям деревянным,
Где их доченька качалась,
Утешалась в час вечерний.
Дуб они там посадили
В память дочери любимой,
В память курочки пропавшей:
„Ты расти, дубок, повыше,
Осени наш двор ветвями,
Сучья разбросай по тучам!“

Выкопали ель златую,
Темную, в ветвях широких,
И во двор к себе втащили,

К тем качелям деревянным,
Где их доченька качалась,
Утешалась в час вечерний.
Посадили близ качелей
Ель — красавицу густую —
В память дочери любимой,
В память курочки пропавшей:
„Ты расти и крепни, елка!
Стань высокой, стань широкой,
Дотянись до звезд верхушкой,
Ветви разбросай по тучам!“

А как был дубок посажен,
Корни ели в землю врыты
Возле дочкиных качелей, —
Столб один им — дуб могучий,
Столб другой им — ель густая, —
Воротился старец в избу,
Мать же — в тайную каморку,
Посмотреть яйцо орлицы,
Что она в железном шлеме
Без насадки положила.

Холоден был шлем железный,
Холодно яйцо во шлеме,
И орленок без насадки
Из яйца не проклевался.

Мать яйцо на солнцепеке
Согреться положила,
Ночью мать сама насадкой
На яйце орла сидела.

Старец вышел дуб проведать,
Мать — густую ель проверить.
Подросли и дуб и елка.
На сто сажен дуб поднялся,
Елочка — на десять сажен.

Вновь домой они вернулись.
Старец в тайную каморку
Поглядеть пошел на рыбу,
Что в серебряной лохани
Там плескалась, подрастала.

Скорбно старый молвил рыбе:
-- И у нас была отрада —
Наша ягодка лесная.
Свет зари вечерней нашей,
Наша утренняя зорька,
Наше солнце золотое!

Яблочко упало в море,
Ягодка в волнах пропала.
Яблочко я звал из моря,
Ягодку на дне искал я,
По пояс зашел я в море,
По плечи в икру густую.
Что колен моих коснулось?
Плавником коснулась рыба.
Что ж из этой рыбы станет? —

Рыба старцу отвечала
Из серебряной лохани:
— Отпустите рыбу в море,
Поиграть в волнах пустите!
Там отец и мать остались,
Там мои остались братья,
Там сестер осталось много —
Девушек златочешушных! —

Старец вынес рыбу к морю,
Отпустил в морские волны,
Сам вернулся дуб проводить,
Ель красивую проверить.
Смотрит: дуб дорос до неба,
Ель крестом ушла за тучи, —
Небосвод раскалывают,
Облака раскидывают.

И орленок проклевался,
Сильный вылупился птенчик.
Мать домой взяла орленка,
Заперла его в каморке,
Вырвался он из каморки,
Взвился, улетел далеко.

Старец дуб пошел проводить:
Выше хочет дуб подняться,
Разбросать ветвями тучи,
Расколоть, как чашку, небо.

И пошел отец за мудрым,
Уговор вести с могучим, —
Кто срубил бы дуб высокий,
Толстый дуб в широких сучьях.

Мать пошла на луг широкий,
Чтоб сложить в зароды сено
Да в стожок сметать огребки.
Грабли у нее золотые,
Гребельки на палке медной,
Зубья их — серебряные,

Золотом окованные.
Вала два она сметала,
Загребать взялася третий.
Что нашла она под сеном?
А нашла орла ручного, —
То был сын ее крылатый,
Птенчик, бабой выращенный,
Птенчик, солнцем высиженный.
Мать взяла домой орленка,
Заперла его в каморке.
Что же под крылом орлиным,
Под крылом могучим было?
Человек там был, мужчина,
Мужичок в две пяди ростом.
Что у мужичка подмышкой?
Острый топорок подмышкой. . .

Богатырь Калевипоэг
На один хотел часочек
Погрузить в дремоту веки,
Отдохнуть хотел немного,
Сном коротким позабыться.
Но тяжелая усталость
Силу мужа победила,
Крепко память оковала.
Целый день он спал на скалах,
Спал всю ночь он до рассвета
И начало дня другого.

Ясным утром дня другого,
Поднялось едва на сажень
Солнце над землею грудью,
Над туманной зыбью моря, —
Ото сна тогда очнулся
Калев-сын, могучий витязь.
Отдыхать не мог здесь больше,
Сна желанного продолжить.
Шагом тяжким, утомленным
Вновь могучий устремился,
С каждым часом все быстрее,
В глубину чужого края,
По тропиночкам прибрежным,
По холмам матерой суши,
По горам спеша скалистым.
По утесам шел, по кручам,
По извилистым оврагам,

По болотам и долинам,
По тенистым, шумным рощам,
По лесным дремучим дебрям
Шел все дальше в землю финнов.

Богатырь Калевипоэг
Поминутно озирается:
Нет ли где следа родимой
На песке, в траве росистой,
Стонов матери не слышно ль?

Вот уж солнце золотое
До черты дошло полдневной,
Полпути прошло дневного.
Солнце в плечи ударяет,
От жары спина дымится.

Мощным шагом, все быстрее
Богатырь вперед стремится
По горам крутым, скалистым,
По лесным дремучим дебрям
В глубину чужого края.
Солнце в плечи ударяет,
От жары спина дымится.
Финский знахарь ветра, Туслар,
Взору витязя невидим,
Нет нигде ни следа Линды —
Ни на скалах, ни на травах.

Удалой Калевипоэг,
Ты гадал и так и этак —
Как разбойничью тропинку,
Как следы своей родимой
Отыскать в безлюдных дебрях,
Как спасти свою родную,
Поскорей из плена вырвать.

Мощным шагом устремился
Калевитян сын любимый
По извилистым оврагам,
По болотистым низинам,
В глубину чужого края.
Солнце в печи ударяет,
От жары спина дымится.
Богатырь Калевипоэг
На утесистые горы
Подымается все выше, —
Может быть, с хребта крутого
Он разбойника увидит.

Он с подоблачной вершины
Кругозор обвел очами.
И в тумане, за горою,
За обрывистым оврагом,
За цветущею долиной,
За густой зеленой рощей
Туслара владенья видит,
Логово лихого вора,
Где свои терзал он жертвы.

Богатырь Калевипоэг
Ринулся с горы в долину,
Пастбищем прошел зеленым,
У ворот остановился.

Оглядел он грозным взором
Двор, густой травой заросший.
Там и риги и амбары,
А вокруг — забор высокий.
На траве перед избою,
Силы новой набираясь,
Спал усталый знахарь ветра.
Там, за выгоном, к забору
Примыкал лесок дубовый.
Калев отошел в дубраву,
Выбрал дуб с комлем могучим,
Вырвал из земли с корнями,
Чтоб служил ему дубинкой.
От ветвей он ствол очистил,
Обломал на дубе сучья,
Острые шипы оставил.
Дуб в руках его мгновенно
Стал комлистой булавою,
Шишковатой колотушкой.
За вершину дуб схватил он,
Сделал дуб своим оружием,
Чтобы вора отдубасить,
Похитителя родимой.

Удалой Калевипоэг
Луг стремительно минует,
Приближается к воротам;
Под его железным шагом
На лугах трава трепещет,
Вся гудит, дрожит долина,
Горы и холмы трясутся.
Финский знахарь ветра, Туслар
Ото сна тогда очнулся,

Отряхнул он путы дремы.
Думает: гроза находит,
Кыуэ там грохочет в небе*,
Пикне катится по тучам
На железной таратайке.

Сонные глаза открыл он.
Широко распялил веки,
Видит витязя в воротах,
Двор колеблющего шагом,
Раскачавшего дерева.
Ото сна едва очнувшись,
Не додумался спросонок
Туслар тягу дать скорее,
Спрятаться в тайник глубокии,
Скрыться в темную пещеру.
И на крыльях ветра поздно
Было знахарю умчаться.

Богатырь Калевипоэг
К Туслару во двор вступает,
Грозно смотрит он на вора,
Машет в воздухе дубиной.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Лютою бедой застигнут —
Перьев пригоршню пускает
Из-за пазухи на ветер.
Сильно дует он на перья,
Чтобы по ветру плясали,
В легком воздухе кружились!
Вслед бросает заклинанья,
Оживляет словом силы
Он кружащиеся перья.
Колдовским, могучим словом,
Словом, черта порожденьем,
Превращает перья в войско.

Порожденные из перьев,
Широко на крыльях ветра,
Словно град, летя из тучи,
Мчатся воины верхами,
Сотнями враги несутся,
Тысячами налетают
Злому Туслару на помощь.

Войско чертово, из ветра
Вызванное силой слова,
Вора-знахаря опора,

Густо падает на выгон,
Заполняет двор широкий,
Сыну Калева на плечи
Лезет темной, грозной тучей,
Комарьем в болотной дымке,
Мошкаррой в заре вечерней.
Злобных ос гудящим роем.
Чаще ливня грозового,
Гуще яростной метели
Налетело войско ветра,
Чтобы Калевов потомка,
Дорогого сына Таары
Задушить, изжалить насмерть
Калева сынок любимый
Изготовился на битву, —
Быстрый ум соображает,
Острым глаз пространство мерит,
Бьет могучая ручища.
У него в руках дубина,
Дуб зажат в ладонях дюжих.
Налетающих он хлещет,
Напирающих колотит,
Ветровых вояк он чешет,
Как горох, гостей молотит,
Поддает пришельцам жару,
Обивает их, как шишки,
Дубом потчует, как розгой,
Приговаривая, лупит,
Дуб пускает с прибауткой:
— Не боюсь я злобной стаи,
Роя чертовых подручных,
Войск, из воздуха рожденных,
Сотворенных заклинаньем,
Бесов, по ветру летящих,
Ратей старого злодея!
Не боюсь меня знатнейших,
Не боюсь меня сильнейших,
Часть во мне отцовской мощи,
Малость силы материнской,
Часть большая силы рода,
Да и собственная сила! —
Где нечаянно заденет
Калев-сын своей дубиной,
Падают там конь и всадник.
Где наотмашь хватит дубом —

Груда мертвых тел ложится.
А куда комлем дубовым
Со всего плеча он треснет —
Там лежат десятки трупов.
А когда свою дубину
Он на круг летать запустит, —
Жизнь там больше не проснется

Дуб летит, как вихрь бушующий,
Палица кружит со свистом,
Нечисть чертову сметает,
Войско Тусларово губит,
Истребляет, обезумев.
Наземь валяются вояки
Гуще пыли придорожной,
Гуще хлопьев снегопада,
Гуще листьев листопада.
Те же, что остались живы,
Поскорее дали тягу,
Дали жару быстрым пяткам!

Времени спустя немного,
После маленькой забавы,
Распря пот с чела отерла,
Завершился бой жестокий.
Груды мертвых двор покрыли,
Из-под них травы не видно.
Хрип мученья, стон предсмертный
Затихают, умолкают.
Вспененный ручей кровавый
Тек по пояс человеку,
Подымался до подмышек.
Мчался со двора на выгон,
С выгона в овраг свергался,
Кровь потоками катилась,
Кровь озерами вставала...
Мало кто от смерти спасся,
Улетел на крыльях вихря.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Знаний дьявольских владетель,
Войско словом породивший,
В западню беды попался,
Очутился в путах смерти.
Видя войска поражение,
Гибель всей своей защиты,

Потерял надежду хищник.
Словом хитрым и медовым
Стал молить он о пощаде:
— Калева сынок любимый!
Утешитель горя Линды!
Пощади меня, помилуй!
Мне вину прости, могучий!
Пусть раздор наш станет миром,
Нашу ненависть угасит,
Зло свершенное исправит!
Я пошел путем неверным,
Совершил я злое дело.
На разбой пошел впервые
Я тропю воровскою.
Я в гнездо орла забрался
Той порой, как все три сына
От гнезда вдали летали.
Воровски увел я Линду,
Утащил ее, как ястреб,
Курочку унес далеко,
Колдовством ее осыпал,
Словом чертовым опутал.
Я летел с добычей к морю,
Где ладья моя стояла.
По раскатам волн хотел я
На хребте широком моря
Унести на финский берег.
Как достиг я взгорий Иру,
Загремел тут с неба Кыуэ,
Грозно предостерегая.
Древний Таара гневной вспышкой
Ослепил меня внезапно
И стрелою громовою
В ярости меня ударил,
Бросил наземь без сознанья.
И бесчувственной колодой,
У беспамятства в неволе,
Мертвецу во всем подобен,
Я на склоне гор валялся.
Тот, кто смерти шаг считает,
Глубину забвенья мерит,
Кто зарытым в землю время
Пробужденья назначает,
Только тот, быть может, знает,
Долго ль обморок мой длился.

Выбравшись из пут забвенья,
Поднялся я, огляделся,
Стал смотреть, куда пропала
Драгоценная добыча,
Не видать ли где тетерки,
Не видать ли следа Линды,
Легкой птицы, улетевшей
Из густой ловецкой сети?
Но, увы, никто не знает,
На крылах ли быстрых ветра,
На полах ли тонких платья,
С чьею тайною подмогой
Матушка твоя умчалась.
Иль, быть может, трав царица
Муравой ее укрыла?
След ее мне был невидим,
Путь ее мне был неведом.
Страх меня погнал внезапный
Прочь от гор на берег моря.
Я детей орла боялся,
Мать свою спасать летящих.

К морю в страхе удирая,
Дал я жару быстрым пяткам,
Пальцы ног разбил о камни.
Я в ладью вскочил с разбега,
Что ждала меня на взморье.
Ужас плыл в ладье со мною,
Страх держал в руках кормило
По раскату волн широких
Я стрелой летел от страха.
И едва рассвет забрезжил,
Берегов родных достиг я.

Богатырь Калевипоэг
Слушал Туслара угрюмо,
Чертовы его утайки,
В ярости — едва в пол-уха.
И тогда на снасти гнева
Распустил он парус речи:
— Слушай, похититель женщин,
Зря ты треплешь язычищем!
Горькую постель вдовицы,
Ложе бедной сиротины
Ты решился опоганить!
И своею болтовнею

Улестить меня ты хочешь?
Не подумай, что так просто
Убежал ты от расплаты!
Счет твоих шагов закончен,
Жизни вымеряно время!
Ты отведай, вор, дубины,
Толстой палицы дубовой! —

Развернулся дуб комлисты .
Загудел в руке могучей.
Меж бровей ударил вора,
Промеж глаз его ударил
Калевитян сын любимый.

Финский знахарь ветра, Туслар,
Как мешок, песком набитый,
Рухнул, не вздохнул, не охнул,
Задремал в объятьях смерти,
Даже глазом не моргнул он,
Губ своих не разомкнул он.

Богатырь Калевипоэг
Поспешил — ворвался в избу,
Матери следы он ищет,
Вот облазил он все норы,
Все углы в жилье у вора,
В каморы глядел, в чуланы,
Из камор спускался в погреб,
Обыскал чердак высокий,
Выломал в избе простенки,
Вырвал все болты дверные,
Вышиб все перегородки,
Так что верст на десять с лишком
Грохот слышался в округе!
Треск такой стоял, что всюду
Люд окрест перепугался.

Шум и грохот раздавался,
Через лес летел и поле
До отвесных скал прибрежных,
А от скал — в просторы моря.
Птицы из лесу взлетают,
Звери в страхе убегают,
Стаи рыб на дно уходят,
Прячутся в морскую тину,
Даже девы-водяницы
Укрываются в пещеры.

На дворах далеких люди
Зашушукали тревожно:
— Что за шум? Уж не война ли
Прикатила в нашу землю
На железных колесницах?... —
... Но ни следа не находит
Матери любимой Калев, —
Скрылась бедная тетерка,
Одинокую тропинку
Занавесила туманом.

Богатырь Калевипоэг
Плакал, горько сожалея
О своем порыве гневном,
Что хозяина убил он,
Обуянный жаждой мести,
Что не выпытал ни вести,
Ни словечка у злодея
О судьбе несчастной Линды.
Что поводья отдал гневу,
Словно лошади горячей,
Необъезженной и дикой.
Дай лишь вожжи в руки злобе, —
В темный лес умчится лошадь!*

Калевитян сын любимый,
Разум потеряв, метался,
Курицею безголовой:
Со двора кидался в избу,
На чердак, в чулан и в погреб,
Пробежал и возвращался
По клетям и по амбарам,
По хлевам и по конюшням
До поры, когда ночная
Тьма туманною полою
Задремавший мир накрыла,
Поиски остановила.

Сел он, плача и горяя
О потерянных следочках
Матушки своей любимой,
О тетерке бедной, Линде,
Сгинувшей в лесу дремучем...

И ослаб он, укрощенный
Удилами утомленья,
И накрыл его крылами

Сон — скорбей успокоитель,
Мира нежный дарователь,
Прилетел печаль утешить,
Умирить души мученье.
Что ж во сне увидел витязь?

В молодой красе весенней,
Словно светлая невеста,
Бабонька цвела, смеялась,
Женушка — в застолье пира
Пташечкой лесной звенела,
Языком медовым пела.
Словно прежде, на качелях,
В лиственной прохладе Ляне,
Возле матушки приемной
Линда юная качалась.

И высоко и далеко
Те качели поднимались,
Забавляя дочь тетерки.

Пела Линда, как синица,
Как кукушка, куковала: '
„Вы качайтесь, подымайтесь
Выше, легкие качели!
Чтоб видна была я всюду,
Далеко видна в округе, —
Чтоб видна была я солнцу,
Чтоб волнам морским смеялась,
Чтобы тучам улыбалась!
Чтоб венком моим девичьим
Облака залюбовались!
Пусть увидят земли Кунглы
Юбку, платье парчевое,
Пусть узоры видит Пикне,
Звезды — вышитый передник,
Чтоб пришел к нам в дом сын Солнца,
Месяц — свататься приехал,
Чтобы сын Звезды явился,
Калев-богатырь примчался!..“

И погас прекрасный образ
Сновиденья золотого...
Девушкою на качелях,
Утром молодости ранней,
В светлом палисаде Уку,
Вся в лучах любви и счастья,
Сыну матушка явилась
И растаяла бесследно.

Калевитян сын любимый
Рано поутру проснулся.
Стал ночного сновиденья
Смысл разгадывать неясный.
Час и два часа он думал, —
Наконец, вздохнув, промолвил:
— Матушка ушла навеки,
В лес тетерка улетела,
Куточка моя погибла,
Пташечка моя пропала,
Улетела на болото
За брусничкой, журавичкой.
Прилетел клювастый ворон,
Птица лютого разбоя —
Коршун заклевал тетерку,
Пух пустил летать на ветер!
Куточка моя пропала,
Пташечка моя погибла,
Словно ивушка речная,
Пожелтела, облетела! .. —
Богатырь Калевипоэг
Понял, что искать напрасно,
Понял он, что мать погибла,
Отошла на ложе смерти.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

*Покупка меча. Пир и ссора. Мужичок
с ноготок срубает дуб.*

огатырь Калевипоэг
День стоял в оцепененье,
Он два дня стоял, печалась,
По родной своей тоскуя.
А как третий день проглянул, —
Стал домой он собираться,
Вышел к берегу морскому.

Тут из воздуха порхнули
Думы, помыслы, мечтанья:
Породил в нем быстрый ветер
Хитроумную затею.

Жил кузнец в отчизне финнов,
Мастер славного оружия
И ковач мечей могучих.

„Витязь Калев молвил слово:
— Прежде, чем домой пойду я,
Мне мечом обзавестись бы,
Добрым боевым оружием,
Чтоб врагов своих приветить! —

В тот же час Калевипоэг
Зашагал другой дорогой,

По долине вниз пустился.
Он прошел сквозь дикий вереск,
Пробежал по мшистым кочкам,
Миновал глухие топи.
На пути встал лес высокий,
Древний бор непроходимый.
Удалой Калевипоэг
Заблудился в темных дебрях,
День и два в лесу плутал он,
Вот и третий на исходе —
Не видать нигде дороги.
Ночь беззвездная настала,
Затянула небо мраком.
Путник шарил наудачу,
Ощупью искал дорогу.
Калевитян сын любимый
Повалился на муравку
У корней широкой ели,
И промолвил он с печалью:
— Золотым пора в хоромы,
А серебряным — в постели,
Всем пора под кров, на отдых, —
Мне ж приютом — лес угрюмый,
Мне избой — высокий ельник,
Кров мой — дебри вековые.
Разведу костер под ветром,
Ледяным дождем умоюсь,
Подремлю в сыром тумане.
Мой отец ушел из жизни,
Не успев меня увидеть.
Мать вослед за ним пропала,
Упорхнула, не сказавшись,
Одного меня оставив.
Братя в дальнем Вирумаа,
В Турги странствуют родные
Я остался, как гусенок,
Как чирок, на плот вспорхнувший,
Как орел на гребне горном,
Одинок в холодном мире.

На рассвете дня второго
Зашагал Калевипоэг,
Вновь пошел на зов удачи,
Снова стал искать дорогу.
Из кустов скворцы кричали,

Пела в ельнике кукушка,
Дрозд в ольховнике чирикал:
„Ты сверни к закату солнца,
Выйди — сумеркам навстречу!“
— О, спасибо вещим клювам,

Всем советчикам пернатым! —
Калев-сын в ответ промолвил.
Устремил он шаг крылатый
В поворот крутой — на запад,
Ветру сумерек навстречу.
Шаг крылатый убыстряя,
Калев-сын из дебрей леса
Вышел в горную долину,
Зашагал скалистым склоном.
По тропиночкам кремнистым
Шел все дальше они дальше.

Там увидел он старуху,
Повстречался с хромоногой.
На костыль свой опираясь,
Громко бабка пропищала,
Молвила слова такие:
— Ты куда, куда шагаешь,
Калевитян сын любимый? —

Богатырь в ответ промолвил:
— Нынче ладное смекнул я,
Дело славное затеял.
Знаменитый есть на свете
Финский мастер оружейный.
Навестить его хочу я,
О мече с ним сторговаться.
Ты скажи, открой, бабуса,
Укажи мне, золотая,
Как пройти к Железной Лапе,
К кузнецу сыскать дорогу. —

Старая, умом раскинув,
Молвила слова такие:
— Ты шагай, шагай, сыночек, —
Невзначай найдешь дорогу.
Ты пройдешь сквозь лес дремучий,
Сквозь веселый частый ельник,
Выйдешь к берегу речному.
День шагай и два шагай ты,
Прошагай еще и третий,
Ты сверни тогда к закату.
Там, в долине, встретишь гору,

Там увидишь холм высокий.
Обогни крутую гору,
Подымись на холм высокий.
Справа там реку увидишь.
Бережком иди, покуда
Трех потоков не заметишь,
Трех кипящих водопадов.
Как минуешь их, так сразу
Вступишь в светлую долину.
Посреди долины светлой,
Вся деревьями укрыта,
Под нависшею скалою,
Над обрывистым ущельем
Кузня финская таится. —

Богатырь Калевипоэз
Зашагал путем-дорогой,
Что старуха указала.
Он прошел сквозь лес дремучий,
Сквозь веселый частый ельник,
Вышел к берегу речному.
День шагал, и два шагал он,
Прошагал еще и третий,
Он свернул тогда к закату.
Там, в долине, встретил гору,
Встретил холмик близ дороги,
Обогнул крутую гору.
От горы свернул он вправо,
А когда реку увидел,
Берегом пошел, покуда
Не заметил трех потоков,
Трех кипящих водопадов.
Вдвое меньше становились
Под его шагами версты.

Вот и светлая долина
Развернулась пред глазами.
А как вышел он в долину,
Вздых-мехов слышал витязь,
Грохот молотов тяжелых
По звенящей наковальне.
И на звуки дальней кузни
Калев-сын пошел долиной,
Убыстря шаг крылатый,
Кузнеца спеша увидеть.

Посреди долины светлой,
Вся деревьями укрыта,

Под нависшею скалою
Кузня финская таилась.
Дым рассказывал потайно,
Искры явно возвещали,
Вздых мехов и лязг железа
Подавали знак гремучий,
Что спорится там работа,
Быстро молоты взлетают.

Финский старец именитый.
Опаленный дымом горна,
Ладно он с тремя сынами
Правил тайное искусство,
Ремесло заветнойковки.
Трое с ним — от сажии черных —
Сыновей и подмастерьев
Низвергали на железо
Тяжесть молотов гремящих.

Лезвие меча, пылая
Багрецом грядущей крови,
Глухо охало от боли
На звенящей наковальне —
Под ударом рук могучих,
В быстрой хватке ловких пальцев
Братья пламя раздували
Всех мехов разверстой глоткой
Братья били сталь, чеканя
Над жерлом багряным горна,
Укрепляли, закаляли,
С силой гибкость сочетая.
На росе клинок пытали,
Гнули, ухватив клещами,
Чтоб испытать, надежно ль
Смертоносное оружие.

Богатырь Калевипоэг
Распахнул ворота кузни,
Со двора он крикнул в двери,
Возгласил из-за порога:

— Здравствуй, мастер! Таара в помощь
При свершенье дел премудрых,
При работе сокровенной!

— Здравствуй, брат, во имя Таары!
Отвечал железнорукий,
Над челом откинув кудри,
Он нацелился в пришельца
Искушенно-зорким глазом,

Измеряя силу мужа,
Племя, род его пытая.
Под косматыми бровями
Щели глаз его сверкали.
Так он гостя мерил взглядом,
С головы до ног он мерил
И от пяток до макушки,
По ступне его смекая
О породе богатырской.
Речь повел железнорукий:
— Призывающего Таару,
Добрый мир и помощь неба,
Принимают в каждом доме,
Всюду кров ему найдется.
Молодой орел, отколе
Прилетел ты, буйнокрылый?
Видно, славного ты рода,
Видно, рос в гнезде орлином.
Уж не сам ли старый Калев
Породил росток могучий? —
Богатырь умом раскинул,
Речью мудрою ответил:
— С родом род не разлучится,
Куст от пня уйти не может.
Свой напев у каждой птицы,
По породе — оперенье:
Дятел — в пестром, ворон — в черном,
Тетереву — красный гребень,
Петушку — кривые шпоры,
Чешуя — породе рыбьей,
Раку — черная одежда.
Ты скажи мне, славный мастер
Почерневший в дыме горна,
Есть ли меч у вас в продаже,
Добрый меч, клинок надежный,
Чтоб руке моей был впору?
Дай испробовать оружие,
Дай его измерить прочность,
Лезвие его проверить! —
Тут ответил финский мастер
— Должен мудрый покупатель
Испытать свою покупку, —
Ведь кота в мешке не купишь,
Не поженишься заглазно! —
Усмехнулся он украдкой:

— Кто ж возьмет слепую лошадь?
Разве витязь купит клячу?
Пусть глаза глядят прилежно,
Пусть рука пытается резво,
Пусть смекает быстрый разум,
Чтобы не было убытка

Ни в покупке, ни в продаже! —
Финн — кузнец железнорукий
Подозвал своих подручных.
Сыну младшему велел он
Принести мечи на пробу,
Связку ладного оружия.

Сын исполнил повеленье:
В потайной подвал спустился,
Приволок мечей охапку,
Связку ладного оружия —
Сыну Калева на пробу.

Начал богатырь могучий
Выбирать мечи по росту,
Проверять закал металла,
Примеряться к рукоятям.
Лезвие сгибал он вдвое:
Разогнется ли мгновенно?
Ухватив за рукоятку,
Тяжкий меч в полет пустил он,
С шумным ветром силой споря,
Закрутил клинок в полете
И обрушил с грозным свистом
Меч на каменную глыбу.
Из скалы огонь метнулся,
Искры брызнули, сверкая,
Раскрошился меч железный,
К небу прянули осколки,
Рукоять в руке осталась.

— О-го-го! В руках — силенка! —
Молвил мастер в удивленье.

Богатырь Калевипоэг
Проворчал в ответ сквозь зубы:
— Этой детскою игрушкой
От врагов не защитишься! —
Меч другой он взял из связки,
Пятерней схватил и третий,
Раскружил клинок тяжелый,
Закрутил его, как ветер,
И обрушил с грозным свистом

Меч надежный, меч железный
На уступ скалы гранитной.
Из скалы метнулось пламя,
Искры брызнули, сверкая,
Раскрошился меч железный,
К небу прыгнули осколки,
Рукоять в руке осталась.

Финн — кузнец железнорукий
Слово гневное промолвил:

— Ну, довольно забавляться,
Хватит пробного товара!
Жаль железо дорогое,
Жаль военное оружие
Зря растрачивать на пробу —
Для потехи богатырской.
Живо, сын мой легконогий,
Ты спустишься в подвал глубокий,
Принеси мечей крепчайших!
Те мечи пусть будут пробой:
Может, силе богатырской
Дать ответ они сумеют. —

Сын второй пошел проворно
Исполнять приказ отцовский.
В потайной подвал спустился,
Приволок мечей охапку,
Связку ладного оружия
С закаленными клинками —
Сыну Калева на пробу.

Богатырь Калевипоэг
Принял в руки меч крепчайший.
Тем мечом из верной стали
Забавляться стал беспечно.
Закружил клинок тяжелый,
Закрутил его, как ветер,
И обрушил с грозным свистом
На стальную наковальню.
На вершок в ту наковальню
Лезвие вонзилось с силой, —
Меч остался невредимым,
Лезвие не раскрошилось,
Притупилось только с краю,
Вправо, влево завернулось.

Дался диву финский мастер,
Усмехнулся, молвил слово:
— Ты постой, постой, сыночек,

Не спеши, постой, дай время!
Вот уж тебе достану
Из подвалов потаенных
Дорогой клинок заветный,
Силы сильного достойный, —
Если золотом владеешь,
Серебра имеешь груды
Для покупки драгоценной,
Ты готовь кошель червонцев,
Звонких талеров без счета,
Пеннинги ссыпай мешками:
Этот меч немало стоит,
Не простой товар, особый,
За него готовь в уплату —
Девять жеребцов отборных,
Восемь кобылиц табунных,
Десять пар быков яремных,
Двадцать пар коров молочных,
Пять десятков телок пестрых,
Семьдесят возов пшеницы,
Ячменя четыре бочки,
Полный трюм зерна ржаного,
Пояс талеров старинных,
Сотню пар монист трехрядных,
Двести огненных червонцев,
Да нагрудных пряжек груду,
Да богатых пять приданных! —
Вот выносят из подвала,
Из ларя стариннойковки,
Из-под дюжины затворов,
Из-под девяти задвижек —
Вот несут навстречу солнцу,
Под сияние дневное,
Короля мечей заветных,
Битв суровых властелина,
Детище Железной Лапы,
Кузнеца почет и муку,
Сильных рук изнеможенье!
Этот меч семь лет кормился
Кузнеца соленым потом.
Уж немало лет минуло
С той поры, как старый Калев
Для себя сковать замыслил
Короля мечей заветных,
Приказал ковать неспешно,

С разуменьем и искусством.
Но старик, богатый днями,
Снарядился в путь далекий:
Скрылся в сумрачном ущелье,
В свежем сумраке вечернем
Погрузился волей Таары
В сон последний, в сон могильный
Прежде, чем кузнец искусный
Над мечом свой труд окончил.
Финн-кузнец с тремя сынами
Над мечом семь лет трудился,
Гнул, отковывал, чеканил,
То выравнивал поглаже,
То оттачивал потоньше,
То оттягивал покруче.
Из семи сортов железа
Сваривал клинок заветный.
Правя мудрую работу,
Каждый день произносил он
Семь заклятий, семь напевов.
За работой ворожил он
Словом силы, словом мощи,
Словом тайных заговоров.
Лезвие меча стальное
Закалял премудрый мастер
На семи водах текучих,
На семи ночных туманах.
Первый ток — из моря Виру:
Воды Финского залива.
Ток второй — то Пейпси волны:
Воды из пределов Пскова.
Третий — с озера Выртсъярве *,
Влага древних водоемов.
Ток четвертый — девьи струи:
Воды из потока Эма *.
Пятый ток — с лугов латвийских
Воды с пойм зеленых Койвы *.
Взял из Выханду шестой он *
Омутов священных воды.
Ток седьмой — дожди живые,
Воды облаков кудрявых —
Те, что оттепель рождают,
Росы летние приносят.
Был клинок искусно сплавлен
Из семи крепчайших сталей.

Серебром лучилась хватка,
Рукоять, как жар, горела
Самоцветами из Кунглы.
Позумент — семи расцветок,
Пряжка пояса — из бронзы,
Ярче талеров — другая.
На одной — печатный камень,
На другой — сквозной, как в перстне.

Богатырь Калевипоэг
Драгоценной рукояти
Короля мечей коснулся,
Поднял меч рукой могучей,
Закружил клинок широкий,
Раскрутил быстрее ветра, —
Тут родился грозный шелест,
Пробудился шум чудесный,
Долгий свист невыразимый,
Словно взмыл могучий ветер,
Дождевой завыл сердито,
Градовой взревел свирепо,
Грозовой ударил гневно,
Нагоняя непогоду,
Ливнем землю затопляя,
Бурей вспахивая волны,
Вырывая дубы с корнем,
Крыши бешено срывая,
Подымая смерч песчаный,
Грохоча прибрежной галькой...

Калев-сын, великий воин,
Победителей потомок,
Тяжкий меч занес высоко
И обрушил с грозным свистом
На стальную наковальню!
Расколола наковальню
Богатырская десница,
Раскроила вместе с тумбой,
Пополам ее рассекла!
На мече же не осталось
Ни отметки, ни щербинки!

Удалой Калевипоэг
Взвеселился, молвил слово:
— Этот меч — оружие мужа,
Он — могучему опора,
Этот меч — товар бесценный,

Он — и золота дороже.
Этот меч рожден для боя,
Создан для руки могучей.
Уплатить я обещаю
Цену славного оружия
И клянусь — отдам я выкуп
Весь сполна и не торгуясь:
Девять жеребцов отборных,
Восемь кобылиц табунных,
Десять пар быков яремых,
Двадцать пар коров молочных,
Пять десятков телок пестрых,
Семьдесят возов пшеницы,
Ячменя четыре бочки,
Полный трюм зерна ржаного,
Пояс талеров старинных,
Сотню пар монист трехрядных,
Двести огненных червонцев,
Да нагрудных пряжек грудю,
Да богатых пять приданных.
Меч беру за эту цену!
Все сполна получишь в Виру,
В Харью вытребуешь плату,
В Ляне спросишь ты свой выкуп. —

Финн — кузнец железнорукий
Так промолвил, так ответил:
— Задолжавший — взял чужое.
Знаешь сам, из занятого
Даже варежки не свяжешь!
Честным — ни к чему чужое,
Долг они охотно платят.
Пусть везут суда из Харью,
Пусть челны везут из Виру
Честный долг твой в нашу землю,
Нам домой богатый выкуп.
Пусть возы проворно свозят
Хлеб в просторные амбары,
В закрома мешки пшеницы.
Пусть коней сгоняют к дому,
А быков — на перекресток,
Пусть ведут телят на выгон,
Пестрых гонят за ограду,
На луга — коров молочных.

И дворы у нас приветны,
Наши улицы — ровненьки,

Стены выбелены гладко,
А плетни у нас — из яблонь,
Загородочки — из вишен,
Наши мостики — из дуба,
Переборочки — из клена.
На плетнях поют кукушки,
Скворушки ведут беседу,
На ветвях свистят синицы,
А в домах у нас — веселье!
Наши кони — сплошь в монетах,
Бляхи круглые — на лысах,
На гнедых — медвежьи шкуры,
Сетки звонкие — на черных,
На буланых — блещет сбруя,
Седла ценные — на карих.
Мы коров в ольховник водим,
Мы телят в малинник гоним,
А быков — в луга речные.
Там со стадом дружит стадо,
Там — раздолье круторогим.

Пир в честь гостя заварили,
Учинили шумный праздник,
Пили долго, пили много
За хозяина оружья.
Семь деньков пропировали,
Семь деньков мехи молчали,
Спали молот с наковальней,
Остывали горн и клещи,
Отдыхали подмастерья,
Отдыхал и финский мастер.

Буйный хмель, цветущий пышно*
Нежных шишечек кистями,
Был хозяином пирушки,
Зачинателем веселья.
Он протискался в кадушку,
Он проник в пивной бочонок,
В ковш застольный перепрыгнул.
Вспенил чаши и бокалы.
Всякий пил, забывши меру.
Щедрый хмель пролился в души
У мужей он отнял разум,
Пол-ума у молодежи.
Он с жены сорвал повойник,

Ум у девушки похитил.
Пиво в доме бушевало,
Бесновалось на лужайках,
Старики без шапок пляшут,
Без повойников — молодки,
Парни — вовсе нараспашку,
Девушки — на четвереньках.
Взбунтовалось злое пиво,
Притупило быстрый разум,
Ясный взор отяжелило,
Перепутало все тропки,
Обезумило разумных.

Калевитян сын любимый
Стал с задором похвалиться,
Стал бахвалиться без толку,
Хвастать делом небывалым:
Что на острове далеком,
По дороге в землю финнов,
Привелось ему недавно
Так обняться на досуге
С девушкою островною,
Что она, тихонько вскрикнув,
В бедрах хрустнула легонько
И с сокровищем девичьим
Ненароком распрощалась...

Не успел окончить Калев
Пьяной повести, зазорной,
Не успел и посмеяться, —
Вдруг из-за стола поднялся
Старший сын Железной Лапы,
Кузни лучшая опора:
С раскаленными глазами
К сыну Калева шагнул он.

Старший сын Железной Лапы
Так сказал, сверкая взором:
— Ты болтай себе, что хочешь
Лопочи любые бредни, —
Только девушек не трогай,
Не позорь, бесчестный, слабых
Не осмеивай безвинных!
Ты уйми язык болтливый,
Хвастовство твое пустое,
Похвальба и сумасбродство
Опорочат непорочных,
Счастье юное погубят! --

Богатырь Калевипоэг
Крикнул так, что дом шатнулся,
Перекладыны расселись,
Косяки заколыхались:
— Пусть сболтнул я злое слово, —
За него — мечом отвечу!
Я сорвал цветок девичий,
Обломал я гроздь счастья,
Общипал стручки веселья!.. —
Прибежал отец на крики,
Мать на вопли прибежала.

Тут мужи забушевали,
Зашумели грозным шумом,
Родилось от слова лихо,
Похвальба родила злобу.
Загремела перебранка,
Драка вспыхнула свирепо,
Взмыл огонь вражды кровавой.

Не успели поразмыслить,
Что беда придет от хмеля,
От вражды родится горе, —
Как могучий витязь Калев
Быстро выхватил, играя,
Из ножен свой меч тяжелый, —
Голова слетела на пол.
Брата кровь струей горячей
Братьев по глазам стегнула.

Финн — кузнец железнорукий —
Завопил, взревел от горя.
Обмерла его старуха,
Пала на пол рядом с сыном.

Проклинал кузнец убийцу,
Так промолвил, проклиная:
— Злой разбойник, ты навечно
Опозорил меч заветный
Злым бессмысленным убийством,
Молодой безвинной кровью!

Детушки, хватайте клещи,
Молоты берите в руки,
Искрошите вы убийцу,
Кровь за кровь ему воздайте,
Искупите кровь родную. —

Тотчас кинулись два сына
Исполнять приказ отцовский.
Молоты схватили в руки,

Клещи вскинули высоко —
Искрошить убийцу брата,
Отомстить за кровь родную.

Калевитян сын могучий
Встал в чаду хмельного гнева,
Он шагнул на середину,
Раскружил свой меч свирепый,
Крикнул криком леденящим:
— Черномазые вы черти,
Закоптелые гляделки!
Или жизнь вам надоела?
Калев силой не обижен:
Где удар свой ни обрушит, —
Всюду смерть он порождает.
Силача не сыщешь в мире,
Муж такой не родился,
Кто бы смел ему перечить!

Гей, сюда — коль жизнь постыла! —
Финн-кузнец тогда промолвил:

— Не касайтесь нечестивца,
Пса кровавого не троньте!
Час придет, богов десница
Лиходея покарает,
Отомстит убийце сына,
Кровь пролившему оплатит.
Знай, убийца, осквернивший
Славный меч безвинной кровью,
Смертью лютой и мгновенной, —
Знай: семья богов премудрых,
Племя солнечное Таары,
Силой требует уплату,
Отомстит за злодеянье!

Заклинаю, — да свершится:
Пусть убьет тебя оружие,
Умертвит клинок заветный!
Да погибнешь ненароком
От меча, тот меч поднявший,
Кровь проливший от оружия!
Умереть тебе в болоте,
Сгнить в трясине непролазной,
Средь кустарника иссохнуть,
Обратиться в тлен и падаль!

Меч, бесценное железо,
Слушай мастера веленье,
Помни все, что твой хозяин

Заклинает скрытным словом
Стань губителем, железо,
Размахнись над вражьей шеей,
Отплати убийце сына,
Волю мастера исполни! —
Что и в мыслях не держал он,
Что во сне ему не снилось!

Богатырь Калевипоэг,
Полубешен от похмелья,
Полуслеп от дикой злобы,
Тяжело шагнул из дома,
Шумно по двору затопал.
Не расслышал он проклятий,
Ничего он не приметил:
Ни отчаянья отцова,
Ни рыданий материнских,
Ни суровых братних вздохов,
Ни тоски, ни слез, ни гнева
Из-за гибели сыновней,
Из-за горькой смерти брата.

Очумелый, пьяным шагом
Он метнулся за ворота,
Устремился через выгон,
Вдоль лугов пошел, качаясь,
На простор необозримый.

Богатырь Калевипоэг
Брел томительной дорогой,
Ковылял тропой тяжелой.
Вдруг река ему явилась.
Вдоль по берегу пошел он,
Три потока встретил вскоре.
Три шумящих водопада.

Калевитян сын любимый
Миновал холмы и воды,
Тут почуял он усталость,
Томный гнет души и тела.
Опустился он на землю,
На холме прилег отлогом —
Подкрепиться сном могучим,
Лба морщины поразгладить.
Прояснить померкший разум.

Богатырь, заснув глубоко,
Так храпел, что гнулся колос.

Содрогались грозно скалы,
Рощи с трепетом клонились,
Перекачивались дюны,
Рассевался острый гравий.
Птицы в ужасе замолкли,
Присмирела тварь лесная.
А в народе говорили:
„Не война ли к нам несется,
Тарахтит телега злобы?“

Повернем кораблик песни,
Золотой челнок рассказа,
Повести ладью живую
Вновь направим мы на остров,
К мирной пристани причалим,
Выйдем на берег широкий,
Поглядим на дуб высокий,
Тот, что вышел к нам из моря,
Был нам волнами подарен.

Рос да рос дубок чудесный,
Набухал в сверканье солнца,
Под дождем тянулся к небу,
В облака врался листвою,
Оплетал ветвями тучи,
К солнцу вскидывал вершину.

Вот он уж закрыл все небо,
Свет дневной затмил в округе,
Спрятал месяц, спрятал солнце,
Звезды ясные завесил,
Темнотой одел он землю,
Подарил ей вечный сумрак.
Дуб тянулся, дуб вздымался,
Разрастался, рос все выше,
Вспахивал ветвями тучи.

Деду острова забота:
Он пустился в путь далекий,
Исходил чужие земли,
Много стран верхом проехал,
Все искал себе подручных,
Лесорубов нанимал он,
Кто б свалил тот дуб могучий,
Кто б срубил тот необъятный,
Срезал ветви те густые
Добрым людям на потребу, —

Сучья — на суда и челны,
Ствол — на города и веси.

Дед упрашивал подручных,
Лесорубов заклинал он:

— Вы свалите дуб могучий,
Сучья-ветви обрубите,
Вы низвергните вершину!
Дуб все небо затеняет,
Прячет солнце золотое,
Звезд сиянье закрывает,
Ясный месяц затмевает. —

Лесорубы отвечали:

— Не пойдем к тебе, хозяин:
Дуб твой вырос выше неба,
Тучи он вспахал ветвями.
Дуб — сильнее человека.

Что ему секиры наши!
Что ему топор тяжелый! —

Дед на остров воротился,
В дом свой пасмурен вошел он.
Мужа встретила хозяйка.

Он же молвил ей, печалась:
— Попусту бродил, как ветер.
Не нашел я лесоруба,
Кто б свалил наш дуб могучий,
Кто б низверг его вершину,
Сучья-ветви обрубил бы. —

В дом ввела хозяйка мужа:
На цепи орел сидел там,
На веревке был привязан
Человечек ростом с палец.

Так промолвила хозяйка:

— Загрывать пошла я сено,
В стог метать траву сухую.
Золотые были грабли,
Рукоять из красной меди,
На серебряные зубья
Вздеты кольца золотые.
Подгрребла одну волну я,
Подгрребла другую, третью.
Что нашла я там под сеном?
Я орла нашла под сеном,
Это был орел домашний,
Солнце днем его ласкало,
Ночью я обогревала.

Я взяла орла за крылья,
Отнесла его в светлицу.
Что же под крылом нашла я?
Человечка — ростом с палец.
Мужичок тот невеличка
Ростом был всего в две пяди,
В палец Калева длиною.
Что в ручонках человечка?
У него топор в ручонках.

Дед спросил у мужичонки,
Стал пытаться у невелички:
— Золотой мой человечек!
Может, ты мне дуб повалишь,
Сучья крепкие обрубишь? —

Так ответил мужичонка,
Человечек ростом с палец:
— Развяжи мои веревки,
Отпусти меня на волю, —
Заклучим тогда условие!.. —

Развязали мужичонку,
Отпустили человечка,
Стали заключать условие.
Что ж в уплату посулили,
Обещали по условию?
Миску золота — в уплату!

Мужичок во двор спустился,
К дубу подступил вплотную.
Набухать тут стал он в росте,
Вырос на локоть и на два,
Растянулся он на сажень.

Мужичок стал исполином,
Принялся он за работу.
День рубил, и два рубил он,
Он рубил еще и третий,
Начал дуб крениться грозно,
Он шатнулся у подножья,
Уронил свою вершину.
Он комлем накрыл весь остров,
Утопил вершину в море.

Что ж построили из дуба?
Из комля был мост построен,
Лег настил несокрушимый,
Протянулся через море
От земли эстонской Виру

На далекий финский берег.
Был он назван „финским мостом“ *;
Из ствола его срубили
Много кораблей богатых,
Дорогих судов торговых,
Из ветвей — морские лодки,
Города — из сердцевины,
На ладьи пошли сучочки,
Щепки — на ребячьи лодки.

Что останется — оставьте!
Из обрубков выйдет хатка,
Выйдет бедному лачужка,
Для вдовы печальной — угол,
Кров для сирого ребенка;
Здесь они найдут защиту
От ночного урагана,
От дождя и от метели.

Что останется — оставьте!
Выйдет светлый терем песен,
Выйдет радости светлица,
Где нанизывают слово,
Тянут песенную пряжу.

С той поры, кто ни проедет,
Ни пройдет мостом великим,
Всяк помедлит, поразмыслит:
„То не Лихалы ли город,
То не Рахалы ли берег *,
Иль, быть может, терем Кунгла?..“

Услыхал певец, ответил:
— Малосмысленные дети,
Вы, ростки земли бесплодной!
Звался б Лихала тот город, —
Был бы он из мяса сложен.
Звался б Рахала тот берег, —
Был бы выкован из денег.
Был бы это терем Кунгла, —
Золотым бы он явился.
Нет, то горница поющих,
То пристанище бездомных,
То приют для неимущих.
У дверей на страже месяц,
Блещет солнышко на кровле,

Радуга отводит бурю *,
А в светлице пляшут звезды.
Здесь сложились наши песни,
Наши были зазвучали,
Родились слова живые.
Здесь жужжали веретена
Над цветной куделью Таары.
Нить одна певцу досталась,
Солнцу ясному — другая,
Третья нить — заре познания!
Засиял узор волшебный
Под живыми челноками.
В белой нитке пело солнце,
В красной — зори разгорались,
В голубой — светилося небо.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

*Возвращение Песня теней Рассказы братьев
о поисках матери. На могиле отца*

Солнце лес озолотило,
Плечи вечера одело.
Утомленно ткали тени
Для травы — ковер молчанья,
Для деревьев — платье мира.
Из плакучих рук березы,
Из густой листвы осины,
С золотистой шапки ели
Одиноко пела птица
О конце дневных стремлений,
В вечереющей прохладе,
Благодарность воссылая
Отчей мудрости высокой.
Богатырь Калевипоэг,
Сети сонные распутав,
Сбросив с плеч своих усталость,
Стал глаза тереть руками,
Расплетать он стал ресницы,
Вопрошать дремотный разум,
Рыться в памяти неясной,

Воскрешать пережитое,
Что виденьем омертвелым,
Смутным образом поблекшим
В глубине души мерцало.
Но следов своих последних
Он не видел, обернувшись.
В топи мглистого тумана,
В знойном облаке зыбучем
Притаился день вчерашний.
И не помнил витязь Калев.
То ли где в стране Суоми,
То ль на острове далеком
Было долгое веселье,
То ли в Тургии он дрался,
То ли в Турьямаа сражался *.
Про убийство он не помнил,
И пролитьем мирной крови
Дух его не омрачился,
Горе не легло на плечи.
Калевитян сын любимый
В дальний путь — домой пустился,
Зашагал широким шагом.
Шел он, шел — и встретил гору,
Что была ему знакома.
День шагал и два шагал он
По долинам необъятным,
Через реки, через кручи.
Вот вступил он в лес дремучий,
Трое суток шел он лесом,
Вышел к берегу морскому.

Здесь, на привязи железной,
Под скалой, в надежной бухте,
Лодка Туслара стояла,
Заклинателя кораблик.
Славный муж Калевипоэг
Взял добычей боевою
Лодку Туслара в наследство,
Чтобы до дому добраться,
Не найдя свою родную.
Богатырь Калевипоэг
Отвязал ладью злодея,
Цепь железную распутал.
Он вскочил проворно в лодку,
Ухватил руками весла,

Стал грести неустомимо,
Поспешать к жилью родному.
Парус по ветру раскрыл он,
Полотно набухло ветром,
Ветер подгонял кораблик,
Волны лодочку толкали,
Легкий челн катили к Виру.
Воду резало кормило
Под его рукой могучей,
Чтобы прямо мчалась лодка,
Чтоб с дороги не свернула.

Витязь устали не знает:
Стан у мужа — из рябины,
Плечи у него — из яблонь,
Стебли рук его — из клена,
Локти у него — из вяза,
И смородинные пальцы,
Ногти — жимолость лесная,
Мощь железа — в крепком теле.

Ветром лодку подгоняло,
Волны быстрюю толкали,
Легкий челн катили к Виру.

Калев пел такую песню:
„Как пошел гулять я в море,
Петь спустился я на волны,
Взял серебряные весла,
Ручки весел золотые.
Что я встретил, проплывая?
Встретил три чирковых стаи,
Под волной ныряли чайки,
Сверху — лебеди скользили,
Посредине — плыли гуси.

Как пошел гулять я в море,
Петь спустился я на волны,
Взял серебряные весла,
Ручки весел — золотые.
Что я встретил, проплывая?
Три кораблика я встретил:
Плыли в первом молодницы,
Дальше — мудрые хозяйки,
В третьем — девушки-красотки.
Было девушек немало
Раскрасивых, пренарядных:
Очи их — черней смородин,
Серебро на пальцах блещет,

Рукавички — золотые,
А рубашки их — из шелка,
Рукава — узор туманный,
В золотых монистах шеи,
Грудь — в пряжках драгоценных,
Головы горят, как солнце.

Те нарядные красотки
Стали лгнуть ко мне лукаво,
Чаровать меня любовью.
Я в ответ им так промолвил:

— Полно, курочки, молчите!
Птицы бедные, не плачьте!
Он наступит, вечер счастья,
Солнце ярче засияет,
И созреет ваша радость.
И возрастут для вас супруги,
Женихи для вас найдутся,
Всем свои соткутся доли,
Каждой счастье улыбнется.
Знайте, — вам не сужен Калев:
Ни одной не станет мужем!.. “

Ветром лодку подгоняло,
Волны быстрюю толкали,
Легкий челн катили к Виру.
Воду резало кормило,
Под его рукой могучей,
Чтобы прямо мчалась лодка,
Чтоб с дороги не свернула.

Ветры крепкие морские
Легкий челн стремили к Виру,
Двигали ладью к полудню.
Ветры крепкие морские
Из головушки прогнали
Злого хмеля наважденье, —
Все ж не вспомнил он, сын Калев,
Ни пирушки той кровавой,
Ни злосчастной ссоры в кузне, —
Хоть бывшее подтверждали
Крови страшные приметы:
На мече следы краснели,
Пятна рдели на кафтане.

Ветром лодку подгоняло,
Волны быстрюю толкали,
Легкий челн катили к Виру.

Вот уж ночь в своих объятьях
Ширь морскую погасила,
Сито звездное вставало,
Протянув лучи к рассвету.
Всплыло вдруг одно виденье,
Поднялось над гладью водной.

Богатырь Калевипоэг
Берег острова увидел —
Тот, где он, беды не чая,
С девой островной сдружился,
Обнимал ее любовно.
И любовь ее, и песни,
И последний стон девичий,
Что упал в ночные волны,
Захлебнулся в темном море, —
Все припомнил славный витязь...
Горько в нем смешались мысли,
Грудь тревогой омрачилась.
Калевитян сын любимый
Норовил проплыть тихонько,
Миновать неслышно берег,
Чтоб отца не опечалить,
Мать-старуху не встревожить:
О цветке они скорбели,
Дочь оплакивали оба.

Что там слышится на море?
Кто поет в волнах широких?
Это — девушкаина песня,
Это — голос юной девы,
Бедной курочки квохтанье.
Что в волнах морских белеет?
Кто встает с постели водной?

Богатырь замедлил греблю,
На борту сложил он весла,
Стал прислушиваться к песне.

Видит: тень девичья встала
Из глубин морских бездонных.
Как-чирок, она стенала,
Пела птицей водяною:
„В волны девушка нырнула,
Куковать пустилась в море:
Там дитя развеселится,
Позабудет злое дело,
Горе черное потушит.

Брат плывет в морском разбеге,
Над широкими волнами, —
Спит сестра в постели тайной,
В тайной горнице подводной.
Что там блещет под волнами?
Что скользит поверх теченья?
Меч сверкает под волнами,
Кровь скользит поверх теченья,
Кровь окрашивает волны,
Щеки девушки румянит.
Ох ты, братец кровожадный,
Ты зачем в любви ошибся?
Для чего, исполнен злобы,
Кровь невинную ты пролил?
Для чего меня, голубку,
Для чего отцову дочку
Так жестоко ты обидел?
Я пошла качаться в море,
Песни петь в волнах широких:
Там дитя развеселится,
Позабудет злое дело,
Горе черное потушит.
Что блестело под волнами?
Кровь плыла поверх теченья,
Плыл там брат по глади водной,
На бедре был меч-убийца,
Кровь по лезвию стекала,
Кровь окрашивала волны,
Щеки девушки румяня,
Мертвый цветик оживляя.
Спит сестра в постели тайной
Под зыбучим покрывалом,
В колыбели волн холодных.
Ох ты, братец кровожадный,
Ты зачем в любви ошибся?
Для чего, исполнен злобы,
Кровь невинную ты пролил?
Для чего меня, голубку,
Для чего отцову дочку
Так жестоко ты обидел,
Мой покой навек нарушил?
Ты зачем меня заставил
Задремать в постели смерти?
Двоекратный долг кровавый
Твой покой навек нарушит.

Брат плывет по глади водной,
Спит сестра в постели смерти
Под зыбучим покрывалом,
В колыбели волн холодных.
Тяжело придется брату:
Долг великий он уплатит,
Кровь невинную смывая,
Искупляя беззаконье,
Угашая злое дело.
Что нечаянно свершил он,
Что в беспамятстве содеял, —
Грозным долгом обернулось.
Ох ты, братец мой злосчастный,
Весь свой век — в долгу отныне.

Вышла на берег сестрица,
Поиграть спустилась к морю,
Петь пошла в волнах широких,
Чтоб печаль свою развеять.
Там я — курочка — пропала,
Там погибла ваша птичка,
Там я — девушка — сломилась,
Там увял цветок весенний.

Ты, родимая, не сетуй,
Ты не плачь, отец любимый, —
Домик мой — в зыбучей глуби,
В море — тайная светлица,
Горница — в икре и тине,
Гнездышко — в морском тумане,
Ложь — в сумрачной прохладе,
Колыбель — в волнах глубоких.
Калевы меня качают,
Сулевы мне напевают.

Ох ты, братец мой злосчастный,
Весь свой век — в долгу отныне.
Ох, скиталец мой прибрежный,
Скоро ль ты в постельку ляжешь,
Чтоб уснуть в объятьях мира,
Отдохнуть от долгой муки? "

~ Песня девушки погибшей,
Слезы милого виденья,
Жалобы с морского лона,
Из глубин холодных речи
Душу витязя смутили,
Омрачили сердце мужа.
Те печальные напевы

Породили в нем томленье,
Жалость горькую взрастили,
Возвратили все былое.
Словно образ сновиденья,
Встал пред ним кузнец убитый,
Образ тот заря спугнула:
Он качнулся — и растаял.
Витязь не вернет былого,
Сделанного не поправит.

Богатырь за весла взялся,
Стал грести неугомимо,
Поспешать к жилью родному.
Ветром лодку подгоняло,
Волны быструю толкали,
Легкий челн катили к Виру.
Воду резало кормило
Под его рукой могучей,
Чтобы прямо мчалась лодка,
Чтоб с дороги не свернула.

И запел Калевипоэг:
„Где ольховники томленья?
Где осинники скорбящих?
Где вы, ельники печали?
Где березники невзгоды?
Где томлюсь — растет ольховник,
Где скорблю — растет осинник,
Где печалюсь я — там ельник,
Где горюю — там березник.

Матушка моя родная,
Ты, что жизнь мою взрастила,
На руках меня качала,
Тихой песней усыпляла!
Умерла ты одиноко,
Ты невидимо увяла!
Кто закрыл родные очи?
Кто сомкнул, смежил ей веки?
Василек закрыл ей очи,
Лебеда смежила веки.
Матушка моя родная!
Василек — в колючках тайных,
Лебеда — с шершавым стеблем.

Матушка моя родная!
Ах, как ты меня растила,
Как растила, как ласкала,
Вскидывала, поднимала,

Вновь сажала, забавляла
И дыханьем согревала,
На руках своих качала!
Думала — опорой буду,
Верила — растет помощник,
Целый век жила надеждой:
Милый сын смежит мне веки,
Сын глаза мои закроет!..“

Ветром лодку подгоняло,
Волны быстрюю толкали,
Легкий челн катили к Виру,
Над землей заря всходила,
Тихо утро занималось, —
Тут завидел славный витязь
Бухту берега родного.

Калевитян сын любимый
Тихо к берегу причалил,
Он к плоту береговому
Привязал цепями лодку,
Сам скорей пустился к дому
Братьев повидать-проведать:
Не нашлась ли их родная
На тропях кремнистых Виру?

Богатырь Калевипоэг
Поднялся на гребень Иру,
Где по воле Таары в камень
Дочь тетерки обратилась.

Тише, тише, славный витязь!
Подожди, постой, сыночек!
Слышишь ли ты странный голос,
Что донесся издадека,
Что звенит в закатном ветре?
Будто голос человеческий,
Внятно песенку слагая,
Задрожал в закатном ветре.
Славный муж Калевипоэг,
Ухо повернул на голос,
Где звучал тот сладкий голос,
Внятно песенку слагая.
Для того, кто чутко слушал,
Пела дева водяная,
Дочка ветра молодая:

„Из гнезда ушел орленок,
Улетел мой кривоклювый,

Опечаленный мой лебедь,
Петушок мой безутешный.
Он пустился, мой орленок,
Тихим берегом скитаться
В поисках следов родимой.
Тот орленок крепкокрылый,
Когти у него — стальные.
Был он всем на загляденье,
Гордо вылетел из дому.
Как из туч струятся слезы,
Как ложится снег в долине,
Как бобы свой цвет роняют,
Увядает костяника,
Осыпает гроздь рябина,
Цвет с черемухи спадает, —
Так благим веленьем Таары
Мать из дому улетела,
Куручка — в луга иные,
К берегам иным — тетерка!
Вдовьи дни влеклись в печали,
Дни тех мук неодолимых
Обрели счастливый вечер.

Кривоклювый мой орленок,
С чем же ты домой вернулся?
Был ты всем на загляденье,
Гордо вылетел из дому.
Для чего же хищным когтем
Кровь безвинную ты пролил,
Растерзал покой девичий?
И двойной тот долг кровавый
С той поры гнетет орленка,
Бременем лежит тяжелым.
Грудью мать его кормила,
Да умом не наделила!
Берегись же, мой крылатый,
Берегись меча стального:
Жаждет кровь ответной крови!
Большого сказать не может
Превратившаяся в камень“.

Так звенел в закатном ветре
Отзвук речи материнской.

Калевитян сын любимый
Разгадал — услышал в песне,
Что родимая навеки
Замерла на ложе праха,

Разгадал — услышал в песне,
Что и сам в отчизне финнов
Зло двукратное свершил он:
В первый раз — беды не чая,
Во второй — по неразумью.

Богатырь Калевипоэг
Зашагал к родному дому,
Прибыл ко двору отцову,
В ворота ступил на выгон.
Тут разлаялись собаки,
Братья вышли за калитку,
Вышли глянуть на чужого.
Брата младшего увидев,
Не погибшего, живого,
Подошли они поближе.
Все глазам своим не веря,
Братья старшие дивились:
Где достал он меч могучий,
Позолоченные шпоры?..

Как бы нам теперь послушать,
Что поведают три брата?
На закате дня другого
Собрались они все трое,
Разгорелась их беседа.
Каждый брат спешил поведать,
Как родимую искал он.

Старший брат промолвил слово,
Песню выпустил на волю:

„Вслед за матерью пошел я,
Вслед за курочкой пропавшей.
Исходил я все дороги,
Исходил земель немало:
Шел семь верст землей пустынной,
Десять верст по землям куршей,
Полверсты тропинок польских
Да пять верст тропинок русских,
Сотню верст земли немецкой,
Тысячу — земли турийской.
С кем я встретился в дороге?
Чудо! — с оловянной девой.
Вся — из олова литая!
Тело, рот, глаза и руки,
Даже платье и рубашка —

Все из олова у девы.
Я спросил у оловянной:
— Не видала ль на дорогах
Ты следов тетерки нашей? —
Олово не услышало,
Не сумело дать ответа.
Камню олово подобно:
Рта раскрыть оно не может.
Вновь пустился я в дорогу,
Зашагал широким шагом,
Исходил я все тропинки,
Исходил земель немало,
Десять верст земли пустынной,
Восемь гор островершинных.
С кем в пути я повстречался?
Повстречался с медной девой,
Отлитой из чистой меди!
Медноротой, медноглазой,
Медногубой, меднотелой.
С головы до ног — из меди,
Медная на ней одежда.

Я спросил у медной девы:
— Не видала ль ты тропинки,
Где тетерочка летела,
Наша курочка бежала? —
Медь меня не услышала,
Не сумела дать ответа.
Камню медь во всем подобна,
Рта раскрыть она не может.

Вновь пустился я в дорогу.
Зашагал широким шагом,
Исходил я все тропинки,
Исходил земель немало:
Семь прошел долин пустынных,
Восемь гор островершинных,
Сто болот непроходимых.
Кто шагал, кто шел навстречу?
Шла серебряная дева.
Вся из серебра литая!
Серебро — глаза и губы,
Все серебряное тело,
Все серебряное платье,
Серебро — узор на платье.

У серебряной спросил я:
— Не видала ль ты тропинки,

Где тетерочка летела,
Наша курочка бежала? —
Серебро не услышало,
Не сумело дать ответа,
Серебро подобно камню:
Рта раскрыть оно не может, —
Не услышал я ни звука.

Вновь пустился я в дорогу,
Зашагал широким шагом,
Исходил я все тропинки,
Исходил земель немало:
Семь прошел долин пустынных,
Восемь гор островершинных,
Сто болот непроходимых.
На пути кого я встретил?
Встретил деву золотую,
Золотую королевну.
Вся из золота литая!
Рот и брови — золотые,
Золотые — руки, тело
И рубашка — золотая,
Золотой узор на платье
И корона — золотая!

Тут у золотой спросил я:
— Не видала ль ты тропинки,
Где тетерочка летела,
Наша курочка бежала? —

Услыхала золотая,
Золотым пропела клювом:
— Ты иди лесной тропой,
Проберись в цветущий вереск,
Встретишь девушку из плоти,
С человеческими устами. —

Вновь пустился я в дорогу,
Зашагал широким шагом,
Шел, земли едва касаясь.
Исходил я все пустыни,
Семь болот непроходимых,
Восемь выгонов поемных,
Десять верст зеленых пашен,
Шел я просекой лесною,
Пробрался в цветущий вереск.
С кем в пути я повстречался?
Повстречался я с красоткой,
С нежной дочкой материнской:

Щеки пышные — румяны,
Жизнь в глазах ее сверкает.

Стал у девушки пытаться я,
Речь повел с высокогрудой:
— Не видала ль ты тропинки,
Где тетерочка летела,
Наша курочка бежала?—

Поняла меня красотка,
Кротко девушка сказала:
— Здесь не видела я, братик,
Вашей курочки на тропках,
В вереске — следов тетерки.
Не унес ли птицу ястреб?
Злой орел не закогтил ли?
Заходи-ка ты к нам в гости
Сватать курочек домашних!
Здесь не счесть светловолосых,
Много здесь очей-смородин,
Без числа — голов кудрявых,
Семь красавиц пряжкогрудых,
Десять — в бусах золоченых,
Двадцать — блещущих, как солнце,
Сотня — в шелковых одеждах. —

Я ответил ей, промолвил:
— Не зови ты, молодая!
Я пришел сюда не сватать,
Путь мой — не тропа девичья:
Вслед за матерью спешу я,
Вслед за курочкой пропавшей!“

Средний брат промолвил слово,
Песню выпустил на волю:

„Вслед за матерью пошел я,
Вслед за курочкой пропавшей,
Исходил я все дороги,
Исходил земель немало:
Я прошел через долину,
Миновал глухие топи,
Вышел к берегу речному,
Долго по лесу скитался.
Что за лесом я увидел?
Хату, малую избушку.
Подошел я к той избушке,

— Дед, здорово! Здравствуй, бабка!
Покажите мне дорогу! —

Дед молчал, молчала бабка,
Черный кот в углу мяукнул.

Вновь пустился я в дорогу,
Зашагал проворным шагом,
Стал отмахивать я версты.
Я прошел через долину,
Миновал глухие топи,
Вышел к берегу речному,
Долго по лесу скитался,
Кто там вышел мне навстречу?
Шел из леса сероглазый.

Я спросил тогда у волка:
— Не видал ли где ты, братец,
Следа матери пропавшей? —

Не сумел ответить серый,
Слова не сказал волчонок,
Только глянул он с опаской,
Зубы острые оскалив.

Вновь пустился я в дорогу,
Стал отмахивать я версты,
Исходил я все тропинки,
Исходил земель немало:
Через нивы прошагал я,
Миновал глухие топи,
Вышел к берегу речному,
Долго по лесу скитался.
Кто там вышел мне навстречу?
Мне медведь навстречу вышел.

Тут спросил я у медведя:
— Не приметил ли ты, братец,
Следа матери пропавшей? —
Но медведь меня не понял,
Не сумел он мне ответить,
Только глухо прорычал он, —
Внятных слов я не расслышал.
Вновь пустился я в дорогу,
Зашагал широким шагом,
Исходил земель немало.
Прошагал через долину,
Проходил по вязким топям,
Вышел к берегу речному.
Много верст прошел я лесом,
Что в лесу мне повстречалось?
Ель высокая, густая,
А у ели на верхушке

Златоклювая кукушка.
И спросил я у кукушки:
— Не видала ль, золотая,
Ты в лесу следов родимой? —
Златоклювая кукушка
Мне в ответ прокуковала:
— Через лес пройди дремучий,
Повстречаешь луг цветущий,
А за ним — березник белый,
В нем — просторный двор богатый,
Там ты девушку увидишь.
А она, наверно, знает,
Знает, что тебе ответить. —
Вновь пустился я в дорогу,
Зашагал широким шагом,
Исходил я все тропинки,
Через лес прошел дремучий,
Через луг прошел цветущий,
Увидал березник белый.
Что в березнике я встретил?
Двор просторный, дом богатый.
Четырех красавиц встретил
С бусами на белых шеях.
Первая — рубашку шила,
Кружево плела другая,
Третья — поясок вязала,
А четвертая — за станом
Полотно сколачивала.
Солнцем горница сияла,
Стены убраны шелками,
Ветром выметено в доме.
Подошел я, поклонился:
— Остроглазые, здорово!
Вы не знаете ль тропинки,
Где тетерочка летела,
Наша курочка бежала? —
Та, что ладила рубашку,
Не промолвила ни слова.
Та, что кружево сплетала,
Только ласково взглянула.
Та, что поясок вязала,
Лишь приветно улыбнулась.
Та же, что стучала станом,
На слова не поскупилась,
Так промолвила со смехом:

— Нынче стадо я водила,
Я вчера искала ягод,
В лес позавчера ходила,
А на днях сгребала сено.
Не встречала я тетерки,
Вашей птицы не видала.
Знать, та птица улетела,
Уплыла от вас на крыльях.
Подожди: минует лето,
А когда наступит осень,
Ты возьми вина баклагу,
Положи в суму подарки,
Приходи ловить тетерку,
Сватать курочку другую! —
Я ответил, я промолвил:
— Знай, — невесты не ищу я,
Не хочу другой тетерки,
Я иду тропею горя —
Вслед за матерью пропавшей“.

Третий брат Калевипоэг
Встал, поведал, как напрасно
Вслед за матерью бродил он.
Как на финской той дороге
Финский знахарь ветра, Туслар,
Мертвым лег на ложе праха.
Рассказал, как меч купил он,
Как отпраздновали сделку,
Но о пиршестве кровавом,
О нечаянном убийстве,
Но о гибели, о песне
Девушки-островитянки
И о вздохе-ветре Линды
Калев братьям не поведал.

Старший брат промолвил слово,
Песню выпустил на волю:

„Наш отец уснул в кургане
Под сыпучими песками,
Полог каменный над ложем...
Наша мать ушла навеки.
Где нога ее ступала, —
Одному известно только,
Одному известно Тааре.
Унесло ли вдовье горе,
Скорбь ли долгая умчала

Нашу мать в обитель смерти?
Иль злокозненные сваты
Нашу курочку украли,
Завлекли в поля чужие?
Или гребни водяные
Увлекли ее в пучину?

Мы про то узнать не можем.

На родительские крылья,
На любовную защиту
Больше нет у нас надежды.
Крылья собственные будут
Нас, птенцов, носить по свету.
Так исполним же все трое
Мы отцово повеленье:
Выйдем, братья, жребий кинем —
Из троих кому быть князем!
Так отец на ложе смерти
Завещал родимой нашей“.

Средний брат промолвил слово,
Песню выпустил на волю:

„Правду молвил старший братец!
Завещал решение это
Нам отцовский светлый разум,
Да и строгий долг сыновний
Научает нас тому же.
Ведь уже и брат наш младший,
Наш птенец неоперенный,
Из гнезда взлетел на волю,
Перенесся через море!
Пусть же нас рассудит жребий,
Пусть решение подскажет“.

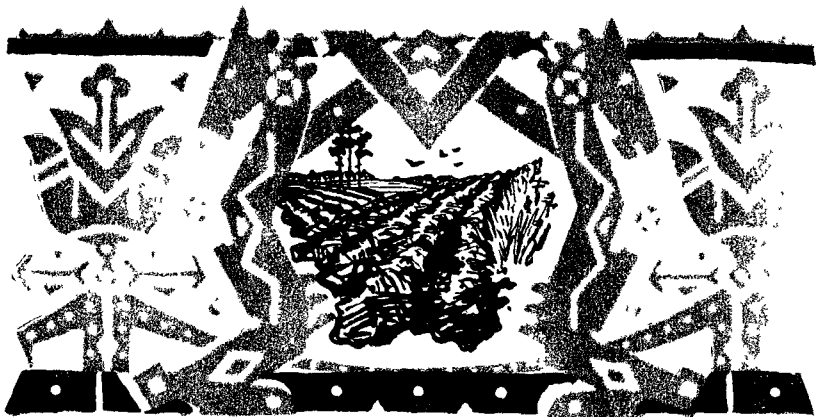
Младший брат промолвил слово,
Песню выпустил на волю:

„Мы с отцом не повстречались.
Я — на свет, а он — в могилу.
Мать — сама ли заблудилась,
Иль похищена в неволю.
Как несли ее из двери, —
Радость в окна улетела.
Как несли ее дорогой, —
Радость по саду бежала,
Пролетала над болотом.
Где родную загубили,
В гроб тетерку уложили, —
Радость к берегу пристала,

В зимнем холоде поблекла.
Уложили мать в могилу,
И в груди любовь застыла.
Трое братьев нас на свете, —
Мы сиротами остались.
Так исполним же немедля
Мы отцово повеленье!
Так пойдем же кинем жребий,
Меру силы испытаем,
Опознаем цену счастья.
Кто из нас веленьем Таары
Примет власть над остальными?“
Каждый брат глубоко прятал
В сердце тайное волненье,
И счастливую надежду,
И боязнь утратить счастье.
В тот же вечер, как стемнело,
В долгих сумерках закатных
Младший брат ушел неслышно,
Зашагал широким шагом
Он к отцовскому кургану.
В руку взяв платок печали,
Сжав в руке платочек слезный,
Он нашел курган могильный.
Сел на край его, тоскуя.
Молвил Калев из могилы:
— Кто ступает по могиле,
Шевелит песок ногами,
Намогильный топчет гравий,
Сотрясает камень твердый?

Сын услышал, сын ответил:
— То сынок твой топчет гравий,
Сын ступает по могиле,
Это младший твой сыночек,
Кто не видан был тобою,
Шевелит песок ногами,
Сотрясает камень твердый.
Встань, мой батюшка родимый!
Приласкай меньшого сына,
Головы его коснись ты,
Поделись с ним тайной силой,
Ты скажи ему хоть слово! —
Услыхал отец, ответил:
— Не могу я, сын любимый,

Не могу я встать из гроба.
Позвонки мои сломились,
Тлен в костях моих коленных,
Мурава мой холм покрыла,
Мох одел могильный камень.
Васильки цветут в глазницах,
Таволга растет в подножье.
Ветер сына приголубит,
Встанет солнце — приласкает. —
 Сын промолвил, опечалясь:
— Час единый любит ветер,
День единый любит солнце,
До могилы любит Таара,
Лишь отец — навеки любит! —
 Молвил Калев из могилы,
Словом ласковым ответил:
— Не печалься, мой сыночек,
Ты не плачь, мой самый младший!
Тень отца следит из гроба
За сыновним тихим шагом.
Предначертаны богами,
Пробегают жизни наши,
Проплывают волны счастья.
Что нечаянно содеял, —
Искупить ты постарайся!

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

*Братья бросают жребий, кому наследовать власть.
Пахота и гибель коня.*

ева — звездочка рассвета,
Око сумерек прозрачных,
Из густых ресниц небесных,
Из-под облачного века
Ты взгляни на песнопевца,
На его пути-дороги,
Где он с каннеле скитался!

Тихо, молча ты следила
Судьбы древних поколений,
Тихо, молча ты смотрела
В глубину дубравы Таары,
На могучие деревья
В пышнолиственном наряде,
Подле них — на речку Эма,
Что-весною льды взломала,
Шумно вызволила волны,
Широко помчала воды.

Верно, видела ты, дочка,
Дева, звездочка рассвета,
Как шагали трое братьев,
Поспешали кинуть жребий:

Кто из них, вельнем Таары,
Примет власть в родимом крае?
Верно, видела ты, дочка,
Как пахал могучий витязь,
Богатырь Калевипоэг,
Как вздымал он пашни Виру,
Подымал новины Ярва,
Как ровнял он гладь долины,
Как по островам шагал он,
Бороздил холмы крутые,
Плугом вспарывал болота?
То не борозды, — овраги
После пахоты остались,
Между бороздами — горы,
Пашня вся — в валах горбатых.
Дева, звездочка рассвета,
Ты уж, верно, любовалась
Той запашкой богатырской!

Если слов мне неостанет,
Если мне не хватит речи —
Серебристой тонкой пряжи,
Золотых крученых нитей, —
Путь мне звездочка укажет,
Поведет тропой разумной.
Коль и тех мне слов не хватит,
Я домой схожу за ними:
Там в мешках слова хранятся,
Ворохами на полатях,
На лежанке — в рукавичках,
В башмаках, подбитых медью, —
А когда и тех не хватит,
Соберу слова на пашне,
Я их в вереске добуду,
Разыщу средь сухостоя,
Я их wygrебу из сена,
Из осоки прошлогодней,
Из былинки полевницы,
Из развеянной мякны,
Из соломенных подгребков.

Если складывать я стану
Быль про Калеева сына,
Нескончаемую песню,
Вся заслушается волость,
Смолкнут села золотые,
Господа в сторонке встанут,

Встрепенется люд дворовый, —
Каждый речь мою услышит,
Будет рад моим запевам!

Время лучшее наступит,
Праздник лучших поколений:
В этот день благословенный
Соловьем я буду щелкать,
Я поведаю все были,
Песни древние открою —
Те, что в Ляне мне звенели,
Те, что вывез я из Виру,
Те, что в Харью насбирал я,
Услыхал в дубраве Таары.
Так спою, что взвевет ветер,
Что зима весной запахнет,
Тучи песней подожгу я,
Растоплю снежинки в небе!
Так-то встарь певали в Виру,
В Ярва складывали песни.

Если складывать я стану
Быль про Калева сына,
Песнь про Олева спою вам, —
Кто поднимет, сдвинет с места
Эти песенные клады,
Драгоценные повозки?
Много ли коней потребно,
Много ль нужно черногривых?
Лишь один конек и нужен —
Калева конек могучий,
Или Алева буланный, —
Повезет он в одиночку
Золотые эти клады,
Весь обоз мой драгоценный!

Только зорька заалела
В тихих сумерках рассветных,
Дети Калева, три брата,
Заспешили в путь-дорогу,
На веселую прогулку:
Поскать такого места,
Где сподручней кинуть жребий,
Испытать веленье счастья.

Дети Калева, три брата,
Шли да шли могучим шагом,
К югу весело шагали,
В темных дебрях отдыхали,

Утоляли голод хлебом,
Освежались пенной брагой.

А когда склонилось солнце
В нежный час зари вечерней,
Вырос домик при дороге,
Домик между лип широких.
Трое путников могучих
К дому быстро подступили.
Вышел из ворот хозяин,
У дверей хозяйка встала,
Так гостям они сказали:
— Заходите, люди, в гости,
Женихи, во двор широкий,
Сваты, в горницу входите!
Больно знатны наши сваты:
Все — из Калеева рода!
А невесты — им под пару:
Это — девушки из Хийу,
Честные отцовы дочки.
В кошельках у вас — червонцы,
Пряжки светлые — в карманах,
Серебро у вас в котомках,
Золото в плетеных торбах.
А у нас — лари без счета
И приданое готово. —

Старший брат в ответ промолвил.
— Мы пришли сюда не сватать, —
Мы идем другой дорогой,
Мы идем на ловлю счастья.
В женихи мы не годимся:
Мы и сруба не рубили,
Уголков не шнуровали,
Нет и досок для кровати, —
Некуда ввести хозяйку! —

Так сказал отец-хозяин:
— Обижать вас — нет охоты,
Все ж обманщики вы, парни!
Женихов признать не трудно!
Для чего вы нарядились
В шелкотканые рубахи
С пестрой вышивкой парчовой?
Как нашли сюда дорогу?
Разве знак был на заборе
Иль отметинка на дерне,
Что тетерок здесь взрастили,

Пестрых курочек вскормили,
Уточек в гнезде пригрели?
Наши дочки дорогие
В скрытых горницах таились,
Ткали нити золотые,
Шелк серебряный вязали, —
Пальцы — в золотых колечках,
Талеры у них на шеях,
Груды — в пряжках драгоценных.
Вы по золоту томитесь,
Вы вздыхаете о пряжках! —

Средний брат в ответ промолвил
— Слушай, мудрый наш хозяин!
Слушай, добрая хозяйка!
Вы бы выпустили дочек
Подышать зарей вечерней,
Порезвиться на муравке,
Покачаться на качелях,
Поаукаться друг с другом!
Нам приданого не надо,
Ваше золото не тронем! —

Дочек вывели на волю,
Молодых — из горниц тайных.
Ярко их венки сверкали,
Пояса переливались,
Ленты пестрые без счета
С платьев шелковых спадали,
Золотые ожерелья
Колыхались и звенели,
Серебро нагрудных пряжек,
Колыхаясь, задевали.
Дочки в пляске закружились,
Вот вперед они метнулись, —
Ленты, взвившись, колыхнулись,
К пяткам хлынули ручьями.
Вот назад они метнулись, —
Ленты к пальцам ног взлетели.

Мать промолвила с порога:
— Дочки дома не ленились,
Много курочки трудились.
Сколько шелка дорогого,
Сколько полотна наткали,
Наготовили холстины,
Сколько вывели узоров,
Шелковых чулок связали!

Допоздна они не спали,
Не дремали за работой.
Наших дочек мы растили
В жены Калевым детям! —

Младший брат промолвил слово,
Так сказал он, поразмыслив:
— Слушай, добрая хозяйка!
Слушай, добрый наш хозяин!
Наши будущие жены
Еще ходят в малолетках.
Мы пришли сюда не сватать,
Мы гнезда еще не свили, —
Мы идем искать удачи!

Вы, сестрички, не грустите!
Вы не плачьте, золотые!
Ведь от слез поблекнут щеки,
Ваши платья и накидки
В лунном свете потускнеют,
Выцветут венки под солнцем,
Под зарей погаснут бусы,
Талеры от звезд померкнут,
Прежде чем приедут сваты.
Мы идем путями счастья
В тишине прекрасной ночи,
Под златым сияньем лунным,
Под Медведицей прохладной!
Путь во тьме нам озаряет
Свет от пряжек наших милых. —

Дети Калева, три брата,
Шли да шли широким шагом,
К югу весело шагали,
День шагали, два шагали,
А на третий огляделись:
Видят — озеро синее*
В чаше берегов высоких.
Было озеро красиво,
Много птиц в волнах ныряло, —
Лебеди — посередине,
Возле берега — утята,
Утки — у плотов широких,
А поверх запруды — гуси.
В даль закатную глядела
Древняя дубрава Таары*,
Вскинув искристую зелень
Над высоким гребнем горным.

Благодатную долину
Омывала неустанно
Мать-река, родная Эма,
Солнцем блещущие воды
В чашу синюю вливая:
Материнский сок молочный
Пейпси-озеро впивало.

Старший брат, боец могучий,
Поразмыслив, молвил слово:
— Здесь мы будем состязаться,
Здесь метать мы будем жребий, —
Пусть глядят из древней рощи
Мудрые зеницы Таары,
Из реки — святые тени.
Здесь мы, братья, кинем жребий.
Пусть решит, кому быть князем,
Править вотчиной отцовой,
Защищать народ любимый, —
А кому уйти отсюда
В чужедальние приволья,
Строить дом в краю безвестном! —

Братья выбрали три камня:
Кто сильнее метнет свой камень,
Дальше всех его забросит?
К озеру они спустились,
Встали у воды все трое,
На песчаном побережье.

Так размыслили три брата:
„Нужно камень перебросить
Через ширь озерной чаши.
Тот, чей камень ляжет дальше, —
Позади воды, на суше, —
Тот и князем назовется.
Так, по отчему завету,
Судьбы братние решатся:
Двум из нас — пути открыты
В дальний мир, в чужие земли.
Третьему — остаться дома,
Быть хранителем отчины“.

Старший брат, боец могучий,
Молвил слово: — Кинем жребий!
Долг мой, братья золотые,
Камень свой метать вначале;
Нашей матушкой любимой
Первым вынесен я к солнцу

Из раскрывшихся соцветий,
Из черемухи весенней.
Раньше вас окреп я силой,
Прежде вас на этом свете
Сладких ягод я отведал.
Званье старшего, быть может,
Ваша ловкость завоюет, —
Я тогда не стану спорить,
Тайно злобствовать не буду.
Проторить тропу я должен,
Проложить другим дорогу.
Первым кину я свой камень, —
Он для вас, идущих следом,
Станет метой путеводной!

Тот, кто вздумает охаять
Все, содеянное раньше, —
Пусть он дом себе построит,
Пусть из бревен срубит стены.
Возведет крутую кровлю
И конек вверху поставит —
Там, где только ветры дули,
Бури торили тропинки, —
Он тогда уразумет,
Что небрежными речами
Легче труд чужой охаять,
Чем работать с прилежаньем! —

Так промолвив, взял он камень
И занес его высоко,
Изловчился, развернулся,
Валунок в полет пустил он.
Камень взмыл на крыльях ветра,
Словно ветер, взвился к небу.
Оку видевших казалось:
Улетает камень-птица
К тем окраинам небесным,
Где лежит граница мира,
Где высокий купол неба
Прикреплен к земле широкой.
Вдруг ослаб в полете камень,
Рухнул с выси поднебесной,
Словно вихрь, упал он с неба,
С высоты упал отвесно,
Ухнул вглубь волны озерной,
Возле берега другого.
Воды гулко зашумели,

Волны бурно расплеснулись.
Камень лег на дне озерном,
На струистом тихом ложе
На глазах у всех глядевших.

Средний брат, боец могучий,
Так сказал, промолвил слово:
— Проложил мне брат дорогу,
Проторил он мне тропинку,
Впереди возвел хоромы,
Там срубил-сложил он стены,
Крепко сбил углы строенья,
Высоко стропила поднял.
Так и быть — по той тропинке
Вслед за ним я зашагаю! —

Так сказав, он поднял камень
Богатырскою рукою,
Валунок в полет пустил он.
Камень взмыл на крыльях ветра,
Раскрутился он со свистом,
С шумом вырвался на волю,
Словно ветер, взмыл он к небу.
Несся, тучи задевая,
Мчался, солнце затмевая, —
Выше-выше, дальше-дальше.
А как стал он книзу падать,
С высоты к земле понесся,
Рухнул он о край водицы,
Меж волной и твердой сушей,
Виден стал наполовину:
Половина — под водою,
Над водой видна другая.

Братья старшие метнули,
Очередь — за третьим братом.
Калевитян сын любимый,
Хоть и был моложе братьев,
Хоть бедней он был годами —
Всех богаче был он мощью,
Был сильнее старших братьев,
Он и в бедрах-то покрепче,
На ногах-то он потверже
И в плечах-то он пошире!
У него — всех цепче руки,
У него — всех крепче ногти,
У него глаза — всех зорче,
Всех разумней — разуменье.

Младший брат Калевипоэг
Так сказал, промолвил слово:
— Матушка моя родная!
Твой ягненочек последний,
В смертных муках я родился,
В смертных муках, в злых страданиях,
Горький сын печали вдовьей.
Матушка моя родная!
Ты ночей недосыпала,
По утрам не завтракала,
В ясный полдень не снедала...
На столбе перед кроватью
Вечно теплилась лучина.
Ты спала, не раздеваясь,
Конь всегда стоял в упряжке.
Сколько торено тропинок
Да изъезжено дорожек —
К тайным знахарям премудрым,
К славным лекарям окрестным!
По тропам ходил буланый,
По бесчисленным дорогам.
Мать искусников искала,
Чтоб ребенка исцелили,
Чтоб скорей окрепнул слабый,
По ночам не плакал хилый.
Отдала овцу колдунье,
Отдала козу вещунье,
Ведуну дала теленка,
Наговорщику — другого,
Талер — знахарю седому,
Талер — лекарю другому.
Пела поздно, пела рано:
„Баю-баю, мой сыночек,
Подрастай, мой пастушочек,
Возмужай, могучий пахарь,
Сильным воином окрепни!“

Был сынок любовью вскормлен,
Был он ласками взлелеян.
Много весен миновало,
Много раз косили сено —
С той поры, как я качался
Возле выгона отцова,
Веселился на качелях —
На цветке черемуховом,

На березовом листочке,
На листе ольхи широком,
На ореховой скорлупке.
Облетел и цвет черемух,
И березы обнажились,
И ольшаник обезлиствел,
И оборваны орехи, —
Я же вырос, возмужал я,
Назвался Калевипоэг. —

Так промолвив, взял он камень,
Валунок в полет пустил он.
Взмыл-взметнулся камень-птица,
Раскрутился он со свистом,
С шумом вырвался на волю.
Зоркий глаз его направил,
Сильная рука метнула.
Хоть и неся он, как ветер —
Выше-выше, дальше-дальше, —
Только туч не разметал он,
Только дня не затмевал он,
Высоты не колыхал он, —
Вдаль катился он с шипеньем,
Через озеро летел он,
Миновал он дальний берег,
Долго воздух рассекал он,
В землю врезался с размаху.

Старший брат промолвил слово:
— Напрямик шагнемте, братья,
Через синюю водицу!
Камни жребия поищем,
Поглядим — куда упали? —
Дети Калева, три брата,
Не пошли тропой окольной:
Напрямик они шагнули
Через озеро большое.
В середине доходила
Им до пояса водица.

— Камень старшего из братьев
Тихо спал на дне озерном,
Под покровом волн струистых:
Ни рукой не дотянуться,
Ни глазами не увидеть!
Камень среднего из братьев
Возле берега улегся,

Виден был наполовину:

Половина — под водою.

Камень младшего из братьев —

Знак последний состязанья —

Он один лежал на суше,

Он покоем на травке,

От других намного дальше,

Волю неба означая:

Быть ему в отчизне князем

И защитником народа.

Старший брат промолвил слово:

— Ныне, божеским веленьем,

На песке явились знаки,

На траве легли отметки,

Наших судеб начертанья.

Ныне — ведомо и зримо:

Кто, по отчему завету,

Наречется нашим князем!

Зачерпнем воды озерной,

Брата младшего омоем, —

Пусть он телом закалится,

Пусть он духом просветлеет!

Обрядим его достойно,

Гладко волосы расчешем,

В золотой кафтан оденем,

В сребротканную рубаху,

В красно-медную кольчугу.

Нынче — лоб его высокий

Золотой украсим шапкой,

Грудь стальным щитом укроем, —

Будет брат могучий воин,

Будет славный победитель.

Каждый шаг его отныне

Станет шелком шелестящим,

Звонким золотом старинным,

Серебром, поющим нежно,

Медью гулкой и суровой.

Каждый шаг его отныне

Будет цвезть на радость миру! —

Так свершили трое братьев,

Что отец их, старый Калев,

Завещал на смертном ложе:

Князем стал из братьев младший —

Охранителем отчизны.

Братья старшие запели,
Зазвенели голосами:

— Мы вдвоем уйдем отсюда,
Зашагаем в путь-дорогу.
Мы пойдем искать удачи
В тех краях необозримых,
Где поет кукушка счастья,
Птица радости смеется! —

Младший брат запел ответно:

— Там, где солнышко сверкает,
Где сияет ясный месяц,
Кажут звезды путь-дорогу,
Там, где ели золотые,
Где раскидистые ольхи,
Серебристые березы,
Древняя дубрава Таары, —
Там поет кукушка счастья,
Птица радости смеется.
Где поет кукушка счастья, —
Там обтесывайте срубы!
Где веселая смеется, —
Там хоромы возводите,
На постели шелк стелите!
Где вздыхает птица горя, —
Там убежище сиротам,
Для вдовиц изба печали! —

Братья старшие сказали:

— Будь ты счастлив, братец младший.
Князь наш, избранный судьбою!
Будь ты счастлив, край любимый,
Наше гнездышко родное,
Где мужали мы на воле,
Как дубы, вздымались к небу!
Нынче ропщут наши нивы,
Горько плачут рощи Ляне,
Где резвились мы птенцами.
Мы же слез не проливаем, —
Нет, скорей заплачут птицы! —
Кровь у нас из глаз струится,
Наши щеки побледнели,
На бровях печаль нависла,
Скорбь окутала ресницы.

Пусть зима застелет землю,
Пусть весна теплом повеет,
Под горячим вздохом лета

Загремят, набухнут воды,
Разветвятся родниками,
Лепестки из почек брызнут,
Запоют в вершинах птицы!
Там, куда река прорвется,
На земле мы закрепимся.
Там, где чистый ключ пробьется, —
Мы обтешем наши срубы,
Стены прочные построим.
Там, где расцветет долина, —
Мы воздвигнем брачный терем.
Где весной засвищут птицы, —
Наши девушки таятся,
Стройные растут невесты.
Ты прощай, дубрава Таары,
Над рекой прекрасной Эма!
Вы прощайте, горы, доли,
Ручейки, леса родные!
Как от груди материнской
Отлучается младенец,
Отлучаться должно мужу
От всего, что сердцу мило!
Благ и светел мир безбрежный,
Высоко и ясно небо.
Нет для сильного напасти,
Для могучего угрозы! —

Двинулись в дорогу братья,
Два орла с гнездом простились,
Брата младшего покинув.

Он у озера остался,
Одинешенек сидел он,
О минувшем вспоминая,
Об утерянном тоскуя —
Об отцовом светлом доме,
О заботе материнской, —
Обо всем, что вдруг исчезло,
Упорхнуло, улетело,
Как роса при первом зное.

Сидя на скале горбатой,
Богатырь промолвил слово:
— Что ушло с лугов весенних,
Что цветами облетело
Под горячим вздохом лета, —
Станет семенем бесценным,
Летам будущим на благо.

Князем здесь меня избрали,
Коль правитель я отныне,
Должен я с гнездом расстаться,
Выйти на простор широкий,
Должен я на смелых крыльях
Проторить дорогу счастья,
Как орленку подобает! —

Серебро он бросил в воду *,
Волнам дал богатый выкуп,
Духа водного задобрил, —
По прадедовским приметам,
По старинному наказу, —
Мудрой древности заветы
Племя новое забыло.

Богатырь Калевипоэг,
Испытав судьбы веленье,
Братьев отпустив из дома,
Принял в руки власть отцову.
Он за плуг старинный взялся,
Чтя работы полевые.
Меч он на бедро привесил,
Чтоб не ведал мирный пахарь
Злой военной непогоды,
Облаков вражды кровавой.
Верный меч — опора князю!
От врагов он защищает,
Он карает злую волю,
Погашает пламя распри,
Он крепит права общины,
Вечный мир провозглашает.

Калевитян сын любимый
Вскинул за плечи лукошко,
Верный меч к бедру привесил,
Привязал оглобли к плугу,
Ввел буланого в оглобли,
Впряг он пахотную лошадь,
Стал распахивать болото,
Бороздить сухую землю,
Целину взрезать глубоко,
Чтоб размалывались камни,
Глина — вскармливала семя,
Злая пыль — ростки питала.
Новину он плугом поднял,
Новь глухая стала пашней,

Выгоном и сенокосом.
Он посеял голубику
И морошку на болоте,
А о край болот — бруснику
И чернику — в темных дебрях.

Под леса пахал он землю,
Необъятные просторы
Он засеял деревьями,
Чтоб дубы росли высоко,
Чтоб курчавился кустарник.
Он распахивал низины
Под поемы заливные,
Под широкие поляны —
Для забав, для игр веселых.
Он пахал — гудели доли,
Горы кланялись, качаясь.
Он пахал — всходили травы,
Побережья зеленели,
Розовела земляника,
Под кустом цвела брусника.
Он пахал — цветы смеялись,
Разноцветные головки
К солнцу весело вздымая.

Он пахал, чтоб стало пышным,
Чтоб обильным стало поле,
Влаги жаждущим всечасно,
Чтоб земля, по воле плуга,
Выворнясь под ветрами,
Напоилась летним ливнем,
Талым снегом напиталась.
Чтоб в глубокие разрезы,
Чтобы в борозды от плуга
Воды вешние стекались,
Чтобы калевитян племя
Год от году богатело,
Никогда б не оскудело.

Богатырь Калевипоэг
День пахал, и два пахал он,
Он пахал еще и третий,
И еще пахал без счета:
Он пахал в тумане утра,
Он пахал в вечерних росах,
Он пахал и в знойный полдень.

Солнце, пышущее жаром,
Спину Калеву палило.

Приустал могучий пахарь,
Притомился конь буланый.
Оводы коня терзали,
Пересох язык у мужа,
Губы запеклись от жажды.
Солнце все сильнее палило,
Беспощадными лучами
Все живое затопляя.
Выбился из сил буланый;
Богатырь коня стреножил,
Выпряг жеребца из плуга
И серебряной веревкой
По ногам его опутал.
Сам он на землю улегся —
Отдохнуть на солнцепеке,
Распрямить бока и спину,
И забылся сном глубоким!

В горб холма вдавилась шея,
Голова — рукой подперта,
Был кулак взамен подушки,
Бок покоился на дюне,
Ноги спущены в долину.
Долго спал Калевипоэг,
Богатырской ветви отпрыск,
Спал на травяной постели,
До поры, когда к закату
Солнце тихо не склонилось.

Опочившего глубоко
Припекла жара дневная,
Зной ему распарил кожу,
Пот со спящего катился,
По щекам сбегали струйки,
Капли светлые спадали.

Холм вбирал живую влагу
В потаенные глубины;
Там источники забили,
Родники заклокотали,
Утоляющие жажду,
Закаляющие тело.
Кто черпнет воды подземной,
Тот насытится мгновенно,
Навсегда окрепнет силой:
В рост пойдет младенец хилый,
Хворый хворь свою забудет,
Взор зажжется у слепого,

Тяжесть свалится с калеки,
Боль болящего отпустит,
Муки долгие угаснут.

Исцеляющею силой,
Тайной силой плодородья,
Напоен тот ключ волшебный.
Кто в полуденную пору
Зачерпнет студеной влаги, —
Вдруг почует он: струится
В теле свежесть молодая,
В сердце — радость утоленья.
Щеки девушек зажгутся
Алостью неугасимой:
Это Калеево пламя
Пышет до заката жизни.

Богатырь Калевипоэт
Сети дремные распутал.
Вдруг — в воротах пробужденья —
Дух его беду почуял:
В крепких путах конь могучий,
Добрый пахаря помощник,
В этот час прощался с жизнью.

Конь от оводов жужжащих,
От доуки комариной
Уходил все дальше-дальше —
В глушь кустарников прохладных,
На окраину лесную, —
Там хотел он освежиться,
Постоять в тени деревьев,
Полежать в траве высокой,
Отдохнуть, избыть усталость.

А в лесу водились волки,
Звери хищные гнездились.
Конский дух влетел им в ноздри,
Кровожадным песьим нюхом
О гнедом они прознали.
Волки стаями сбежались,
Рыси вылезли из дебрей,
Собралось лисиц без счета,
Чтоб полакомиться мясом,
Жиры сладкого отведать.
Вышли звери из чащобы,
Конский дух привел их прямо
На окраину лесную.

Калевов гнедой могучий
По ногам был крепко связан,
Был серебряной веревкой
На беду свою опутан.
Гибель скорую почуяв,
Поскакал конек в долину, —
Путы быстрого сдержали,
Той серебряной веревкой
Легкий бег его связали.

Он зверей хватал зубами,
Убивал копытом насмерть,
Волчьи головы дробил он,
Рвал-топтал он острозубых,
Бил их задними ногами,
Пробивал себе дорогу.
Сотнями побил волков он
И десятками медведей,
Но напрасно: из чащобы
Звери двигались без счета,
Птичьих стай необозримей —
Грызть живьем, терзать до смерти
Истомленного гнедого.

Наконец, иссякли силы,
Жизнь могучая угасла
Под железными когтями,
В скрежете зубов кровавых.
Пал, израненный, на землю
Калевитян конь любимый
Злым зверям на растерзанье.
Страшные следы оставил
Пахарю гнедой погибший:
На семь верст следы тянулись —
Знак погибельного боя.

Где врагов своих топтал он, —
Там возвысились курганы.
Где упал гнедой на землю, —
Яма там видна доныне.
Где растерзан был могучий, —
Там кровавые потоки
Собрались на дне лощины,
Стали озером широким.
Где его лежала печень, —
Там остался холм высокий,
Где нутро его истлело, —
Там раскинулось болото,

Топь глубокая разверзлась.
Где его упали кости, —
Встали холмики крутые.
Где осыпались шерстинки, —
Камыши зашелестели.
Где легла густая грива, —
Там тростник густой разросся.
Где простерся хвост широкий,
Вырос, зашумел кустарник,
Закурчавился орешник.

Так явил он, погибая,
Породил он, умирая, —
Калевов конек могучий, —
Знаки памяти навечно
О живых минувших былях
Для грядущих поколений! *

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

*Расправа с волками. Весть о войне.
Вещий сон. Гонец войны.*

олнце близилось к закату,
К голубым верхушкам леса.
Калевитян сын любимый
Пробудился, встал в тревоге.
Призрак злого сновиденья,
Бедствиями угрожая,
Разогнал усталость мужа.
Приложив к губам листочек,
Стал коня он свистом кликать,
Звать любимого гнедого.

Свист рассеялся в просторе,
Таял в далях безотзывно,
Угасал в закатном ветре:
Добрый конь не слышал свиста,
На призыв не отзывался.
Лишь тревожный гомон птичий
Отвечал на посвист мужа.

Калевитян сын любимый
Сам на поиски пустился;
Он бродил лесною чащей
По следам стреноженного, —

Шел густыми вересками,
Темными овражищами,
Топкими болотищами,
По трущобам непролазным,
Наконец, пришел в долину,
Где его коня гнедого
Разорвали злые волки,
Друга хищники сожрали.

И увидел в той долине
Много он кровавых знаков,
Признаков неоспоримых:
В ветках ивы — пряди гривы,
Ключья рваной конской шкуры,
Ключья мяса, ключья жира,
Лужи крови почернелой,
Недоеденную печень,
Конский череп с недоуздком
И разбросанные ребра;
На краю ольховой чащи
Он нашел кишки гнедого,
Селезенку и копыта.
Понял он по этим знакам,
Что погиб здесь конь любимый,
Дорогой его помощник...

Калевитян сын могучий
О коне скорбел любимом.
О гнедом вздыхал, печалясь,
Час ли, два ль провел в раздумье.
Поднял он на память лóскут
Окровавленной попоны...
Тут от горя и от гнева
Сердце мужа разгорелось,
И такое заклинанье
В сердце у него сложилось:

„Ты замри, утихни, ветер,
Шум листвы лесной, умолкни!
Сосны, ели, не шумите,
Стебли трав, не шелестите,
Ольхи, стойте, не дышите!
Я скажу в лесной пустыне,
Оглашу в земном просторе
Страшное свое закланье!..
— Заклинаю! Заклинаю!
Пусть ваш род проклятый вымрет,
Сдохнет пусть от голодухи,

Пусть в кустарнике истлеет,
На полях переколеет,
На снегах окоченеет,
Станет падалью в болоте!
Пусть в трясине вы умрете,
Передохнете в долине!"

Взял свой меч Калевипоэг,
В руки взял железо брани,
Двинулся через дубраву
В глубину дремучих дебрей,
В темень чащи непролазной,
Чтоб найти там волчьи норы,
Вражью вытравить породу.

Калевитян сын могучий
Хищников искал в трущобе,
Путь проламывал просторный,
Прорубал дорогу в чаще,
Толстые валил деревья.
Там, где куры не квохтали,
Где петух не кукарекал,
Обломал он ветви дуба,
Потоптал черемух чащу,
Обломал он лапы сосен,
Обломал верхушки елей,
Оборвал в лесу березы,
Вывернул дубы с корнями,
Порубил большие вязы,
Разметал он красный тальник,
Повалил густые липы,
Повалил вперед верхами,
Пни, завалы растоптал он.
Где прошел он — там дорога,
Где ступал — там поле стало.

Кто из хищников клыкастых
На пути ему встречался,
Воя, погибал мгновенно...
Так в размахе богатырском
Меч его свистел свирепо,
Так клинок тяжелый мужа
Глубоко вонзался в землю,
Что кровавыми холмами
Трупы хищников ложились,
Кровью листья оросили,
Кровью травы обагрили,
Кровью волчьей мох болотный.

Лепестки лесной брусники
И зеленые былинки
Покраснели, почернели
Под запекшеюся кровью.
Чернобурые медведи,
Волки, — те, что уцелели, —
С воем в чашу убегали,
С ревом — в мшистые болота,
В красно-ржавые трясины.

Вот уж солнце закатилось,
Сумрак затопил дубравы,
Густо мгла поля покрыла.
Богатырские зеницы
Тьма ночная омрачила,
Так что по тропам медвежьим,
Вслед бегущей волчьей стае,
Сильный муж не мог стремиться,
Чтоб развеять волчье семя,
Истребить медвежье племя.

Калевитян сын могучий —
Изнурен работой брани,
Истомлен великим гневом —
Вышел из лесу густого,
Чтобы место для ночлега
Отыскать в широком поле
А когда нашел он место
В темном поле для ночлега,
Разостлал он клочья шкуры
И на шкуре растянулся,
Руки сильные раскинул,
Лег вздремнуть в ночной прохладе,
Чтоб утраченные силы,
Изнуренные работой
И погоней за волками,
Воротить во сне целебном
В поле палота дневная
И расправа со зверями
Сильно мужа утомили.

Но сомкнуться не успели
В легких сумерках вечерних
Богатырские зеницы,
И едва лишь задремал он,
Как примчался, задыхаясь,
Верховой гонец крылатый,
Вестник ужасов военных,

Грозной брани объявитель
С просьбой к Калевову сыну.
С берегов далеких Виру
Сыну Калева примчал он
Весть — наказ от всех старейшин,
Что волна вражды клубится,
Что война неустержимо,
Как морской прилив, несется,
Мирный берег затопляя.

И гонец тот, вестник бедствий,
Так сказал правдивым словом,
Злое высказал известье:
— Богатырь, боец могучий,
Славный князь Калевипозг,
Весть принес я от старейшин,
От морских побережий Виру, —
Весть о бедствиях народных,
Слово таинных донесений,
Принеслась на землю Виру,
Что ладьи на окоеме
Показались с полуночи.
Корабли плывут чужие
Под покровом мглы и мрака,
А на тех ладьях носатых
Вонны плывут чужие,
Чтобы высмотреть наш берег,
Нашу землю поразведать.
И старейшины решили,
Ведуны предугадали,
Парни боикие смекнули:
Вновь война на нас несется,
Катится телега брани,
Чтоб ярмо надеть на Виру,
Мир нарушить в Ярвамаа,
Чтоб сынов и внуков счастье
В бездну бедствий опрокинуть.
По следам посланцев тайных
Многотысячное войско
Черной тучей наплывает
На беду нам, людям Виру.
На бегу, меньших роняя,
Бабы выводок свой прячут
В нору, горы и пещеры,
Под морской плитняк тяжелый.

Тын мужик из бревен ставит,
Бедсгвию отпор готовит.

Но беда растет все больше,
За беседой мед все горше.
С берегов летят известья,
Что пришельцы в Кыргесааре,
В Тютарсааре, в Лавассааре *
Якоря свои бросают.

На ладьях широкодонных
К нам подходят из-за моря
Корабельщики лихие,
Лютые головорезы,
Многорукое убийство
И грабеж тысячерукий!
Так полярное сиянье *,
Так нам звезды предсказали!

Матери седые стонут,
Плачут девушки в селеньях,
Дстушки в ольховых чашах,
Пастушки в лугах зеленых,
Стад хранители в дубравах.
Горе, горе землям Виру!
Слезы у людей на веках
Горькие не высыхают!
Душу нам гнетет тревога,
Страхом сердце истомилось!
Кто удар их первый примет,
Кто у нас пойдет на битву?
Кто отпором будет в брани
Против тех секир железных?

Кто же станет нам защитой,
Кто же выстоит в сраженье,
Кто же каменной стеною
Наших стариков укроет,
Наших девушек и деток?

Кто же выстоит в сраженье
Против тех железных копий,
Против топоров тяжелых,
Против лютых стрел железных?
Если кто и не погибнет
На кровавом поле битвы,
Тот сгорит в огне пожара,
Будет истреблен чумою,
Тяжкою рукою бедствий,
Тощим голодом настигнут.

Калевитян сын любимый
Выслушал, гонцу ответил:
— Пусть коня удержат вожжи,
А вола — ярем дубовый,
А зверей лесных — тенета,
И веревки — воз груженный.
Тучи держат град и ливень,
Небо держит снегопады.
Пусть кто храбр и телом крепок,
Кто силен мужской душою, —
Рот замкнет замком надежным,
Челюсти твои захлопнет,
Злым твоим речам не внемлет,
Ложь бесстыдную не слышит!

Кто такое чудо видел,
Кто-такое диво слышал?
Как же ты хулить решился
Наших витязей отважных?
Иль ты бабами напуган,
Иль обабились герон, —
Если в самом деле недруг
Грабит побережье Виру?

Бейте недруга мечами,
Топорами боевыми!
Копьями его гоните!
Храбрый не боится крови,
Муж пред битвой не трепещет!
Пред угрозою военной
Он стоит стеной железной,
Как столетний дуб под ветром,
Как морской утес под бурей.
В битву он неустрашимо
Впереди других выходит!

Ставьте крепкий тын защиты,
Малым детям — кров надежный,
Старым людям — дом покойный,
Женам — верное укрытье,
Ставьте девушкам — свистелку
И прибежище — сиротам.

Если под напором вражьем
Станет гнуться ваша сила,
Если, как поток кровавый,
Землю бедствие затопит,
В битву сам тогда я выйду
В помощь нашему народу.

Отдохни, гонец усталый,
Подкрепись пшеничным хлебом,
Освежись ячменной брагой!
На траве кошелка с хлебом,
На суку висит бочонок.
Подкрепись питьем и пищей
И ложись поспать с дороги!
Завтра рано, до рассвета,
Чуть заря блеснет на тучах,
Зануздай коня гнедого,
Оседлай коня в дорогу,
Поезжай неслышной рысью,
Поезжай домой поспешно,
Чтоб тебя не услышали
Петухи в селеньях Виру,
В Ярва псы сторожевые.

Тихо проезжай по мосту,
Чтоб не стукнуло копыто,
Жердочка не прогремела.
Тихо проезжай заулком,
Проходи по-за деревней,
Крадучись по-за домами,
По гуменникам зеленым,
По малинникам росистым,
Тайным шагом по болоту,
Крадучись, через кустарник.
К тыну княжеского дома.
Кулаком ударь в ворота,
Чтоб старейший пробудился,
Слал мужей на поле брани,
Дюжих гнал на поле боя.
Сам ты стань в середине войска,
Будь поближе к знаменосцу.

И не рвись на край передний:
Первый ряд сомнут при стычке,
Задних выбьют из засады,
Крайних разобьют в сраженье,
Средние — домой вернутся. —

Богатырь Калевипоэг,
Речь разумную закончив,
На бок правый повернулся,
Захотел в ночной прохладе,
На траве — в росе вечерней —
Утолить усталость тела,

Веждами прикрыть зеницы,
Выспаться под кровом ночи.
Но едва сомкнул ресницы,
Полглотка от сна глотнул он,
Как примчался новый вестник,
Запахавшийся от бега,
Падавший от изнуренья,
Словно лист, гонимый ветром,
Словно капля дождевая,
Брызнувшая с крыльев тучи.

Калевитян сын могучий
Начал спрашивать сердито:
— Видно, нет конца хождению,
Пляске удержу не будет?
Сколько там еще бежит вас?
Или вы не уходились,
До смерти не уплясались?
Или ветром вас заносит?
Или все ветра и бури
Сорвались с цепей железных,
Русла пенных рек вздувая,
Подымая волны в море,
Снеговые ураганы,
Град и ливень насылая
Сыну Калева на темя?

Если б мог я знать и ведать,
В сновидении предвидеть,
Иль в раздумье поразмыслить,
Что судьба такая княжья,
Я тогда на крыльях ветра
Птицей бы в полет пустился,
Северным орлом умчался б
Далеко — к другим побережьям,
Быстрой рыбой красноперой
К омутам иным уплыл бы,
Ускакал в чужие земли,
Двинулся б в поход далекий,
Убежал в леса густые —
К берегам морским пустынным,
Прыгнул бы в морские волны,
Скрылся в горные пещеры,
Где б не слышал ни кукушек,
Ни соловушек залетных!
Мир найдет в кустах кукушка,
Ласточка — в гнезде укромном.

Соловей на липе дремлет,
Жаворонок в спелом жите,
В травке — птица полевая,
Серый дрозд в листе зеленой,
Целый день прошебетавши,
Клюв и горло натрудивши,
Крылышки перетомивши.

Так вот силу изнурил я,
Мышцы вымотал и жилы,
Землю десять дней пахавши
От заката до рассвета,
Склоны гор выравнивая,
Скалы выворачивая,
Доли перепахивая,
Новь переворачивая
До тех пор, пока гнедого
Волки в чаще не загрызли,
Хищники не задушили.
Приходи-ка завтра утром,
Раным-рано, до рассвета,
Сеять, веять злые слухи,
Вести тайные боронить! —

И старик, гонец усталый,
Волосом и бороною
Бел, как снег, — ответил князю:
— То не ветры, то не бури
Сорвались с цепей железных,
Не лихие — не морские
Вихри, тучи грозовые,
Не бураны снеговые,
То не ливни, то не грады
Громовой телеги Кыуэ
Пали Калеву на плечи,
Пали на голову князю.

Как же прежде ты не вызнал,
В сновиденьях не предвидел,
Не раздумал на досуге,
Разумом не пораскинул,
В мыслях добрых не прикинул:
Какова судьба у князя,
Доля у вождя дружины?

Как ты рос под отчей кровлей,
Под охраной материнской,
Подрастал дубочком стройным, —
Было много дней счастливых,

Чтоб отгадывать загадки,
Разрешать дела разумно
И грядущее предвидеть!
Не тебе ль в саду отцовом
Птицы утром щебетали,
Закликали, куковали
Златоклювые кукушки?
Говорил скворец на ели,
В жите пели коростели,
Галки с выгона галдели,
На березе ворон каркал,
Птица вещая на дубе:
„Есть у князя десять тягот,
Сто забот у полководца,
Витязь сотен пять имеет,
Тысячу — непобедимый.
Ну а Калев — десять тысяч!“

А зачем к тебе спешил я,
Ехал из далекой дали?
Я спешил по зову дружбы,
Преданности стародавней,
В пользу мужу-властелину,
В прибыль Калевову сыну.
Славный Калевов отросток,
Хоть меня ты и не помнишь,
Хоть не признаешь знакомым,
Все же я вам друг старинный.
Я бывал у вас в те годы,
В дни, когда ты был малюткой,
На муравушке резвился,
В городки играл и в бабки
И качался на качелях.

Хаживал я к вам и прежде,
В дни, когда ты плакал в зыбке,
Спал в объятьях материнских.

Хаживал я к вам и прежде,
В дни, как твой отец великий
С матушкой твоею Линдой
Свадьбу добрую справляли.
Был у вас я званым гостем,
Как отец твой избу строил,
Балки клал, стропила ставил,
Обносил усадьбу тыном.
Хаживал я к вам и прежде,
В дни, когда еще отец твой

На земле не родился,
В дни, когда твоя родная
Из яйца лесной тетерки
Матушка не проклевалась,
В дни, когда границы Харью
Неозначенными были,
В дни, когда пределы Ярва
Просеки не окружали,
В дни, когда ковали звезды,
Солнце ставили на место,
Хату месяцу рубили,
Тучи в небо подымали.

Проходил я знойным миром,
Проходил холодным миром,
Позади небес румяных,
Посреди витого злата,
Меж пяти высоких радуг,
Меж золотых шести рассветов,
Красных девяти закатов,
Ехал от созвездья Сита,
От Медведицы Полярной,
Со двора звезды вечерней,
От ворот хозяйских солнца,
С тысячи дворов знакомых.
Стер я Серого подковы,
Сбил копыта Вороному,
Шпоры потерял на Белом
На дороге трудной птичьей*,
На пути горячем солнца.

Охранял тебя я утром,
Радость приносил к закату,
Умывал росой вечерней,
Усыплял сияньем лунным,
Взбадривал с восходом солнца,
До поры, пока ты в силе
Богатырской не поднялся,
Славным витязем не вырос,
Чтоб новины подымал ты
Лемехом своим широким,
Виру бедному на пользу,
Ярва детушкам на счастье,
Чтобы рожью и ячменем
Ваши наполнились амбары,
Закрома бы не скудели,
Чтоб добро народу было,

Чтоб жилось деревням сытно.
Чтобы пастбища тучнели,
Были б щедры сенокосы,
Были б земли плодородны
Ягодами, овощами
И дровами изобильны,
Вашим женам на утеху,
Вашим девушкам на радость,
Сельским пахарям на счастье.
Чтобы радовались люди,
Чтоб за добрую работу
Витязя благодарили.
Чтобы детушки в селеньях
Без печалей подрастали,
Горя, голода не знали.
Чтоб широкие запашки,
Заливные луговины,
Яблони в цвету духмяном
Поколеньям возвещали
О работе богатырской,
О труде твоём, сын Калев!
Дорогой Калевипоэг!
Добрая твоя работа
Прервана на середине!
Не вспахал ты новь у Харью,
Не засеял пашни Ляне,
Не взорал ты третье поле.
За лесом целик не поднят,
Край долины недопахан
И посев не заборонен.
Вырастет одна солома.
Вымолотится мякина,
Будет лишь прибавка к хлебу
Для несчастных поколений
В годы голода и бедствий. —
Богатырь дослушал старца,
Дал ему ответ разумный:
— Знал заботу и работу,
Землю десять дней пахал я
От заката до рассвета,
От предутренних туманов
До густой росы вечерней,
Без отдышки, в зное полдня.
Отирал я пот горячий
Рукавом своим широким.

Выжимал я пот струями
Из льняной моей рубахи.
Напрягал я через силу
Мускулы свои и жилы,
Чтобы мой народ был сытым,
Чтоб добро и польза были
Нашим правнукам и внукам. —

Добрый гость, снежнокудрявый,
Сыну Калева ответил:

— Потому-то и пришел я,
Чтоб помочь тебе в работе,
Чтоб великий труд закончить,
Чтобы мышц твоих усталость,
Жил железных изнуренье
Не остались сиротами
Обездоланными плакать.
С ветром к нам приходит помощь
И благословенье Уку,
Урожай — с дождем и ведром,
В пору посланным на землю. —

Калевитян сын любимый
Выслушал, ответил старцу:
— Кто же это приходил к нам
В оны дни, когда ребенком
На лугу играл я в бабки,
Подрастал дубком высоким?
Кто ты — гостем к нам ходивший
В дни, когда дремал я в люльке,
Спал в объятьях материнских?
Кто же ты — у нас гостивший
В пору ту, когда отец мой
С матушкою поженился?
Кто ты — раньше здесь бывавший,
В дни, как наше городище
Недостроенным стояло,
Подымало стены башен,
Срубы крепкие растило,
Кто ты — тайно приезжавший
В дни, когда еще отец мой
На земле не родился,
Матушка не проклевалась
Из яйца лесной тетерки?
Кто ты — в край наш прилетавший
В дни, когда границы Виру
Непротоптанными были?

Кто ты — земли наши знавший
В дни, когда рождались звезды,
Солнце ставили на место,
Хату месяцу рубили,
Тучи к небу подымали?
Проходил ты знойным миром,
Проходил холодным миром,
Позади небес румяных,
Посреди витого злата,
Меж пяти высоких радуг,
Меж золотых шести рассветов,
Красных девяти закатов,
Ехал от созвездья Сита,
От Медведицы Полярной,
Со двора звезды вечерней,
От ворот восточных солнца?

Старый дедушка, скажи мне, —
Мудрый, истину поведай:
Где же он — твой дом далекий,
Где живет твой род и племя? —

Добрый гость, снежнокудрявый,
Сыну Калева ответил:

— Слушай же, Калевипоэг,
Избранный вождем народным.
Не пытай, не вопрошай ты,
Где стоит мой дом далекий.
Много есть домов у Таары,
Много каменных чертогов.
Слушай вести золотые
И серебряные вести,
Правду о веках грядущих,
О потомках отдаленных:
До тех пор, пока ты княжишь,
Охраняешь землю нашу
Богатырскою рукою, —
До тех пор в селеньях Виру,
В Харью и зеленой Ярва,
В городах веселых Ляне
Изобилье, мир и счастье
Будут цвести — на радость людям.

Но недолго длиться будет
Век богатый и счастливый.
Сгинет сильный, будет слабый
Верховодить над слабейшим,
На беду всему народу.

Слушай, князь, придет возмездье
За пролитье мирной крови.
Кровь — цена кровопролитья,
В смерти — семя новой смерти,
В мести — порождение мести.
Финна-кузнеца заклатье,
Слезы матери несчастной,
Дочерей-сестер рыданья
От меча неотделимы!
Зло, как горн, огнем бушует.
Будь же, храбрый, прозорливым,
Чтобы из меча-убийцы,
Из разбойника стального,
Из меча с клинком двуострым,
Мститель на тебя не вырос!
Льется кровь ценою крови,
У злодейства нет преграды,
Мщенье и во сне не дремлет...

Отзвучала, замолчала
Речь неведомого гостя,
Словно в ветре предрассветном
Волны жалобно стонали,
С ветром дождь на землю падал.
И в кустарниках шумели
Листья ольх, — так речь седого
Вестника отшелестела.

Как густой покров тумана
Таит перед солнцем утра
Иль как мглою голубою
Кроет ночь лучи заката, —
Так исчез во мгле вечерней,
Будто в воздухе растаял,
Гость неведомый, как призрак.

Калевитян сын усталый
Снова в дрему погрузился.
Сон надвинулся на брови,
Опустился на ресницы,
Выткал образы живые,
Яркой росписью ковровой
Заслонил, заткал, украсил
Сумрачные предсказанья
Старца вещего ночного.
Злые предзнаменования
Дымом по ветру развеял...

Голову с восходом солнца
Приподнял Калевипозг,
Сон с ресниц отряс; он помнил,
Что вчера в часы заката
Гость ему вещал чудесный...
Только — ночь и сновиденья
Роем призраков обманных
Перепутали в тумане
Старца вещие реченья...
Богатырь Калевипозг
Разбудил гонца и молвил:
— Ты скачи домой скорее,
Поспешай, не отдыхая,
Мой приказ возьми старейшим:
„Ставьте крепкие заставы,
Ставьте стражей зоркоглазых
На морские побережья,
На высокие утесы,
Чтобы день и ночь глядели,
Не покажутся ль откуда
Кораблей чужих ветрила.
Если на море чужие
Корабли они завидят,
Вот тогда вы все вставайте
Дюжей дружною стеною,
Берегам родным — защитой,
Землям нашим — обороной.
Мужи с копьями — на крыльях,
С булавами — им на помощь,
С шестоперами — в средину,
С топорами — в гущу боя,
С булавами — в угол строя,
Лучников — на горных склонах,
Мужей-конников — в засаду,
Чтоб ударили внезапно,
Ринулись, подобно граду,
Врезались неудержимо
В гущу вражеского войска,
Пришлым недругам на гибель.
Крепко стойте друг за друга.
Копьями и топорами,
Стрелами отугощайте
Дорогих гостей заморских,
Чтоб запомнили надолго,
Чтоб им было неповадно

Зариться на землю нашу!
Будьте храбры, люди Виру!
Собирайте, созывайте
Удалых парней из Ярва,
Дюжих воинов из Ляне,
Мужиков селений Харью.
Как собак, пришельцев бейте,
Прочь от берегов гоните!
Мне с проворными гонцами
Посылайте донесенья.
Если дрогнет ваше войско
Под напором вражьей силы,
В битву сам тогда я выйду
Поиграть мечом широким,
Грусть-тоску свою развеять!..

Молодой гонец удалый
Мчался, пел такую песню:
„Гнал, скакал я финским мостом *,
По дубовым тем пролетам,
Мчал по медному настилу.
В кошеле — приказы князя,
А за пазухой — наказы,
Слово тайны — за зубами.
Что мерещится далече,
Страх мне на душу наводит?
Это — старая ворона,
Это — нищая старуха
Над жнивьем поводит клювом,
Будто внюхиваясь в сумрак,
Будто чует запах битвы,
За туманом — запах крови.
Не проведала ль ворона
Письмена заветных грамот?
Чует, знать, войны дыханье,
Пар от крови человеческой.

Поскакал я финским мостом,
Мчался медною дорогой,
Дождевой дорогой радуг,
Торопился с повеленьем.
В кошеле — приказы князя,
А за пазухой — наказы,
Воля Калева — под шапкой,
Слово тайны — за зубами.
Чтобы стяги зашумели,

Чтобы копы были в деле,
Лезвия мечей — в работе.

Что мерещится далече,
Страх мне на душу наводит?
Зла орел вдали мне виден,
Зла орел железноклювый,
Клюв обнюхивает пашни,
Внюхивается в туманы.
Что вдали он там учуял,
Не слова ли тайных грамот?
Чуял злой дыханье битвы,
Пар от крови человечесьей;
Братьев известить хотел он.

Гнал, скакал я финским мостом
Меднокованным настилом,
Дождевой дорогой радуг,
Гнал со скорым повеленьем,
В кошеле приказ старшого,
В шапке писаное слово,
А за пазухой указы,
Слово тайны — за зубами,
Чтоб шуметь в бою знаменам,
Копьям в черной быть работе,
Витязям — в жестоком деле.

Что мерещится далече,
Страх мне на душу наводит?
Вышел черный вороненок,
Падаль гнусную клюющий,
Он принюхивался к нивам,
Он присматривался к тучам.
Будто вызнал тайный запах,
Выведал слова приказа,
Будто чуял запах битвы,
Пар от крови человечесьей,
Чтобы весть подать собратьям.

Гнал, скакал я финским мостом,
Меднокованным настилом,
Дождевой дорогой радуг,
Гнал со скорым повеленьем,
С важным княжеским указом.
В кошеле веленье князя,
А за пазухой указы.
Слово князя — за зубами,
Увещения — в гортани.
Что мерещится далече,

Страх мне на сердце наводит?
Мне мерещится волчишка,
За волчишкой — медвежонок, —
Носом тычут в куст и кочки,
Внюхиваются в туманы.
Не задумали ль разведать,
Чем тут тайным пахнет дело,
Вызвать тайнопись веленья?
Видно, чуют запах битвы,
Пар от крови человеческой
И другим хотят поведать?

Гнал, скакал я финским мостом,
Меднокованным настилом,
Дождевой дорогой радуг.
Я спешил с приказом скорым,
В кошеле — веленья князя
И за пазухой — указы,
Слово тайны — за зубами,
Повеление — под шапкой,
Чтоб шуметь и реять стягам,
Копьям в черной быть работе,
Храбрым витязям — в заботе,
Бушевать мечам широким.

Что мерещится далече,
Ужас на меня наводит?
То от голода ослабший,
Чуть живой едок мякины,
Он обнюхивает нивы,
Носом в воздухе поводит.
Он учуял тайный запах,
Выведаль веленья князя?
Лютый — он войну почуял,
Он унюхал пар кровавый,
Сообщить другим спешит он.

Гнал, скакал я финским мостом,
Меднокованным настилом,
Дождевой дорогой радуг.
Гнал со скорым повеленьем,
В кошеле приказы князя,
А за пазухой наказы,
Слово тайны за зубами,
Чтоб шуметь в походе стягам,
Копьям — в черной быть работе,
Острогам тяжелым — в деле,
Остальным — ковать секиры.

Что мерещится далече?
Призрак то чумы коварной.
То чума — грабитель жизней,
Самый злобный, самый лютый
Спутник ужасов военных.
В ветре он войну почуял,
Пар от крови человеческой,
Сообщить другим несется...

Осадил уздой железной
Своего коня гнедого.
Осадил коня, стреножил,
Чтоб не мог уйти шажками,
Чтобы скоком не умчался.
Сел я тут и начал думать,
Размышлять о страшном деле
Самому себе сказал я:
„Вряд ли будет людям польза
От моей поездки этой?
Бедствия войны несметны,
Злость войны неуголима.
Так зачем с цепей спускать мне
В мир страшилище такое,
Мирным людям на погибель?
Заклинаю! Заклинаю!
Кань в бездонную пучину,
Весть войны кровопролитной!
Утони в икре и тине,
Пропади в морских пещерах
Прежде, чем трубить в деревнях,
Прежде, чем греметь в народе!“

Из кошля приказ я вынул,
Из-за пазухи — указы
И швырнул в простор прибоя,
Кинул в пенные глубины.
Волны грозно подымались,
Рыбы в страхе разбегались.
Так ушла вражды угроза,
Грохот битв умолк в пучине“

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

*Болото Кикерпяра. Золото водяного. Состязание в силе.
Уплата долга за меч. Колечко девы Ильманейтси.*

Милая звезда ночная,
Светлоокий сторож неба,
Поделись с певцом любовно
Чистой радостью всезнанья.
Ты направь мои шажочки
На безвестные тропинки,
На забытые дороги,
Где ходил когда-то витязь —
Удалой Калевипоэг,
Где с друзьями пировал он,
Где вершил свои деянья,
Чудеса являя миру!

Очи звезд неугасимых
Тропы витязей следили
И в чужих далеких землях
И в краях земли родимой:
В ельниках прохладных Виру,
Средь осин звенящих Харью,
В зарослях ольховых Ляне, —
Видели мужей забавы,
И ярмо пяти томлений,

И недуг шести печалей,
И беду семи злосчастий,
И коварную ловушку,
Как в нее мужи попали,
На пиру сидя веселом.

Так пойдем же в лес глубокий,
В глушь кустарников дремучих,
Поохотиться за песней:
Там мы золото отыщем,
Серебра насобираем,
Меди звонкой раздобудем!
Там живут еще сказанья,
Сказки древние, родные,
Мудро сложенное слово,
Ладно сотканые речи.

Богатырь Калевипоэг
Сторговать коня затеял,
Лошадь добрую для пашни.
Вот пустился он в дорогу,
Миновал земель немало.
Птицы мудрые сказали:
В дубняке — вещунья-птица,
В красных елочках — кукушка.
— Лошадь ржала в поле Хийу,
Молодой конек — в болоте,
Жеребенок — на лужайке.
Лошадь ржала о запашке,
Конь — о бархатном седельце,
Жеребенок — о поводьях! —

Молвил им Калевипоэг:
— Птицы мудрые, спасибо!
Верный путь мне указали!.. —
Он пошел своей дорогой,
Зашагал широким шагом.
Пять заминок было в Виру,
Были в Харью остановки,
В Ярва — хлопоты пустые,
Потому не шел он дальше.

Жили-были братья — злыдни,
Ссорились они от ветра,
Препирались попустому.
Озерком немногочисленным
Те два лодыря владели.

От вражды им стало тесно,
Стало душно им от злобы,
Распалились их сердчишки,
Их умишки помутились:
Злыдни бросили хозяйство,
Вздумали переселяться.
В дальний путь они пустились,
День и ночь гнались за ветром,
Места нового искали —
Где обжиться, укрепиться,
Где дома себе построить.
Привело их волчье счастье
В Кикерпярское болото.
Ну и славное местечко!
Даже псы там не бродили.

То местечко золотое
Братьям-злыдням приглянулось.
Тут пошла у них потеха!
Каждый хочет быть владыкой,
Повелителем болота.

Той порой Калевипоэг
С побратимами-друзьями
Проходил по Кикерпяру*.
Увидал он братьев-злыдней,
Усмехнулся: — Ну и драка!
Космы клочьями валяются,
Зубы с треском вылетают! —
Злыдни Калева узнали,
В тот же миг угомонились,
Стали звать его на помощь,
Оба разом завопили:
— Дорогой Калевипоэг!
Ты шагай сюда скорее!
Рассуди ты нашу распрю,
Потуши огонь раздора!.. —

Калевитян сын любимый
Просьбе внял, умно ответил:
— Надо знать начало распри,
Разыскать тропу раздора!
Бурю зачинает ветер,
Дождь рождается из тучи,
Озлобление сеет споры,
Всходит тяжба из обиды.
Расскажите мне толково,
В чем причина вашей ссоры? —

И ответил старший злыдень:
— Спорим мы из-за болота,
Нас поссорила трясина:
Кто пришел на место первым, —
Тот пускай и назовется
Повелителем болота.
Вместе вышли мы из дома,
Мы тропу топтали рядом,
Мы пришли сюда бок о бок,
Стали мы о край болота,
Но стоял я ближе к краю,
Он — подальше на шажочек.
Оттого мое здесь место,
На болоте я хозяин. —

Отвечал Калевипоэг:
— Вы, завистники пустые,
Малоумные вы злыдни!
Вместе вышли вы из дома,
Вы пришли сюда бок о бок,
Стали вы о край болота:
Это ль вам еще не место,
Не очаг гостеприимный?
Этот край — ничья земелька, —
Место зыбкое, пустое,
Непригодное для жизни
Человеку и скотине, —
Это место вам дарю я
В вековечное владенье,
Здесь потомственным наделом
Вас обоих наделяю.
Старшему — земли побольше,
Часть же меньшая — меньшому! —

Тут завистливые злыдни
К сыну Калева взмолились:
— Разграничь болото, братец,
Раздели ты нам трясину,
Пополам ее разрежь ты, —
Чтоб вовеки нам не грызться,
Чтоб не ссориться отныне!
А не то сотрет границы
Наша жадность вековая,
Взбороздит поля чужие.
По углам поставь ты камни,
Обведи межей владенья. —

Калевитян сын любимый
Просьбе вял, умно ответил:
— Если кто судьей назвался,
Должен дело он распутать,
Завершить его разумно.
Ты послушай, славный Алев,
Раздобудь-ка ты веревку,
Подлинней достань бечевку.
Той бечевкой раздели ты,
Пополам разрежь трясины,
Выкопай посередине
Ты канаву межевую.
Обложи ее камнями,
Закрепи края шестами,
Чтоб угас огонь раздора,
Чтобы злоба их затихла!
— Ладно, — молвил добрый Алев, —
Вместе с другом неразлучным
Принялся он за работу,
Поспешил исполнить дело.

Калевитян сын любимый
Зашагал своей дорогой —
Собирать иные вести,
Совершать дела иные.

Вместе с другом неразлучным
Стал работать славный Алев.
Выбрались друзья на речку.
Здесь, на берегу высоком,
Первый шест они забили,
Обмотали столб веревкой,
Обозначили границу.

Старый бес, хозяин топи,
Лютый враг людского рода,
Похититель чад крещеных,
Добрый труд решил испортить.
Высунул башку из тины,
Злобный глаз хитро уставил,
Стал выпрашивать лукаво
И промолвил, насмехаясь:
— Что творите, паренечки?
Нынче что у вас за спешка?
Что за тайная работа?
С птицеловами вы схожи,
Что неожиданную добычу
Вдруг завидели над лесом.

Уж мешок готов для дичи,
А она еще высоко! —

Алева сынок любимый
Понял бесовы насмешки;
Сильно он перепугался,
Но ответил без боязни:
— Огораживаем воду,
Речку в сети забираем,
Волны пряслом замыкаем,
Ловим-взнуздываем струйки:
Чтобы дичь далась нам в руки,
Ни на дно не опустилась,
Ни на берег не всплеснулась! —

В топи был у черта омут,
Под водой семья ютилась,
Там, на илистой кровати,
Кости старые он нежил,
Там все заводи знакомы,
Там привычны все дорожки!
Водяной перепугался,
К сыну Алеву взмолился,
Стал просить его так сладко,
Словно в рот набравши меду:
— Не обуздывай ты воду,
Речку в сеть не забирай ты,
Не лови ты наших струек,
Не завязывай дорожек,
Не ломай ты наши входы,
Наших выходов не трогай!
Уплачу тебе я выкуп,
Все отдам я, что запросишь,
Все отдам я, не торгуясь,
Все я выплачу без спора! —

Понял Алев-сын разумный,
Что игра ему на пользу,
Так сказал он водяному:
— А какой же будет выкуп,
Если торг наш совершится,
Если миром все уладим? —

Бес лукавый так ответил:
— Сам назначь любую плату!
Все отдам, чего захочешь,
Лишь оставь ты нас в покое. —

Так промолвил витязь Алев:
— Если ты вот в эту шапку

Старых талеров насыплешь,
Чтоб они бугром лежали,
Ваши входы не сломаю,
Ваших выходов не трону! —

Водяной промолвил слово:
— Завтра утром, на рассвете,
Старых талеров добуду,
Шапку доверху насыплю. —

Алев-сын в ответ промолвил:
— За рога быка хватают*, —
Человека вяжет слово.

Исполняй же слово чести,
Поживей неси мне выкуп,
А не то — вражда вернется,
А не то — вернется ссора! —

Старый бес нырнул в свой омут,
Глубоко на дно забился.
Ночью Алев-сын разумный,
Ближний калевитян родич,
Вместе с другом неразлучным
Вырыл яму под муравкой,
Глубиной почти что в сажень.
Яму хитрую он вырыл —
С дном широким, с узким горлом,
Он прикрыл ту яму шапкой,
А у шапки срезал донце,
Дырку тайную в ней сделал:
Сколько золота ни всыплешь,
Все оно ульется в землю*,
В тот подкоп, не видный глазу.

Вот ранехонько приплелся
Водяной с тяжелой ношей
Шведских талеров старинных.
Золото он ссыпал в шапку:
В шапке донце не покрылось.
Бес еще мешок приносит,
В третий раз бежит с поклажей,
Вот в четвертый раз он тащит,
В пятый раз бредет уныло,
Волочет шестую ношу —
Все проглатывает шапка,
А прибýtка в ней не видно!
Деньги черта убывают,
Истощается богатство.

Сундуки бедняга выскреб,
Смел подгребки золотые,
Вытряс он все кошелечки,
Выворотил все карманы, —
Толку все же не добился.
Не сумел наполнить шапку:
Золото не прибывало,
Не бугрилось над краями.

Водяной перепугался,
К сыну Алева взмолился:
— Ты всего не требуй сразу!
Потерпи, мой паренечек!
Подожди, — вот минет лето,
Расплачусь тогда с лихвою,
Шапку доверху наполню,
Золотой бугор насыплю! —

Алев-сын, хитрец веселый,
Бесу глупому ответил:
— За рога быка хватают, —
Человека вяжет слово.
Долог путь для пешехода,
Длинен каждый час для ждущих,
В старом долге мало проку.
Исполни-ка обещанье!
А не то — свое исполню:
Завяжу твои дорожки,
Речку в сети заберу я,
Чтобы дичь далась нам в руки,
Ни на дно не опустилась,
Ни на берег не всплеснулась! —

Страх напал на водяного.
Делать нечего — придется
Навестить своих братишек,
Бабке в пояс поклониться:
Может, выручат — помогут!
Тут надумал он — коварством
Сына Алева опутать,
Так сказал обманщик старый:

— Славный Алев, добрый Алев!
Я исполню слово чести:
Шапку доверху наполню,
Золотой бугор насыплю,
Если сам пойдешь со мною, —
Уж тогда ни в чем не будет
Ни заминки, ни обмана! —

Так старался вероломный
Сына Алева опутать,
Увести его подальше
От пропавшего богатства.
Но злокозненную хитрость
Понял Алев-сын разумный,
Он гонца-слугу покликал
И сказал слова такие:
— Собирайся-ка, дружочек,
Калевов слуга бывалый,
Ты ступай-ка вместе с чертом,
Опустись в бесовский омут,
Ты родню его проведай,
Пособи ему в дороге,
Дотащи мешок с деньгами!
У меня же нет охоты
Далеко идти отсюда.
Должен я скалой прибрежной,
Должен я могучим дубом
Здесь стоять несокрушимо,
Сторожить добро большое,
Охранять оброк богатый! —

Калевов слуга бывалый
Не ослушался приказа.
Старый бес шагать пустился,
Следом Алевов помощник
Шел дорогой незнакомой,
Тайной тропкой безыменной —
За пределы вечной ночи,
В те места, где не ступали
Ноги смертного от века,
Где вовек не зажигалось
Око светлое, живое.

Страшно было человеку
На безвестной той дороге,
Что ведет на адский выгон,
Ко двору вражды извечной,
На безвестной той дороге,
Где заря не занималась,
Не алел огонь заката,
Там, где солнце днем не греет,
Где не светит ночью месяц,
Звезды путь не указуют.
Словно заревом далеким
Вдруг заискрилась дорога:

Это — плошки смоляные
На столбах ворот горели.

Путники вошли в ворота,
За порог ступили оба.
Вышли братья водяного.
Гостя приняли с почетом,
На скамейку усадили
Пред застольицей богатой.
На столе златые кубки
И серебряные блюда —
Все, чем славен дом подземный,
Чем семейка таровата,
Ведь недаром называют
Чванство адовым наследьем, —
Так уж бесы постарались,
Стол украсили на диво!

Довелось тут человеку
Натерпеться многих страхов.
Он из мисок золоченых
Ни куска не мог отведать,
Ни росинки он не отпил
Из серебряных кувшинов,
Не хлебнул он ни глоточка
Меда пенного густого.
Голубые искры молний
С треском сыпались из мисок,
Отлетали от кувшинов,
Поднимались над ковшами.

Да к тому ж еще и бесы
Меж собой залопотали
На неведомом наречье:
„Виндерди-да, вандерди-да!..“
Это адское наречье
Душу гостю устрашало.

Верный Алевов помощник
Озираться стал в тревоге,
Размышлять он стал в смятенье:
„Видно, смерть моя приходит!
Знать, увянуть суждено мне
На лугу моем весеннем.
Ради прибыли хозяйской
Суждено мне гнить в болоте,
Не оплаканному милой,
Вдалеке от ясноглазой.
Хорошо ты, жадный Алев,

Наградил меня за верность,
В ад пославши на погибель!
Лучше б малость да за службу,
Чем всего меня лишил бы!..“

После долгих пререканий,
Тайных споров, уговоров
Забавляться стали бесы,
Гостя сделали игрушкой:
Длинные схватили клюшки,
Стали вскидывать, как рюху,
Перебрасывать беднягу,
От стены к стене метали,
Клюшкой гостю поддавали.
Он летал быстрее ветра,
Словно сноп сухой соломы.
От стены к стене метался,
От угла к углу кружился.

Тут вскричал, взмолился к бесам
Верный Алевов помощник:
— Вы, браточки золотые!
Полно вам играть со мною!
Дайте стать мне на пол ада,
На траву чернее сажу.
Вы дозвоьте мне измерить
Стены длинною веревкой,
Вымерять углы бечевкой,
Лентою — длину покоев,
Нитью — ширину покоев,
Чтоб друзьям я мог поведать,
Мог похвастать, похвалиться,
Как в аду меня кружили,
Как высоко там летал я! —

Черти парня отпустили,
Дали отдых человеку.
Шнур достал он из кармана,
Этим шелковым шнурочком
Измерять он начал стены.
Он в длину пустил веревку,
В ширину ее провел он,
В высоту ее подвесил,
На углы ее накиннул,
Смерил косяки дверные, —
Так добрался до порога.
Тут, за дверь шмыгнув проворно,
Наутек пустился парень,

Полетел быстрее ветра.
Он назад не оглянулся,
Пяток собственных не чуял,
Чтоб скорей увидеть солнце,
Чтобы выбраться на землю,
Где не страшны козни ада,
Сети адовы бессильны.

Страж был у ворот болота,
Крикнул вслед ему привратник:
— Если хочешь ты счастливо
Завершить свой путь опасный,
Миновать петлю аркана,
Поверни, бегущий, вправо!.. —

Все ж не мог на свет бедняга
Воротиться без помехи.
Вольный человек отважный, —
Что кукушечка на ели,
Птица певчая на ветке;
У пичужки — пять несчастий,
У крылатой — шесть напастей.
Был гонец еще глубоко
Под землей, как вдруг увидел,
Что летит ему навстречу
Сука, мать чертей болотных *,
С кровожадными щенками.
В ад неслась она из Тори *,
Видно досыта напарясь.
Верный Алевов помощник
Слово сторожа припомнил, —
Быстро повернул он вправо,
Побежал другой дорогой.
Словно буря, с грозным шумом
Сука мимо пролетела, —
Невредим гонец остался,
Волоска не потерял он!

Быстрым ходом, резвым бегом
Дошагал слуга бывалый
До реки, где хитрый Алев
Вырыл яму под муравкой,
Обманул чертей болотных.
Яма прежняя — на месте
И прикрыта прежней шалкой,
Только нет в ней прежней клади,
Да и Алева не видно!
Верный Алевов помощник

Свежий след приметил — к лесу,
Зашагал гонец по следу.

Старый бес его окликнул,
Водяной за ним погнался,
Стал высмеивать он парня,
Подстрекать его лукаво:
— Уж не уголья ль в штанине,
Не оса ли под рубахой?
Почему ушел ты, парень,
Бросил целый воз богатства,
Золота мешок тяжелый?
Одному мне не под силу.
Новый торг давай затеем, —
Новый торг, игру иную?
Хочешь силой потягаться
Иль в бегах посостязаться?
Победивший будет князем! —

Бес болотный, чертов братец,
Про себя он так придумал:
„Ум — за пазухой у мужа,
У меня в кармане — сила!“

Верный Алевов помощник
Так ответил, так промолвил:
— Будь по-твоему, почтенный!
Ну, пойдем, поищем место! —

Гору Нярскую завидев *,
Тут же оба порешили:
— Это место нам по нраву,
Здесь мы будем состязаться. —
Но едва они ступили
На скалистое предгорье,
Показался им навстречу
Калевитян сын могучий
С другом Алевом разумным, —
Тот в кустарнике укромном
Злато чертово припрятал.

Молвил муж Калевипоэт:
— Ты скажи, слуга наш верный,
Это что за черт рогатый?
Оглянись-ка, братец милый,
И поведай нам, откуда
Диво-гость сюда явился? —

Так ответил добрый Алев:
— Он — должник мой неоплатный,
Уговор наш он нарушил,

Талерами золотыми
Не сумел наполнить шапку. —
Молвил Алевов помощник:
— Этот бес — мой супротивник.
В уговор мы с ним вступили:
Будем мы тягаться силой.
Мы для наших состязаний
Гору Нярскую избрали. —

Богатырь Калевипоэз
Так промолвил, усмехнувшись:
— Подрасти еще, дружок,
Стань маленечко повыше,
Сделайся в плечах пошире,
Вот тогда и состязайся!
А пока — еще слабенец! —

Пятерней своей огромной
Ухватил слугу тут Калев
И в карман его засунул.
И на Нярское предгорье
Зашагал он быстрым шагом —
С водяным посостязаться,
С бесом потягаться силой.

Ратоборцы для начала
Занялись метаньем камня.
Кто сильнее пустит камень,
Кто его забросит дальше?

Выпал жребий водяному
Начинать игру-забаву.
Камень сгреб он грубой лапой,
Пальцы толстые полсуток
Камень тот в петлю вставляли.
Вот пращу в полет пустил он,
Раскрутил десятикратно.
Лишь тогда метнул он камень,
Бросил вдаль быстрее ветра.

А куда упал тот камень?
Он упал на побережье,
У Вуртс-озера упал он —
В десяти шагах от края.
Этот камень состязанья,
Не платя за просмотренье,
И поныне видеть можно.
Он величиной с хибарку
Безземельца-мужичонки.

Стал метать Калевипоэг,
В ход пустил он десять пальцев,
Молча выполнил работу:
Камень взял, в петлю заправил,
Ладно вставил в середину.
Тут пращу в полет пустил он,
Из пращи метнул он камень,
Бросил вдаль быстрее ветра.
Долгий свист разрезал небо,
Тучи в небе зашумели,
Пыль взвилась, взревели волны.
Далеко унесся камень,
Близ Чудь-озера упал он *,
В берег врезался с размаху.
Кто у озера Чудского
Был, тот видел этот камень.

Сына Калева нечистый
Просит с ним посостязаться,
Поиграть в другие игры.

И сказал Калевипоэг:
— Будь по-твоему, детина!
Состязанье мне по нраву,
Игры я люблю мужские:
В состязаньях крепнут силы,
Игры тело закаляют.
Ну давай же, испытаем
Наши силы на дубинке *.
Я ли, ты ли перетянешь,
Кто кого с земли поднимет. —

На траве они уселись,
Уперлись друг другу в ноги,
В здоровенную дубину
С двух концов они вцепились.

Понатужился нечистый,
Чуть не оторвались руки,
Чуть не лопнули суставы,
Все же Калева не мог он
Ни поднять, ни сдвинуть с места.

Калев-сын могучей пяткой
В пятку бесову уперся,
Все свои напряг суставы,
Ухватился за дубину,
Да рванул разок покрепче,
И подбросил водяного,
Словно сноп сухой соломы.

Тот взвился на крыльях ветра,
Кувырком закувыркался,
Оторвался он от палки,
К небу пятками взлетел он
И понесся, словно птица.
Он семь верст летел сквозь тучи,
В небе две версты вертелся,
В гущу зарослей он рухнул,
С треском врезался в кочкарник, —
Там шесть дней лежал, как мертвый,
Там глаза неделю паял,
Восемь дней не двигал шеей,
Девять дней не шевелился,
Десять дней не мог размяться.

Калевитян сын отважный
Во весь рот расхохотался.
Молодец в его кармане
Захихикал, скаля зубы,
Рассмеялся витязь Алев
Над позором водяного,
Над бесовским слабосильем.
Словно грозный голос Кыуэ,
Грохотал могучий хохот —
Над широкими полями,
Над чащобами лесными,
Землю черную качая,
Опрокидывая горы.

Алевитян сын любимый
Дело хитрое поведал,
Как разорванною шапкой
Обманул он водяного,
Завладел бесовским кладом.
— За рога быка хватают,
Человека вяжет слово! —

Речи Алевова сына
В душу Калева запали,
Смуту в сердце заронили:
Финну долг еще не отдан,
Не оплачен меч бесценный.

Калевитян сын любимый
Слово твердое промолвил:
— Алев-сын, любимый братец!
Ты ступай живее к дому,
Правь ты к выгону на сером,
Ко двору гони гнедого —

К Калевам во двор богатый,
Полный талеров старинных!
Ты у кораблей тяжелых,
Ты у лодок быстроходных,
У ладей широкодонных
Трюмы золотом наполнишь,
Серебро в ладьи насыплешь,
Мелочь медную — на лодки.
Да найми ты мореходов:
Ловких — править парусами,
На руле стоять — умелых.
Ты возьми еды, припасов,
Сколько нужно для похода.
Погрузи еще впридачу:
Девять жеребцов отборных,
Восемь кобылиц табунных,
Десять пар быков яремных,
Двадцать пар коров молочных,
Пять десятков телок пестрых,
Семьдесят возов пшеницы,
Ячменя четыре бочки,
Полный трюм зерна ржаного,
Пояс талеров старинных,
Сотню пар монист трехрядных.
Двести огненных червонцев,
Грудю пряжек драгоценных
Да богатых пять приданных, —
Погрузи в ладьи и лодки
Все, чем я владел сызмлада.
Ты доставь мои богатства
По морю в пределы финнов,
В славный дом Железной Лапы.
Уплати сполна за меч мой,
Долг отдай ты, не торгуясь,
Золота прибавь, сверх долга,
Серебра — за промедленье,
Кузнецу на утешенье!

Алевитян сын разумный
Поспешил приказ исполнить
Зашагал широким шагом,
Напрямик пошел он к Харью.
Богатырь Калевипоэг
Опустился на муравку,
Отдохнуть прилег на травку,

О вчерашнем поразмыслить,
Пообдумать донесенья,
Вести грозные из Виру,
Слухи о войне жестокой.
И сказал Калевипоэг:
— Где найти мне дом надежный,
Верный кров для слабосильных?
Вот опять вражда подходит,
Вражки катятся дружины
Вдоль полей открытых Виру,
По лесным тропинкам Ярва.
Мне нужны крутые стены,
Крепость прочная — для старых,
Кровля мирная — для дряхлых,
Для сестер — приветный терем,
Уголок — для льнооловых,
Для вдовиц — изба печали! —
Калевитян сын могучий
Так размыслил, так надумал:
„Раздобыть мне надо тесу,
Закупить побольше бревен,
Возведу я укрепленья,
Городов я понастрою.
Первый город я воздвигну
На скале несокрушимой —
Над отцовскою могилой,
В память матери любимой *
Я второй могучий город
Возведу в дубраве Таары —
Над рекою Эмайыги
Для защиты рощ священных.
Возведу я третий город
Средь медвежьей пущи Яни,
Посреди болот дремучих.
А четвертын — в Алутага,
Дом защиты — престарелым,
Дом укрытия — сиротам.
Нынче не поиду в дорогу,
Нынче отдых нужен телу.
Завтра встану раньше зорьки,
До рассвета зашагаю —
Прямо к озеру Чудскому.
Той порою верныи Алев
Приплывет в отчизну финнов,
Кузнецу за меч уплатит“

За ножом в карман полез он
И наткнулся там рукою
На гонца — лихого парня,
Что барахтался в кармане,
Словно в торбе поросенок,
Сам себе помочь не в силах.

Калевитян сын могучий,
Так промолвил, усмехаясь:
— Это что? Уж не блоха ли
Прыгает в моем кармане?
Вылезай скорей, детина!
Подкрепись едой вечерней!
Слушай, друг-оруженосец,
Золотой гонец — помощник!
Коль слова на пользу сею,
Жатвой будет — назиданье.
Слушай ты, орла питомец:
Ты дождись, птенец, сначала,
Чтоб в крыле окрепли перья,
Утвердились, распрямились,
Будь готов тогда к полету!
Если зло к тебе подступит,
Если враг тебя заденет, —
Жди от разума поддержки,
Жди от мудрости подмоги.
Ты взнуздай врага насмешкой,
Хитростью его опутай —
До поры, как подрастешь ты,
Силы в мускулах прибавишь.
Как бы смог ты, слабосильный,
С чертом водяным тягаться,
С адским выползком сражаться? —

Тут помощник богатырский
Так ответил, поразмыслив:
— Как бы смог я, слабосильный,
С чертом водяным тягаться,
С адским выползком сражаться?
Как сын-Алев хитроумный
Показал честному миру,
В пору ту, как рваной шапкой
Он прикрыл подкоп обманный, —
Так и сам я, несмышлениш,
Победил бы в состязанье,
Над нечистым насмеялся! —

Калевитян сын отважный
Слово твердое промолвил:
— Подрасти сначала, парень,
Стань на локоть ты повыше,
Стань пошире на две пяди,
Накопи побольше силы
Всем друзьям своим на радость,
Делу нашему на пользу!
Здесь покамест ты останься
Указателем дороги.
Сам же я уйду отсюда
Прямо к озеру Чудскому —
Нужное уладить дело.
Если здесь гонцы проедут,
Если вестники проскачут
С донесеньями из Виру, —
Ты води их, друг, немедля
Прямо к озеру Чудскому.
Там надолго задержусь я:
Время надобно для дела! —

Побеседовав разумно,
Подкрепясь едой вечерней,
Улеглись они на землю,
Под кустами растянулись.

Ночь укрыла теплой мглою
Все, что движется и дышит.
Смолкли голоса животных,
Клювы звонкие замкнулись.
Жук дремал в траве прохладной,
Спал певец весны — кузнечик,
Лишь гудел комар болотный.
Коростель скрипел на ниве,
Перепел кричал в болоте.
Притаилось все живое
И вблизи и в отдаленье,
Певчие молчали птицы,
С высоты смотрели звезды,
Бледнощекий тихий месяц
Сторожил друзей заснувших,
Пред смеженными глазами
Сон сплетал свои виденья.

Дева света, Ильманейтси,
Дочь пленительная Кыуэ,
Сизокрылая синичка *,
Долго реяла-кружила,

Залетела в лес глубокий,
Где не хаживало стадо,
Где не шелкал бич пастуший,
Лишь в ветвях шуршала птица
Да во мху змея скользила, —
Там красавица летала,
Меж ветвей резвясь, играя.

Что таилось в чаще леса?
Вырыт был в лесу колодец,
Пробуравлен спуск бездонный, --
Шли к нему людские тропки,
Тропки стад к нему тянулись
Дева света, Ильманейтси,
Дочь пленительная Кыуэ,
Стала черпать из колодца
Серебристою бадейкой
На цепочке золоченой.

Пробежал чащобный парень -
Леший, выкормыш косоногого,
Увидал он: над колодцем
Чудо-девушка склонилась.
Прискакал он к ней на помощь
Дева света, Ильманейтси,
Дочь пленительная Кыуэ,
Лешего перепугалась.
Над водой рукой взмахнула,
С пальца перстень уронила.

Дева света, Ильманейтси,
Дочь грохочущего Кыуэ,
Сизокрылая синица,
Горько жаловаться стала,
Стала друга звать на помощь
Кто-то перстень ей достанет
Золотой со дна колодца?

Удалой Калевипоэг
Птичьи жалобы услышал,
Понял девушкино горе,
Поспешил скорей на помощь.
Так спросил он, так промолвил
— Что ты, девушка, тоскуешь?
Что, кудрявенькая, плачешь?
Ты о чем вздыхаешь, птичка? —

Дева света, Ильманейтси,
На него взглянула нежно
И приветливо пропела:

— Что я, девушка, тоскую?
Что, кудрявенькая, плачу?
Как бадейку я спускала,
Перстень с пальца уронила,
Укатился перстень в воду. —

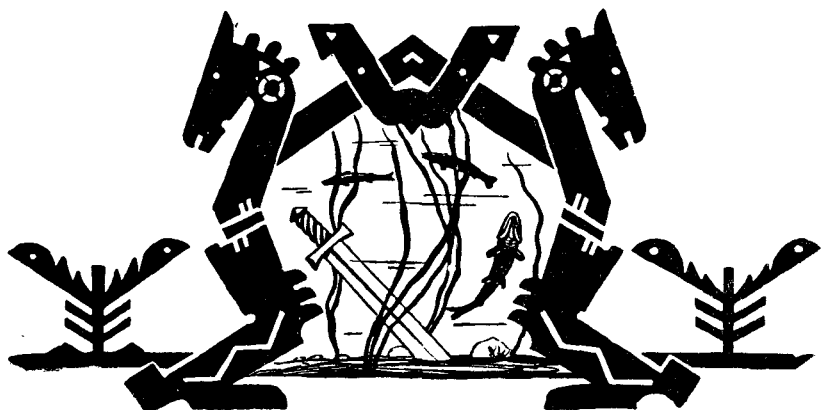
Изловчился славный Калев,
Прыгнул он на дно колодца
Поискать девичий перстень.

Наверху столпились бесы,
Весь колодец облепили,
Расшумелись, развизжались:
— Мышь попалась в мышеловку!
Угодил медведь в колодец!
Прикатите, братцы, камень, —
Силачу на шею сбросим,
Прошибем ему затылок! —

Бесы жернов прикатали,
Занесли его над срубом,
Опрокинули в колодец:
Уж пробьет он вражий череп!
Искалечит он медведя!

Калевитян сын любимый,
Дно глубокое обшарив,
Выпрыгнул на край колодца.
Что же у него на пальце?

На руке — колечком жернов,
Палец в дырочку просунут.
И спросил Калевипоэт:
— Дева света, Ильманейтси,
Дочь пленительная Кыуэ,
Сизокрылая синичка,
Уж не это ли твой перстень,
Что упал на дно колодца,
С пальца в воду укатился?
Долго я копался в тине,
Ничего там не нашупал,
Кроме этого колечка!

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

*Калевипоэг несет доски — строить города. Вброд через
Чудское озеро. Кража меча. Калевипоэг закликает меч.
Приключение человека.*

от уж и рассвет румяный
Облака обвел каймою,
Разукрасил алой вязью,
Тонкой росписью небесной,
Новый день явился миру.
Сына Калеева очи
Пробудились, засверкали.
С ложа сна вскочил он бодро
И, не мешкая, не медля,
Сразу в дальний путь пустился.

По рассветным свежим росам,
В звонкой утренней прохладе
Зашагал Калевипоэг.
Съел он хлеба — дань поверью —
Против птичьего обмана...*

К Пейпси — озеру Чудскому —
Пробирался он сквозь пуши,
Перескакивал долины,
Шел кустарником глубоким,

Шел кочкарником трясучим,
Шел торфяником зыбучим,
Где не езжены дороги,
Где не хожены тропинки.
Там, где лесом проходил он, -
Следом просека тянулась.
Где ступал он по болоту, —
Там колдобины зияли.
Где кочкарники топтал он, —
Мох вздымался под ногами,
Кочки сгорбились, пригнулись,
И холмы с землей сровнялись,
Где нога его шагала,
Где пята его ступала.
Выйдя к озеру Чудскому,
Муж могучий огляделся:
Как бы ношу переправить?
Нет ли где ладьи пригодной?
Нет ли лодочки надежной?
Далеко обвел он взглядом
Набегающие волны.
Нет! Нигде ладьи не видно,
Ни челна вдали, ни лодки.
Подобрав подол рубахи,
Полы за пояс заправив,
Двинулся он прямо в воду,
Волны вспахивать пустился.
Поглядел бы ты, мой брагец,
Как пошел Калевипоэг
Через озеро Чудское!
Среди озера Чудского
Даже самый остроглазый
Берегов не различил бы,
Не приметил бы землицы,
Где пловцу ступить на сушу,
Отряхнуть от пяток брызги.
Богатырь не уstraшилcя
Долгой, трудной той дороги,
Водяной тропы безвестной.
Он ломал задорно волны,
Брызги пенные взметая,
Волны грудью рассекая,
Шумно взрезывая пену.
Рыбы в заводях дрожали.
Рак забился под корягу,

В тальниках чирок укрылся,
Утка в камышах притихла, —
Так он шумно волны пенил!

Если б кто-нибудь в ту пору
Возле озера скитался, —
Он чудесное познал бы,
Диво-дивное увидел
И невиданное встретил.
Средь кустарников прибрежных —
Там стоял колдун зловещий *,
Первый на Причудье знахарь,
Дикарю он был подобен,
Весь обросший волосами,
Будто лютый вепрь щетиной,
Или как медведь двуногий.
С колтуном в кудлатых космах
Шлепал он по вязкой тине,
Из его разверстой пасти,
По *клыкам его кабаньим*
Пена белая сбегала,
На кошачьей круглой морде
Злоба черная змеилась.

Этот зверь мужеподобный,
Вепрь щетинистый, двуногий,
Отпрыск рода колдовского —
Волн и ветра заклинатель,
Черный волхв, начетчик Маны,
Наговариватель бедствий,
Заговариватель хвори,
Жребии метать умевший,
Сито дьявольское ладить,
Вызывать ключом волшебным
Образ вора в кружке винной.
Врачевать он мог недуги,
Отвести любое лихо,
Мог накликать зло любое *.
Мог он с призраком сразиться,
Черту заступить дорогу.
Знал он снадобий без счета:
Он лечил текучим ветром,
Боль умел унять любую,
Из костей изгнать ломоту,
Мог суставы ловко вправить †,
Укрепить их красной ниткой.

Чиры выдавить умел он,
Боли в брюхе успокоить.

Знал он тайные заклатья
Против ветра, против крови,
Против ярости змеиной *,
Против лишая и сыпи.
От недуга земляного
Серебром лечил он светлым *.
Изгонял из тела немочь
Черным варевом собачьим,
Исцелял ребячьи хвори,
Знал слова от скорби сердца,
От кликушества, удара *,
Слово верное от рожы,
От зубной тягучей муки,
От болотной лихорадки.
Ведьмам злым готовил метлы,
Пастухам — заклятый посох *,
Рыболовам — сеть удачи,
Бабам — корень приворотный *,
А стрелку — стрелу добычи.
Злого Тюхи след незримый
Различал он подо мхами,
Клад по огненному знаку
Мог открыть беззвездной ночью *.
Ныне злобное творил он:
Изогнувшись от натуги,
Изрекал он слово ветра,
Дул на озеро Чудское,
Чтоб росли-вздymались волны
Сыну Калева навстречу,
Чтоб неслись-катились воды,
Волны вспенивались грозно.
Глянем с берега на волны!
Что там видится неясно?
Что там призрачно маячит,
Словно образ человеческий,
Под водой наполовину,
Скрыт по пояс он волнами?
То вздымается виденье,
То опять спадает в волны,
Бережок еще далеко,
Десять верст еще от края,
Но колышется виденье
И уже приметно глазу:

Это наш ходок могучий
Виден там над водной ширью
Давит ноша плечи мужу,
Спину мощную горбатит,
Но легко Калевипоэг
Прямо к берегу шагает,
Вырастает с каждым часом,
Подымается все выше.

Колдовское дуновенье
Люльку водную качает,
Волны яростно швыряет,
Пеной Калева щекочет,
Обдает шипучей влагон.

Шумом-плеском забавляясь,
Потешаясь бушеваньем,
Хохотал Калевипоэг:
— Ой, смотрите! поглядите!
Ну и умник, ну — затеиник!
Хо-хо-хо! — он в этой луже
Утопить меня задумал!

Не прошло еще и часу,
А уж берега достиг он,
Вышел богатырь на сушу.
Нынче добрый конь не смог бы,
Два вола бы не сумели
Сдвинуть с места эту ношу,
Что принес Калевипоэг.

Калевитян сын любимыи
Вынес кладь свою из Пскова —
Гору купленного геса,
Чтоб построить славный город,
Крепость прочную — для старых,
Кровлю мирную — для слабых,
Для сестриц — приветный терем,
Для вдовиц — избу печальи, —
Всем на радость и защиту.
Кладь была больших не больше,
Не была и меньше малых,
Ноша — для спины могучей:
А тесин в ней было столько,
Сколько сильных два десятка
Да еще впридачу двое
Еле сдвинут, понатужась.
Толщиной те доски были

Этак в пять вершков, не меньше,
Шириной они — в два локтя,
А длина любой тесины —
Десять сажений, не меньше.
Богатырскую вязанку
С плеч своих Калевипоэг
На траву свалил густую,
Уложил тесины ровно.

Рукоять меча схватил он
И булат из ножен вынул.
Расквитаться захотел он
С тем, кто волны будоражил,
Дул навстречу в дудку ветра.
Но струхнул ведун коварный:
Только пятки засверкали, —
Укатился он в чащобу,
Там в норе глубокой сгинул.

Сильно витязь утомился —
Тяжела была дорога,
Доски натрудили спину, —
Он за знахарем не гнался,
Колдуна не наказал он.
Огляделся он в долине,
Стал себе он ладить ложе,
Стал ночлег себе готовить.
Возле берега Чудского
Валунов насобирав он,
Сверху гравия насыпал,
А потом — песку морского;
Вывел каменное ложе,
Словно впрямь постель устроил
Для боков своих усталых.

Калевитян сын любимый
Подкрепился из котомки,
Освежился из бочонка,
Чтоб усталость миновала,
Чтоб скорей воскресла сила.
Тут он снял свой княжий пояс,
Отцепил свой меч надежный
И стоймя его поставил,
Слева прислонил к постели,
Чтоб заветное оружие
Сразу под руку попало,
Коль беда придет неожиданно,
Коль злосчастье подкрадется.

На своем песчаном ложе
Протянулся славный Калев,
Распрямил бока и спину,
Головою лег к закату,
Ноги вытянул к рассвету.
Очи он устави́л в небо —
К дверце утренней, откуда
Народившаяся зорька
Щечку алую покажет,
Чтоб усталый не заспался,
Чтоб лучи живого утра
К делу витязя призывали,
Расплели ресницы мужа.
Руку правую недвижно
Протянул он к Южным Спицам,
Изогнул другую руку
Он к Медведице Полярной.
Торопился взор усталый
Опуститься в сумрак дремы,
Не хотел он забавляться
Сновиденьями пустыми,
Вихрем образов знакомых.
Миг ли, два прошли, не больше.
Как раздался храп могучий,
Землю глухо сотрясая,
Чашу озера качая,
Бороздя леса и волны;
Словно Эйке, полыхая,
Словно Пикне, громыхая,
В небе с грохотом катились,
Воздух топотом тревожа.

И тогда колдун озерный,
Что от солнца затаился,
Как рачонок под корягой,
Услыхал тот храп могучий,
Сна глубокого примету.
Тут вскочил он потихоньку,
Стал на цыпочках он красться,
Стал неслышно подбираться
К той постели богатырской.
Из кустарника глухого
Шею вытянув с опаской,
Увидал он: дремлет Калев,
Славный меч стоит у ложа!.

Шаг за шагом он с опаской
Подступал все ближе, ближе.
Приноравливаться начал,
Как бы меч схватить украдкой.
Осмелел колдун озерный,
Он к мечу тому подкрался,
В рукоять меча вцепился!

Добрый меч — товарищ верный —
Был хозяина достоин,
Сил бесовских не боялся.
Он стоял у края ложа,
Рядом с Калевом дремал он,
Будто врос глубоко в землю.
Как ни силился воришка,
Тяжкого меча не мог он
Ни поднять, ни сдвинуть с места.

Слов ведун, начетчик Маны,
Соли колдовской хранитель,
Стал творить свои заклятья,
Силы тайные призвал он,
На клинок побрызгал солью,
Зашептал слова подъема,
Облегчающие тяжесть,
Месяцу он поклонился,
Мощь лучей его вбирая,
Обратил глаза на север, —
Так шептал он наговоры,
Бормотал заклятья злые.

Меч не слушался заклятий,
Ведовству не покорялся,
Он стоял, дремал недвижно,
Рядом с Калевым сыном.

Слов ведун, начетчик Маны,
Стал зывать к сильнейшим силам,
Стал творить волшебную иную:
Он рябиновой листвою*
Богатырский меч осыпал,
Насбирал травы могильной,
Плауна нарвал, тимьяна,
Одноягодников черных,
Папоротников лукавых,
Повитушье черной пыли,
В изобилие валерьяны —
Этим зельем наговорным
Лезвие меча осыпал.

Он еще семь чар исполнил
И особо пять страшнейших;
Семь заветных слов промолвил,
В месяце волхвов рожденных *,
Слов, каленных зимней стужей,
Слитых в месяце умерших.
Сыпал цвет купальской ночи,
Ведьмами заговоренный,
Кровью змея окропленный.
Кровь из пальца он разбрызгал,
Чтоб земной утробы сила
Меч тяжелый отпустила.
Жег он когти колдовские,
Жег он девичью рубашку.

Маны страшные заклатья
Славный меч околдовали,
Шелохнулся он легонько,
Шелохнулся-приподнялся,
Встал на пядь и на две пяди,
Поднимался выше, выше,
Колдуну подмышку прыгнул.

Знахарь слов, начетчик Маны,
Потащил свою добычу.
Трудно приходилось вору:
Ношу тяжкую, стальную,
Волочил он, задыхаясь,
Жаркий пот с него катился,
Орошал ему все тело,
Но меча не отпускал он.
„Прежде руки оторвутся,
Прежде лопну я с натуги,
Чем с украденным расстанусь!“

Знахарь слов, начетчик Маны,
Уносил с трудом великим
Короля мечей заветных,
Детище Железной Лапы,
Ковача почет и муку,
Сильных рук изнеможенье.
Сквозь кустарники глухие
Брел он тайною тропой,
Отдыхать в кустах садился.
Что ни шаг — то передышка.
Вот на берег Кыпы вышел *
И шагнул он через речку,
Прыгнул с берега на берег, —

Меч рванулся из подмышки,
Ускользнул на дно речное,
Там улегся он глубоко
На струистом тихом ложе,
В тайной горнице подводной.

Знахарь слов, начетчик Маны,
В горе начал звать на помощь,
Все слова в полет пустил он, —
Молвил слово завлечения,
Молвил слово ветровое,
Молвил слово водяное,
Произнес заклятье Маны,
Долго ждал ведун лукавый:
Не поднимется ль оружие,
Не всплывет ли над волнами?

Богатырский меч могучий
Слов бесовских не послушал,
Колдуну не покорился, —
Не поднялся над волнами,
В глубине остался Кяпы.

Только розовая зорька
Опоясала полнеба,
Наутек ведун пустился,
Словно угли нес в кармане.
Меч не встал со дна речного,
С мягкой илистой постели.
А колдун бежал в чащобу,
Там в норе глубокой сгинул,
Там от Калеева гнева
Затаился он трусливо.

Богатырь Калевипоэз
Услыхал призыв рассвета, —
В тихих сумерках проснулся.
Отогнав от глаз виденья,
За мечом он потянулся,
Ложе он ощупал слева —
Там, где прислонил он друга,
Где булат свой убаюкал,
Где поставил меч на отдых.

Нет бесценного оружия!
Унесен сошник военный!

Славный муж Калевипоэз
Горькой яви не поверил,
Стал глаза тереть руками.
Отгоняя ложь ночную.

И тогда постиг он правду,
Путь разбойника приметил,
Различил следы на дерне:
След ноги во мху болотном.
Принялся он меч свой кликать,
Звать исчезнувшего друга:
— Слушай, меч, как я кукую.
Щебечу печальной птицей!
Ты услышь призывы брата,
Друга скорбные взыванья,
Что лесам я посылаю,
Выкликаю в ширь долины,
Шлю в кустарники глухие!
Ты ответь, мой братец мудрый,
Отзовись мне кукованьем:
Кто тебя похитил ночью,
Кто унес в когтях железных?
Злодеянье видел Уку,
Очи пламенные Таары
С высоты всю ночь глядели.
А всевидящие боги
Мне найдут, укажут вора.
Люди смертные не знают,
Как чудесно был ты сложен.
Тяжести твоей безмерной
Утащить им не под силу!
Финский мастер, старший рода,
Выковал тебя любовно,
Силу рук своих железных
В лезвие твое вложил он.
Над тобой семь лет трудился,
Раздувал семь лет горнило,
Из семи сортов железа
Короля мечей ковал он.
Из семи заветных сталей
Над огнем кровавым горна
Лезвие твое он правил.
Каждый день произносил он
Перед солнечным восходом
Семь заклятий, семь напевов, —
Королю мечей твердил он
Слово силы, слово мощи.
Лезвие меча стальное
Закалял премудрый мастер
На воде семи колодцев,

На семи текучих водах,
На семи ночных туманах.
Рукоять серебряная,
Золотом окованная,
Пряжка была бронзовая
И из камня резанная...

Это он, кто дул навстречу,
Кто вздувал Чудские волны,
Это он, колдун лукавый,
Это он тебя похитил!
Все бесовское отродье
Издавна со мной враждует,
Досаждают мне повсюду.
Если только встречу вора,
Как возьму его за ворот,
Сотню раз его подброшу,
Сотню раз хвачу о камень!
Тяжеленек был ты, меч мой,
Создан был для рук могучих,
Не для воровских силенок!
Вор добычи не осилил,
Не унес ее далеко!

Слушай, меч, как я кукую,
Щебечу печальной птицей!
Ты услышь призывы брата,
Друга скорбные зыванья,
Что лесам я посылаю,
Выкликаю в ширь долины,
Шлю в кустарники густые!
Ты ответь мне, брат мой мудрый,
Отзовись мне кукованьем! —

Калевитян сын любимый
Обернул к долине ухо —
Меч вдали не прозвенит ли,
Не ответит ли оружие?
Дали кутались в молчанье,
Все вокруг дышало миром.

Богатырь Калевипоэ
Тут пропел другую песню...
Вот и в третий раз пропел он,
Словом он манил медовым:
Меч вдали не отзовется ль?
Не услышит ли оружие
Друга скорбные зыванья?
Добрый меч не подал знака,

Ни словечка не ответил.
Дали кутались в молчанье,
Все вокруг дышало миром —
И леса и дол широкий.

Калевитян сын любимый
Принялся искать оружие,
Стал топтать дорожки ветра.
Долго он окрест скитался,
Долго он бродил по кругу,
Забирал все шире, шире,
Отходил все дальше, дальше,
Он по зарослям кружился,
Пробирался сквозь кустарник.
По кочкарнику шагал он,
Перепрыгивал болота.
Громко пел он, призывая,
Словом он манил медовым.

Добрый меч не подал знака,
Дали кутались в молчанье,
Все вокруг дышало миром —
И леса и дол широкий.

В долгих поисках бесплодных
Проходил Калевипоэ
Берегами тихой Кяпы.
Дивный блеск со дна взметнулся:
Меч сверкал в прозрачной глуби.
Другу-брату улыбался.

Калев-сын промолвил слово:
— Ты ли это, меч мой добрый?
Сладко ль спать тебе, товарищ,
На струистом тихом ложе —
В тайной горнице подводной?
Меч мечей, оружие боя,
Детище Железной Лапы,
Сильных рук изнеможенье!
Кто тебя, мой меч, осилил,
Опустил на дно речное?
Кто тебя закинул в Кяпу
Спать на ложе травянистом? —

Меч хозяина услышал,
Он со дна ему ответил,
Словно лебедь прозвенел он:
— Знахарь слов, начетчик Маны,
Над землей меня приподнял,
С места сдвинуться заставил,

Оторвал меня от ложа.
Молвил он заклятье Маны,
Молвил слово ветровое,
Молвил слово водяное,
Он воззвал к сильнейшим силам,
Папоротник с плаунами
Тяжкий груз мой приподняли,
Сверху помогла рябина,
А тимьян посередине
С намогильною травою,
Одногодник же снизу
С валерьяною толкали.
Эти семеро подручных
Пересилили оружие,
Сталь заставили подняться.
Знахарь слов, начетчик Маны,
Притащил меня он к Кяпе.
Как шагал он через речку,
Прыгал с берега на берег, —
Тут увидел я русалку:
Из-под волн она глядела,
Тайный знак мне подавала —
Ускользнуть на дно речное,
Пасть в струнстые объятья.
Тут рванулся я нежданно,
Из когтей проклятых выпал,
С плеском разрубил я волны,
Опустился в глубь речную.
Я в златом гнезде покоюсь
На серебряной постели,
Под русалочьим присмотром. —
Богатырь Калевипозг
Так спросил его, промолвил:
— Хорошо ль тебе, дружок,
Хорошо ль тебе, могучий,
Целый век лежать, разнежась,
На струистом тихом ложе,
На серебряной постели,
Спать в русалочьих объятьях?
Разве не был ты счастливей
В мощной длани богатырской,
Что, как вихрь, тебя кружила б
Средь военных ураганов,
В мощной длани богатырской,
Что тебя с цепи спускала б

На отважную работу,
Чтоб крошил ты супостатов,
Чтоб тебя кропили кровью,
Смертным потом закаляли? —
Меч хозяина услышал,
Так пропел ему в печали:
— Тяжко мне в плену кристальном.
Как вдовец, я безутешен:
О несбывшемся тоскую,
По девичьим играм в поле...
Капли горькие струятся
По щекам моим булатным.
Хорошо лежать, разнежась,
Спать в русалочьих объятьях
На струистом тихом ложе,
На серебряной постели, —
Но стократ мне было б лучше
Средь военных ураганов
В мощной длани богатырской,
Что меня спускала б с цепи
На отважную работу.
Я бы реки вражьей крови
Лил в защиту слабосильных,
Мир на землю призывая.

Калевитян сын любимый,
Славный отпрыск богатырский!
Отчего ты, славный витязь,
Если хмель в тебе зыграет,
Боль душевная проснется,
В гневе удержу не знаешь,
Слову разума не внемлешь?
Отчего рукой беспечной
Меч позвал ты на убийство,
На пролитье мирной крови?
Тем слепым безумьем гнева
Горько ты меня обидел...
Меч по витязю горюет,
По хозяину тоскует! —

Отвечал Калевипоэз,
Так пропел он заклинанье:
— Спи, товарищ, сном спокойным,
Отдыхай, оружие боя,
Детище Железной Лапы,
Дальних родичей мучитель!
Ты, таинственно рожденный,

Ты, заклятый словом силы!
Спи, о меч мой, сном могучим
На струистом тихом ложе,
На серебряной постели,
Спи в русалочьих объятьях!
Для детей времен грядущих
Стань ты знаменем и верой!
У меня безмерны силы,
Мощь железная в деснице.
И без помощи оружия
Порасправлюсь я с врагами,
Непокорных покараю,
Защиту я слабосильных,
Мир на землю призову я.
Слушай, меч, товарищ ратный!
Что спою тебе, запомни:
Коль случится в век грядущий
Проходить по берегу Кяпы
Мужу силы и отваги,
В пору ту, мой друг заветный,
Засверкай ему из глуби,
Улыбнись ему навстречу!
Коль моим он будет тезкой, —
Славный Калевов потомок,
Добрый Сулеов сородич,
Сильный Алевов приемыш, —
В пору ту, мой друг заветный,
Ты из волн ему откликнись!
Коль придут на берег Кяпы
Дети мудрости и песни,
Златоустые скитальцы,
Мастера-серебрословы,
Коробейники сказаний, —
В пору ту, мой друг двуострый,
Ты их сам из волн оклики,
Прокукуй ты им кукушкой,
Соловьем ты им прощелкай,
Жаворонком прозвени им!

Коль придет в грядущем веке,
В праздник лучших поколений,
Смелый муж, меня достойный, —
В пору ту, мой друг двуострый,
Встань из волн с великим шумом,
Подымись из вод глубоких,
Породнись с рукой отважной!

Если ж явится на берег
Тот, кто завладел тобою,
Ненароком ступит в воду, —
В пору ту, мой друг двуострый,
Отруби ему ты ноги! —

Богатырь Калевипоэг
Зашагал широким шагом
К берегам песчаным Пейпси.
Кладь тесовую забрал он,
Доски на спину он вскинул,
Тес, несенный издалека.
Заспешил он в путь-дорогу,
Зашагал скорее к дому.
Город он хотел построить,
Крепость прочную — для старых,
Кровлю мирную — для слабых,
Для девиц — высокий терем,
Для вдовиц — избу печали,
Чтоб войны телега злая,
Коль она подкатит к Виру,
Прочных стен не сокрушила.

Калев шел с тесовой ношей,
Он шагал крылатым шагом,
Мирно шел дорогой мира.
Что увидел он дорогой?
Что шаги его сковало?
Увидал он три лесочка:
Первый — красный лес еловый,
Лес второй — был бор сосновый,
Третий лес — густой орешник.
Что за лес был лес еловый?
То был лес мужей отважных.
Что за лес был бор сосновый?
То был женский лес заветный.
Что за лес был лес — орешник?
То был лес девичьих прятков,
Лес — укрытие сиротам,
Лес — прибежище злосчастных.

Богатырь Калевипоэг
Прошагал сквозь красный ельник,
Пересек и бор сосновый,
А как шел через орешник,
Вдруг почуял: кто-то цепко
Обхватил ему лодыжку,
Пятку трогает легонько.

Поглядел могучий Калев:
Кто ему щекочет пятку?
Видит — вылез из кусточка
Деревенский мужичонка
Ростом с нынешнего парня.
Как же он дрожал, бедняга!
У него тряслись колени,
Зубы шелкали от страха.
Умолял он о защите,
Горько сетовал и плакал:
— Сжался, братец многосильный!
Ты спаси меня, могучий!
Защити, Калевипоэг!
Огради от горьких бедствий!
Сбился я с пути в чащобе,
Потерял домой дорогу! —

Калевитян сын любимый
Изогнулся, сгорбил спину
И рукой вокруг пошарил,
Ухватил он мужичонку,
Взял за шиворот, приподнял,
Опустил в свою котомку.
В глубину скатился парень,
Полетел на дно, как в пропасть.
Там за хлеб он зацепился,
Уперся ногой в краюшку.

Тут спросил Калевипоэг:
— Ты чего же испугался?
Почему залез в кустарник? —

И ответил мужичонка,
Пропищал со дна котомки,
Словно квакнула лягушка
Из глубокого колодца:
— Вечерком вчера, на зорьке,
Возле озера ходил я,
В красном ельнике прибрежном
Потерял я вдруг дорогу
И тропинкой безыменной
Вышел ко двору лесному.
У дверей я постучался,
На ночлег я попросился.

Посреди избы огромной
Пламя в очаге пылало,
У котла сидела бабка,
Варево в котле мешала.

А в котле кипело сало,
Суп гороховый варился.
Бабка мне дала похлебки:
„На, — сказала, — да не мешкай,
Поживей работай ложкой!“
Принесла потом соломы
И постель мне постелила
Посреди избы широкой.

Так сказала мне старуха:
„Пошевеливайся, парень!
Лезь в солому, поросенок!
А не то сыны вернутся
Молодые из похода.
Ты при них молчи, как мышка,
Что от кошки затаилась.
Хоть рукой пошевелинешь ты
Или крикнешь ненароком,
Тут придет твоя погибель,
Тут и смерть твоя наступит“.

Поклонился я старухе,
Бабке молвил я спасибо
За ночлег, за добрый ужин
Да за ласковое слово.
И зарылся я в солому,
Распрямил бока и спину,
А соломенной подстилки
На троих еще хватило б!
Вдруг развеялась дремота,
Широко раскрыл я веки.
Услыхал я дальний хохот:
От шагов земля гудела,
Гнулись-вздрагивали стены.
Даже ты, Калевипоэг,
Грохоча пятой тяжелой,
Не наделал столько шума,
Хоть шаги твои — от страха —
Вдвое громче мне казались.

Вот в избу ввалились братья:
Оба — выкормыши леса,
Оба — грузны, как медведи.
Старший, ноздри раздувая,
Вдруг принюхиваться начал:
Словно гончая, он нюхал,
Просеивал ноздрями воздух.
Так сказал он, так промолвил:

„Ну, бабуся дорогая,
Кто наведывался в хату?
Дух я чую человеческий,
Дух людской тревожит ноздри
И щекочет подбородок“.

Так ответила старуха:
„Никого здесь не бывало —
Ни зверька, ни человека,
Запах пота человека,
Что тебе щекочет ноздри,
Верно, с воздуха принес ты,
На ветру им надышался“.

Тут на стол накрыла бабка,
Братья ужинать уселись:
Миски — в локоть шириною,
Ложки — словно поварешки.
Столько пищи проглотили
Две бездонные утробы,
Сколько пятьдесят не съели б
Пахарей и лесорубов.

А когда наелись братья,
Дополна набили брюхо,
Улеглись они на отдых,
Прямо на пол повалились:
Старший брат у правой стенки,
Младший брат у левой стенки.
Я лежал посередине,
А старуха — на полатах.

Страх замкнул мое дыханье,
В жилах кровь оледенела.
Плотно челюсти сцепил я,
Зубом стукнуть я боялся,
Чтоб меня не услышали,
Чтоб меня не разглядели.
Вот дотлела и погасла
На челе печном лучина.
Темнота избу одела,
Страх мой спрятала-укрыла.

Если бы я знал, несчастный,
Если б ведал, злополучный,
Если бы я знал и ведал,
Если б сонное виденье
Предсказало мне заране,
Что за тяжкие мученья
Мне судьба моя готовит,

Скрылся б я на дно морское,
Опустился б я в пучину...

Братья, выкормыши леса,
К сну за пазуху нырнули,
Их звериные гляделки
Запахнулись, как ворота,
Да зато раскрыты настежь
Двери задние остались,
А от варева густого,
От гороховой похлебки
Животы у них раздулись,
Пораспучило желудки:
Стал вздыматься пар гремучий,
Источился тайный запах,
Ветры жгучие взлетели.

Старший брат, лесной детина,
Что лежал у стенки справа,
Первым грозно разрядился,
Оглушил меня раскатом.
Шумный вихрь меня подбросил,
Словно бабочка взлетел я,
Полетел-понесся влево.

Младший брат, лесной детина,
Что лежал у стенки слева,
Не отстал он от старшого:
Тут же, на мою погибель,
От меня отворотился,
Разрядился, понатужась,
Оглушил меня раскатом.
Я взметнулся, словно птичка,
Словно бабочка, взлетел я,
Полетел-понесся вправо.

Той порою первый братец
Снова грозно разрядился,
И опять я, злополучный,
Справа полетел налево.

Так пришлось мне, горемыке,
Ночку целую кататься,
От стены к стене метаться,
Взад-вперед летать проворно,
Как челнок в руках ткачихи,
Сна и отдыха не зная.

Вышла на заре старуха,
Дверь ненаглухо закрыла.
По ее пятам я быстро

Прошмыгнул в дверную щелку —
И бежать что было мочи!
Пробежал я через ельник,
Пробежал сквозь бор сосновый,
Пробежал через орешник, —
Там в кустарник я забился,
Там тебя, на счастье, встретил! —
Славный муж Калевипоэг
Хохотал простосердечно.
Мужичонка тот невзрачный
Рассмешил его рассказом,
Как летал он, словно птица,
Как челнок на ткацком стане,
Сна и отдыха не зная.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

*Схватка с супостатами и еж. Долгий сон. Сновидение.
Ягненок пастушка-сироты. Возведение моста.*

К

ак порой со скал высоких
Рухнет шумным водопадом
Вспененный поток сердитый,
Словно облако густое
С гулом падая в долину,
И, рекою разливаясь,
Широко несется к морю
Или туча грозовая,
Стрелы молний рассевая,
Щеки солнышка закроет, —
Так, проламывая чашу,
Ринулись лесные бесы
Сыну Калева навстречу,
Что шагал с тесовой кладью,
Мирно шел дорогой мира.

Если видывал ты, братец,
Как в облаве на медведя
Страшный зверь окровавленный,
В грудь рогатиной пронзенный,
В ярости, в предсмертной муке
Ринется на зверолова,

Лишь тогда, пожалуй, братец,
Сможешь в мыслях ты представить
И понять хотя б на четверть
Или хоть наполовину,
Как побил Калевипоэг,
Покарал чертей проклятых,
Как сразился с темной силой,
Разметал он вражье племя.

Выйдем на простор широкий
Посмотреть на то сраженье,
Боевых вестей послушать,
С древних борозд снять прилежно
Золотое слово песни,
Что острее орлиных клювов,
Крепче вереска седого,
Вознести его высоко
Под серебряное небо,
Словно остров над волнами.

Калевитян сын любимый
Шел да шел, взвалив на плечи
Ношу тесаного леса.
А в котомке мужичонка,
Под защитой богатырской,
Сонною дыша отрадой,
В дрему сладкую укрылся,
Как рачонок под корягу.
На пути Калевипоэг
Выбрал сосенку покрепче,
Ствол сломил под самый корень,
Был тот ствол больших не больше,
Но и не был меньше малых.
Срезав маковку и ветви,
Смастерил себе дубинку.
А длиной была дубинка
Не в сажень, а в добрых десять,
Толщиной же — в треть сажени.
Славная была дубинка —
Для любого супостата
Грозным стала бы возмездьем,
Если б выступить дерзнул он
Против Калевова сына.
Стала б верною защитой
От лесных собак свирепых,
От щенят их острозубых, —
Словно меч, она служила б.

Как разбойники, из чащи
С треском выскочили трое,
Лезут в бой с могучим мужем
Колдуна лесного дети,
Черта бешеные слуги.
Им отец задачу задал —
Сына Калева ограбить.
Парни палок наломали,
Из земли надрали сосен,
Чтоб на Калева обрушить
Градом тяжкие удары.
У двоих парней бесовских
И кнуты впридачу были.
Кнутовищем — ствол кленовый,
На кнуте же, вместо камня,
Жернов мельничный привязан.
Издалека засвистали
Те кнуты, удары сея.

Сильный муж Калевипоэг
Захотел пустую ссору
Речью ласковой уладить,
Слово доброе промолвил:
— Бой — покоя нарушитель,
Ссора — вестница пожара.
Лучше пол-яйца — да в мире,
Чем куренок, взятый с бою *.
Я, когда в леса густые
К вам пришел с мечом военным
Никого не повстречал я,
Никого не увидал я;
Вы попрятались в чащобе,
Вы по зарослям укрылись,
Словно раки под корягой,
Как кроты в подземных норах.
Ни один не смел в ту пору
Из своей засады вылезть.
Эх вы, мерзостные черти!
Тенью вечера укрывшись,
Под полою у темной ночи,
Даром злится старый Тюхи
С сыновьями адской суки,
Даром бродит ваша стая
По глухим дорогам лунным.
Даром, подлые вы трусы,
Посягаете на мужа, —

Пусть стоит он перед вами
Без оружия, без дружины.
Нынче пакостные ведьмы,
Затевая злое дело,
Вас троих сюда послали.
А обычай наш издревле,
Чтобы муж один на мужа
Выходил, без провожатых —
И в бою и в состязанье! —
Колдуна лесного дети —
Сосунки норы медвежьей —
Сыплют ловкие удары,
Сына Калева молотят,
Осыпают сотней градин.
Но пока кремневый жернов
Не рассек ему надбровья,
Он досок своих не трогал.
Тут же молвил, не стерпевши:
— Заиграешься — заплачешь,
Был лощен — щербатым станешь! —
И давай крутить дубинкой,
Стал, играючи, парнишек
Поколачивать по шеям
Да постукивать по спинам.
Скоро ствол сосны могучей
Истрепался, изломался,
Расщепился, разлетелся,
Вихрем щепок закрутился.
Богатырь Калевипозг
Со спины снимает доску,
И давай хлестать с размаху,
Щелкать адское отродье.
Только он взмахнет тесиной,
Только он удар обрушит, —
Глядь: об чей-нибудь затылок
Та доска переломилась.
Так тесину за тесиной
Калев-сын таскал из клади,
Много досок поломал он,
Истребил он их без счета,
Вражьих выродков дубася,
Грея дьявольское племя.
От его бесценной клади
Половина лишь осталась,
Да и та растает скоро.

Стервенеют вражьи дети,
Напирают, нападают,
Ташат Калеева сына,
Волокут его в трясины.
Вдруг, негаданно, нежданно,
Прозвучал из бурелома —
Тонкой дудочкой пискливой —
Чей-то слабый голосочек:
— Ты ребром, ребром попробуй,
Дорогой Калевипоэг.—

Понял муж Калевипоэг,
Что совет — ему на счастье:
Слова доброго послушал, —
Доску он ребром направил,
Он ребром ее нацелил
Детям знахаря по спинам...
Раз, раз, раз! И отлетели
Колдуна лесного дети,
Закружились с волчьим воем,
Разбежались — и пропали.

Если б дети адской силы
Не прожарились под солнцем,
Под дождем не прокалились,
Если б плауна куренье
Их от раны не заклало, —
Та могучая расправа
Уложила б их на месте.

Калевитян сын отважный,
Малый срок передохнувши
После долгого сраженья,
Обернулся к бурелому
И сказал такое слово:

— Молви, братец неизвестный,
Паренек тонкоголосый,
Мой помощник драгоценный,
Кто ты — мне совет подавший,
Пособивший мне в напасти? —

Паренек тонкоголосый,
Паренек умом богатый,
Друг героя неизвестный,
Отозвался, не замедлив:
— Это сам я, малый ростом,
Ежик в рваной рубашонке *,
Пособил тебе в напасти,
Слово мудрое промолвил. —

Калевитян сын любимый
Услыхал ответ и молвил,
Обернувшись к бурелому:
— Выходи же, милый братец,
Из чащобы на поляну,
Появись передо мною,
Покажись перед глазами,
Чтоб тебя я, благодарный,
Мог бы ласково погладить,
Оказать тебе защиту! —

Слово доброе услышав,
Мудрый Еж ответил мужу:
— Я с кустом не разлучаюсь,
Не встаю с постели мшистой
На траву в росе вечерней,
Под лучи зари холодной.

Дед могучий, мудрый Таара,
Птиц, животных создавая,
Позабыл мне, горемыке,
Дать надежную одежду,
Шубу для защиты тела.
Если, голый, да сойду я
Со своей постели мшистой,
Если выйду на поляну, —
Холодом меня охватит,
До костей проймет простуда. —

Отвечал Калевипоэг:
— Золотой ты мой помощник,
Еж, в изорванной рубашке,
Выходи ко мне, не бойся,
Смастерю тебе одежду,
Шубу сделаю на совесть! —
Вылез из кустов ольховых,
Из своей постели мшистой
Голый Еж, советчик мудрый,
Подошел, от ветра ежась,
Трепеща, как лист осины.
И сказал Калевипоэг:
— Друг мой Еж! Ты в пору подал
Мне в беде совет хороший,
Пособил ты мне в напасти:
Стал ребром пускать я доски,
Одолел я супостатов,
Те завyli волчьим воем,
Разбежались и пропали.

Я хочу тебе в награду
Часть своей отрезать шубы;
Из клочка овчинной шубы
Смастерить кафтан колючий,
Сшишь броню — тебе в защиту,
Чтоб волчат зеленоглазых,
Медвежат медоволапых
Ты отпугивал бесстрашно! —

Так сказав, отрезал витязь
От полы своей широкой
Малый клочок колючей кожи
Мудрецу Ежу в подарок.
С благодарностью укутал
Тело голое зверюшки
В эту теплую одежду.
Из куска полы он сделал
Другу на спину тулупчик,
На бока ему — шубейку,
Лишь брюшко осталось голым,
Лапки голыми остались.

С той поры гуляет ежик
В боевой броне защитной,
В шерстяной иглистой шубе.
Стоит нос ему упрятать,
Стоит шариком свернуться, —
И враги ему не страшны,
И от холода укрыт он.

Рад подарку дорогому,
В бурелом вернулся ежик —
Отдыхать в своей постели.

Калевитян сын отважный
Сам подумал о ночлеге,
Где б ему бока пристроить,
Где б измученное тело
Протянуть на сладкий отдых.

А кругом, куда ни глянешь,
Сталась зыбкая трясина.
Даже кочки нет, пригодной
Для желанной той постели.

Славный муж Калевипоэг
Стал себе готовить ложе
Из песчаников окрестных,
Стал носить песок сыпучий,
Сбил песок в большую груду,
Словно впрямь кровать поставил.

Перед сном надумал Калев
Ломтем хлеба подкрепиться,
Чтоб усталость миновала,
Чтоб скорей воскресла сила.
А когда в свою котомку
Сунул он поспешно руку,
На холодное наткнулся:
Им спасенный мужичонка
Там лежал, совсем застывший,
Уж не сонный был, а мертвый.
Беспробудно спал в котомке,
Словно рак в тени коряги.

Как пошла лихая свара
С сыновьями водяного,
Их удары колдовские,
Их тяжелые дубины
Насмерть бедного зашибли:
Он, несчастный, и не пикнул,
Умер — и не шевельнулся.

Выташил Калевипоэз
Из котомки тело парня,
На ветру, в лучах вечерних
Осмотрел его увечья.
На щеках у человека
Тени смертные лежали,
Смерть из глаз его глядела,
Смерть ему разжала зубы,
Изо рта она зияла —
Меж кровавыми губами.

Добрый муж Калевипоэз
Слово скорбное промолвил:
— Ох ты, братец горемычный,
Бездыханный мой товарищ!
Ты, надежного укрытья
Для защиты, для спасенья
У могучего искавший,
Ждавший помощи от силы,
Если знал бы ты заране,
Если б в помыслах предвидел,
Разгадал в виденье сонном,
Как близка твоя гибель, —
Ты бы с домом не расстался,
Жил бы ты отцу на радость,
Рос под кровлей материнской,
Был бы как яйцо на травке,

Словно в горнице орешек.
Ты на кровле куковал бы,
Пел в ольховнике соседнем,
Знал бы ты язык пернатых,
Звал бы звоном соловьиным,
Пел бы жаворонком звонким,
По-утиному бы крякал.
Ты не стал бы на чужбине
Кустиком чужого сада,
На чужих песках пичугой,
Гусем на чужих болотах —
Там, куда тебя примчали
Воды бурные и ветер,
Там, где ливень злополучья,
Где несчастья град тяжелый
Злую смерть тебе судили.

Натиск адского отродья,
Злое вражье нападение
Так мои смешали мысли,
Так рассудок помutilи,
Что забыл я про котомку,
Где дремал ты рядом с хлебом. .
Горе! Адские дубины,
По котомке ударяя,
Человека в ней убили!

Калевитян сын любимый
Вырыл для него могилу,
Ложe смертное устроил,
Уложил в могилу тело
На спокойный вечный отдых.
Свежим дерном холм покрыл он,
Заровнял седыми мхами,
Посадил вокруг бруснику,
Посадил он клюкву рядом,
А поодаль — куст морошки,
Чтоб росли они привольно,
Опочившему во славу.

Скудной трапезой вечерней
Подкрепившись напоследок,
Калев-сын в постель улегся,
Разогнулся, протянулся,
Чтоб дневные огорченья,
Чтоб увечья колдовские
Исцелить росой прохладной.

Тут с бровей его спустилась
На глаза завеса дремы,
Мошь у мужа отнимая,
Сладко сковывая тело.
Только зорких глаз душевных
Не опутала дремота,
Только их не полонила.
Сон, искусник хитроумный,
Ткал цветистые виденья,
Вил веревочки обмана
У ворот очей душевных.
Все недавние события
В сновидениях вставляли,
Заплелись ковром узорным,
Тонким кружевом обмана.

Битва с колдовским отродьем
Под крылом зари вечерней
В сновиденьях оживала,
Снова явью становилась,
Адских выроdkов удары
Победителя гневил,
Раскаляли сердце гневом...
Вдруг — привиделось другое,
Быль веселая явилась:
Мужичок в лесной сторожке
От стены к стене метался,
Как челнок, снуя проворно...
Третье сонное виденье
Воровство разоблачало:
Колдовские когти вора
Уносили меч любимый.
Меч зывал из глубы Кяпы,
Звал хозяина со стоном,
Песню скорбную слагая...

Сгиньте, призраки пустые,
Сонной мысли порожденья!
В диком вереске увяньте,
В дебрях сумрачных засните!
Выйдем на иные тропы
Возвещать о славных былях,
Петь о днях давно минувших,
Речь вести о дивном деле,
Что неслышно совершилось
Возле Калевова ложа.

Калевитян сын любимый
Сном недолго услаждался,
Он недолго нежил тело
Под прохладной лаской ночи.
Той порой подкрался к ложу
Знахарь слов, колдун озерный,
Тот, что с Калевом сразиться
Не дерзал в бою открытом.

Заклинатель волн и ветра,
Черный волхв, начетчик Маны,
Ждал, чтоб сон окутал мужа,
Оплела его усталость, —
Лишь тогда подкрался к ложу.
Колдовать он стал над пряжкой *,
Закружил вороний камень *,
Папоротнику велел он
Изрекать заклятья злые.
Сонных трав насобирав он,
Наломал истомных веток,
В жгут связал их с наговором.
Спрятал жгут под изголовье
Почивающего мужа,
Сына Калева опутал
Он веревкой долгой дремы.

А когда ведун озерный
Молвил все свои заклятья,
Завершил все чародейство, —
Тотчас пятки засверкали,
И пропал — следа не сыщешь.
Ночь минула, встало солнце,
Солнце село, свечерело,
Снова ночь зарю сменила —
По назначенному кругу,
По отцовскому завету.
Калевитян сын любимый
Недвижимо спал на ложе.

А до Вильянди от Виру *
Мчались быстрые приказы.
Спутник Алева, отважный
Калевов оруженосец,
Разослал гонцов проворных,
Чтоб до озера Чудского
Весть, как ветер, долетела.
Все напрасно: вестовые

Калева не отыскали.
Ночь минула, встало солнце,
Солнце село, свечерело,
Снова ночь зарю сменила —
По назначенному кругу,
По отцовскому завету.
Вот уж дни неделей стали.
И неделей стали ночи.
Калевитян сын любимый
Недвижимо спал на ложе.
Вот и летний день цветущий,
Праздник счастья и веселья,
Скликал дальние народы
На игру в дубраву Таары,
На привольную забаву.
Приплыли по волнам Эма
На ладьях красновесельных
Дети озера Чудского.
Виру, Ярва, Харью, Ляне —
Все людей своих прислали,
Но никто не видел князя,
Сына Калева не встретил
И следов его горячих
Не заметил по дороге.

Ночь минула, встало солнце,
Солнце село, свечерело,
Снова ночь зарю сменила —
По назначенному кругу,
По отцовскому завету.
Дни — уж в месяц растянулись,
Стали ночи месяцами.
Калевитян сын любимый
Недвижимо спал на ложе,
Сном злосчастливым околдован.

Вот уж летние цветочки
Отцвели наполовину, —
Богатырь Калевипоэг
Спал, осилён дремным ядом,
Волхвованьем колдуновым.
Но обманным сновиденьем,
Разбудить его пришедшим,
Был, на счастье, он встревожен...

Видел он во сне глубоко,
Будто меч ему ковали,
Правя сталь и закаляя,

Похваляясь ковкой новой,
Выгнув лезвие покруче,
Чтоб оно грозней рубило.
И ковал тот меч не финский
Многодумный старый мастер,
Старый дядюшка отцовский, —
Меч ковали потаенно
В малой кузнице безвестной,
В горной пазухе глубокой.

Посреди земной равнины
Холм стоял уединенный.
Был тот холм больших не больше,
Но и не был меньше малых.
Головой тот холм касался
Высоко плывущей тучи,
Облачка скользили мимо,
За бока его цепляясь.
В том холме, в дупле скалистом,
Поселился Ильмарине *,
Мастерам своим подземным
Там он кузницу устроил.
Те воздвигли брус подпорный,
Утвердили наковальню
И трудились дни и ночи,
Тайной ковкой промышляя,
Добрым людям на потребу.

Семь кузнечных подмастерьев
Меч ковали неустанно
Из витой бесценной стали,
Лезвие его точили,
Смерть несущее живому.
А к рукам у них впридачу
Были молоты из меди,
Клинья их — в стальной оправе,
Рукоятки — золотые,
Серебро клещей хватало
Меч, кроваво размягченный
В огневом сиянье горна,
И звенели в лад удары.

А хозяин тайной кузни,
Дивный мастер Ильмарине,
Сидя в кресле золоченом,
Брови белые насупив,
Молодым горячим взором
Сам следил неутомимо

За работой подмастерьев:
В лад ли падают удары.
Хорошо ль спорится дело.

Вдруг — ступил неверным шагом
На порог подземной кузни
Бледный призрак человека.
Снял он шапку на пороге,
Головы же не склонил он,
Не согнул могучей шеи.
Кровь сквозь ворот проступала,
Кровь с одежд его стекала,
На щеках его засохла,
Запеклась у губ раскрытых.
Человек промолвил слово,
Так взмолился на пороге:
— О, не тратьте вы железа,
Не расходуйте вы стали,
Меч разбойнику не правьте!
Богатырь Калевипоэг,
Если злоба в нем проснется,
Не помилует и друга,
Брата кровного убьет он,
На того свой меч поднимет,
Кто сковал ему оружие!..

Меч ковал ему отец мой,
Трое братьев нас бессменно
У отцовской наковальни
Выполняли труд тяжелый —
Семь годов без передышки.
Что же дал он нам в награду,
Как же с нами расквитался?
Многоопытного финна
Старший сын и подмастерье.
Сам я, мудрого помощник,
Головы своей лишился,
Молодым увял на ниве, —
Вот что дал он нам в награду,
Вот как с нами расквитался! —

Калевитян сын любимый
На лжеца хотел прикрикнуть
И навег его рассеять,
Правду сущую поведав,
Молвив истинное слово!
Но недаром старый Тюхи
Тело мужа обессилил:

Словно рухнувшим утесом
Грудь его была прижата.
Силился очнуться витязь,
Разорвать веревки дремы.
Пот со лба его струился,
Проступал росой на теле,
Языком не мог он двинуть,
Шевельнуть не мог руками.
Тут собрал свои он силы,
Чтоб рвануться напоследок,
Словно вздумал сдвинуть гору,
Все разбить, развеять прахом.

Как ревуший натиск бури
Волны на море ломает,
Как громовый голос Пикне
До корней шатает скалы, —
Так взревел Калевипоэг:
— Лжец! — и на ноги вскочил он.
Чтоб злодея отдубасить,
Показать его за лживость.

Вот и утреннее солнце
Расцвело на алом небе,
Мглу ночную разгоняя.
Вот и звездочки померкли,
Задремав у края неба,
И в сверканье трав росистых
Вышел мир из бездны ночи.
Тут смекнул Калевипоэг,
Понял богатырь могучий,
Что в глазах его играли
Сна обманные виденья.
Одного лишь он не ведал:
Что проспал он сном глубоким
Семь недель в объятьях ложа.

Калевитян сын любимый
Опустил на травку ноги,
На землю он их поставил,
Сам присел на край постели,
Коркой хлеба подкрепился,
Собираться стал в дорогу.

Тес, что он принес из Пскова,
Перебрал могучий Калев:
Было много там обломков,
А досок хороших мало, —

Не окупишь и дороги
И трудов не оправдаешь.

И сказал Калевипоэг:

— Мне не надобно обломков,
Щепок я сгребать не стану.
То домой не потащу я,
Что ходьбы моей не стоит.
Лучше к озеру Чудскому
Я вернусь путем знакомым
И куплю там тесу вдоволь,
Чтоб построить целый город! —

Тут о деле поразмыслив,
Заработал он ногами
И в обратный путь пустился.
А когда в конце дороги
Вышел на берег озерный,
Он услышал крик далекий,
Словно плачущая дудка
Слуха тонкого коснулась.
Даль окинув зорким взглядом,
За широкими полями
Увидал он луг и стадо:
Перед волком сероглазым
Все овечки сбились в кучу,
Плакал мальчик-пастушонок,
Средь полей на помощь клича,
А в клыках у волка билась
Обомлевшая овечка,
Только что ее разбойник
Дерзко выхватил из стада.
То единственное было
Достоянье сиротины, —
Для того ль овцу лелеял,
Чтоб ей сгннуть в волчьей пасти?

Калев-сын, беду увидев,
В руки взял валун тяжелый
В сероглазого нацелясь,
Валуном зашиб он волка,
Схоронил его под камнем.
А овечка ускользнула,
В два скачка вернулась к стаду.

Тот валун поныне виден,
Был же он больших не больше,
Но и не был меньше малых, —
Лег он камнем путеводным.

Из того седого камня
Вышло 6 жерновов две пары,
А в глубокий след от пальцев
Малорослый пастушонок
С головой бы мог укрыться.

Выйдя на берег озерный,
Думать стал Калевипоэ:

„Наломать бы мне деревьев,
Наносить камней тяжелых,
Крепкие быки поставить,
Славный мост бы я построил
Через озеро Чудское“.

Как задумал, так и сделал:
Начал мост мостить проворно;
Клал он вниз большие бревна,
Поперечными скреплял их,
Камни сыпал в середину,
Возводил быки — в защиту
От напора волн могучих.

Вот уж мост — шагов на сотню,

Вот — на тысячу проложен,
Вот — верст на пять протянулся,
Дальше тянется ко Пскову.

Вдруг хлестнул свирепый ветер.
И от тяжелой пляски бури
Пейпси-озеро взбурлило,
Волны пенные взревели.

Мост не выдержал напора:
Недостроенный — не мог он
Удержаться против бури,
Затрещал и рухнул в волны,
Лишь обломки забелели:
Те, крутясь, поплыли к югу,
К северу неслись иные.

Богатырь Калевипоэ

Тут задумался глубоко:

„Для чего в пустых забавах

Я напрасно время трачу,

Этот мост сооружая?

Не верней ли та дорога,

Что идет через глубины,

Напрямик идет сквозь волны —

К берегам, откуда прежде

Гору теса притащил я?“

В путь далекий собираясь,
Наловить он вздумал раков.
Выгреб пригоршню он раков,
Доверху набил котомку,
На берег котомку бросил:
Унести ее — была бы
Мужикам троим работа,
Четырем здоровым бабам,
Пятерым под силу ноша.

Калев-сын раздул гнилушку,
Запалил костер из щепок,
Раков высыпал из сумки
На пылающие угли, —
Всех испек и съел их разом.
Так нутра жестокий голод
Утолив наполовину,
Вновь он двинулся в дорогу,
Зашагал тропой знакомой —
Мимо озера ко Пскову.
А пока путем знакомым
Он шагает, не встречая
Ни помех, ни искушений, —
Мы пойдем в луга иные,
Выслушать иные вести...

В дни, как славу куковал я,
Серебром вызванивая,
Повернул к побережьям Пейпси, --
Много там мне повстречалось
Золотых воспоминаний,
Дюжина отметин ярких
В памяти моей осталась...

Возле озера Чудского
В некоем доме пребогатом
Под хозяйским строгим оком
Жил сиротка одинокий,
Рос малютка-пастушонок.
Пас малыш овец хозяйских,
Охранял ягнят от волка,
Сторожил коровье стадо.

Раб с пеленок, сиротина,
Далеко гонял он стадо:
Гнал коров в густой ольховник,
Выгонял телят в березник,
А овец — на луговину.

Хорошо берег он стадо,
Хоть суровая хозяйка
Не дала ему под осень
За труды его, за муки
Даже новой одежки.

Раб с пеленок, сиротина,
Куковал он, как кукушка,
Ольхам пел свои печали,
Скорбь свою — березам белым,
Горе вечное — осинам:
„О, я сын раба несчастный,
Ягодка заброшенная!
Без отца я — беззащитный,
Без родимой — несогретый,
Брат по выгону не ходит,
Вечером сестра не встретит,
Золотая — не приветит.
Нет родни — меня утешить,
Сиротину успокоить!
Мать моя ушла в могилу,
Спит отец мой под курганом,
Брат убит на поле брани,
Унесла чума сестренку.
Дядя мой зачах от горя,
А другой — от злой недоли.
Я ж остался одиноким,
Беззащитным сиротою,
В рабство отданный — на муки...“

На камнях, на пнях, на кочках,
На муравушке зеленой,
Где стада прилягут в полдень,
Детской жалобою горькой
Грустно песенка звучала,
Чтобы скорби отлетели,
Чтобы горе полегчало:
„Ой и злой он — мой хозяин!
Ой и строгая хозяйка!
Дочь хозяйки — хуже ведьмы,
Сын хозяйский — хуже черта!
Лучше жить, чем мне, — дворняжке.
Легче жить, чем мне, — овчарке,
Лучше жизнь у псов — привольней,
Чем у бедного подпаса,
Беззащитного сиротки!
Мне они ни в дождь, ни в холод

Не дают одежды теплой.
Молока не даст отведать,
Кормит впроголодь хозяйка,
Чем же голод утолю я?
Чем же горе я утешу?..“

На камнях, на пнях, на кочках.
На муравушке зеленой,
Где, усталый, отдыхал он,
Куковал наш пастушонок,
Пел он сетованья песню:
„Без отца дитя осталось,
И без матушки любезной,
Без родителей сиротка!
От людей одно я слышу:
— Бей его, ведь без отца он!
Бей его любой, не бойся!
Ни родства у сиротины,
Ни защиты, ни опоры!“

Но сказал творец вселенной,
Молвил Дедушка всевышний:
— Люди, сироту не бейте,
Беззащитного не троньте!
Бедный плачет без побоев,
И без боли он рыдает,
Без мытья — на веках влага,
Без битья — пылают щеки.
Все метели настигают,
Все напасти нападают,
Все дожди бедняжку хлещут.
Нет у сироты покровы,
Нет у нежного защиты!

На камнях, на пнях, на кочках.
На муравушке зеленой,
Где усталый отдыхал он,
Куковал мой пастушонок,
Горько сетовал он в песне:
„Ох, я сын раба несчастный!
Ох, я жалкий сиротина!
У меня — печали ложе,
Перед печкой — место скорби,
В закутке — подстилка плача!
В двери вынесли родную —
Радость в окна улетела.
По тропе несли родную —
Радость шла за нею следом,

Речи добрые умолкли.
Рыли матери могилу —
В яме радости исчезли.
Опустили мать в могилу —
С ней и ласку схоронили!..“

На камнях, на пнях, на кочках,
На муравушке зеленой,
Где, усталый, отдыхал он,
Куковал мой пастушонок,
Пел он сетованья песню:
„Хлеб сиротский, хлеб мякинный,
Хлеб с размятою соломой,
Черные сухие корки
В торбе у раба-подпаска.
Должен ими я кормиться,
Хилый — корки грызть я должен,
На зубах хрустит солома,
В горле у меня мякина,
А под языком — пелева...“

На камнях, на пнях, на кочках,
На муравушке зеленой
Раздавался плач сиротки,
Песенка раба-малютки.

Дева нежная лесная,
Дочь единственная Хальды,
Услыхала плач сиротки,
Воздыханья пастушонка,
И на помощь поспешила
Одинокому ребенку.

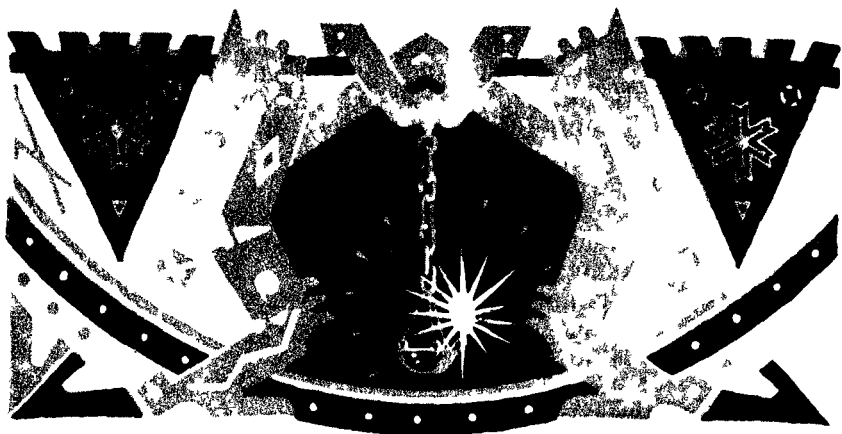
Поздним вечером росистым
Дева пела в листьях дуба,
В темной чаще говорила:
„Ты не плачь, мой мальчик малый!
Сирота, не убивайся!
Как пойдешь ты завтра утром,
Раным-рано, до рассвета,
Выгонять скотину в поле, —
На пути найдешь ты счастье,
На лесной тропинке радость.
Сунь за пазуху находку,
Утаи от всех подмышкой;
В той находке будет польза,
Расцветет попозже счастье!“

Как назавтра пастушонок
Раным-рано, до рассвета,

Выгонял скотину в поле, —
Что нашел он на тропинке?
Пестрое яйцо нашел он
Жаворонка полевого
Под листочком росниковым.
Песенку с верхушки дуба
Вспомнил бедный пастушонок,
Пестрое яйцо он поднял,
Нежно в шерсть его закутал,
Завернул его в тряпицу
И за пазуху упрятал,
Чтоб птенец высиживался,
Чтоб в тепле выращивался.
Что же из яйца явилось?
Из яйца четвероногий
Вырос маленький мышонок.
Пастушок закутал мышку
В теплое руно овечье
И в тряпицу с бахромою
И за пазухою спрятал,
Чтобы рос в тепле мышонок.
Что же вышло из мышонка?
Что там выросло в тряпице?
Из мышонка стал котенок,
Мальчик котика закутал
В теплое руно овечье
И в тряпицу с бахромою
И за пазуху засунул,
Чтобы рос в тепле котенок.
Что же из кота явилось?
Что за диво приключилось?
Вышла из кота собачка,
Вывелся щенок красивый.
Пастушок щенка укутал
В тряпку с мягкой бахромою
И за пазухою спрятал,
Чтоб в тепле росла собачка.
Что же из щенка явилось?
Что за диво приключилось?
Вырос из щенка ягненок,
Стал красивою овечкой
С белоснежной тонкой шерстью.
И не слышно плача в поле —
Нет в ольховнике стенаний,
Сетований в белой роще.

Ведь теперь сиротка весел,
Счастлив стал раба сыночек,
Хоть и семь угроз над бедным,
Восемь зол над ним нависло.
Злобы их он не боится:
Грусть овечка успокоит,
В горе белая утешит.

Сын раба — пастух-сиротка —
Пуще глаза охранял он
Белую свою овечку,
Прятал под полый кафтана,
Если дождик застигал их
Или холод предрассветный.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

*Возвращение с досками. В подземном царстве
Девушки в аду*

Прежде был я запевалой
У околиц деревенских,
Ладно складывал я сказы,
Подбирал слова искусно
Для раскатистых напевов.
Первым песенником был я,
Пел один — забавы ради,
Пел вдвоем с певцом захожим,
Пел на шумных состязаньях.
Скалы песне отвечали,
Рощи ей в ответ шумели,
Волны пенились, кипели,
Тучи весело гремели,
Ветры, слушая, стихали
 Нынче я — уже не прежний:
Голос груб для нежных песен,
Голос слаб для песен грозных,
Пальцы с каннеле в разладе.
Видно, старость подступила,
Видно, нет бывалой мощи
 Но для Калеева сына,
Ради Калеевой славы

Расцветает в сердце юность,
Возвращается былое.
Золотой я был кукушкой,
Был дроздом сереброкрылым,
Куковал я возле дома,
В рощах крылышком сверкал я.
Позапрошлым летом начал,
Прошлым — стал входить я в силу
В первый год — слова собирал я,
Во втором — точил, строгал их,
В третьем — складывал прилежно
На четвертый сбил их вместе.

Калевитян сын отважный,
Отшагав дневные версты,
Завершив труды дневные,
Вечеру вернулся к ложу,
Лег на холмике песчаном,
Где был меч его похищен.
Перед сном едой вечерней
Подкрепился славный Калев,
Чтоб усталость миновала,
Чтоб скорей воскресла сила.
Колдуна — как не бывало,
Нет и вражьего отродья:
Видно, дьявольское племя
Веником волшебным в бане
Синяки недавней драки,
Шкуру рваную лечило.

Путру, еще и зорька
Не проглянула на небе,
С ложа встал Калевипоэз,
Зашагал поспешно к дому.
Он безвестной шел дорогой,
Тропы новые топтал он,
Пробирался крупным шагом
По болотам, по трясинам,
Сквозь кустарники густые,
Через волчьи переправы —
Напрямик шагал он к Виру.
Поспешал могучий Калев,
Все быстрее вперед стремился,
И назад летели версты.
Так до вечера шагал он,

О привале не подумал!
Глядь, уж солнышко заходит...
Тут с плеча свалил он доски,
Под кустом сложил поклажу,
Поразмял бока и спину,
Из котомки вынул ужин:
Каравай, бочонок браги.
Хлебом, брагой подкрепившись,
Стал себе постель он ладить,
Для боков усталых ложе:
С дюн окрестных изобильных
Стал носить песок сыпучий,
Сбил песок в большую грудку,
Словно впрямь кровать поставил.
А как нес он напоследок,
Из полы его кафтана
Пригоршня песку упала.
Оттого и кривобокой
Та постель стоит поныне.
А в сторонке приютился
Малый холмик, словно горка
Забелела средь долины*.

В пологе ночных туманов
Отдыхал могучий Калев, —
И росистая прохлада
Наливала мощью тело.
На небе сияли Слицы,
И звезда зари рассветной
На дремавшего глядела,
А вверху стоял на страже
Бледнощекий тихий месяц
Вплоть до огненного утра,
Пробуждающего спящих.

Перед дальнею дорогой
Против птичьего обмана
Богатырь откушал хлеба.
Тут услышал он сороку*.
На ветвях высокой ели
Перья чистила сорока,
Стрекоча слова такие:
„Если б ведал ты, могучий,
Если б мог узнать, отважный,
Что во сне с тобой случилось, —
Ты бревно поймал бы в море,
Дуб на острове срубил бы,

Сладил бы себе телегу,
Сколотил бы ты повозку,
Выгнул крепкие колеса,
Оси выточил из камня.
Впряг бы ты коней в телегу:
Слева — серый, справа — рыжий,
Посередине — златокарий,
Да в пристяжке — пара белых,
Как велит обычай князю.
Длинен путь для пешехода,
Широка для ног долина,
Мир для путника безбрежен.
Ждут друзья, все смотрят с башен,
Говоря между собою:
— Где-то князь наш задержался?
Что шаги его связало?
Кто ему опутал ноги?
Собирайся в путь-дорогу,
Золото — в твоих шажочках,
Серебро — в ногах крылатых!
Кто же золото разыщет,
Серебро с земли поднимет?
Брат то золото разыщет,
Серебро — сестра поднимет,
Всей родне добра достанет:
Те шажочки — клад богатый!

Если б ведал ты, могучий,
Если б мог узнать, отважный,
Как добыть шагами злато,
Серебро забрать прыжками,
Ты без усталости шагал бы,
Ты домой летел бы летом.
Скован адским наваждением,
Усыплен дурманном зельем,
По ногам тимьяном спутан,
Ты улегся, милый братец,
На могильный долгий отдых:
Семь недель лежал на ложе,
Сном тяжелым околдован,
Утром — счастье — искры света,
В полдень — ткани золотые,
Вечеру — туман серебристый,
Ночью — лишь виденья счастья!..“

Витязь выслушал сороку,
Попрощался с пестрокрылой,

Собираться стал в дорогу.
Доски на спину взвалил он,
Зашагал широким шагом,
Напролом он шел лесами,
Перемахивал долины.
Без труда и без помехи,
К Ильмъярв-озеру пришел он, —*
Огляделся и подумал:
„Не годится из-за лужи
Мне сворачивать с дороги,
Дорогое тратить время!
Мне Чудь-озеро по пояс,
Знаю брод и в Финском море,
Мне ль бояться мутной лужи?
Напрямик по ней пройду я,
Лужу грязи взбаламучу!“

Богатырскою стопою
Смело в озеро ступил он,
Шаг ступил и два ступил он,
А на третьем — что за диво! —
Видит: втягивают глуби,
Поднялась вода по плечи,
Захлестнула подбородок.

Калевитян сын отважный
Стал на месте, огляделся,
Удивился, крикнул гневно:
— Эй ты, чертова лоханка,
Черных раков грязный омут!
До колен мне все озера,
Пейпси-озеро до бедер!
Ты же, дьявольская сила,
Замочила мне подмышки,
Шею тронула бесстыдно! —

Так промолвив, повернул он
По следам своим обратно,
Еле выбрался на сушу,
Пообчистился от ила,
С ног стряхнул густую тину
И в обход пустился к Виру.

Солнце, пышущее жаром
Из небесной сердцевины,
Плечи путника палило,
Выпивало мощь из тела,
Но шагал он неустанно,
И шагов он не замедлил:

Слово птицы пестрокрылой
Поселило в нем тревогу, —
И шагал, спешил он к дому.
Что в пути с ним приключилось?
С кем он встретился в дороге?
Встретился он со старухой,
Что в родстве была с нечистым, —
Водяному чародею,
Бесу, бабкой приходилась.
В ивняке сидела бабка,
Песню заговора пела,
Слала с ветром заклинанья —
Против боли, против яда,
Против смертного укуса,
Против ярости змеиной.

Калевитян сын любимый
Отдохнуть присел под ивой,
Песню тайную послушать.
Слов властительных ведунья
В ивняке тихонько пела,
Говорила, причитала:
„Ты какого цвета, дочка,
Невеличка-лесовичка,
Ты, владычица болота,
Госпожа каменоломни?
Ты откликнись, золотая,
Распознать тебя сумею!
Ты какого цвета, дочка?
Цвета синего, ореха?
Цвета ящерицы, струйки?
Цвета озими, лужайки?
Цвета гор, сосны, болота?
Цвета жимолости белой?
Ты, скользнувшая в кустарник,
Позакаменная птичка,
Исцели больное тело,
Злую опухоль сгоняя!

Ты, гадюка цвета ночи,
Цвета трупа яд свирепый!
Ты не дерево кусала,
Не в кору впускала зубы, —
Ты ужалила коварно
Беззащитного живого!
Я тебя в кустарник брошу,
Растопчу тебя под ивой!

Ты приди недуг распарить,
Залечить живые раны,
Затянуть рубцы укуса:
Что разрушила — поправить!
След зубов своих узнаешь,
След слюны своей проклятой,
След губительного жала.

Знаю я твою породу,
Заклинать ее умею.
Я скажу тебе, откуда
Волей злой ты к нам явилась,
Где таинственно возникла:
Ты пришла к нам из навоза,
Из икринок черной жабы,
Из болотного тумана,
Из росы пустынных пастбищ.
Вдунул жизнь в тебя всевышний,
Подарил тебе он душу.
Стал твой глаз — как глаз спницы,
Твой язык — как две иголки,
Стали зубы — как секира,
Шкура — цвета барбариса;
Голова твоя — как прутик,
Цвета супеска и глины,
Цвета мха, трухи древесной.
Будь ты цвета всей вселенной,
Цвета неба, цвета тучи,
Цвета звезд неугасимых, —
Все равно тебя узнаю,
Из моей не выйдешь волн!

Спишь ли под широким камнем.
Под корнями ли гнездишься,
Вьешься ль в травах, притворяясь
То клубочком, то дугою,
Пробегаешь ли ты пашней,
Средь кустарника ль густого, —
Ты — батрачка, я — хозяйка.
Я вблизи тебя увижу,
Покараю издалека!
Толла-холла! Пилла-вилла!
Боль тебе передаю я.
Гладок рот, а лоб из шерсти,
Челюсти твои из шерсти,
Пять зубов твоих из шерсти,
Язычок твой из шерстинок,

Да и шапка — шерстяная, —
Целиком ты вся из шерсти!“

Калевитян сын любимый,
Мудрость тайную постигнув,
Затвердив припев змеинный,
Вновь отправился в дорогу,
Стал отмахивать он версты,
Напрямик шагая к Виру.

Захотел Калевипоэт
Отдохнуть в лесу от зноя.
Тут же выбрал он местечко,
Где бока свои пристроить.
Много леса раскидал он,
Выдирал с корнями сосны
И ломал седые ели,
Вырывал дубы с корнями,
Рвал высокие рябины,
Рвал раскидистые ольхи,
Он сложил деревья в кучу,
Кладку мощную воздвигнул,
Сам поверх нее улегся —
Чтобы тело успокоить,
Кости отдыхом расправить.

Малость самую вздремнувши,
Отдохнув в лесу от зноя,
Доски на спину взвалил он
И шагать пустился снова.
Он ступил с дороги влево,
К Эндла-озеру свернул он.
Так шагал он вдоль болота,
Шел, куда глаза глядели.

Закраснелось солнце в небе,
Всюду тени протянулись,
Полог вечера сплетая,
И заря крылом прохлады
Опахнула тесоносца.
Вдруг — за холмиком далеким
Увидал он струйку дыма:
Словно угольная яма
Там курилась черной тучен,
Небо затемнить хотела.
Подойдя, увидел витязь
Возле холмика пещеру:
Жар огня сверкал у входа,
Над пещерой дым клубился.

К четырем цепям прикован,
Там висел котел огромный,
И на корточках сидели
Вкруг него, в багровом свете,
Трое дюжих чернолицых.
За огнем смотрели парни,
Пену с варева снимали.

Славный отпрыск богатырский,
Притомившись в дороге,
Подошел к огню поближе.
Так он думал, усмехаясь:
„Вот и счастье привалило!
Будет мне ночлег, и отдых,
И горячая похлебка, —
Не едал ее давненько!“

Чернолицы смеются,
На прищельца кажут пальцем, ---
Что за кладь, что за одежа!
Сразу видно — чужеземец,
Да еще из простоватых!

Калевитян сын отважный
Доски сваливает наземь,
Он на шаг подходит ближе,
Говорит слова такие:
— Что вы стряпаете, братцы?
Что в котле у вас дымится?
Иль у вас сегодня праздник,
Сто пиров хотите справить? —

Парни головой кивнули,
Молвили ему с усмешкой:
— Пищу бедную мы варим,
Для отца готовим ужин,
Для Рогатого — похлебку *,
Варево — его старухе,
Кашу — взбалмошным сестрицам,
Родичам — еду веселья!
Если праздник мы справляем,
Если пир мы затеваем,
Кодем мы быка большого,
Племенного убиваем:
Сотня вяжет, сотня держит,
Помогают им пять сотен,
Тысяча колоть приходит.

Нынче варим, что попало,
Пищу бедную готовим:

Лишь оленя половину,
Да кабанью боковину,
Требуху еще медвежью.
Суп приправлен волчьим салом,
А на дне яйцо орлицы!
Как заправится Рогатый,
Нахлебается старуха,
Днище выскребет собака,
Кошка вылизет все чашки, —
Так рабам пойдут омывки,
Льноголовым — хлеб особый:
Дочки кормятся блинами,
Что старуха замесила,
Испекла на адской печке:
Будут булки нашим сестрам
Из мякины, хлеб — девицам! —

Калев-сын в ответ промолвил:
— Эй вы, чертовы стряпухи,
Повара помойной кухни!
Небывальщину такую
И во сне никто не видел.
Ну и мерзкая похлебка!
Чертов друг, коварный Туслар,
Сам такую не сварил бы! —

Тут один из чернолицых
Слово хитрое промолвил:
— Наш котел волшебный варит
Заколдованную пищу,
Он для трапез четверговых *
Варит хлебово, что силу
Хитрым тусларам дарует,
Колдунам еду готовит:
Ту, что остужает злобу,
Ту, что ревность усыпляет,
Что отводит глаз недобрый.
Варит он для тех, кто молод,
Сладкий яд любовных зелий,
Для сердец влюбленных пламя! —

Калевитян сын промолвил:
— Если ваш котел волшебный
Разом десять варит снедей,
Значит, нечего и ждать мне,
Чтоб поспел ваш чертов ужин!
Укажите только, братцы,
Где хозяин ваш ютится,

Где Рогатый обитает,
Где живет его старуха,
Где дочурки затаились?
Ведь порой в стручке мохнатом
Зерна сладкие гнезятся,
И щербатая скорлупка
Прячет гладенький орешек. -

Повара переглянулись,
Так ответили со смехом:
— Коль войдешь ты в дом господский,
Вступишь в горницы хозяев,
Ты смотри получше, братец,
Ты глаза раскрой пошире,
Примечай дорогу, братец,
Чтоб с пути тебе не сбиться:
Влезть нетрудно в мышеловку,
Потрудней уйти оттуда! —

Богатырь в ответ промолвил.
— Мужа стены не удержат,
Скалы ног ему не свяжут,
Мощь с дороги не собьется,
Путь любой хорош для силы! —

Повара не стали спорить,
Вмиг дорогу указали:
— Ты ступай в жерло пещеры,
Там увидишь ты ворота.
Коль согнешься, сгорбишь спину,
Тропку скользкую разыщешь:
Вниз, на дно по ней спускайся!
Ты ногам своим доверься,
Ты руками щупай стены, —
Дверь найдешь избы подземной! —

Калевитян сын отважный
Стал спускаться вглубь пещеры.
Долго он шагал, пригнувшись,
Дальше полз на четвереньках,

Повара между собою
Перемигивались злобно:
— Влез медведь в гнездовье кошки,
Лев запутался в веревках, —
Видно, быть ему без шкуры! —

Калевитян сын могучий
Шел все дальше вглубь пещеры,
Хоть и трудно было мужу
До земли порой сгибаться,

В темных узких переходах
Проползать на четвереньках.

Вдруг — светящаяся искра
Перед ним во тьме блеснула,
Снова глаз напрягся зорко,
Ноги тверже зашагали.
Вот дорога стала шире,
Пораздвинулись и своды —
Спину выпрямил могучий,
На огонь пошел бесстрашно.

Посреди большой пещеры
Лампа с потолка свисала,
Заливая красным светом
Все, что видно было взору.
Огляделся тут сын-Калев, —
Видит: дверь в стене пещеры,
По бокам ее стояли
Два ведра с волшебной влагой:
Первая — смолы чернее,
Молока белей — вторая.
Что шумит, гудит за дверью?
Там, жужжа, крутилась прялка,
Там вертелось веретенце,
Там звенел девичий голос,
Песню весело слагая.
Калев слушал, притаившись, —
Все нежней звенела песня:

„Вы, сестреночки родные,
Льноголовые вы птички!
Как тоскливо нам, сестрицы,
День и ночь сидеть за прялкой,
Прясть серебряные нити,
Золотой играть куделью!
Было нас когда-то много,
Жили мы веселой стайкой,
Часто праздники справляли,
Расцветали бестревожно
В золотом доме отцовом,
У околицы родимой.
Уж и как мы наряжались,
Ленты в косы заплетали,
Шли в набойках златоцветных
На вечерние забавы:
Покачаться на качелях,
Поаукаться друг с другом!

Шли мы в шелковых сорочках,
Рукава — в глубоких сборках,
Бусы — в пять рядов на шее,
Грудь — в серебряных застёжках,
Пальцы — в кольцах драгоценных,
Наши девичьи веночки
Были в золоте узорном,
На плечах — платок богатый,
Ноги — в шелковых чулочках.
Прежде мы знавали счастье,
С красотой не разлучались,
Что ни день — то новый праздник!

Нынче — кутаемся в горе,
Нынче — алость щек девичьих
Вянет, выпита печалью.
Нынче стонем мы в неволе.
Тесно курочкам в амбаре,
Скучно в горнице голубкам,
Здесь никто нас не услышит,
Счастья нам не пожелает,
Не захочет нас засватать!
Плесневеем мы от скуки,
Мы мертвеем от печали,
День и ночь за прялкой сидя.
На любимого не глянешь,
Не подашь руки родному,
Дорогого не приветишь!

Хоть бы к нам жених приехал —
Хоть бы конь его, танцуя,
На заре вступил в ворота!
Хоть бы к нам жених приехал
Опечаленных утешить,
С огорченными поплакать!
Хоть бы Солнышко явилось
Нам на радость, на спасенье!
Хоть бы Месяц-сват приехал
Нас, унылых, позабавить,
Скорбных выкупить у горя!
Хоть бы друг Звезда явился,
Приголубил бы голубок,
Вызволил бы из неволи!
Пусть пришел бы, кто захочет,
Пусть бы с ветром прилетел он,
Пусть хоть бедный, хоть убогий!
Калевитян сын любимый,

Услыхав девичью песню,
Приналег на дверь легонько —
Оттолкнуть хотел защелку,
Отогнуть засов железный.
Дверь стояла тверже камня:
Ни петля не шелохнулась,
Ни засов не отогнулся.
Богатырь неугомимый
Не хотел вспугнуть певунью,
Шумный голос свой умерил.
Тихо-тихо, тонко-тонко
Он запел такую песню,
Молвил он слова такие:
„Я пошел гулять по свету,
По лесам бродить пустился —
Грудь овеять вольным ветром,
Сбросить с плеч поклажу горя —
А зима бежала с улиц,
И луга помолодели.
Что в ольховнике нашел я,
Что в березнике я встретил?
Встретил четырех красавиц.
Повитель они щипали,
Выкорчевывали корни,
Торф носили из болота.
Льноголовы, чернобровы,
Белолицы и румяны.
Не посмел я их окликнуть,
Их обнять не стало духу.
Я домой пошел, тоскуя,
Я к дверям вернулся, плача.
Тут спросил отец сыночка,
Мать допытываться стала:
— Ты о чем, сыночек, плачешь,
Ты о чем весной тоскуешь?
— Горько я, отец мой, плачу,
Я, родимая, тоскую!
Утром встал я спозаранку,
Погулять пошел по свету.
Что в ольховнике нашел я,
Что в березнике я встретил?
Встретил четырех красавиц.
Повитель они щипали,
Выкорчевывали корни,
Торф носили из болота.

Льноголовы, чернобровы,
Белолицы и румяны.
Не посмел я их окликнуть,
Их обнять не стало духу.
Я домой пошел, тоскуя. —

Тут отец промолвил слово:
— Не печалься, мой сыночек!
Срезать лук тебе велю я,
Стрелы длинные наладить. —

Сын в ответ ему промолвил:
— Ох ты, батюшка родимый!
Лук сгибать какая польза?
Что за радость ладить стрелы?
Золотой мне нужен выкуп,
Серебра ты мне пожалуй —
Оплатить товар бесценный!
Я из города привез бы
Колец, лент, платков без счета
Да шелков прилавков целый, —
Заманил бы я красавиц! —

Взялся я коня лелеять,
Стал я холить верхового,
Нарядил его, украсил,
Серебром всего обвешал,
Золотой взнуздал уздечкой,
Бархатом обшил седельце,
Я приехал издалека
Добывать себе невесту,
Прискакал к воротам вашим,
В ваши двери постучался“.

Услыхала песню пряха,
Так в ответ прошебетала:
— Здравствуй, братец деревенский,
Золотой мой паренечек!
В добрый час ты к нам приехал
Добывать себе невесту.
По делам ушел хозяин,
Он воротится не скоро,
Бабка занята блинами —
Для ребят еду готовит,
Младшая сестра — с гусями,
С красноногими, гуляет.
Чистит золото другая,
Серебро перетирает.
Мне лишь, горлинке печальной,

Жаворонку в клетке тесной,
Привелось сидеть за прялкой,
Прясть серебряные нити,
Золотой играть куделью.

Ты послушай, паренечек,
Женишок сладкоголосый,
Окуни свою ты руку
В то ведро, что возле двери,
В то ведро с волшебной влагой,
Что смолы самой чернее:

Мощь в руке твоей проснется,
В кулаке родится сила —
Стены скал ты опрокинешь,
Дверь железную проломишь,
Сокрушишь стальные башни!
Если ж надо сил убавить,
Мощь чрезмерную уменьшить,
Ты губительную руку
Окуни в ведро другое —
В то, что молока белее.
В нем смиряющая влага,
Укротительница силы,
Угасительница мощи,
А не то — разрушишь, сгубишь
Все, к чему ни прикоснешься! —

Калевитян сын любимый
Слову девушки поверил:
Он в ведерко смоляное
Окунул поспешно руку, —
Мощь в руке его проснулась,
Возросла безмерно сила.
Дверь железную литую
Вместе с петлями сорвал он,
С треском на землю обрушил.

Но едва с великим шумом
За порог занес он ногу,
Громыкнул пятой тяжелой, —
Девушка перепугалась,
Прялку бросила проворно,
Упорхнула, словно ветер,
В дальний угол схоронилась.

Перепуганная пряха
Тонким голоском взмолилась:
— Богатырь ты мой могучий,
С быстрым ветром прилетевший!

Отойди, железнорукий,
Не коснись меня и пальцем, —
Поубавь сперва ты силу,
Мощь волшебную уменьши.
Ты губительную руку
Искупай в ведре молочном:
В нем смиряющая влага,
Укротительница силы! —

Калевитян сын бесценный
Рассмеялся, потешаясь
Над девическим испугом,
Про себя же сам подумал:
„Коль рука коснется нежно,
Никакой беды не будет!“

Снова девушка взмолилась
Еле слышным голосочком:
— Стой на месте, милый братец!
Не ступай ни шагу ближе!
Непомерным ты был создан,
Ты от Таары принял силу.
Нынче влага колдовская
Мощь твою взрастила грозно.
Чую я, мой гость желанный:
Ты из Калеева рода,
Отпрыск ветви богатырской!
Сулева ты близкий родич,
Алева ты друг любимый!
А о том могучем роде
Сотни песен я слыхала
В дни, когда еще цвела я
Под присмотром у родимой,
Красовалась в летней роще,
По-за выгоном купавой,
На плетне вилась вьюночком. —

Речи тихие девичьи,
Робкой дружбы увещанья
Безответными остались.
Думы Калеева сына
Подхватил нежданный ветер,
Взвевя их в луга иные.
За порог едва вступивши,
Оглядев избу чужую,
Увидал могучий Калев
На стене, что против двери, —
Ладный меч, оружие мужа.

Три крюка торчало рядом:
На одном — клинок лучился,
На другом — болтался прутик *,
Ветка тоненькая ивы,
А на третьем — чья-то шапка —
Старая, поношенная.

Богатырь Калевипоэг
Зова девушки не слышал,
И на прутик не глядел он,
Не приметил он и шапки.
О мече он только думал,
Созерцал сошник военный —
Тот, что скован был однажды
Дивным мастером подземным
В тайной кузнице глубокой.
Лезвием налюбовавшись,
Так промолвил славный Калев:
— В этой горнице я вижу
То, что снилось мне однажды,
То, чего искал я долго:
По руке мне меч могучий,
Для меня его ковали
В тайной кузнице подземной.
Он заменит мне оружие
То, что в Кяпе утонуло. —

Снова девушка взмолилась:
— Слушай, братик мой любимый,
Золотой мой паренечек!
Ты оставь сошник военный,
Пусть владеет им Рогатый!
Вот тебе волшебный прутик,
Вот и шапка невидимка:
Прут спастись тебе поможет,
Шапка от беды избавит!
Меч достать себе сумеешь:
Мастер выкует оружие,
Сладит умный подмастерье,
А такой бесценной шапки,
Веточки такой волшебной
Не найдешь ты в целом мире.
Скрыто в шапке десять таинств,
Семь у прутика могуществ,
Девять сил у них обоих.
Нет того прута сильнее
В достижении желаний,

В исполнении хотений.
Шапка в подвигах труднейших
Даст тебе совет и помощь! —

Калевитян сын отважный
Так ответил, так промолвил:
— Сам желанного достигну,
Если только захочу я,
Без твоей волшебной шапки
И без ветки чудодейной!
Что мне Тусларовы ветры,
Вражых выползков удары,
Ухищренья злого Тюхи!
Мужа козни не удержат,
Чары ног ему не свяжут:
Мощь с дороги не собьется,
Путь любой осилит сила! —

Пряха, с витязем не споря,
Со стены достала шапку.
Не из войлока та шапка,
Не из волоса иль шерсти, —
Из ногтей ее сваяли *,
Из обрезков их и стружек
Чудодейственно соткали.
Тут красавица пропела
Похвалу волшебной шапке:
„Эта шапка — клад бесценный,
Золота она дороже,
Княжеской казны ценнее
Нет другой такой на свете,
Не найдешь такого чуда
Ты во всем огромном мире!
Все, чего ни пожелаешь, —
Ради блага иль от скуки, —
Шапка все тебе достанет,
Все волшебное исполнит!“

Тут красавица со смехом
Шапку старую надела,
Говоря слова такие:
„Ты расти, расти, подружка!
Подымайся, сероглазка!
Станешь с Калева ты ростом,
Высотой с ним поспоришь!“

Принялась расти подружка,
Стала на локоть повыше,
Поднялась на две сажени,

Ростом с Калевом сравнялась.

Калевитян сын любимый
Рассмеялся: что за диво!
Шапку с девушки сорвал он,
Сам надел ее проворно,
Говоря слова такие:
— Становись пониже, братец!
Уменьшайся, паренечек!
Стань ты на локоть пониже,
На две сажени уменьшись,
Ты согнись, свернись клубочком,
Станешь ты с сестричку ростом! —
Уменьшаться начал Калев,
Стал он на локоть пониже,
Меньше стал на две сажени,
Ростом с девушкой сравнялся,
Стал похожим на сестричку.

Тут красавица проворно
Шапку чудную схватила,
Вновь сама ее надела.
Горячо она желала
Воротить свой прежний облик,
Вровень стать с живым твореньем
Вмиг уменьшилась сестрица
Вновь вошла в свой рост и облик,
Что отмерен был природой.
Калевитян сын любимый
Стал вышучивать подружку,
Так ей молвил напоследок:
— Для тебя, моя сестричка,
Я ребенком малым стану.
Нынче крошечным мальчонкой
Буду по полу кататься,
Как при играх в рюхи чурка,
Как дубовый спелый желудь! —

Только с шапкой чародейной
Не хотел он расставаться, —
Поразмыслил славный Калев:
„Если на головы наши
Рухнет град беды неожиданной,
Тут-то выручит нас шапка,
Богатырские свершая,
Небывалое являя!“

Калев ростом став с мальчонку,
Принялся играть с сестричкой,

Расцвело у них веселье...
Так вдвоем они плясали,
Так по горнице кружились,
Словно вправду были дети,
Словно дом их был кленовый,
Пол — из дерева-ореха,
Двери, окна — из рябины,
Из черемухи — простенки,
Словно сами золотыми
Иль серебряными стали,
Словно стали соловьями,
Запевающими песни, —
Нынче нет таких напевов,
Песни лучшие забыты!

Пряха кликнула сестрицу —
Ту сестрицу, что с гусями,
С красноногими, гуляла.
Позвала сестру другую,
Ту, что золото литое,
Серебро перетирала,
Медь до блеска начищала.
Тотчас обе прибежали
Посмотреть на чужеземца.

Только глянули — сказали:
— Запереть нам надо кухню,
Наложить на дверь щеколду,
Все засовы позадвинуть,
Чтоб не вышла к нам старуха,
Праздник наш не омрачила! —

Наглухо замкнули кухню,
Где блины пекла старуха.
Билась та, как мышь в ловушке, —
Не могла войти к сестрицам,
Омрачить девичий праздник!

Калевитян сын любимый
Веселился беззаботно,
Трем сестрицам обещал он:
— Всех вас выведу отсюда —
Прямо к солнышку навстречу,
Всех избавлю от неволи.
Женихов для вас найду я,
Всем троим я стану сватом:
Пусть одну полюбит Сулев, —
Алев выберет другую,
Третью — мой оруженосец.

Ну, а сам я, паренечек,
Не дорос еще до свадьбы.
Где мне, слабому, жениться!
Надо стать на сажень выше,
Округлиться на два локтя,
Надо силами окрепнуть,
В сердце вырастить отвагу, —
А тогда уж и пускаться
В путь за курочкой домашней!
Нынче, ястреб кривоклювый,
Нынче, резвая кукушка,
Полечу в лесной ольховник,
Полечу в луга родные
Поискать иного счастья! —

Разрезвились молодые,
Было игр у них без счета.
В ворона они играли:
Калев — ворон, сестры — куры,
Злого козлика дразнили,
Перстень прятали-искали,
Тут была игра в соседи,
Тут была игра и в прятки,
Игр иных и не расскажешь,
Не споешь о них и в песне.
Да и песни позабыты:
Нет в уме былых напевов,
Нет в руках бывшего звона,
В сердце сладких заклинаний!

Отзвенят и дни забавы,
Отзвучат и ночи счастья,
Наша молодость завянет,
На щеках погаснет алость, —
Тут конец настанет песням.
Рано ль, поздно ли простятся:
Соловей — со вздохом ночи,
Жаворонок — с трелью утра,
И кукушка — с кукованьем,
И красавица — с весельем.
Если ж после долгой пляски
Да под дудку женихову
У тебя ни слез не будет,
Ни раскаянья, сестрица,
После доброго веселья, —
Вспомним праздник и прославим
Сладкой песней лебединой!

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*Зрелище подземного мира. Первый поединок с Рогатым.
Обратный путь.*

Был бы песенник моложе,
Был бы он таким, как прежде, —
В полном радостном расцвете
Меж весной и жарким летом, —
Дня для песен не хватило б,
Не хватило б зимней ночи,
Распевал бы он неделю,
Две недели куковал бы,
Славя Калевовы игры,
Пляски девушек подземных, —
Пел бы так, чтоб гнулись рощи,
Чтоб, гудя, плясали скалы!

Но певец — петух рассвета,
Вечер дней своих встречая,
Нынче — лебедем осенним —
Взор печальный обращает
К золотому утру счастья —
К дням, когда в ковер веселья
Он вплетал цветы живые,
К дням, когда его любовно
Жизнь-подруга обнимала
И в ответ его томленьям

Сердце милой жарко билось,
К дням, когда всходили травы,
Высоко качель взлетала
И глаза черней смородин
Тайной нежностью сияли.
Разве молодость вернется
С той весной и той любовью?

Пусть же глянут песни-зори.
Солнца зернышки живые,
Вглубь очей моих душевных!
Пусть осветят род могучий,
Чтоб из сумерек он вышел,
Чтоб сверкнул из черной тучи!

Калевитян сын любимый
Хоть не плыл рекой веселья,
Хоть не вел он игр беспечных
На золотых горах высоких, —
Но их пир всю ночь не молкнул,
Радости не прерывались.
За веселою игрою
Удалому не до скуки.
Нескончаемые игры
Гнали сон от глаз девичьих.
„Ах, когда б над ночью счастья
Солнце дольше не вставало!“
Нежноликие вздыхали,
О былой любви тоскуя,
Что шелковую основу
Счастья тайно не доткали.

В кухне старая сидела,
Билась там, как мышь в ловушке,
Не могла войти к сестрицам,
Омрачить девичий праздник...

А наутро с милым гостем
Погулять пошли сестрицы,
Дом показывали гостю —
Горницы и кладовые.
Щеки девушек алели
От забав минувшей ночи,
Пролетевшей в играх счастья.

За порог они ступили —
Под высокий свод из камня,
Шли по каменной дороге —
Шаг, и два, и пять, и десять.

Видят горницу большую,
Все в светлице из железа:
Двери, окна — из железа,
Потолок и пол — железный,
Над железной черной печью
Боров — тоже из железа.
У стены — железный полог,
Стол железный — посредине,
Рядом — стулья из железа
И железные скамейки,
Жерди — тоже из железа *,
И лари с добром железным.

Старшая из трех красавиц
Так поведала-сказала:

— Эту горницу Рогатый
Батракам своим построил.
Здесь рабы его ютятся,
Здесь их мучают, несчастных,
День и ночь, без передышки. —

За порог они ступили,
Под высокий свод железный,
По железной шли дороге —
Шаг, и два, и пять, и десять.
Видят горницу другую,
Все в той горнице — из меди:
Бревна отлиты из красной,
Перекладины — из белой.
Окна — медные и двери,
Потолок и пол — из меди,
Над блестящей медной печью
Каменка из черной меди,
У простенка — медный полог,
Медный стол посредине.
Все — из меди: лавки, стулья,
Жерди длинные из меди,
И лари с добром из меди.

Старшая из трех красавиц
Так поведала-сказала:

— Эту горницу Рогатый
Для рабынь своих построил,
Здесь живут его батрачки,
Здесь их мучают, несчастных,
День и ночь, без передышки. —

За порог они ступили,
Под высокий свод из меди,

Шли они дорогой медной —
Шаг, и два, и пять, и десять
В третью горницу вступили.
Все из серебра в светлице:
Серебром лучатся стены,
Дверь — из серебра литого,
Пол серебряный сверкает,
Над серебряною печью
Серебром горящий купол,
Серебрится пышный полог,
Стол — серебряный в светлице.
Все — серебряное: стулья,
И серебряные жерди,
И серебряные лавки,
И лари с добром блестящим.

Средняя из трех красавиц
Так поведала-сказала:

— Здесь Рогатый обитает,
Здесь живет хозяин в будни,
Каждый день сюда приходит
С сердца сбрасывать заботы,
Исцелять усталость тела. —

За порог они ступили —
Под серебряные своды,
Шли серебряной дорогой —
Шаг, и два, и пять, и десять,
И вошли в покой четвертый.
Вся светлица — золотая:
Бревна — золотом лучатся,
Двери, окна — золотые,
Пол — из золотого теса,
Печь — из слитка золотого,
Купол — золотом сверкает,
Золотится пышный полог,
Стол — из золота в светлице,
Рядом — стулья золотые.
Все — из золота: скамейки,
И высокие полати,
И богатая посуда,
И лари с добром червонным.

Средняя из трех красавиц
Так поведала-сказала:

— Здесь Рогатый обитает,
Здесь по праздникам живет он.

Это — горница веселья,
Здесь — забавы золотые,
Здесь — счастливейшее время
Он по праздникам проводит.
Эту горницу вчера я
Целый день мела и мыла,
Золото я протирала,
Чтоб огнем оно пылало. —

За порог они ступили,
За ворота золотые —
Под высокий свод горящий —
Золотой пошли дорогой —
Шаг, и два, и пять, и десять.
Видят пятую светлицу,
Чудо-горенку из шелка.
Вся была она из шелка,
На шнурах она висела,
На пяти столбах сокрытых.
Стены вытканы из шелка,
Двери, окна — шелк блестящий,
Потолок и пол — из шелка.
Все — из шелка; на кроватях
Горы шелковых подушек,
Шелковые покрывала,
На скамьях — чехлы из шелка,
Всюду — шелковые платья,
Пестротканые одежды,
Всюду — шелковые ткани
С шелковых шнуров свисали,
Волны шелковых полотнищ
В сундуках неисчислимых.

Младшая из трех красавиц
Так поведала-сказала

— Это горница нарядов,
Обиталище красавиц
Здесь привольно им рядиться
В праздничные одеянья,
Синим шелком покрываться,
Облекаться в полосатый,
Пеленаться в шелк заморский
С нежнорадужным отливом,
Здесь справляют молодые
Праздник шелка, день девичий. —
За порог они ступили,
Под высокий свод из шелка,

Шли по шелковой дороге —
Шаг, и два, и пять, и десять
Видят горницу шестую,
Вся из бархата светлица.
На шнурах она висела,
На пяти столбах сокрытых
Двери, окна — мягкий бархат,
Бархатные — пол и стены,
Бархатом углы обиты
Всюду бархат на кроватях
Горы бархатных подушек,
Бархатные покрывала,
На широких половицах
Бархатных ковров без счета,
Всюду бархатные ткани
С бархатных шнуров свисают,
Груды бархатных полотнищ
В сундуках неисчислимых,
И полным-полны укладки
Пестрым бархатом заморским.

Младшая из трех красавиц
Так поведала-сказала
— Это — горница нарядов,
Обиталище красавиц.
Здесь привольно им рядиться,
В синий бархат одеваться,
Облекаться в бархат алый.
Здесь справляют молодые
Бархатный девичий праздник
За порог они ступили
Из-под бархатного свода,
Шли по бархатной дороге —
Шаг, и два, и пять, и десять.
Видят горницу седьмую,
Из парчи была светлица:
На шнурах она висела,
На пяти столбах сокрытых.
Стены — из парчи блестящей,
Все — парчовое скаменки,
Половицы, окна, двери,
Из парчи цветной — постели,
Из серебряной — подушки,
Стулья, стол — парчой обиты,
Не сочтешь парчовых платьев,
Серебро парчи свисает

Со шнуров златопарчовых,
Груды блещущих полотнищ
В сундуках неисчислимых:
Тут — и вышивки, и ленты,
И парчовые веночки, —
Не опишешь всех сокровищ!

Младшая из трех красавиц
Так поведала-сказала:
— Это — горница нарядов,
Обиталище красавиц.
Здесь привольно им рядиться,
Одеваться в блеск парчовый,
Здесь справляют молодые
День забав, парчовый праздник —

За порог они ступили —
За парчовые ворота,
Под высокий свод парчовый.
Шли парчовою дорогой —
Шаг, и два, и пять, и десять.
Видят — двор, всем дивам диво:
Ни земли на нем, ни дерна,
Весь он вымошен деньгами,
Всюду талеры сверкают.

Во дворе том семь амбаров —
Семь амбаров чудодейных.
Первый — вырублен из камня,
Из камней железно-черных;
Сбит второй из плит широких —
Из камней молочно-белых,
Третий — из яиц куриных
Возведен непостижимо;
Дивно выстроен четвертый —
Из больших яиц гусиных;
Пятый выстроен из гальки —
Из камней, точенных морем;
На шестой — яиц орлиных
Не жалел строитель мудрый;
А седьмой — чудесно сложен
Из яиц крылатой Сиуру*.

Рожь была в одном амбаре,
Во втором — ячмень отборный,
Был овсом наполнен третий
И пшеницею четвертый,
Солод был в амбаре пятом,
Овощи в шестом амбаре,

А в седьмом — свиное сало,
Впрок для жаренья и варки.

Позади стояли хлевы,
Тучного скота жилища.
Из костей сложили хлевы,
Из костей их скотили.

Калев-сын не глянул даже
На амбары и на хлевы.
Захотел узнать он правду,
Стал пытаться он у красавиц:
Кто могучий тот Рогатый,
Чей он сын, откуда родом?

Старшая из трех сестричек
Так поведала-сказала:

— Кем он порожден волшебю,
Вскормлен матерью какою,
В чьих объятьях он взлелеян,
Кем за пазухой он ношен,
Чьим дыханьем согревался, —
Ничего про то не знаем.
То ли он рожден медведем,
То ли выкормлен волчицей,
С ним играла ли кобыла,
Иль коза его качала, —
Это все лежит под спудом,
Тайны пологом укрыто.

Правит вотчиной Рогатый,
Широки его владенья,
Нет числа его походам,
Быстрым ветровым наездам.
Но от века глаз живого
Не видал его тропинок,
Видим мы, когда уйдет он,
Видим мы, когда вернется,
Но путей его не знаем.
Под землей — его владенья,
В полой глубине подземной.
Семь миров в земных провалах,
Семь краев непостижимых:
То — края теней бесплотных,
Там, во впадинах бездонных,
Села призраков гнездятся,
Там Рогатый управляет
Вымершими племенами,

Как велел великий Таара
На заре живого мира.

Грозно властвует Рогатый
Над подземными краями.
В ноябре на „праздник духов“ *
Отпускает он бесплотных
Навестить дома родные —
Там обняться со своими,
С дорогими повидаться.
Вечеру, под „праздник духов“,
Вылетают роем тени;
Вывавшись из бездн подземных,
Вихрем облачным несутся
На поля свои родные,
Нынче ставшие чужими,
Где они тропами горя
Иль дорогами веселья
Средь живых свой путь свершали
Но в положенное время,
Лишь наступит час урочный,
Надлежит гостям бесплотным
Возвращаться в царство теней,
В край, где призраки гнездятся. —

Средняя из трех сестричек
Так поведала-сказала:

— Замыкает их Рогатый
В тайных горницах подземных.
Там рабов своих злосчастных,
Там батрачек подневольных
Заставляет он работать,
Барщину справлять бессменно,
Спину гнуть в избе железной,
В медной горнице трудиться.
Слабых бьет железной палкой,
Бьет усталых медной палкой.

А в серебряных покаях
Сам Рогатый обитает,
Там ему — приют и отдых,
Ложь — для спины усталой.
День-другой он там проводит
Вместе со своей старухой,
Воротясь из долгих странствий,
Утомившись от похода.
Там, в серебряной парильне,

Холит муженька старуха,
Парит, веником стегает.

Ну, а в праздничное время.
В дни богатых, долгих пиршеств
Замывается Рогатый
Со своей родней, с друзьями
В золотой избе подземной, —
Там неистовствует пиво,
Буйный хмель рычит и воет.
С ним свояк пирует Тюхи,
Тетка — злая сука ада,
Бабка — белая кобыла.

Нынче вечером вернется
Наш хозяин из наезда.
Ненадолго он уходит
На урочища земные,
Где пылает солнце в полдень,
Ночью светит тихий месяц,
Кажут звезды путь-дорогу.
На земле дела исполнив,
Воротившись в мир подземный,
В тайный край теней бесплотных,
Здесь неделями живет он,
Здесь пирует месяцами. —

Младшая из трех сестричек
Так поведала-сказала:
— Если б ты, могучий витязь,
На глаза ему попался,
Стал бы ты добычей смерти.
Кто вошел сюда однажды,
За порог поставил ногу,
Тот погибели достался:
Нет ему возврата к солнцу,
Нет пути к луне и звездам.

Мы, злосчастные сиротки,
Три красавицы-сестрицы,
В нежном возрасте девичьем
В рабство адское попали.
Подхватил нас ливень горя,
Нищеты суровый ветер,
Принесли нас издалека —
Через тысячу урочищ,
Из широкого земного,
Из пленительного мира
В эти призрачные села,

В этот край бессменной муки.
Прежде, княжеские дочки,
У околицы родимой
Мы цвели — нежней купавы.
Нынче, бедные батрачки,
Безответные рабыни,
Гнемся под железной палкой
У хозяина — в неволе,
У жены — на побегушках.
Все работы отправляем,
Что старуха налагает.

Пусть валится снег каленый,
Град железный сыплет с неба,
Ливень спицами сверкает, —
Собирайся в путь, рабыня,
Сирота, беги послушно
Исполнять приказ господский, —
Куличок, вставай с рассветом,
До ночи кружись, касатка!

Нам дарован волей Таары
Праздник молодости вечной,
Век весенний и счастливый.
Наш румянец не угаснет,
До поры покамест случай
Не раскроет наш стручочек,
Наши зернышки для жизни. —

Старшая из трех красавиц
Так поведала-сказала:

— Для чего нам наша юность,
Праздник молодости вечной,
На щеках весенних алость,
Сладость ягодки душистой —
Нераскрывшийся стручочек,
Если нас никто не кликнет,
Не согреет нас любовью?
Кто бы курочек засватал,
Пташек выкупил из плена?
Кто б избавил быстроногих
От неволи, от печали?
Нас и ветер не приветит,
Не обнимет нежный воздух
Нас, покинутых сироток! —

Калевитян сын любимый
Так ответил, так промолвил:

— Вы, красавицы-сестрички,
Льноголовые подружки,
Не грустите, не печальтесь,
Не тоскуйте, золотые!
Сердце вянет от печали,
А от слез поблекнут щеки.
Вызволю я вас из плена,
Из силков я выну птичек,
Курочек пушу на волю.
Я спасу вас, золотые,
От Рогатого избавлю,
От докучливой старухи,
От злосчастной рабской доли!
Вынесу я вас на землю —
Под сверкающее солнце,
Под прекрасный тихий месяц,
Под смеющиеся звезды!
Не печальтесь, молодые,
Льноголовые, не плачьте!
Богатырь Калевипоэт
Силой наделен довольно!
Пусть-ка выйдет мне навстречу
Всех приспешников Рогатый, —
Я с проклятыми расправлюсь,
Усмирю его старуху,
Пташек вызволю из плена! —

Старшая из трех сестричек
Так поведала-сказала:
— Калевитян сын любимый,
Победителей потомок,
Отпрыск ветви богатырской!
Если вызволить нас хочешь,
Вывести курочек из плена,
Из силков забрать тетерок,
Из тенет спасти синичек, —
Ты возьми волшебный прутик,
Шапку вещую надень ты,
А не то — и сам погибнешь,
Да и нам ты не поможешь!
Здесь твоя бессильна сила,
Здесь конец мужской отваге,
Светлой мощи человечьей.
У Рогатого есть войско,
Есть невидимые слуги,
Без числа подручных тайных,

Злых помощников без счета:
Слуги Тусларова ветра,
Слуги вод и знахарь соли...
Слуги трав заговоренных,
Тех, кто связывает волю,
Тех, что разум усыпляют,
Гасят силу человека! —

Славный муж Калевипоэг
Над сестричками смеялся,
Он вышучивал красавиц.
Молвил он слова такие,
Песню выпустил на волю:
— Вы, красавицы-сестрички,
Льноголовые подружки!
Если б видеть вам случилось
Молодецкий бой с врагами,
Праздник доблести, отваги,
Испытание сильнейших, —
Вот тогда бы вы и знали,
Что свершить способен витязь
С недругом на поле брани.
Мне Рогатый ваш не страшен!
Сотня слуг мне — не помеха!
Что мне тысяча подручных!
Этой дланью богатырской
Одолею я злого Тюхи, —
Нынче справлюсь и с Рогатым! —

Средняя из трех сестричек
Молвила слова такие:
— Удалой Калевипоэг,
Славный отпрыск богатырский!
Если ты, мольбам не внемля,
Наставления отвергнув,
Безрассудно устремись
На погибельное дело, —
Пусть вины на нас не будет,
Пусть не нас зовут к ответу
За пролитие братской крови,
За губительство-злодейство!

Лишь одно еще скажу я,
Об одном еще молю я, —
Дальше быть тому, что будет!
Если хочешь без вреда ты
Выйти вновь на свет из ада,
Я молю: спеши, мой Калев!

Уходи скорей отсюда,
Выйди на иные тропы!
Коль придет сюда Рогатый,
Вмиг закроется пещера
И завалятся ворота, —
Нет тогда тебе спасенья!
Неминуема гибель!
Шапку дивную надень ты,
Попроси у этой шапки
Вынести наземь нас с тобою,
Прежде, чем веселье минет,
Прежде, чем погаснет счастье! —

Калевитян сын любимый
Усмехнулся, потешаясь
Над девической боязью,
Над тетеркиным испугом.
Думал: „Пусть силен Рогатый,
Все ж сильнейший одолеет!
Опрокину я ворота,
А не то — скалу подрою,
Пробурю себе я выход,
Выберусь ползком отсюда!“

Опечалились сестрички,
Что спасти не могут брата,
Пособить ему не в силах.
Отошли они в сторонку,
Поразмыслили-смекнули:
„Коль не лаской, не советом,
Другу хитростью поможем!“

У кровати, в полой тумбе,
Зелья тайные хранились,
Заготовил их Рогатый
Для защиты от несчастий,
Одинаковых две склянки:
В каждой зелье цвета пива,
Обе зельем одноцветным
Налиты до половины.
Но могуществом и родом
Были зелья те различны —
Так, как день различен с ночью:
Зелье первое — воловье —
Для наращиванья силы;
Зелье голода — второе —
Для растрачиванья силы.
Справа скляница стояла —

Порождающая силу;
Слева скляница стояла —
Убивающая силу.

Старшая из трех красавиц
Подошла к кроватной тумбе,
К тайным склянкам прикоснулась,
Переставила сосуды:
Силу влево отодвинув,
Слабость выдвинула вправо:
Злую мощь хлебнет Рогатый,
А проглотит злую немощь!
Прут взяла сестра другая,
Вещий прут — мостов строитель.

Вдруг, едва успели сестры
Дело тайное закончить,
Глухо грянул дальний топот,
Своды грохотом наполнил.
В страхе старшая метнулась,
Сникла средняя в испуге,
Младшенькая побелела,
Молвила слова такие:
— Богатырь Калевипоэг!
Лев запутался в тенетах,
Зашемлен медведь в колоде,
Паренек попал в ловушку!
Приближается Рогатый,
Он подкатывает к дому.
Вот уж он летит к пещере,
У жерла шаги топочут,
Гролом сотрясая своды.
Вот захлопнулись ворота —
Нет путей тебе отсюда.
Положись теперь на силу,
Мощь железную испробуй! —

Словно лошади без счета
Вскачь неслись мостом гранитным.
Словно мельничной дорогой
Пролетал обоз железный,
Словно Кыуэ тяжкий топот
Ударялся в грудь земную, —
Так вверху шагал Рогатый,
Сотрясая свод пещеры.
Богатырь Калевипоэг
У стены стоял, как вкопан.
Он стоял, как дуб под бурей,

Как скала средь волн прибоя,
Как гора под градом камня,
Словно башня против ветра.

Вот шаги гудят за дверью,
Подступают гулким громом,
Вот кулак тяжелый грянул,
Сбив железные засовы,
Вот под яростным ударом
Дверь шатнулась и упала:
За порог ступил хозяин.

Шаг шагнул — и стал на месте.
Оком в Калева уставясь:
Что за ястреб у тетерок?
Что за волк в овечьей стае?

Молча девушки дрожали,
Побелели все от страха.
Калевитян сын отважный,
С чудо-шапкою подмышкой,
У стены стоял тихонько,
Сам он ростом был с сестричек.
Петушок под стать тетеркам.

Насмехаться стал Рогатый,
Так промолвил он, злословя:
— Как забрел ты в клетку, братик?
Как в силок попался, птенчик?
Кто тебя, мой паренечек,
Заманил медовым словом?
Здесь мертвела смелость смелых,
Угасала сила сильных,
Часто голова шальная
Здесь слетала с дерзкой шеи.
Не надейся на спасенье, —
Нет пути тебе под солнцем! —

Калевитян сын могучий
Слово мудрое промолвил:
— Ветер не горазд в работе,
Буря — воин неразумный.
Слов шальные перепалки,
Препирательства пустые,
Диких челюстей рычанье —
Это войны слабосильных,
Старых баб, собачьей своры.
Болтовня нас не утешит,
Брань души не успокоит,
Ругань злобы не угасит.

Наш язык — лихой затравщик,
Слово — начинатель ссоры.
Лучше — выйдем-ка наружу,
Будем биться мы друг с другом.
Потягаемся мы силой.
Власть достанется победе:
Кто сильнее, пусть тот и судит! —
Отвечал ему Рогатый:
— Будь по-твоему, пришелец!
Поединок мне по нраву. —

Он шагнул к кровати тумбе.
Взял оттуда склянку силы, —
Про обман не знал он, — думал,
Что стоит на месте склянка,
Зелье опрокинул в глотку,
Все до капельки он выпил.

Калевитян сын любимый
С чудо-шапкой не расстался,
На груди ее он спрятал,
Про себя же сам подумал:
„Коль зажмет меня теснина,
Коль почую: гаснут силы, —
Нарастит их чудо-шапка.
Волшебством своим мгновенным
Прежний рост вернет мне снова!“

Приготовившись к сражению.
Поднялись во двор широкий.

Крикнул девушке Рогатын:
— Ну-ка, старшая сестрица,
Сбегай в горницу живее!
Отомкни сундук железный,
Принеси нам цепь двойную:
Этой цепью победитель
Побежденного обкрутит. —

Вмиг исполнила сестрица,
Что хозяин приказал ей.
По двору бойцы шагали,
Отмеряли место боя,
Обозначили границы,
Вбили вехи у закраин,
Чтоб свершилось все, как должно
Без помехи и обмана.

Тут сошлись они, схватились,
Взяли за пояс друг друга.

Во врага вцепился каждый.
Кто кого на землю свалит?

Нет, подобного сраженья
Годы древние не помнят!
Глаз живущего от века
Не видал грознейшей битвы!
Словно бешеное море
В час, когда крылатый ветер
Волны вскидывает к небу,
Исступленно их качает,
Иль взбухает черной пылью,
С ревом сбрасывает крыши, —
Так земля волной вздымалась,
Пол качался в преисподней
Под могучими пятами,
Стены ада колыхнулись,
Балки с грохотом шатнулись,
Потолок перекосялся,
Накренился свод подземный

Неослабно длилась схватка
Меж могучими бойцами.

Не узнал бы и всеведец,
И вещун не предсказал бы,
Кто в той схватке одолеет,
Кто врага обкрутит цепью.

В миг короткой передышки
Калев-сын надел проворно
Чудодейственную шапку,
Исполнительницу воли:
Вырастать велел он телу,
В высоту тянуться грозно,
Набухать железной силой.

Стал расти Калевипоэг,
В высоту тянуться грозно,
Набухать железной силой:
Вырос он — огромней дуба,
Он поднялся — выше ели.
Тут Рогатого схватил он,
Сжал бока ему ногтями.
Он встряхнул его, рванувши,
Дернул вверх, приподнимая,
Вскинул, как пучок соломы.
С высоты многосаженной
Он Рогатого обрушил,
Вбил его стоймя он в землю,

Словно колышек сосновый.
Пятками увяз Рогатый,
Провалился по колени,
Погрузился он до бедер
В битый камень, в мелкий гравий, —
Так вошел глубоко в землю,
Что не мог и шелохнуться.

Калевитян сын отважный
Стал готовить цепь двойную,
Стал он ладить цепь неволи,
Чтоб та цепь, по уговору,
Побежденного сковала.

Но едва могучий Калев
Забряцал железной цепью, —
Стал Рогатый уменьшаться,
Убавляться стал он в росте.
Он склонился на две пяди,
На два локтя опустился,
Опускался он все ниже,
Неприметно растворился,
Словно сгинул он в болоте,
Словно канул в пыль земную.
И следов его не видно, —
Только лужица синееет
Да дымок над ней курится.

Калевитян сын отважный
Так промолвил, насмехаясь:
— Ну, кому б могло присниться
Диво-дивное такое?
Улизнул хозяин ада,
В норку спрятался, трусливый,
Как птенец — в густой ольховник,
Как скворец — в кустарник частый,
Как змееныш — в мох глубокий,
Чуть вспугнет их треск иль шорох.
Доберусь я, будет время,
До подземных нор глубоких,
Я Рогатого поймаю,
Обкручу железной цепью,
Уж ему свяжу я ноги,
Чтоб не мог он шелохнуться,
Чтоб не сдвинулся он с места.
Нынче все как есть исполню,
Что сестрицам обещал я:
Всех избавлю от неволи,

Всех я вынесу отсюда —
Прямо к солнышку навстречу,
Уведу на луг веселый, —
Пусть при месяце резвятся,
Пусть под звездами играют! —

Калевитян сын любимый
Снял с крюка сошник военный,
Меч он к поясу привесил,
Золотую взял добычу:
Бочку талеров старинных
Ссыпал он в мешки пустые,
Было тех мешков с десяток, —
Ношу на спину взвалил он,
Взял он на руки красавиц,
Трех тетерочек домашних.
Тут надел он чудо-шапку,
Говоря слова такие:

— Уноси нас, чудо-шапка,
Выноси к жерлу пещеры,
Где свалил я гору досок,
Кладь тесовую оставил! —

В тот же миг увидел Калев,
Что стоит он у пещеры,
Где котел кипел когда-то.
Но котла — как не бывало,
Поваров — следа не сыщешь;
Лишь в костре полупогасшем
Угольки еще краснели.

Богатырь Калевипоэг
Дунул в тлеющие угли,
Огонек раздул он в пламя,
Бросил в пламя чудо-шапку,
Чтоб в огне она исчезла,
Чтоб рассыпалась золою.

Три сестрицы зарыдали,
Сожалея, говорили:
— Почему ты, витязь Калев,
Чудо-шапку уничтожил?
В мире вновь такой не будет
И в аду второй не свяжут!
Сколько же напрасно сгибло
Пожеланий и стремлений!
Не помочь слезами горю! —

Калевитян сын любимый
Слово мудрое промолвил:

— Вы не сетуйте, сестрицы!
Вы не плачьте, золотые!
Отошла пора печали,
Время слез навек минуло.
В летних шелковых одеждах
Блещет мир необозримый,
Милого зовет кукушка,
Кличут ласточки друг друга,
Конь по всаднику томится,
Солнце, свет благословенный,
То смежает вам ресницы,
То в глазах у вас мелькает,
Роща искрится листвою,
Мурава — ковер блестящий.

Вы, красавицы-сестрицы,
Льноголовые вы птички!
Вы вплетите ленты в косы,
Приоденьтесь понарядней —
В синешелковые платья,
В златотканые набойки.
К женихам я вас отправлю,
Проведу по ста тропинкам,
Пусть всю глазеют парни
На цветистые одежды
Да на розовые щеки.
Женихов вы полоните
Златоткаными шелками,
Сладко-алыми щеками,
Нежной выпуклостью груди
В круглых пряжках драгоценных
Коль одну полюбит Сулев,
Алев выберет другую,
Третью — мой оруженосец, —
Быть в родстве вам, золотые.
С родом Калева могучим!

Отошла пора печали,
Время слез навек минуло,
Наступают годы счастья,
Дни пиров неомраченных! —
Молвив так, легко он вскинул
Кладь тесовую на плечи,
На нее мешки взвалил он —
Словно гору золотую,
Трех сестричек — трех красавиц --
Посадил поверх поклажи, —

Те кудахтали оттуда,
Словно курочки с насеста.

Взяли девушки в дорогу
Из своих подземных горниц
Вдоволь бархата и шелка,
Платьев праздничных без счета.
Младшая из трех сестричек
Утаила прут волшебный,
Чудо-прут — мостов строитель.

Калевитян сын могучий
Нес легко свою поклажу, —
Так отмахивал он версты,
Что с подошв летели искры.

Птички весело свистали,
Три тетерки распевали:
„В дальний путь летим, сестрички,
Счастье кличем-зазываем!
Лето близится, подружки,
Дни любви наступят скоро,
Красота нам улыбнется.
А когда настанет осень,
А когда луга завянут, —
Из незнаемого края,
Из далекого селенья,
Из неведомого дома
К нам придут-приедут сваты,
Нас, молоденьких, утешат,
Увезут нас, трех сестричек,
Увезут навстречу счастью!“

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

*Бесы преследуют Калевипоэга. Олев-зодчий.
Судьба девушек, освобожденных витязем.*

Если б села разумели *,
Если б слышали поместья,
Если б волости узнали,
Что за песни мы сложили, —
Дети малые пошли бы
Поклониться черным людям,
Умолять попов суровых,
Чтоб они явили милость:
Чтоб певец, петух рассвета,
Возвеститель дней счастливых,
Отдохнул от их гонений,
Нет спасенья песнопевцу
От церковных черных галок,
Ястреба его терзают,
Щиплют жадные вороны,
Заклевать живьем грозятся —
Прежде, чем дитя родится,
Выйдет солнышку навстречу,
На лужайки золотые.

Это — песенки пастушьи,
Прибауточки батрачьи,

Подневольной девы пенье,
Старых прях воспоминанья.
Родились они свободно
Не по хитрому почину,
Не по княжьему приказу!
Это — детские забавы,
Это — детские печали,
Хороводы луговые,
Это — встречи зорь весенних,
С ночью летней расставанье.

Славный муж Калевипоэг,
Если бы ты знал и ведал,
Что тебя несчастье свяжет,
Ноги закует в железы, —
Из утробы материнской
Ты на свет бы не рождался,
Подойти б к воде боялся.

Если утром, песнопевец,
Вышел ты в долину воли,
То назад не делай шагу,
Не сверни с дороги песен.
Псы певца не испугают,
Не загонят в лес печалей.
Лает Муста на поляне,
В стаде — лютая овчарка,
А в деревне — Тукс дворовый.
Злобным лстыть поэт не станет,
Зависти не утрашится.

Выйдем мы в долины песен —
На твои нагорья, Калев,
На твои поляны, Алев,
На твои болота, Сулев,
На зеленый луг девичий,
Собирать цветы веселья!

Богатырь Калевипоэг
Ста шагов еще не сделал,
Тысячи не отшагал он,
Торопясь к родному дому,
А уж дьявольские силы
Кинулись за ним вдогонку,
Удержать его хотели,
Ноги чарами опутать.
Это — сам коварный Тюхи,

Прихватив подручных тайных,
Вслед за Калевом пустился
За Рогатого сквитаться,
За беду, за поношение
Отомстить тысячекратно.

Младшая из трех сестричек
Оглядела стаю вражью,
Прутиком тотчас взмахнула,
Говоря слова такие:
— Ты взметнись, чудесный прутик,
Ты мою исполни волю!
Преврати ты землю в море,
Где луга, — пусть будут волны,
Где кустарники, — буруны!
Впереди — построй мосточек,
Позади — хлестни водицей!
Мост — для мужа, что шагает
С золотой богатой кладью,
А вода — для злого Тюхи,
Для его подручных тайных! —

Как сказала, так и случилось,
Все исполнил вещий прутик:
Залилась долина морем,
Покатились в ней потоки,
Волны грозно закачались.
А под Калевовы ноги
Мост негнувшийся ложился,
Нес он путника над морем.
Впереди — тянулся мостик,
Позади — вода вздымалась,
Высоко вскипала пена,
Путь нечистым преграждая.
На высоком бережочке
Вражьи выползки толпились,
Словно куры на насесте.
Видели они: уносит
Ястребок в когтях добычу,
Да силенок не хватало
Удержать его за крылья!

На невиданное диво
Племя адское дивилось:
„Кто в долину вылил море?
На траве — откуда волны?“
Тюхи спрашивать пустился,
Стал выпытывать у мужа:

— Дорогой Калевипоэг,
Золотой мой паренечек!
Неужели утащил ты
Наших курочек домашних,
Взял тетерочек из дома? —

Оглянулся славный Калев,
Так он молвил, насмехаясь:
— Да уж, видно, утащил я
Ваших курочек домашних,
Взял тетерочек из дома,
Из избы унес сироток,
Вынес девушек на землю,
Синеглазых на тропинку —
К сватам, к женихам навстречу! —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал выпытывать он снова:
— Славный муж Калевипоэг,
Золотой мой паренечек:
Неужели победил ты
Свояка в бою жестоком, —
Словно кол, его поставил,
Врыл стоймя в песок сыпучий? —

Отвечал Калевипоэг,
Так он молвил, насмехаясь:
— Да уж, видно, победил я
Свояка в бою жестоком, —
Словно кол, его поставил,
Врыл стоймя в песок сыпучий.
Коль костей не поломал он,
Уж не я за то в ответе! —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал допытываться снова:
— Калевитян сын любимый,
Золотой мой паренечек:
Неужель, скажи, ты запер
Бабку-блинщицу в подполье,
Словно мышь загнал в ловушку,
Как в мучном ларе захлопнул?

Так ответил славный Калев,
Так промолвил, насмехаясь:
— Да уж, видно, что я запер
Бабку-блинщицу в подполье,
Словно мышь загнал в ловушку,
Как в мучном ларе захлопнул,
В темноте лежать оставил.

И сейчас там спит старуха,
Коль блоха не разбудила! —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал допытываться снова:
— Дорогой Калевипоэг,
Золотой мой паренечек:
Неужели меч унес ты,
Снял с крюка сошник военный,
Меч Рогатого украл ты? —

Так ответил славный Калев,
Так он молвил, насмехаясь:
— Да, и меч я взял, как видишь,
Снял с крюка сошник военный,
Со стены оружие брани,
Меч Рогатого унес я!
Крюк — оружием не опора,
На стене ему — не место,
Создается меч — для мужа:
Плохо мужу без оружия,
Плохо и мечу без мужа! —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал выпытывать он снова:
— Милый мой Калевипоэг,
Золотой мой паренечек,
Неужели взял ты шапку,
Что висела над кроватью?
Неужель ты чудо-шапку
У Рогатого похитил? —

Отвечал Калевипоэг,
Так промолвил, насмехаясь:
— Да уж, видно, взял я шапку,
Что висела над кроватью,
Чудодейственную шапку
У Рогатого забрал я.
Ваше дьявольское племя
Впредь носить ее не будет:
Шапка дивная сгорела,
В черный уголь обратилась,
Разлетелась белым пеплом. —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал выпытывать он снова:
— Дорогой Калевипоэг,
Золотой мой паренечек,
Неужели побывал ты
В золотой избе подземной,

Взял ты золото оттуда,
Вынес талеров без счета,
Выгреб мелкую монету,
Даже медь — и ту забрал ты? —

Так ответил славный Калев,
Так промолвил, насмехаясь:
— Да уж, видно, побывал я
В золотой избе подземной.

Взял я золота оттуда,
Горстку талеров я вынес.
Мелких денег я не трогал,
Серебра у вас не брал я,
Не коснулся вашей меди.
Ну, а золота черпнул я,
Ссыпал талеров две бочки.
Кладь я вынес небольшую:
Для коней — возов на десять,
Для быков — подвод на двадцать
Воз я взял казны старинной,
Шесть мешков унес червонцев! —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал расспрашивать о деле:
— Золотой Калевипоэг,
Не унес ли ты украдкой
Прут Рогатого волшебный? —

Услыхал Калевипоэг
И ответил усмехаясь:
— Да уж, видно, захватила
Девушка волшебный прутик,
Унесла, видать, с собою
Черноглазая сестрица!
Мне бы силы не хватило
Унести ваш чудо-прутик!.. —

Тюхи спрашивать пустился,
Стал расспрашивать подробно:
— Дорогой Калевипоэг,
Молви правду, милый братец, —
Нашим курочкам домашним
Ты вреда не причинил ли,
Ты им порчи не наделал,
Зла какого не содеял?

Услыхал Калевипоэг,
Так промолвил, усмехаясь:
— Может быть, отвечу, братец!
Расскажу потом, при встрече,

Как я в горнице подземной
С курочками забавлялся,
Что я делал с ними втайне
Что, на счастье, им оставил!..

Молвил Тюхи напоследок,
Стал выпытывать у мужа:
— Ты скажи, Калевипоэг,
Золотой мой паренечек!
Не придешь ли к нам ты снова —
Ссору новую затеять? —

Поразмыслил славный Калев,
Так он молвил, так ответил:
— Не выпытывай, браточек!
Не дано мне знать заране,
Что со мною будет завтра
И какой подует ветер.
Если деньги порастрачу,
К вам наведуясь я снова —
В золотой избе порыться,
Бочку талеров отсыпать.
Уж тогда и с новым долгом,
И со старым расквитаюсь! —

Тут, с подручными своими,
Наутек пустился Тюхи,
Убегал он так проворно,
Словно угли нес в кармане,
Овод жалил под рубахой.

Тут с дороги трех красавиц,
С девичьей тропы веселой
Сына Калева я кликну,
Я шаги его направляю
К выгонам других селений,
К бороздам других запашек,
К колеям других урочищ.
Должен я просить прощенья:
Песни часть умчалась с ветром,
Канула другая в воду.

С миром солнышко прощалось,
Окунув верхи деревьев
В золотой багрец вечерний.
Вот за пазухой у зорьки
Свечечка его погасла.

Богатырь Калевипоэг
Отшагал большие версты,

Нынче много он трудился,
Испытал немало горя, —
Оттого и кладь давила
На спину ему грузнее,
Тяжко плечи натрудила.
Наземь ношу опустил он,
Золото свалил в кустарник,
Сел на травку луговую.
Отломил краюшку хлеба,
Чтоб усталость миновала,
Чтоб скорей воскресла сила.
Ложа он себе не ладил, —
Где сидел, там и улегся:
Лег он прямо на муравке,
Голову склонив на камень.
Отдохнуть ему хотелось,
Спину поразмять и ноги,
Думы тяжкие ночные
Облегчить росой прохладной.

Получил он нынче вести,
Много спешных донесений,
Брата Алева посланье
Все тревоги оправдало:
Той порой, как славный Калев
Семь недель лежал на ложе,
Оплетен веревкой дремы,
Сном злосчастным околдован, —
Той порой война гремела,
Злобы черная телега
Пролетала через Виру,
Грохотала в Алутага,
Кровь и смерть неся повсюду.
Тяжко шесть вестей печальных,
Семь тревожных донесений
Засыпавшего томили.
Тщетно силилась усталость
Дремным пологом задержать
Зерна глаз его раскрытых.
Наконец, дыханье ночи,
Вся холодом росистым,
Сладким сном его сковало.

Не успел усталый витязь
На земле пристроить спину,
Как вода коснулась бока,

Бедра спящему смочила.
Тихо подступала влага:
Вот подобралась и к шее,
Щеку тронула легонько.
Но не мог полужаснувший,
Тяжкой дремой отуманен,
Распознать: была ль та влага
Сновиденьем или явью.

Верно, многим приводилось
Постигать обманный призрак
Полусна и полуяви:
При начале сна нередко
Грезы, лживые виденья,
Затуманивают правду.
Легче пробудиться ночью
От глубокого забвенья,
Чем от этой первой дремы.
Долго спал он, крепко спал он,
Рассвело в лесу окрестном.
Загорланил петел утра,
Куточка зари рассветной
Закудахтала с насеста —
Ото сна будила мужа.

Сна веревки пораспутав,
Отломив краюшку хлеба,
Чтобы силы укрепились,
Заспешил в дорогу Калев,
Он собрал свою поклажу.
Вновь поверх тесовой кладки
Уложил он золотую,
Ношу за плечи закинул
И пошел поспешно к дому.

Дом теперь уж недалеко,
Двор родной — не за горами,
Гнездышко — не в темной пуще
Ветерок несет приветы,
Веет радостью и счастьем
Из ольховника родного,
Что с хозяином в разлуке.
Может быть, чужой в воротах
Зорко смотрит, поджидает?
Семиверстные шажочки
Быстро пятка отмеряла,
Под носок легко катилась
И гладка была дорога.

Дальше не было у мужа
Ни задержки, ни помехи.

Славный муж Калевипоэг
С выгона вошел в ворота,
Напрямик пустился к дому.
Кто шаги его опутал,
Заступил ему дорогу?
Вышел гость ему навстречу —
Гость, пришедший издалека.
Шапку снял он в знак привета,
Молвил он слова такие,
Сразу речь повел о деле:
— Ты отколь, Калевипоэг?
Где купил ты столько теса?
Где нашел ты эти доски?
Где росли стволы такие,
Высь ветвями подпирая?
Я б из них построил башни,
Крепостей возвел без счета,
Укрепился б я на суше,
От войны отгородился. —

Поразмыслил славный Калев,
Так он молвил, так ответил:
— Где стояли те деревья,
Где тянулись их кусточки,
Их росточки пробивались,
Семена спадали наземь, —
Там взошла живая роща,
Зашумел большой лесочек,
Вырос легкий лес еловый,
Встал могучий лес дубовый,
Разветвился лес сосновый,
Под топор ложились сосны,
Дуб клонился под секиру,
Ели падали со стоном.
В темных дебрях пели пилы,
Током движимые водным,
Расщепляли, драли бревна,
На лучины их кололи.
Там купил я эти доски,
Притащил домой маленько.
Нет, из них не строят башен, —
Башни строятся из стали.
Крепостей из них не строят,
Строят крепости из камня!

Гость в ответ ему промолвил
— Слушай, брат неоцененный!
Коль добра продать не хочешь,
Об ином уговоримся!
Мастер я — градостроитель,
Возводитель укреплений,
Прочных башен созидатель,
Долго я ходил по свету,
В трех я княжествах скитался,
В четырех лугах девичьих,
На пяти полях безвестных.
Я иду из рощи Таары,
С шумных игрищ всенародных.
Там на праздник беспечальный
Ждали Калеева сына,
Не смыкали глаз и ночью! —

Повели они беседу,
Мастера свели знакомство,
Подмастерья сдружились.
Тут смекнул Калевипоэ:
Видно, счастье так велело,
Указал небесный промысл,
Чтоб пришел умелый зодчий,
Возводитель укреплений,
Прочных башен созидатель, —
Олев-сын, строитель мудрый, —
Сына Калева приветить,
Навестить его по-братски.

Мастера, едва сдружились,
Торг затеяли почетный.
В уговор они вступили,
Обозначили условия:
Никогда вражды не знать им
И не ссориться вовеки.

Олев-сын, строитель мудрый,
Слово дал — построить город,
Возвести его красиво,
Чтоб незыблемо стоял он,
Крепостью несокрушимой.

Богатырь Калевипоэ
Слово дал — доставить камень,
Свежий тес носить из леса,
Бревна круглые для стройки, —
Будь то кряжистые дубы,
Будь то мачтовые сосны,

Будь то ели строевые.
Сверх того еще деньгами
Уплатить он обещался:
Талеры — за труд тяжелый,
Пеннинги — за труд умелый,
Серебро — за остальное.

Стал поститься мудрый Олев,
Приносил он жертвы Уку,
Три зари стоял над камнем —
Три зари и три заката,
Не вкусив ни крошки хлеба,
На разумную работу
Добрых духов призывая.
Грудю щепочек сложил он
И разбил их на две кучки,
Небожителей приветил
Зачинательной молитвой.
Он молил богов мудрейших,
Чтоб породе муравьиной
Верный знак они явили:
Где возвесть дома людские,
Где скоту дворы построить * —
По разумному закону,
По благому изволенью.

Олев-сын, строитель мудрый,
Завершив свое гаданье,
Тайным щепочкам доверясь,
Начал строить город-крепость, —
Ограничил основание,
Заложил помост из бревен,
Камни первые поставил.
Он, углы шнуром отмерив,
Стал вбивать столбы и сваи,
Ставить мощные устои.

Ну-ка, вы, честные мужи,
Ну-ка, сметливые жены,
Удалые паренечки, —
Вы узнайте-разгадайте,
Что там строят, на муравке,
Что за стены там возводят
Средь прохладных елей Виру,
Средь осин звенящих Ляне,
Средь певучих сосен Харью?
Там возводят город счастья,
Строят прочное укрытье,

Погреб каменный копают —
Старикам приют надежный.
Там — богатые покои,
Там — торговые палаты,
Украшают с разумьем,
Разрисовывают нежно.
Пять топориков там рубят,
Сотня пил там звонко пилит,
Тесел тысяча там тешет.

Неустанно витязь Калев
Свежий тес носил для стройки,
За Чудь-озеро ходил он
И дубов валил без счета
В вековой дубраве Таары.
День и ночь таскал он камни:
Скалы с берега морского,
Валуны с лугов широких,
Плиты из каменоломен.

А теперь покинем, братья,
Стройку города большого,
Где для Калева возводят
Княжеский дворец высокий,
Чтоб оттуда мог он править
Необъятною округой,
Мирный суд вершить разумно,
Отражать врагов набеги,
Усмирять пожар усобиц,
Украшать судьбу народа,
Молодых растить на смену!

Пусть поет теперь о новом
Веретенце золотое!
Пусть серебряная прялка
Нити новые свивает!
Мы пойдем в луга девицьи,
На поляны русокудрых
Песни выведать иные,
Вести тайные послушать!

Калевитян сын любимый
К солнцу вынесший из плена
Трех красавиц, трех сестричек,
Сыну Алеву их отдал
Под покров и под защиту.

Молвил Алеву сын Калев:
— Ты возьми, мой брат любимый,

Трех тетерочек домашних,
Уток посади на гнезда —
Пусть охотничков покличут!
Пусть приходит сват из Виру,
Молодец из края Харью,
Парень с выкупом из Ляне! —
Алев-сын скучал без милой.

Словно петушок в корзине, —
Сам он девушку прсватал,
Выбрал младшую сестрицу,
Что гороховым стручком
Во дворе росла тихонько.

Сулев-сын — их близкий родич —
Выбрал старшую сестрицу,
Взял себе вечерним счастьем.
Средняя из трех сестричек,
Подземельная сиротка,
Не прсватана осталась,
Словно горькая вдовица.

Как-то раз гуляли вместе
Три красавицы-сестрицы,
В дубняке они бродили,
Под орешинной сидели.
Стала спрашивать у старшей
Младшая ее сестрица:
— Хорошо ль тебе живется
С муженьком твоим любимым? —

Молвит старшая сестрица:
— Сладко мне живется, сестры,
С муженьком моим любимым,
На груди у дорогого!
В вечеру ложишься хворой,
Поутру встаешь здоровой:
Под кровать недуг свалился,
Хворь рассыпалась в солому.
Сладко мне живется, сестры!
Сплю на золотой кровати,
На подушках золоченых,
В мисках — яства золотые,
Золото — в моих кувшинах,
Золотым ступаю шагом! —

Молвит младшая сестрица,
Говорит слова такие:
— Сладко мне живется, сестры,
С муженьком моим любимым,

На груди у дорогого!
В шелк ложишься, засыпая,
Пробудясь, встаешь из шелка.
Сплю я в шелковой постели,
На подушках шелкотканых,
Сладко мне живется, сестры!
Серебром меня прозвали,
Золотом завеличали.
Я и дальше петь могла бы,
Да слова я растеряла,
Позабыла прибаутки,
Пальцы с кантеле в разладе! —
Что же средняя сестрица?
Вся в слезах, она молчала.
Вслед за сестрами своими
Вышла из дубовой рощи,
Горько сетуя и плача,
Кто тоску ее потушит?
Остудит огонь печали?

В Алутага жил волшебник * —
Заклинатель ветра Туслар.
По пятам его, бывало,
Люди толпами ходили,
Мудрого прося совета,
Чая помощи в несчастье.
Это он, ведун ученый,
Вздумал девушку утешить,
Осушить девичьи слезы.

Заклинатель ветра Туслар
Чудо-хижину построил
Посреди глухой долины.
Рублен крепкий дом из дуба,
На камнях он был поставлен;
Колдовской доской измерен,
Колдовской обрызган солью.
Бревна выгнуты чудесно,
Ладно пригнаны друг к другу.
Из сосны пахучей — балки,
Поперечины — из вяза,
Двери, окна — из рябины,
Из ольхи — доска порога,
А колода — из крушины.
Лавочка в избе — из клена.
Потолок — черемуховый,
А полати — липовые.

Кровли крепкие, стропила
Из ореха вытесаны.
Решетины — из мозжухи,
Дрань на кровле — из березы,
Кровельная связь — из яблонь.
Пол избы — из жженой глины,
Перемешанной с тимьяном,
Пол утопанный ногами,
Ветром выглаженный чисто.

Знахарей сошлось без счета,
Колдунов и наговорщиц,
Окурили дом волшебный,
От беды его заклиали.

Заклинатель ветра Туслар
Не засиживался дома,
Пролетая по округе,
Сына Калева он встретил,
Он приметил трех сестричек,
Что поверх тесовой клади,
Посреди мешков блестящих,
На спине его сидели,
Как тетерки на насесте,
Песню звонкую кудахча.

А потом — подстерегатель,
Хитрый Туслар, соглядатай,
Подглядел, как трех сестричек
Брату Алеву вручили,
Чтоб росли под братним кровом.
Видел он всех трех красавиц,
Трех сироток неразлучных,
Как они в лугах резвятся,
Как под солнышком играют
В шумном девичьем веселье.
Видел он всех трех красавиц,
Трех сироток неразлучных,
Как они порой вечерней,
Забавляясь на качелях,
Запевают песню счастья.
Видел он их — трех красавиц,
Трех сироток неразлучных,
Как они, в объятьях дремы,
Под лучом луны полночной,
Спят на шелковой постели.
Видел он всех трех красавиц,
Трех сироток неразлучных,

Как они росой цветочной
Лица розовые моют,
Кудри шелковые гладят,
Золотым их чешут гребнем.
Подойти к ним не посмел он,
Их обнять не стало духу.
В сети тайных искушений
Он заманивал красавиц,
По пятам за молодыми
День и ночь ходил он тайно.

Как за Калевых братьев
Вышли замуж две сестрицы,
Та, что сиротой осталась,
Тихо в сумерках сидела,
Тосковала у порога,
На луну в слезах глядела,
На ольховник почерневший,
На развеянный березник,
На увядшие листочки,
Что плетут покров червонный,
Заметая след остывший
Убегающего лета.

Две сестрицы золотые
Шли в дома свои с мужьями, —
Каждой — золотые ласки,
У любименькой любимый.
Ту, что сиротой осталась,
Было некому утешить,
Обогреть ее, лаская.
И куда ж ей, одинокой,
Ей, тетерочке забытой,
Бедной уточке отставшей,
Что на край плота уселась,
Положить свою головку,
Ввечеру куда улечься?
На булыжник, возле кочки,
Иль на грудь скалы холодной,
Иль в гнездо сосны высокой,
Иль в объятья красной ивы?
В руки ласковой березы,
Под полу седой осины —
Иль в колючий можжевельник?
Кто печаль ее развеет?
Кто недуг ее излечит?

С кем ей горем поделиться?
С кем порадоваться вместе?
Заклинатель ветра Туслар
Так подумал, так размыслил:
„Знать, и мне приспело счастье
Я любовью завладею!“
Из кустарника он прыгнул,
Словно ястреб на цыпленка,
Крепко девушку схватил он
И зажал ей рот ладонью,
Чтоб не вскрикнула сиротка,
Чтоб не кликнула на помощь.

Поспешил домой с добычей
Поспешил к жилищу Туслар,
На замок ее он запер.
Стал он пленную сиротку
Улещать медовым словом,
Донимать мольбой любовной.

Молодухи разрыдались
Муженькам своим отважным
Рассказали, горько плача,
О беде непоправимой:
Как унес жестокий ястреб
Курочку — в поля иные,
На чужой родник — гусыню,
Уточку — на плот безвестный,
В дали тайные — лебедку.

Свояки не сплеховали:
В тот же вечер следопыта
Легконового послали
За украденной вдгонку.
Паренек три дня скитался,
Птиц выпрашивал окрестных
Все узнал он, все разведal.
А, исполнив порученье,
Зашагал скорее к дому —
Известить своих хозяев.

Сулев-сын друзей сзывает,
Алев-сын берет оружие,
Скачет конная дружина
Против силы чародейской,
Чтоб спасти сестру из плена,
Ворвать из когтей коварных!
Заклинатель ветра Туслар
Гибель скорую почуял,

Слово выкрикнул, — и тут же
Вкруг избы его волшебной
Озеро забушевало.

Оторопь взяла идущих:
Кораблей нигде не сыщешь,
Ни плотов у них, ни лодок.
Как пробраться через волны?

Вышел на берег сын-Алев,
Догадался он с собою
Взять в поход волшебный прутик,
Дивный прут — мостов строитель.
Дивным прутиком взмахнул он,
Вымолвил свое желанье:
„Впереди, мосток, постройся,
Ляг, мосток, под наши ноги!“
В то ж мгновенье мост явился,
На семь верст он протянулся.

По тому мосту шагая,
В битву кинулись два брата,
В терем Туслара ворвались,
Сбили крепкие засовы,
Двери в щепки изрубили,
Заклинателя убили,
Девушку спасли из плена,
А под Тусларову кровлю
Птицу красную пустили.

Пеплом стал красивый терем,
Уцелели только плиты,
Те, что стены подпирали.
Если путнику случится
Там брести осенней ночью, —
Он услышит песню горя,
Долгих жалоб причитанье.
Это стонет мертвый Туслар
О своей погибшей доле
О своем сгоревшем доме, —
Плачет ветром полуночным.

Олев-сын, строитель мудрый,
Услыхав о том, как братья
Девушку спасли из плена,
С той тетерочкой сдружился,
Сам спасенную просватал.

Так, по счастью, по удаче,
Да по доброму совету.

Довелось им — трем сестрицам,
Вызволненным из неволи,
Стать подругами могучих,
Матерями стать отважных,
О которых в оны годы
Родились у нас сказанья,
Что поются в сотнях песен,
В тысячах заветных былей.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Постройка корабля и отплытие. Путешествие
на край света Лапландия и Варрак.*

Богатырь Калевипоэг
Дело славное замыслил,
Стал собираться в путь великий,
Новый подвиг затевая:
Парус к северу направить,
Где лежит граница мира,
Где не езжены дороги,
Где не торены тропинки,
Где высокий купол неба
Прикреплен к земле широкой.
Славный витязь молвил слово,
Песню выпустил на волю:
— Если б я верхом на Сером
Со двора тайком пустился,
Устремился в путь безвестный
По разумной той дороге, —
Проскакал бы я долиной
Сквозь кустарники густые,
Проломился б через горы,
Пролетел бы по ущелью,
День — торфяником бы ехал,

1
Два — сквозь выжженные пуши,
Три еще — сквозь частый вереск,
Да четыре — темным бором,
Я добрался бы до места!
Одолею бы я озера,
Мне помехой — только море.

Опустишь, орел могучий,
Приюти меня на крыльях,
Пронесем мы над морем,
Мы промчимся над волнами,
Чтоб вот этими руками
Край земли я мог ощупать,
Осязать границу мира,
Где высокий купол неба
Сходится с землей широкой,
Где стоят на нижних бревнах,
Сине-шелковые стены,
Где носитель звезд и солнца,
Нивы облачной хозяин,
Утвердил свое подножье,
В землю втиснулся пятами! —

Собираться стал сын Калев
В путь великий, в путь далекий —
В неизведанные страны,
Где не езжены дороги,
Где не торены тропинки.
Тут его окликнул ворон,
Слово вещее прокаркал:
— Обернись ты к синим волнам,
К чаше вод необозримых.
Ты найдешь камыш прибрежный,
Что щетинится мечами, —
Там ногою ты притопни,
В берег грянь стопой тяжелой.
В тот же миг земля раскроет
Потаенный зев глубокий,
Дверь, хранимую от века, —
Там найдешь границу мира! —

Калевитян сын промолвил:
— Мне страшиться не пристало,
Сотню раз я мечен счастьем.
Брод в Чудь-озере нашел я,
По Выртс-озеру шагнул я,
Кайу-озеро измерил*,
Через Западное море

Я прошел с тесовой кладью.
Знаю водные дороги,
Ширину меж берегами,
Рост и силу волн высоких,
Знаю тайные глубины,
Ахти черные могилы *.
Мне Чудь-озеро — по чресла,
Мне Выртс-озеро — по пояс,
Мне Муст-озеро — по брюхо ^,
Кайу-озеро — по шею,
Мне залив — по подбородок,
Мне до рта — большое море,
Ильмъярв-озеро одно лишь
Я ногами не прощупал,
Я могил его не числил,
Глубины его не мерил,
Тайных мест его не знаю. —

В долгих помыслах заветных
Укрепив свое желанье,
Богатырь промолвил слово,
Песню выпустил на волю:
— Если только в путь я двинусь,
Ноги мчаться я заставлю,
Пятки весело катиться, —
До земли дойду Суоми,
Там корабль пушу на север —
За Медведицей небесной.
Где-нибудь уж, верно, встречу
Знающих людей из Турьи,
Родичей из края финнов,
С острова — друзей надежных,
Что укажут мне дорогу,
На следы меня направят. —

Тут он Олева окликнул:
— Ты возьми-ка, братец Олев,
Мудрый наш градостроитель,
Ты возьми топор свой в руки
И сруби мне дуб высокий,
Дуб могучий придорожный,
Урони из туч вершину —
К нам комлем, ветвями — к морю.
Дуб свали большой — для дела,
Старый дуб, что возле дома,
На высоком побережье
Посадил отец когда-то,

Мать любимая взрастила.
Тот дубок, что встал над морем,
Над сыпучими песками,
В небеса ушел вершиной,
Широко раскинул ветви,
Пламя солнца заслоняя,
Мир с луною разлучая,
Ночью звезды затемняя,
Тучам плакать не давая.
Ты сруби-ка, брат мой милый,
Повали тот дуб высокий,
Чтобы солнце нам светило,
Чтобы месяц красовался,
Чтобы тучам сладко плакать,
Снегу вольно расстилаться!

А из дуба ты построишь
Для меня корабль могучий, —
В путь неведомый отправлюсь,
Как велит мне вещий разум.
На суда пойдет вершина,
На лады потолокше сучья,
На челны возьми — потоньше,
Ветви — на рыбацьи лодки,
Щепки — на ребяцьи лодки.

Что останется — оставишь,
Выйдет путного немало:
Из поскребков — город Ярва,
Из подгребков — город Рига,
Из лучинок — город Ляне,
Крепкий тын для края Виру,
Прочный дом для края Харью
В Пылтсамаа — приют надежный.

Что останется, — оставишь,
Ты остатков не истратишь,
Ты поскребков не развеешь,
Подберешь ты все подгребки.
Из подгребков выйдет хата,
Для сироток кров защитный,
Для вдовиц — изба печали.
Там от бурь замкнется Виру,
Пахари от непогоды.

Что останется — оставишь,
Ты остатков не истратишь,
Ты поскребков не развеешь,
Подберешь ты все подгребки:

Выйдет дом для неимущих,
Место сетованья — вдовам,
Тем, чей кров развеял ветер,
Бревна буря разметала,
Хлещут дождь и град сквозь крышу,
Дверь завесили туманы,
Вьюга выбелила стены.

Что останется — оставишь:
Тонких веток не ломай ты,
Не руби волшебных сучьев, —
Выйдет горница веселья,
Выйдет светлый терем песен,
Чтобы девушки плясали,
Чтоб резвились наши дети! —

Ведал Олев, что ответить,
Складно Калеву пропел он:
— Я-то знал бы, что мне делать,
Я бы, братец, не замешкал,
Если бы в округе нашей
Был такой силач умелый,
Что свалил бы дуб могучий! —

Ворон услышал на ели,
Старый ворон им прокаркал:
— Вы ищите человека,
Силача искать идите,
Вы умелого берите,
Чтоб свалил ваш дуб могучий,
Чтоб срубил его под корень!..

И пошли за лесорубом,
Силача искать послали,
Чтоб свалил он дуб могучий,
Межевой тот дуб огромный,
Уронил из туч вершину.

Тут пришли мужи из Турьи,
Старцы из земли Суоми,
Гости дело рассудили,
Слово мудрое сказали:
— Калевитян сын любимый,
Отпрыск ветви богатырской!
Если хочешь ты взаправду
Разыскать границу мира,
Где навек руками Таары
Край небес к земле привязан,
Где прибиты к нижним бревнам

Голубые стены неба,
Ты сверни на крайний север,
Путь держи к звезде Полярной,
Правь к Медведице небесной!

Только помни: если вступишь
Ты на северные тропы, —
Сгубишь свой корабль дубовый,
Деревянную ладейку:
Грозных северных сияний
Переливчатые светы
Подожгут твою ладейку,
Твой корабль оденут в пламя.
Ты построй корабль железный,
Сколоти ладью из жести,
Выкуй ты ладью из стали,
Ты отлей ее из меди! —

Богатырь Калевипоэг
Повелел корабль построить —
Всех богаче, всех прекрасней.
Был он строган не из дуба,
Он точен был не из кости,
Не из меди был он отлит,
Выкован был не из стали.

Калевитян сын любимый
Повелел корабль построить
Весь из серебра литого,
Из серебряного теса,
Из дощечек драгоценных.
Серебро лучится с палуб,
Серебро сверкает в трюме,
На серебряные мачты
Серебро снастей надето.
Тот корабль был назван „Леннук“,
Стали звать его „Летучий“:
По волнам не плыл, — летел он.

Тут надел Калевипоэг
Золотой кольчужный панцырь.
Корабельщикам отважным
Дал он добрые одежды:
В серебро одет начальник,
Люди ратные — в железо,
В медь старейшины седые,
В сталь одеты мореходы,
Чтоб у той границы мира,
У ворот звезды Полярной,

Взмахи северных сияний,
Вихри огненных метелей
Не смогли пронзить железо,
Разорвать стальной кольчуги.

Только начали погрузку,
Стали в трюм спускать припасы,
Дорогой товар несметный, —
Подав знак Калевипоэг,
Всех друзей оповещая,
Клича братьев нареченных,
Созывая всех разумных
На сошествие в походе,
На совет ему и помощь!

Там мудрейшие из мудрых —
Ведуны сошлись, запели,
Песнь удачи затянули:
„Честь — сошествовать в походе,
Честь — давать совет и помощь!“
А непозванным, забытым —
Что им делать? Только плакать,
Запевая песню скорби!

„Тщетно слушали мы, братья,
Тщетно, бедные, мы ждали:
Не возьмут ли нас с собою?
Нет, никто нас не окликнул,
Чести нас не удостоил.
Вот уж едет к морю Сулев,
Вот и Алев едет к морю,
Дан приказ оруженосцу
Собираться в путь-дорогу“.

Калевитян сын любимый
Мореходов отбирает,
Самых сильных, самых смелых,
Самых мудрых выбирает,
Верных спугников сзывает.

И волхвы пришли на берег,
Знахари морского ветра,
Мудрецы седые Маны.
Искупительную жертву
Принесли на камне Уку,
Чтоб в пути была удача.

Чуть заря зарозовела,
В разгорающемся свете
Колыхнулся быстрый „Меннук“,
Побежал дорогой водной.

Тут с голов взлетели шапки,
Песня вырвалась на волю:

„Высоко взлетайте, шапки!
Далеко лети, наш „Леннук“!
Мы текучею дорогой,
Едем водною тропой,
Здесь не сыщешь красных ягод,
Серебром струится тропка,
Блещут нити золотые“.

„Леннук“ плыл, взрезая волны,
Правил он на финский берег,
Путь держал к звезде Полярной,
На Медведицу Большую.

Калевитян сын любимый,
С кормчим опытным в согласье,
Стал с ним рядом у кормила,
Вел корабль на крайний север.

Каждый спутник занят делом
Кто широкий ставит парус,
Кто налаживает снасти,
Кто канаты закрепляет.

„Леннук“ весело катился,
Резво вспахивая волны.
Начал петь Калевипоэг,
Молвил он слова такие:

„С головы снимаю шапку —
В честь хозяина дневного.
Что усеивает волны
Письменами золотыми,
Киль бегущий омывая
Лучезарными грядами,
Бороздами белой пены!
С головы снимаю шапку
В честь луны и звезд полночных,
Что пловцам даруют силу,
Кажут путь в безвестном море!

Что ж, друзья! Приступим к песне,
Древних слов поищем в мире,
Взбороздим чужие реки,
Взрежем водные пучины,
Вспашем пенные буруны,
Взбороним морские дали,
Снимем жатву с побережий,
Урожай златой заветный,

Ту серебряную ниву,
Что взрастила мудрость Таары.
Было время — мир явился —
И явился он прекрасным.
Было время — ткали небо —
И умно его соткали,
Испещрили звездным роем,
Спеленали облаками“.

Так средь волн Калевипоэг
Пел о том, как мир явился,
Как гнездо для солнца вили,
Для луны сплетали кровлю.
„Леннук“ плыл, взрезая волны,
На серебряных ветрилах,
То на свет сполохов правя,
То скользя навстречу звездам.
Плыл корабль на крайний север,
Где лежит граница мира.
За рулем следил прилежно
Хитроумный знахарь слова,
Знавший все слова земные,
Всех наречий перезвоны:
Он умел и птичий посвист,
И невнятный крик звериный
Облекать разумной речью.

Черти финские взбесились,
Море зыбью взборонили,
Злобно вздыбили пучину.
Солнышко в дремучей туче
Заблудилось, как ягненок.
Звезды ясные оделись
Мутно-облачным туманом,
Облеклись в росу седую, —
Потерял дорогу кормчий,
Вел корабль он наудачу.

Мудрый кормчий, знахарь слова,
Стал скликать беспечных чаек,
Рыболовов белокрылых,
Что корабль сопровождали, —
Стал просить у них совета.
Те, что знали, отвечали.
И сказал он мореходам:
— Вы, сыночки золотые,
Дети воинов могучих!
Правьте к берегу чужому!

Там возьмем в дугах цветущих,
Из-под волн добыть сумеем,
Выгребем со дна морского,
Вырвем из камней на волю,
Выроем из горных впадин —
Все, что вороги сокрыли,
Тайным кладом величая.

Слышу: плачет луг цветущий,
Вереск горестно вздыхает,
Тихо всхлипывают скалы!
Слышу — стонут бездны моря,
Волны бурные тоскуют
О пропавшем тайном кладе,
О забытом древнем слове! —

Кораблем играла буря:
То вздымался он на гребень,
То соскальзывал в пучину,
Затопляемый волною, —
И не знал дороги кормчий,
Вел корабль он наудачу.

Солнце спряталось на отдых,
Полог вечера спустило,
На корабль, гонимый бурей,
Налегла ночная темень.

Семь ночей, семь дней качался
Тот корабль в безвестном море,
Он метался вместе с ветром,
Словно уточка морская.
Черти финские устали,
От дутья распухли щеки.

Солнце вышло, засветило,
Озарило мир широкий.
Засинел угрюмый берег.
Сквозь туман, над кругозором,
Стал расти все выше, выше.
Громко крикнул знахарь слова:
— Незнакомый край, сыночки! —

Калев-сын неутомимый
Остерегся скал подводных.
С корабля он прыгнул в море,
Быстро к берегу поплыл он,
Притянул потом и „Леннук“
На серебряном канате.

Нет, то был не финский берег,
И приплыл не к скалам Турьи

„Леннук“, сбившийся с дороги,
Не к местам, известным прежде!
Птиц окликнул знахарь слова:
— Как зовется здешний берег? —

Жаворонок прочирикал,
Ласточка прошебетала,
Глухо каркнула ворона:
Это скудный берег Лапу*,
Бедняков угрюмый берег.

„Леннук“ вплыл в залив спокойный
Встал, серебряный, к причалу.
Был корабль прикручен к скалам,
Был к столбам прикован цепью,
Чтоб не тронулся он с места,
Не вспорхнул опять на волны.

Калевитян сын любимый,
Вместе с кормщиком премудрым
И еще с двумя друзьями,
В путь собрался — поразведать,
Оглядеть места чужие.

Вчетвером они пустились —
То сгибаясь в буреломе,
То на кочках спотыкаясь,
Прошагали по долине,
Перешли через болото,
Пробрались сквозь частый вереск,
Шли да шли они, дивуясь:
Не видать жилья людского.

Что вдали зазеленело,
Расцвело за поворотом?
Одинокий малый домик,
Тихий дворик потаенный.

На скамеечке зеленой
Чинно девушка сидела,
Вкруг пускала веретенце,
Для холста сучила нити.
Пальцы ниточку сучили,
Губы складывали песню,
Весело плескался голос:

„Женщина жила на свете*,
На заре коров доила:
Надоит в ольховой роще,
Тащит ведра в кладовую.
Раз пошла она со стадом,
Погнала коров в березник,

Отвела ягнят в ольховник,
Отвела телят в орешник.
Что нашла она в долине?
Куручку нашла в долине,
Петушка в зеленом поле.
Шелк та курочка клевала,
Петушок — парчу цветную.
Женушка — бегом за ними!
Петушок раскинул крылья,
Улетел в леса густые.
Куручка попалась в руки
И за пазухой притихла.

Принесла домой хозяйка
Куручку в своем подоле,
В теплой пазухе молодку,
Заперла в амбаре хлебном
С краю закрома ржаного,
Чтоб зерно она клевала,
Вырастала под колодой.

Куручка росла в амбаре,
Спелым житом отъедалась.
Вот два месяца проходят,
Миновал еще и третий,
И четвертого неделя,
И еще дней пять вдобавок, —
Поглядеть пошла хозяйка:
Как-то гостя поживает,
Отъедается ль привольно?

Где же курочка? В амбаре —
Молодая княжья дочка.

Ходят сватать княжью дочку,
По шесть ходят — с винной кружкой,
По семь сватов — с пенным пивом
Первым сватался к ней Месяц,
А второй жених был Солнце,
Третьим... — Калев-сын явился.
Он — ходок, каких немного! —
Так промолвил славный витязь
И во двор ступил со смехом.
Девушка перепугалась,
Закричала, убежала.

Вышел из покоев старец,
Чародей лопарский Варрак,
Вышел поглядеть хозяин —
Кто наделал столько шуму?

Калевитян сын любимый
Поздоровался со старцем,
Начал лопаря седого
Он расспрашивать о деле:
— Ты скажи-ка мне, хозяин,
Ты ответь мне, брат мой милый,
Прокукуй, кукушка Лапу,
Как отсюда мне добратся
Попрямей к границе мира?
Укажи мне, по которой
Из серебряных тропинок,
По какой из золоченых
Завивающихся ниток
Мне пуститься, чтоб не сбиться,
Не блуждать в пустынном море?
Ты направь меня к границе,
Где высокий купол неба
К краю мира приторочен,
Где он шелковые стены
Опустил на ширь земную,
Где тускнеет ясный месяц,
Где устало гаснет солнце,
По начертанному кругу
Дни и ночи завершая.

Дома ворон мне прокаркал,
Птица вещая сказала:
„Обернись ты к синим волнам,
К чаше вод необозримых,
Ты найди камыш прибрежный,
Что щетинится мечами.
Там ногою ты притопни,
В берег грянь стопой тяжелой.
В тот же миг земля раскроет
Потаенный зев глубокий,
Дверь, хранимую от века, —
Там найдешь границу мира!“
Ты направь меня в ту землю,
Где растет камыш прибрежный. —

Отвечал премудрый Варрак:
— Нет путей тебе отсюда,
Нет дорог и нет тропинок,
Что ведут к границе мира.
Ведь у мира нет границы,
Нет конца у вод безбрежных
Даже там, где древний Таара,

Возводя небесный купол,
Стены шелка голубого
Опустил на ширь морскую.
Всяк, кто хаживал в те страны,
За пустым гонялся ветром:
Остров Искр лежит в тех странах *,
Всем отважным на погибель.
Указал тебе тот ворон
К верной гибели дорогу,
Указал ворота смерти.
Если хочешь, чужеземец,
Ты на родину вернуться,
Знай: готов я, ради дружбы,
Проводить тебя обратно. —

Отвечал Калевипоэг:

— Сам найду домой дорогу,
Там все тропы мне известны...
Проводи ты, ради дружбы,
Нас на край земного света,
К воротам запретным Таары,
Укажи границу мира. —

Тут спросил его хозяин:

— Что же мне дадут в награду?
Чем труды мои оплатят? —

Отвечал Калевипоэг:

— Что захочешь, золотой мой,
Что потребуешь и спросишь,
То дадут тебе в награду,
Тем труды твои оплатят.
Все добро свое отдам я:
Золото бери мешками,
Серебро бери без счета,
Лишь сведи нас к краю света,
К воротам запретным Таары,
Укажи границу мира!
Всех морей земных глубины,
Вширь и вдоль весь мир подземный
Я веревкою измерил, —
Лишь стена большого мира
Неизвестна мне доньше,
Не ошупана руками! —

Отвечал лукавый Варрак:

— Подари ты мне впридачу
То, что дома приковали
У тебя к стене цепями. —

Богатырь Калевипоэг,
Обещался все исполнить:
То, что дома приковали,
Вместе с кольцами, с цепями,
Обещал отдать лапландцу.

Тут премудрый согласился,
Тут промолвил Варрак слово:
— Утвердись твое желанье,
Воплотись твое хотенье!
Пусть вины моей не будет,
Пусть другой не отвечает,
Если бедствие какое,
Зло, несчастье, неудачу
Ты в пути своем познаешь.
Тот виновен — кто неволит,
Тот в ответе — кто решает!

На корабль лопарь поднялся,
Встал к рулю бывалый Варрак,
Повернул корабль на север.
То спадая с волн высоких,
То скользя на крыльях ветра,
Быстрый „Леннук“ резал море
Бороздой кипящей пены.
Неустанно — дни и ночи —
Плыл корабль на крайний север.

Вдруг раскрылось в бурных волнах
Перед ним жерло пучины.
Тщетно вскидывались весла,
Тщетно паруса вздувались, —
Водное жерло кружило,
Глоткой втягивала бездна
Весь корабль с людьми и грузом.

Бочку выкатил премудрый,
Взял пивную бочку Варрак,
Эту бочку он снаружи
Обтянул сукном пунцовым,
Обвязал, как обручами,
Красным шелковым шнуручком,
На серебряном канате
С корабля на волны сбросил, —
Вышла славная приманка
Для морских голодных чудищ.

Выплыл кит из водной глубины.
Бочку красную приметил.
Заглотил он эту бочку,

Сам пустился без оглядки,
Из жерла корабль он вывез,
Вытащил из глотки ада,
Вырвал из дверей поддонных,
Из погибельного зева,
Где немало мореходов
Успокоилось навеки.

То спадая с волн высоких,
То скользя на крыльях ветра,
Быстрый „Леннук“ резал море
Бороздой кипящей пены,
Неустанно — дни и ночи —
Плыл корабль на крайний север

Калевитян сын любимый
Подобрал слова для песни,
Грянул песню во весь голос:
„Муж от горя не зачахнет,
Ум не сложит на полати.
Пусть нам бедствия грозятся!
Все уладим ладной песней,
Все осмыслим мудрым словом!“

Плыл корабль средь волн кружащих,
Долго парусил над пеной,
Реял в плещущих потоках,
Путь держа на крайний север.
За последним поворотом
Остров Искр вдали забрезжил:
Там столбы огня вздымались,
Там клубились тучи дыма.

Повелел Калевипоэз
Править к огненной границе,
Хоть молил бывалый Варрак
В путь опасный не пускаться.

Тут сказал отважный Сулев:
— Вы меня пустите, братья,
Одного — огню навстречу,
Одного — навстречу дыму.
Я пройду по той дороге,
Что бессильным не под силу,
Что погибельна для слабых. —

Подвели корабль на веслах
К кручам острова скалистым.
Три горы на нем вздымались:
Первая — огнем играла,

Извергала дым вторая,
Третья — воду кипятила,
Там пылающие камни
В море падали потоком.
Сулев шел навстречу дыму,
Путь держа на пламя ада.
Пробирался он все ближе,
К дымноогненному чуду,
Разглядеть его стараясь.

Раскаленные осколки
Вылетали вместе с дымом,
Груды пепла надвигались,
Словно снежные сугробы,
Завалили все тропинки.

Камни огненные с треском
Разбивались о кольчугу,
Смертью Сулеву грозили.
Но шагал неустрашимо
Сулев к огненному зеву,
Шел вперед, пока в кольчуге
Грудь его не задымилась,
Не обуглились ресницы,
Брови пеплом не опали.

Тут промолвил славный Сулев:
— Взяли б черти эту гору,
Что без пользы мечет пламя!
Сколько бань согреть могла бы,
Сколько вытопить овинов!
Как ей рады были б дома,
В тех местах, где на семейку
Сажень дров едва досталось!
Для чего мне столько жара? —

Тут обратно зашагал он,
От огня бегом пустился,
Чуть живой добрался к морю,
Стал лечить бока больные,
Стал залечивать ожоги.

И спросил Калевипоэг:
— Где же мой оруженосец?
За тобой пошел он следом. —

Сулев-сын не знал, не ведал.
Тут поднялся крик великий:
Звали все оруженосца.
Вдруг на мачту опустилась
Птица белая морская.

Хитроумный знахарь слова
Белокрылую окликнул:
— Не заметила ль ты, птица,
Паренька-оруженосца? —
Птица мудрая сказала:
— За горами ледяными,
За холмами снеговыми
Есть прекрасный светлый берег —
С долгим летом, с теплым морем.
Без огня там жарят мясо,
Яйца в дюнах запекают.
Паренек ваш не вернется:
Улетел он с девой моря
На цветущий берег счастья
Красоты непреходящей.
Отплывайте, мореходы, —
Спутник ваш не возвратится! —
...„Леннук“ к острову причалил,
Где парчу клевали куры,
Петухи — песок червонный,
Гуси — белую монету,
Медь блестящую — вороны,
Серебро — певуны-птички,
Где капустная рассада
Ростом с ель, а то и выше.

Богатырь Калевипоэг
Выбрал пятерых отважных
Обойти чужие земли,
Оглядеть места чужие.
С ними шел и знахарь слова, —
Распознать язык безвестный,
Услыхать напевы птичьи.
На корме улегся Калев
Вместе с Сулевым усталым
Подремать под ясным солнцем.
Алев, спящих охраняя,
Стал над ними настороже.

Выйдя на берег, посланцы
С ведуном напевов птичьих
Зашагали по болоту,
Где не слышно птичьих песен,
Где зверенышей не видно.

Солнце в море закатилось,
Улеглось в ночные волны.
Тут и путники устали,

Растянулись, как попало,
Под кустом легли на отдых.

На заре, едва успело
Солнце сумрак опоясать,
Встала дочка великана,
В огород она спустилась,
Подошла к капустной грядке
Для коров нарвать листочков.
Набрела она на спящих,
Похватала человечков,
В фартук свой их уложила,
Принесла домой в подоле.

Великан спросил дочурку:
— Что несешь ты с огорода,
Что в капусте отыскала? —

Дочка фартуком тряхнула,
Спящих вытряхнула на пол:
— Глянь-ка, батюшка родимый,
Что нашла я в огороде!
Я под кочаном капусты
Этих крошек увидала!
Еле живы человечки,
От росы закоченели. —

Захотелось великану
Испытать, умны ли крохи.
Загадал он им загадку:
— Кто влезает на тростинку,
По соломинке ступает,
Ходит по краям забора? —

Так ответил знахарь слова:
— На тростник пчела влезает,
По соломинке ступает,
Ходит по краям забора. —

Великан — хозяин мудрый
Загадал еще загадку:
— Кто из речки тянет воду,
Из колодцев пьет неслышно,
Из земли вбирает влагу? —

Так ответил знахарь слова:
— Радуга из речки тянет,
Из колодцев пьет неслышно,
Из земли вбирает влагу. —

Тут им великан-хозяин
Загадал еще загадку:

— Отгадайте, человечки:
Кто идет, гремя над полем
И шумя над синей рощей? —
Так ответил знахарь слова:
— Дождь идет, гремя над полем
И шумя над синей рощей. —
Подивился тут хозяин
Быстрой сметке человечей.
— Забери их в фартук, дочка,
Отнеси скорей обратно.
Там оставь, где ты нашла их.
Это жен разумных дети,
Что идут дорогой странствий,
Умножая мудрый опыт. —
Отнесла послушно дочка
Шестерых гостей обратно,
Под кочан их положила.
Спохватился знахарь слова,
Стал просить он великаншу:
— Шаг-другой шагни, дочурка,
Отнеси нас прямо к морю. —
Спорить девушка не стала,
Поднесла гостей на берег.
Дымным вихрем тученосным,
Что вершину вскинул в небо,
Налетая с грозным шумом,
Сыпля огненные стрелы, —
Зашагала великанша
К кораблю крылатым шагом,
С громом выбежала к морю,
Вытряхнула человечков
На серебряный кораблик.
Девы шумное дыханье
„Леннук“ сдунуло на волны,
Отнесло на милю в море.
Диво грозное такое
Самых смелых устратило.
Калев-сын развеселился,
Крикнул девушке вдогонку:
— Будь здорова ты, девчонка!
Не спросясь, глаза промыла!
Вот уж я вытру щеки,
Слезы осушу на солнце! —
Удалой Калевипоэт
Поднял светлые ветрила,

Бодро в плаванье пустился,
Путь держа на крайний север
Хоть мороз теснил дыханье,
Льдом затягивались воды,
„Леннук“ плыл неустрашимо,
Льды раскалывая грудью,
Путь держа на крайний север
Духи северных сияний,
В грозной битве поднебесной.
Вскинув огненные копья,
Золотом щитов играя,
В мачты пламенем плеснули.
Ужаснулись мореходы,
Мужи замерли от страха.
Только муж Калевипоэг
Крикнул грозной рати неба:

— Духи севера! Мечите
В нас серебряные копья,
Золотом щитов играйте,
Наполняйте блеском небо,
Плеском огненно-пурпурным
Озаряйте нам дорогу!
Нас давно покинул месяц,
С нами солнышко рассталось.
Но оставил добрый Уку
Взмахи северных сияний! —

Берег вынырнул безвестный
Удивленным мореходам
Племя странное явилось —
Полупсы и полулюди*.
Длиннохвостая порода:
По ухваткам — чертенята,
Лица — будто человечьи.

На берег собачье племя
Выбежало с громким лаем.
Выло, лаяло, рычало,
Чтоб не смели мореходы
С корабля сойти на землю.

Калевитян сын бесстрашный
С корабля на берег прыгнул,
Бить взялся собачье племя,
Стал орясиной дубасить.
Этих сотнями крошит он,
Тех он тысячами валит.
Видит — конь идет навстречу,

Дюжий холеный жеребчик.
Сел он на спину гнедому,
Поскакал на вражью стаю,
Разогнал, побил, рассеял.

Вдруг — хвостатый мужичонка
Раскружил петлю аркана,
Бросил под ноги гнедому.
Добрый конь перепугался,
Прянул в сторону с испуга,
С каменной тропы метнулся
В черноржавое болото,
Утонул скакун в болоте.

Калев-сын оплакал гибель
Новонайденного друга.
Люто отомстить поклялся
Он хвостатым за обиду.
Ухватил он в страшном гневе
Преизрядную дубину,
Стал дубиной стопудовой
Разворачивать болото,
Камни сбрасывать на нивы,
Чтобы северные пашни
Не давали урожая,
Не выращивали злаков.

Той земли мудрец старейший
Скорбно Калева окликнул:
— Что творишь ты, чужеземец?
Для чего, в великой злобе,
Превращаешь нашу землю
В тундру мертвую, в болото,
Где лугов для стад не будет,
Людям хлеб не уродится? —

Калевитян сын промолвил:
— Знай, от вражьего аркана
Пал мой конь, слуга мой ратный.
Пал он прежде, чем свершил я
Свой великий путь разумный. —

Тут сказал мудрец старейший:
— Как же, брат, свершить ты сможешь
Свой великий путь разумный,
Если встречные народы
И советчиков дорожных
Умертвишь рукой тяжелой? —

Пожалел Калевипоэт
О своем внезапном гневе,

Пожалел о том, что в злобе
Нивы севера топтал он.
В той беде призвал он Уку:
— Ты пошли приплод тюленям,
Дай прирост несметным рыбам,
Пригони сюда пернатых,
Повели приплыть деревьям,
Ты их выброси на берег,
И чтоб здесь, на благо людям
И грядущим поколениям,
Густо нивы колосились! —
Услыхал мудрец и молвил:
— Если счастья нам желаешь, —
Мы тебе желаем счастья.
Расскажи, куда идешь ты, —
Дам тебе совет разумный. —
Калев-сын в ответ промолвил:
— Дома ворон мне прокаркал,
Птица вещая сказала:
„Обернись ты к синим волнам,
К чаше вод необозримых!
Ты найди камыш прибрежный,
Что щетинится мечами,
Там тебе земля раскроет
Потаенный зев глубокий,
Дверь, хранимую от века, —
Там найдешь границу мира“. —
Тут сказал мудрец старейший:
— Обманул тебя тот ворон,
Он тебе накаркал гибель.
Коль придешь ты к синим волнам,
К чаше вод необозримых,
Коль найдешь камыш прибрежный,
Что щетинится мечами, —
В тот же миг земля раскроет
Потаенный зев глубокий,
Дверь, хранимую от века, —
Станешь ты добычей злобы,
Пастью смерти будешь схвачен. —
Калевитян сын любимый
Стал собираться в путь возвратный.
Так друзьям своим он молвил,
Ладно спел такую песню:
— Собирайтесь, братья-друзи,
В путь готовьтесь, золотые!

Поспешим обратно к дому, —
Там собаки нас признают,
Там приветят нас родные! —
Тут спросил премудрый Варрак:
— Брат мой, кто же мне заплатит
За водительство в походе,
Если к дому повернешь ты? —

Отвечал Калевипоэг:
— Брат мой, все по уговору.
Все как есть тебе заплатят,
Все получишь ты без спора.
Ты в пути не заблудился, —
Сам свернул я с полдороги! —

На корабль уселись люди
И отплыли в путь обратный.

То спадая с волн высоких,
То скользя на крыльях ветра,
Быстрый „Леннук“ резал море
Бороздой кипящей пены, —
Плыл корабль обратно к Виру,
К югу весело летел он.

Славный муж Калевипоэг
Подобрал слова для песни:
— Как бы люди ни старались,
Не скопить им больше знанья,
Чем отмерено природой.
Видно, мы гнались за ветром,
Не нашли границы мира,
Не нащупали предела.

Так плыви, корабль мой, к Лалли *,
Возвращаясь в бухту Линды,
Где дома построил Олев,
Башни крепкие возвысил! —

И промолвил знахарь слова:
— Если кто-нибудь захочет
Повторить поход великий,
Славный путь к границе мира, —
Пусть он молится прилежней
Уку, доброму владыке,
Пусть приносит жертвы стражам,
Охранителям — закланья,
Приношение — пернатым. —

Молвил муж Калевипоэг,
Песню выпустил на волю:
— Неразумным отплывал я, —

Возвращаюсь умудренным.
Наобум пустился плавать,
Взмыл по ветровой дороге,
Сгоряча порхнул на волны,
Чтоб вот этими руками
Стены синие ощупать,
Осязая границу мира.

Пусть еще другие люди
Мой поход не повторяют,
Даром времени не тратят!
Думал я, что сею прибыль,
А пожал одни убытки!
Мать меня не провожала,
Не напутствовал родимый,
Сестры не дали совета.
Из подземного покоя —
Из песков оледенелых —
Не сумел отец подняться,
Мать любимая не встала!..

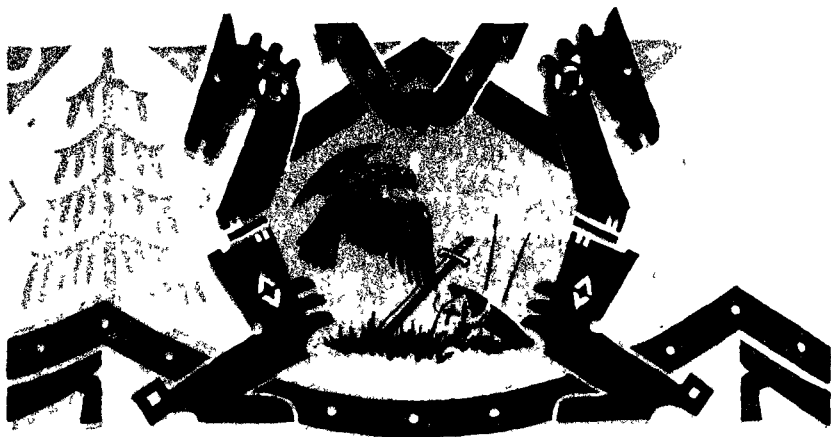
Но грустить не надо, братья:
В сожаленьях мало проку.
Все ж досталась нам добыча —
Гор серебряных дороже,
Бочек золота бесценней!
Ведь в блужданиях мы постигли,
Что безбрежно наше море,
Безграничен разум Таары,
Беспределен мир широкий.

Для себя же в чуждых землях
Столько нужного открыл я,
Столько выкопал сокровищ,
Что до старости глубокой
Будет мне о чем размыслить.

Тот, кого сама природа
Силой духа наделила,
Одарила разуменьем,
Наградила мощным телом
И возвысила над всеми, —
Пусть плывет в чужие земли,
Оглядит весь мир огромный,
Пусть окинет зорким оком
Чудеса деяний Старца,
Мудрое творенье Таары!
А последыши людские —
Сыновья отцов бессильных —

Пусть цветут привольно дома,
У околицы родимой! —

Вот и Лалли завиднелся,
Распахнулась бухта Линды,
Где дома построил Олев,
Башни гордые воздвигнул.
Вплыл корабль в родную бухту,
Встал, серебряный, к причалу.
На траву ступили братья,
Через пастбище шагнули,
Со двора пошли на выгон.
Пела в ельнике кукушка,
В ивняке дрозды кричали:
„Только дома — зреет счастье,
Лишь на родине — веселье.
Здесь признают нас собаки,
И друзья придут с приветом,
И обнимут нас родные.
Здесь и солнце светит ярче,
Здесь и звездочки лучистей!“

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

*Калевипоэг в походе. Битва с чужеземцами в Ассамалли.
Происшествие у адского котла. Танец дочерей Муру.*

Золотое время счастья
Расцвело в пределах эстов.
В мирных теплых колыбелях
Наши детушки качались,
Осененные любовью
И защитой материнской.
Минуло семь лет отрадных,
Протекло семь зим спокойных.

Городов строитель Олев
Ставил крепкие твердыни,
Окружал их стены рвами.
А над каменной могилой,
Где почит старый Калев,
Он воздвиг прекрасный город *,
Калеву — отцу народа,
Линде матери — во славу.

Скоро в городе и люди
Стали семьями селиться.
Словно коршуна почуяв,
Куры прячутся в курятник,
Так от взора лютой смерти,

От угрозы бранных бедствий
Уходил народ за стены.

Калевитян сын любимый,
Слыша жалобы народа,
Молвил: — Должен этот город
Называться — „Линданиса“
В память матери любимой!
Кто ж еще дитя накормит
Слаще груди материнской? —

Алев — Калевов помощник
Крепость добрую построил
В Харью, в том краю болотном,
Среди топей непролазных,
Средь лесов непроходимых.

Сулев-сын поставил город,
Укрепленный в Алутага, —
Третью мощную твердыню
И убежище от бедствий.

Но спокойствие народа,
Семилетье мирной жизни
Собралась война нарушить:
Грохоча, телега брани
Привезла на берег Виру
Сотни жаждущих добычи,
Тысячи убийц свирепых,
Истязателей без счета.
Ветры с моря принесли их,
Волны к берегам прибили.

Тут гонцы и скороходы
Полетели в Линданису,
К сыну Калеву с вестями:
„Приплыла война на веслах,
Тарахтит телега брани.
Воевать вставай, могучий,
Гнать врага, неодолимый“.

В стремя встал Калевипоэг,
Сел в седелко боевое,
Поскакал на голос бури
По дороге, ведущей к Виру,
Чтоб тушить пожар свирепый,
Усмирять вражду и распрю.
Взял с собой мужей достойных,
Взял с собой оруженосцев:
Пятьдесят — из края Виру,
Шестьдесят — из Курессааре,

Семьдесят — из края финнов,
С островов иных — до сотни.

Конь под витязем могучий,
У коня в монетах сбруя,
Стремя — звонкое, золотое,
Удила коня — стальные,
Шита золотом уздечка,
Талеры на опоясках,
Бисером горит подпруга.
Отличен мечом воитель,
Богатырь — стальной кольчугой,
Вождь — броней золоченой.
Кто в ту пору видел мужа,
Поспешающего к бою,
Скачущего к полю брани,
Должен тот и впрямь признаться:
Виден богатырь далеко,
Витязь ценится высоко!
Конь серебряный под князем,
Золотой на быстром всадник!
Сильный пламя сдунет в море,
Пламенем дохнет на волны,
Пламенем снега растопит,
Избу — на крыле у ветра,
Дом — на радуге поставит,
Балки выкладет на тучах,
В облаках постель постелет,
Сам усядется на солнце,
В месяц теменем упрется,
На звезду наляжет боком,
Гикнет — ветер-конь примчится.
Из травы росянки витязь
Выточит коню копыта,
Ландыш — вместо глаз поставит,
А тростник для ушек срежет.

Повернет коня направо, —
Город там зашевелится.
Повернет коня налево, —
Вырастет курган высокий.
На дыбы коня поднимет, —
Вздымется гора до тучи,
Окруженная холмами.
Через финский мост он скачет,
С громом, по дороге Виру,
По гудящим плитам Харью.

В пене конь под ним горячий,
Как звезда, скакун сияет,
Витязь на коне — что солнце,
В светозарном одеянье:
Шапка золотом расшита,
Радугой на шапке ленты,
Пояс серебром окован,
Шпоры — золото литое.
Где пройдет он, — день светает,
Где проскачет, — высь блистает,
Топи ярко зеленеют,
Шелестя, цветут равнины,
Соловьи поют с черемух,
В дальнем ельнике — кукушки,
Черные дрозды — в малине,
Пеночки — в ольховой чаще.

В Виру девушки глядели,
В Ярва шурили глазенки,
В Ляне плакали глядевши,
В Хярю милые вздыхали:
— Кабы он да к нам надолго,
Кабы он у нас да пожил,
Кабы он да нам достался, —
Мы бы лето все не ели,
Год бы прожили без пищи,
Зиму — без крупы ячменной.
Мы б его кормили мясом,
Угощали бы яичком,
Хлеб намазывали маслом,
Спать бы клали на подушках,
Шелк ему бы подстилали,
Бархатом бы укрывали... —

Богатырь Калевипоэг
По дороге сжал бранной,
Оставлял следы на травах,
На камнях — печать копыта.
Если б травы понимали,
Камни говорить умели,
Скалы словом бы владели,
И слагали песнь, и пели,
То десятки мест приметных,
Тысячи бы очевидцев
Нам поведали сказанья,
Донесли до нас известья:
Как скакал Калевипоэг,

Пролетал дорогой брани.
На полях широких Виру
Уйма недругов стояла,
Шайка злыдней кровожадных,
Густо, как воронья стая,
Как громадный муравейник,
Летним солнышком пригретый.
Часть ушла другой дорогой
Сеять смерть и запустенье,
Жечь посадки и деревни,
Убивать мужчин сильнейших,
Семьи их терзать и мучить
Да добро народа грабить.

Сулев ринулся на битву.
Алев-сын на вражью силу
С одного ударил края,
Олев-сын — с другого края,
Богатырь Калевипоэг, —
На коне в седле сидел он, —
Врезался в средину боя,
Прорубился в гущу битвы.
Вскачь пустив коня лихого,
Сбоку с гиком налетая,
Рушась громом на сильнейших,
Он сумел меча игрою
Супостатов позабавить,
Взмахами каленой стали,
Как тростник, валил их наземь.

Так, летая полем боя,
Головы врагов рубил он,
Рвал, как вихрь осенний листья
С ольх, с березок пожелтевших.
Поломал костей немало,
Ног — не сотню, а побольше,
Шейных позвонков — обозы,
Тысячи крестцов разбитых,
Плеч и ребер — за сто тысяч.

Мертвые покрыли поле,
Трупы полегли холмами.
Кое-где вздымались горы
Мертвых, легших друг на друга,
Сотен сто пришельцев наглых
Прахом пали в Ассамалле *.

Калевов скакун бесценный
Плыл в крови горячей боя,

В трупях увязал по брюхо,
Где отрубленные руки
Грудой стыли, как валежник,
Пальцы мертвые торчали,
Как былинки вдоль тропинки,
Как на сжатом поле стебли.

Вовсе ни один из пришлых
В том бою не уцелел бы,
Ни один не убежал бы,
Если бы узда несчастья
Сына Калева внезапно
В сторону не повернула.

Той порой, как полем боя
На коне своем летал он,
Убегавших настигая,
Приводя в смятение трусов,
В место скрытное ползущих,
Конь его, с холма на кручу
Перескакивая, мчался,
Вдаль копыта простирая,
И упал меж гор высоких
В потаенную трясину,
И увяз в бездонной топи
Дорогой скакун каурый.
Распорол он о коряги
Брюхо гладкое в болоте,
В тине завязил копыта!..

Калев-сын неустоимый
В горе, по коню вздыхая,
Тягостно в сердцах промолвил:
— Заклинаю, заклинаю!
Если ты попал в болото,
Стань болотом, сгинь в трясине,
Тиной сделайся вонючей,
Гнилью сделайся болотной,
Обиталищем лягушек,
Лакомством для змей и гадов! —

Богатырь Калевипоэт
Без коня не мог бегущих
Догонять, добить остатки.
И тогда он кликнул братьев
Со стези кровавой боя:
— Эй, ко мне сходитесь, други!
С поля брани воротитесь!

Отдохнем-ка от работы,
Исцелим десниц усталость! —

Тучи воронов слетались,
Волки из лесу сбежались,
Запах падали почуя,
Долю взять себе с победы,
Дань себе у смерти вырвать.

А поодадь мужи боя
Бранною своей добычей
Меж собой делиться стали.
Золото отдали князю,
Серебро — бойцам отважным,
Деньги медные — слабейшим,
Пеннинги — парням обозным,
Деньги мелкие — мальчишкам.

Калевигян сын любимый
Выпустил на крыльях слово,
Как ему поведал ворон,
Птица вещая сказала:

— Вы берите, други, братья,
Будущих боев науку
Из сегодняшнего боя,
Из кровавой этой битвы.
Будьте тверды, словно скалы,
Словно стены из железа!
Будьте в битве, словно башни,
Выкованные из стали!
Стойте, словно лес дубовый,
Как утесы над прибоем!
Неусыпно щит свободы
На руке своей держите,
Чтоб, когда придет убийца
Убивать и хищник — грабить,
Боя вам не утрашиться,
Испытаний не бояться!
Пусть отчизна, как невеста,
Расцветает для грядущих,
Для свободных поколений!
Во главе пусть станет мудрый,
Храбрый — старшим над другими.
Пусть в одной разумной воле
Вся сольется наша сила,
Иначе — при разноумье —
Прахом ветры нас развеют! —

Распустил он ополчение,
Войско витязей отборных,
Повелел им весть победы
Разнести с собой повсюду —
По селеньям и деревням.
А потом Калевипоэи
С побратимами своими
Зашагал пешком полями,
Через мшистые болота...

В алых отблесках заката
Верные друзья достигли
Шумно-сумрачного бора,
Где никто до них не ездил,
Не ходил никто в чащобу.
Калевиян сын могучий
Шел, валил в лесу деревья,
Спутникам топтал тропинку.

Где прошли четыре друга
Сквозь угрюмый бор дремучий,
Просека легла широко,
На века легла дорога.

Долго шли они и видят:
Темный дым встает над лесом.
То ль над кровом лесниковым.
То ль над угольною ямой
Валит, к небу подымаясь.

Подошли поближе братья,
Видят: искры блещут в дыме,
И невидимое пламя
Золотит густые ели,
Рдеет заревом на соснах.

Братья сильные поспешно
Прямо к дыму зашагали,
На неведомое пламя,
И увидели в ущелье
Длиннохвостого берлогу*,
Серого лесную нору.
Кто сидел перед берлогой,
Сторожил у входа в нору,
Чергово стерег жилище?
Баба старая, в морщинах,
Домовничала в берлоге,
Под котлом огонь держала,
С варева снимала пену,
Пробовала поварешкой —

Какова на вкус похлебка.
Алев-сын, разумный витязь,
Стал выпытывать у бабы,
Спрашивать у поварихи:
— Что ты стряпаешь, бабуся?
Что ты варишь, золотая?
Что в котле твоём взбухает? —

Баба старая сказала,
Ласково ему пропела:
— Постную варю похлебку
Животам голодным, тощим.
Для моих сыночков милых
Кочаны капуста парю,
Снедь готовлю им на ужин. —

Сулев-сын сказал старухе:
— Ты подбавь на нашу долю!
Для гостей подсыпь немного,
Чтоб и нам была похлебка!
В дальний край мы уходили,
Совершали труд тяжелый,
И желудки наши пусты,
Мучит нас жестокий голод.
Отдохни пойдя, бабуся,
Под кустом вздремни, родная,
Мы за варевом присмотрим,
Не поспим поочередно,
Под котлом огонь раздуем,
Хвороста в огонь навалим —
Смоляных еловых веток,
Чтобы жарче было пламя.

Баба старая смекнула,
Хитрая, им отвечала:
— Коль исполню вашу просьбу,
Совершу желанье ваше,
Пусть вины на мне не будет,
Пусть попреков не услышу:
Будет виноват просивший,
Пострадает пожелавший.
Слушайте меня, старуху,
Детки, гости золотые.
Будьте зорки: если ночью
Невзначай, идя дорогой,
Завернет к вам гость неожиданный,
Вами ужинать не званный,
Ложку варева отведать,

Из котла поест похлебки, —
Вы тогда смотрите в оба,
Чтоб захожий гость-ворюга
Не сожрал похлебки вашей,
Чтоб котел не осушил он,
Дно котла не облизал бы,
Иначе, мои сыночки,
Голодать вам всем придется! --

Братья дюжие старухе
Все втроем пообещали
У котла поочередно
До утра не спать на страже.
Калевитян сын любимый
Младших братьев похитрее,
Не связал старухе слова,
Обещания не склеил.

Баба старая, старуха,
Уползла, легла в ольховник,
В теплых листьях задремала.

Калевитян сын могучий
У костра прилег на землю
Выспаться, избыть усталость,
Обогреть бока и спину.
Сулев-сын, отважный воин,
На траву прилег бок о бок
Отдохнуть, избыть усталость.
Олев — городов строитель,
Созидатель стен и башен,
Наземь лег бок о бок с ними
Отдых дать усталым членам.

Алев-сын, могучий витязь,
У котла сидел на страже
Бодро, век не опуская,
Раздувая костерище,
Поправляя головешки,
Дров подбрасывая в пламя.

Час ли, два прошло, не боле,
Трое братьев крепко спали,
Третий сна виток свивая.
Баба старая, старуха,
За моток бралась четвертый,
К прежней пряже в добавление.

Алев-сын, отважный витязь,
Бодрствовал у костерища,
В сумрак ночи вглядываясь,

Хворосту подкладывая,
Раздувая пламенище.

Вот из темной чащи бора,
Красешком лесной поляны,
Вышел робкими шагами
Мальчик — телке по колено *,
Роста малого — в три пяди.
На груди его бубенчик,
А на лбу — кривые рожки,
Под щекой — борода козья.
Мальчик малого росточка
Подошел к огню поближе
И сказал с мольбою робкой,
Просьбу жалобно проблеял:
— Ты позволь, любимый братец,
Мне попробовать похлебки,
Варево твое отведать! —

Алев-сын со смехом громким
Весело ему ответил:

— Дал бы я тебе отведать
Ложки три моей похлебки,
Да боюсь — утонешь, хилый,
Ты, как муха, в поварешке! —

Мальчик малого росточка
Просьбу повторил с мольбою:
— Мне не надо поварешки!
Я хоть с краю похлебаю,
Съем немножко, птичью долю! —

И на край котла вскочил он,
Принялся глотать похлебку.
Тут расти он начал, шельма,
Разбухать пошел, пройдоха!
Мигом вырос выше елей,
Раздобрел, разбух до тучи,
Вытянулся на сто сажень
И еще на десять пядей —
И пропал из глаз, растаял,
Как туман под солнцем утра,
Разлетелся синим дымом.

Алев-сын, разумный витязь,
Заглянул в котел поспешно.
Видит: пуст котел глубокий,
Насухо до дна облизан.

Алев-сын не растерялся,
Вновь котел водой наполнил,

Навалил в него капусты,
Разложил огонь пожарче,
Сам себе, смеясь, промолвил:

— Подшучу-ка я над ними,
Милых братцев позабавлю!.. —
Олева от сна взбудил он
Охранять котел с похлебкой,
Сам залег под куст ольховый
Подремать, избыть усталость.

Времени прошло немного.
Трое трижды вокруг пускали
Веретена сновидений.
Баба старая в кустищах
Уж пряла моток четвертый,
К прежней пряже в добавленье.

Олев — городов строитель
Бодро у огня уселся,
В сумрак ночи вглядываясь,
Раздувая пламенище,
Хворосту подбрасывая,
Варево помешивая.

Вот из темной чаши бора,
Краешком лесной поляны,
Вышел робкими шагами
Мальчик — телке по колено,
Роста малого — в три пяди.
У мальчика — кривые рожки,
Под щекою — бороденка,
А на шее — колокольчик.

Мальчик малого росточка
Подошел к огню поближе
И сказал с мольбою робкой,
Просьбу жалобно проблеял:
— Ты позволь, любимый братец,
Мне попробовать похлебки,
Варево твоё отведать! —

Олев-сын со смехом громким
Гостю весело ответил:
— Дал бы я тебе отведать
Два хлебка моей похлебки,
Да боюсь, что ты утонешь,
Словно мошка, в поварешке! —

Мальчик малого росточка
Просьбу повторил с мольбою:

— Мне не надо поварешки!
С краешку я похлебаю,
Отхлебну цыплячью долю! —

И на край котла он прыгнул,
Принялся глотать похлебку.
Тут расти он начал, шельма,
Разбухать пошел, пройдоха!
Мигом вырос выше елей,
Раздобрел, разбух до тучи,
Вытянулся на сто сажен
И еще на десять пядей. —
И пропал из глаз, растаял,
Как туман под солнцем утра,
Разлетелся синим дымом.

Олев-сын, строитель мудрый,
Заглянул в котел проворно.
Видит: пуст котел просторный,
Вылизан до дна глубокий.

Олев-сын не растерялся,
Вновь котел водой наполнил.
Навалил в котел капусты,
Про себя, смеясь, подумал:
„Подшучу-ка над друзьями,
Милых братцев позабавлю!“
Сулева от сна взбудил он,
Посадил стеречь похлебку,
Сам прилег под куст ольховый
Подремать, избыть усталость.

Времени прошло немного.
Трое в три витка свивали
Нитку сладких сновидений.
Баба старая в кустищах
Все пряла моток четвертый,
К прежней пряже в добавленье.

Сулев-сын в ночи глубокой
Не дремал один на страже,
Зорко в сумрак вглядываясь,
Раздувая пламенище,
Хворосту подбрасывая,
Варево помешивая.

Вновь из темной чащи бора,
Из-за той лесной поляны,
Вышел робкими шагами
Мальчик — телке по колено,
Роста малого — в три пяди,

Криворогий, тонконогий,
С тощей козьей бородежкой,
С колокольчиком на шее.

Мальчик малого росточка
Подбежал к огню вприпрыжку
И сказал с мольбою робкой,
Просьбу жалобно проблеял:

— Разреши, любимый братец,
Мне попробовать похлебки,
Варево твоё отведасть! —

Сулев-сын со смехом громким
Гостю весело ответил:

— Если бы не захлебнулся
Ты, детина, в поварешке,
Не пропал в волнах похлебки,
Дал бы я тебе отведасть
Из котла два-три глоточка! —

Мальчик малого росточка
Просьбу повторил с мольбою:
— Если дашь ты позволение,
Я хоть с краю похлебаю,
Хоть без ложки — долю кошки! —

Тут на край котла он вспрыгнул,
Принялся лакать похлебку.
И расти он начал, шельма,
Разбухать пошел, пройдоха!
Мигом вырос выше елей,
Вздулся, взбух до темной тучи.
Вытянулся на сто сажень
Да еще на десять пядей —
И пропал из глаз, растаял
Легкой летнею росой,
Сгинул утренним туманом.

Сулев-сын, отважный витязь,
Заглянул в котел и ахнул:
Был котел, как высушенный,
Как дресвою вычищенный.

Сулев-сын не растерялся,
Навалил в котел капусты,
Залил доверху водою.
Думал: „Подшучу над ними,
Милых братцев позабавлю!“
Калева тут растолкал он,
Чтобы Калев сел на страже.

Сам залез под куст ольховый
Подремать, избыть усталость.
Час ли, два ли миновали,
В три мотка свивали трое
Нить отрадных сновидений,
Баба старая в кустищах
Уж четвертый довивала,
К прежней пряже в добавленье.

Богатырь Калевипоэт
Бодро у костра уселся,
Пламенище охраняя.
Наломал он толстых сосен,
Наломал дубов столетних,
Навалил в костер не хворост,
А стволы дубов и сосен.

Тут из темной чащи бора,
Краешком лесной поляны,
Вышел робкими шагами
Мальчик маленький — в три пяди,
Ростом телке по колено.
Под щекой его — борода,
А на лбу — кривые рожки,
А на шее — колокольчик.

Мальчик малого росточка
Подбежал к огню вприпрыжку
И сказал с мольбою робкой,
Просьбу жалобно проблеял:
— Ты позволь, любимый братец,
Мне попробовать похлебки,
Варево твое отведасть! —

Калевитян сын разумный
Весело ему ответил:
— Что же ты мне, мужичонка,
За еду в залог оставишь?
Чем меня, малыш, отдаришь,
Коль твою исполню просьбу,
Дам тебе поесть похлебки?
Если ты в залог мне выдашь
Колокольчик золоченый,
Угощу тебя на славу!
А не то проснутся братья,
Баба старая проснется, —
Всю съедят мою похлебку! —

Мальчик малого росточка
Голосом запел медовым:

— Дорогой мой братец дюжий!
Не бери у маленького
Колокольчик золоченый!
Как вечер гулять пошел я,
Матушка мне привязала,
От отца, от братьев тайно,
Золоченый колокольчик,
Чтоб, ребенок беззащитный,
Я в лесу не заблудился,
Чтоб по звону золотому
Я, малютка, отыскался! —
Калевитян сын любимый
Так ему хитро ответил:
— Ты пока мою похлебку
Будешь пробовать, малютка,
Все-таки отдай в залог мне
Колокольчик золоченый.
Сам потом тебе на шею
Я повешу колокольчик,
Как тебе твоя родная
На дорогу повязала. —

Мальчик малого росточка
Отвязал свой колокольчик,
Отдал Калевову сыну
Колокольчик драгоценный.

А как взял тот колокольчик,
Пальцы вытянул сын Калев
И легонько по лбу шелкнул
Колокольчиком малютку.

С громом, грохотом и треском,
Будто Кыуэ прокатился,
С грохотом пропал малютка,
С громом под землею сгинул.
И ни следа не осталось,
Лишь чуть видимо курился
Дым прозрачный над ущельем.

И от грохота все разом
Братья дюжие проснулись,
Разом на ноги вскочили,
И старуха пробудилась
Посмотреть на стряпшееся,
Разузнать случившееся.
А как встала, поглядела,
Вмиг загадку разгадала,
Чуть Рогатого злаченый

Колокольчик увидала,
Тот, что свойством обладает
Умножать чудесно силу,
Наделять великой мощью.

Баба старая, в морщинах,
Дребезжащим голосишкой
Хрипло песню затянула:
— Ведь и я была когда-то
Молода, плясать проворна,
Пятки вскидывать высоко.
Я на ста плясала свадьбах,
На несчетных вечеринках,
Сапожком притопывая,
Ножкою подпрыгивая.

У парней глаза горели
На румянец мой задорный,
На лукавую улыбку,
На шелка мои, на ленты.
Засылал мне Калев сватов,
Засылал мне сватов Сулев.
Я и с Калевом гуляла,
Я и с Сулевым плясала!
Если шею не сломала,
Рук себе не вывернула,
Ног себе не вывихнула,
То и нынче в этой пляске,
Курочка — я уцелею,
Не раскокаюсь — яичко! —

Так, вертясь и припевая,
Баба старая, в морщинах,
В пропасть прыгнула с обрыва,
Где дымок еще курился,
Где исчез мальчонка малый,
Где малыш Рогатый сгинул.

Подивились на старуху,
Посмеялись други-братья,
Четверо расхохотались.

У котла потом уселись,
За едою вспоминая,
Как мальчишечка тщедушный,
Как малютка тонконогий
Три котла сожрал похлебки.
Как потом взбухал, негодный,
Как вытягивался, шельма,
Вырастал до туч небесных.

И сказал Калевипоэг:
— До зари поспим покамест,
Отдохнем на свежей травке,
Подкрепимся сном спокойным.
Только спину порасправлю,
Разомну немного плечи, —
Новый путь я на рассвете
Изберу себе на счастье!

Ну, а вы своей дорогой
По домам пойдете, братья,
Милых женушек голубить,
Малых детушек лелеять. —

Побратимы растянулись,
У костра легли на отдых —
Новой силы набираться,
Отдых дать костям усталым.

И пришли другие гости,
Родичи пришли иные,
Вышли дочки бабки Муру*
На траве густой резвиться,
Танцевать в росе прохладной.
— Девы нежные, сестрицы!
Будем весело качаться
На травинках полевицы,
В колокольчиках лазурных
И на таволге росистой! —
Уж пропел петух вечерний,
Куры сумерек уснули
На дворе далеко Деда,
Под ветвями дуба Таары.
— Кто там, сестры, на поляне?
— Это спят четыре мужа!
Мы нарядим спящих братьев —
Молодцев, как день румяных,
В сребротканые кафтаны,
В шапки белого тумана.
Нежные, пойдем, сестрицы,
Вышьем братьям сон отрадный,
Выткем радостных видений
Образы перед зарею!
Грезы Калеева сына
Заплетем забав узором,
Письменами предсказаний!
Часть писем сплетем правдивых.

Часть обманных в промежутке.
Пусть в дремоте он услышит
Кукованье золотое,
Звон серебряной кукушки.

Иль тоску поет кукушка?
Иль печали предвещает?
Пусть останутся печали
В темном ельнике зеленом,
А тоска — в ольховой чаще!
Дорогой Калевипоэг,
Как в дорогу соберешься,
Смертной двинешься тропой,
Бляхами коня увешай,
Талерами — верхового!
Золотой взнуздай уздою,
Да покрой парчой-попоной,
Серебром подкуй копыта,
Заплети в густую гриву
Красно-шелковые ленты,
Челку убери в мони́ста,
Пышный хвост — в пунцовый бархат!

Богатырский сын любимый!
Коль пойдешь путем небесным,
Не задень звезду копытом,
Не споткнись о ясный месяц,
Не закрой собою солнце,
Пусть на землю светит солнце,
Темной ночью светит месяц,
Путь указывают звезды!

Богатырский сын любимый!
Коль пойдешь дорогой ада,
Адских ты ворот не трогай,
Не сшибай тяжелых с петель!
Адских стен и адских сводов
Не ломай, стоять оставь их.
Пусть стоит твердыня ада,
Пусть врата его не рухнут.

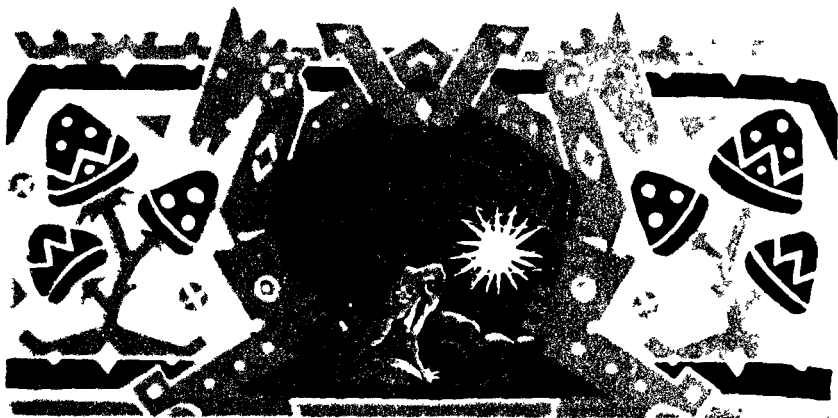
Коль путем войны поедешь,
Двинешься дорогой крови,
Молодых не убивай ты,
Малых отроков не трогай,
Не губи отцов у деток,
Чтоб не плакали сироты,
Вдовы чтоб не убивались,
Матери не горевали. —

Пела птица в чаще елей,
В темных ольхах куковала
Меж осин лесная дева.
Вот уж курицы рассвета
Закудахтали над лесом.

И заканчивали праздник
Дочки старой бабки Муру.
С колокольчиков лазурных,
С листьев таволги вспорхнули.
Испугавшись солнца утра.

Уж и голос из-за леса
Мать сердито подавала:
— Девушки, домой спешите.
Тоненькие, за работу —
Вышивать шелка цветные,
Красные плести шнурочки! —

Встрепенулся петел утра,
Загорланил краснокрылый,
В воротах усадьбы Таары!
— Нежные, бежим, сестрицы!
Поспешим домой, родные!
Пролетел веселый праздник,
Радость наша миновала!

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*Второе путешествие в подземный мир.
Битва с воинством ада. Поединок с Рогатым.*

Северный орел суровый,
Дай певцу живые крылья,
Дай мне мощь, чтоб зазвучали
Струны каннеле златые,
Чтобы в люгом вое ветра,
В бушеванье гневной бури
О великом том походе,
О походе в мир подземный,
Правду древнюю поведать,
Прежде чем воспоминанья
И предания узоры
Мелкою росой растают,
Призраками расплывутся.
Песнотворец Ванемуйне!
Дай серебряной кудели,
Тонкой пряжи золоченой
Мне, певцу, на веретена,
На клубки моих сказаний!
Шелковую дай основу
Мне для песенного стана,
Чтоб на шелковой холстине
Золотой узор я выткал!

Дева тоненькая Эндлы! *
Дай певцу взглянуть сегодня
Сквозь прозрачные покровы,
Сквозь волшебный твой платочек
Чтобы темный мир подземный
Ярким светом озарился,
Явью в песне обернулся!..

Тучи темные, туманы
Землю светлую завесят,
Если ногу ты поставишь
В мир подземный, в область ада.
Там — на куполе гранитном —
Нет ни месяца, ни солнца,
Ни созвездий путеводных,
Ни полярного сиянья.

Солнце, вставшее над миром.
Облака позолотило,
Озарило ширь земную,
Громко по ольховой чаще
Разносился птичий гомон.
Пела в ельнике кукушка,
Из березника густого
Золотая куковала,
Из кустарника звенела:
„Ты бодрись, бодрись, мой братец!“

Поднял голову, очнулся
Калевитян сын любимый,
Сел потом и, осмотревшись,
Резво на ноги вскочил он,
Причесался пятернею,
Сон последний разгоняя.
Из котла поел он малость,
Съел две, три ли поварешки,
Чтобы в силе укрепиться.

Спутники еще дремали,
Сон зари вкушали трое,
Утомленные глубоко,
Ночь не спавши, настороже.

Стал оглядываться Калев,
Стал искать — куда девался
Колокольчика носитель?
Где малютка провалился?

Там, где мальчик малый ростом
Ночью с громом провалился,

Разлетелся тучей дыма, —
Воду Калев-сын увидел,
Бег свободный волн широких,
Вдаль простертых на равнине,
Копья тростников зеленых,
Камыши скрывали берег.

Калевитян сын подумал,
Витязь про себя помыслил:
„Невзначай не отыщу ли
Здесь я входа в мир подземный?
Не туда ли провалился
Этой ночью гость Рогатый?“

Он ногой могучей топнул,
Грянул о землю пятою.
Раздалась земля — и настезь
Распахнулись над бездной
С громом адские ворота.

Калевитян сын могучий,
Наклонясь над темной щелью,
В пропасть вглядываться начал,
Нет ли в пропасти тропинки,
Нет ли каменных ступеней.

Черный дым валил оттуда,
Став преградой взору мужа.
Бездну мрачную скрывая.
Серный пар валил горячий,
Дым и сажа ели очи
Той порой, как витязь Калев
Вглядывался в пропасть ада.
И, закрыв глаза от дыма,
Богатырь сказал с досадой:
— Ну и скверно в этой яме!
Иль на полдороге хочешь
Ты от копоты ослепнуть? —

Ворон с дерева прокаркал,
Птица мудрая сказала:
— Позвони-ка в колокольчик.
Язычком златым позвякай! —

Калевитян сын разумный
Понял ворона веленье,
Внял совету вещей птицы.
В руку взял он колокольчик,
Зазвенел золотозвонким.

И смотри — какое чудо
В тот же самый миг случилось:

Сгинули, как не бывали,
Смрад и сажа, тучи дыма,
Пар удушливый, горячий,
Перед звоном чудодейным,
Как болотные туманы
Под лучами солнца тают,
Так рассеялся, растаял
Дым, напущенный Рогатым.

Калевитян сын могучий
Двинулся в поход тяжелый,
В странствие дорогой мрака.
Начал он спускаться в яму,
В пропасть черную проворно.

Свет дневной едва в ней брезжит.
Вскоре вовсе стал невидим.
Мрак глубокий, непроглядный,
Схожий с тьмою гробовою,
Сына Калева окутал.
Ощупью отважный витязь
Вдоль стены, доверясь пальцам,
Углублялся в подземелье.

Здесь является ли полдень
Вслед румяному рассвету,
Или вечно все объято
Тьмою ночи бесконечной?
Угадать не мог смотрящий,
Света признаков не видел.

Мышка пискнула из мрака,
Невидимкой просвистела:
— Позвони в свой колокольчик,
Погреми золотозвонким! —

Богатырь Калевипоэт
Понял, внял совету мыши.
Зазвонил он, загремел он
В колокольчик золоченый.

И опять ему явилось
Чудо, прежнего чудесней.
Перед звоном чародейным
Тьма густая посветлела.
Словно плащ безлунной ночи,
Полог тени предрасветной
Под зарею исчезает, —
Так редела, исчезала
Тьма в глубоком подземелье.

Калевитян сын могучий
Ноги двигаться заставил
По неведомой дороге.
Богатырскими шагами
Пожирал он расстояние,
Озаренное не солнцем,
Не мерцаньем бледным, лунным,
Что в ольховник грустно льется,
Что в березник тускло брезжит,
Серебрит туманы ночи.

Посмотри, — дорогу мужу
Чудо-сети преградили,
Что на каменных деревьях,
Как косматые тенета,
Как густая паутина,
Поперек пути висели,
Из живых сребристых нитей
Хитроумно сотканные,
Вместе связаны стократно,
Скращены тысячекратно.

Калевитян сын могучий
Начал рвать паучьи путы,
Потрясать сребристый невод,
Сбрасывать его на землю.
Но чем больше муж могучий
Рвал густую паутину,
Тем плотней она сплеталась,
Тем громадней разрасталась,
Ставя тысячу препятствий,
Десять тысяч укреплений.
И не мог ни шагу дальше
Сделать богатырь могучий,
Мышцы сильные устали,
Мощь героя иссякала.

Калевитян сын любимый
Молвил сам себе в раздумье:
„Прежде стены сокрушал я,
Горы выворачивал я
С их корнями каменными,
Рвал я цепи якорные.
Что ж порвать не в силах ныне
Пустяковой паутины?“

Тут пятнистая лягушка
Квакнула ему, сказала
Вразумительное слово:

— Позвони в свой колокольчик.
Загреми золотозвонким! —

Калевитян сын любимый
Понял, внял словам лягушки.
В руку взял он колокольчик,
Зазвонил, что было силы.

И внезапное явилось
Чудо, прежнего чудесней:
Перед звоном чародейным
Колокольчика златого
Рухнули густые сети.
Вмиг исчезла паутина.

Сильный муж Калевипоэг
Ноги двигаться заставил
По неведомой дороге.
Под его широким шагом
Версты быстро пролетали.
Калевитян сын могучий
Берегов ручья достигнул,
Малой речки, неширокой
И по виду неглубокой,
В шаг ручей был шириною
И еще в две пяди к шагу.
Богатырь неустрашимый
За ручей шагнул, но тут же
Противоположный берег
Отодвинулся внезапно.
И попал пятою в воду,
В тину влип ногою вигазь.

Калевитян сын могучий
Вылезть на берег пытался,
Заносил раз двести ногу.
Ногу левую из тины
Вытащит — увязнет правой.
Хоть вот-вот подать рукою
Берег противоположный, —
Он его не мог достигнуть,
На траву пятау поставить.

Богатырь Калевипоэг
Стал на отдых поневоле,
Сокрушенно размышляя:
„Я все озеро Чудское
Вброд прошел с тяжелой ношей,
А теперь тону в речушке!“

Выполз из багровой тины
Черный рак и бросил слово:
— Позвони в свой колокольчик,
Загреми золотозвонким! —

Калевитян сын могучий
Слово мудрое услышал,
Позвонил в свой колокольчик.

И чудесное явилось
Диво, прежнего чудесней:
Вмиг вода под ним пропала,
Сгинула густая тина.
На сухой земле, на травке
Славный витязь очутился.

Калевитян сын отважный
Дальше двинулся в дорогу,
Меря шагом богатырским
Даль подземного пространства.
Ноги шли путями ада,
В хмурых недрах преисподней.

Время там не знало меры,
Не было у дня границы,
Потому что под землею
Солнце красное не светит,
Ясный месяц не восходит,
Звезды не блещут на небе,
Дня предел обозначая.
Здесь ни алого рассвета,
Ни заката не бывает,
Лишь обманчивый светочек,
Отблеск мертвенный и лживый,
Тускло брезжит днем и ночью.

Разве падали туманы
Или росы ледяные?
Разве Калеву в помеху
Ливни лютые хлестали?
Там не падали туманы
И ни росы ледяные,
Ливни злые не хлестали
На дороге неизвестной.
Комаров густые стаи,
Мошкары, болотных гнусов
Путь ему загородили,
Жалили в глаза и щеки.

Богатырь неутомимый
Стаи гнусов разгоняет,
Сотнями их бьет ладонью,
Тысячами убивает.
Пробирается сквозь тучи
Комариные густые,
Ускоряет шаг проворно,
Все быстрее шагает витязь.
Только, чем быстрее шагает,
Тем несмелее гнус болотный,
Тем больнее и злее жалит,
Лезет в нос, в глаза и в уши,
Сотнями — в глаза и в ноздри,
Тысячами — в рот и в уши.

Калевитян сын могучий
Истощился, изнурился,
Вовсе выбился из силы
От такой пустой работы —
От сраженья с мошкаркою.
Он могучие ладони
Опустил в изнеможенье,
Горько про себя подумал:
„Силы ада сокрушал я,
Ниспроверг в бою сильнейших,
А теперь, смотри, не справлюсь
С комарем, с болотным гнусом.
Изнурился, обессилел
В битве с мошкаркой пискливой!“

Тут застрекотал кузнечик,
Луговой сверчок прощелкал:
— Позвони в свой колокольчик,
Загреми золотоязыким! —

Калевитян сын любимый
Внял толковому совету:
Зазвонил в свой колокольчик.

И дикушинное диво
Взору витязя явилось:
Точно резкий свежий ветер,
Звон золотого колокольца
Разметал комарьи стаи,
Тучу мошкары развеял.

Калевитян сын могучий
Наземь сел в изнеможенье,
Отдохнуть хотел немного,
О своих путях размыслить,

О делах умом раскинуть.
И счастливая догадка
Сердце мужа озарила:
„Что б со мною ни случилось,
С чем бы я ни повстречался, —
Колокольчик мне поможет,
С ним вовек я не расстанусь!
Попаду в тенета бедствий,
В сети лютых истязаний,
В западню засады вражьей, —
Тут-то мне в беде поможет
Колокольчик чародейный!“

Шелковым шнурком к мизинцу
Привязал он колокольчик.
Хлеба из походной сумки
Вынул, пищей подкрепился,
Мышцы укрепил и кости,
Задремал на час, не боле.

Калевитян сын могучий
Бодро двинулся в дорогу,
В путь неведомый, тяжелый;
Под широким шагом мужа
Дали быстро исчезали.
Муж топтал дорогу ада,
Недра мрачной преисподней.

Той порой сторожевые,
Что Рогатому служили,
Услыхали поступь мужа,
Тяжкий гул шагов могучих,
И высматривать чужого
Поспешили из засады:
Что за гость идет незваный,
Кто покой их нарушает?

А как только увидели
Стан громадный исполина, —
Будто оводом язвимы,
Будто бы углей горячих
Им насыпали в карманы, —
Понеслись быстрее ветра
К повелителю с вестями:
— Богатырь Калевипоэг,
К нам ворвался — мир нарушить,
Оглушить нас кличем битвы!.. —

Выслушал, сказал Рогатый:
— Собирайте самых сильных,

Выставляйте самых дюжих,
Чтоб его остановили,
Проучили бы жестоко! —

Сильный муж Калевипоэз
Шел вперед неустрашимо,
Двигался дорогой ада.
Под широкими шагами
Версты быстро исчезали.

Пенье петухов далеких,
Лай залиvistый собачий
Слуха витязя коснулись
На пути в подземном мире,
На неведомой тропинке.

Калевитян сын могучий,
Прежде чем с войсками ада
В лютой битве повстречался,
На пути поток широкий
Увидал перед собою.
Не вода текла в потоке,
А пылала, клокотала
Черная смола густая
И расплавленная сера.
Раскаленный смрадный ветер
Налетал, от волн горящих
Дым удушливый клубился.

Над рекой крутой дугою
Мост железный возвышался:
Свод его из черной стали
И чугунные устон.

По стальным его ступеням,
По дуге его железной
Слуги адские взбегали
Гостю грозному навстречу,
Что упрямо и сурово
Шел подземный мир низвергнуть.

Черным роем слуги ада
На мосту крутом кишели,
Изготовившись к сраженью
По приказу властелина.
На мосту одна дружина,
За мостом другая стала —
Сила, без числа и сметы,
За рекою смоляною.

Калевитян сын могучий,
Тех вояк оглядывая,

Молвил сам себе с усмешкой:

„То не стадо ли лягушек
На мосту стоит железном?“

И вперед отважный витязь,
Вынув тяжкий меч из ножен,
Двинулся неустрашимо
Против адского отродья.

Калевитян сын могучий,
Перед мостом шаг замедлив,
Крикнул нечисти: — Спасайтесь
От погибели, собаки,

А не то всех изрублю вас
Я мечом своим тяжелым
На обед волкам голодным,
Жадным воронам на завтрак! —

Мужу с хохотом злорадным
Слуги ада отвечали:

— Подожди зари вечерней,
Поутру, петух, не хвастай!
Ты сейчас кричишь задорно, —
Как бы после не заохал! —

Калевитян сын бесстрашный
Не внимал насмешкам вражьи.
Шаг один ступил он к мосту,
Шаг второй ступил и третий.

А уж лучники-вояки
Ладят звонкие тетивы,
Тучами пускают стрелы,
Шлют пернатые роями,
Пращники поспешно мечут
Градоносным ураганом
Камни тысячами в мужа.
Головные люди ада
С копьями встают навстречу,
А за ними угловые,
С булавами, с топорами,
Лезут в бой с могучим гостем —
С сыном Калева в сраженье.

Калевитян сын отважный —
Он душой не содрогнулся
Перед адскою оравой.
Он стоял стеной железной,
Как могучий дуб под ветром,
Как морской утес под бурей.
Тут-то он пустил свой грозный

Меч кружиться в гуще вражьем.
Лезвием играть широким:
Начал бить холопов ада,
Ненавистников дубасить,
Подсекать врага под корень,
Прорубать на мост дорогу:
Где он раз развертывался,
Круг мечом очерчивая, —
Горе там он, гибель сеял!
Где свой меч обрушивал он, —
Там валились дюжинами
Воины на ложе смерти!
Где ударами частил он, —
Черти тысячами гибли!

На места врагов убитых
Сотни новых заступали.
Покрывать следы потери
Гнал свою орду Рогатый,
Шли все гуще слуги ада.

В этом не было ушерба
Для избранника победы.
Он стоял стеной железной,
Он стоял, как дуб под ветром,
Как утес под ураганом,
Весело врагов встречал он.

Как могучею рукою
Он пускал свой меч кружиться
И плясать во вражьей гуще, —
Дремы не было у смерти,
Стынуть кровь не успевала.
Как свой меч по лбам железным,
По кольчужным сильным шеям
Досыта играть пускал он, —
Не было врагам пощады,
Передышки слугам ада,
Что без счета погибали
На крутом мосту железном.
Но все больше войск Рогатый
Посылал на мост железный, —
Воинов своих сильнейших
Посылал дорогой смерти
Против Калевого сына.
Воинам своим Рогатый
Щедрую сулил награду.
Обещал он цену крови

Тем, кто Калеева сына, —
Будь он хоть живым, хоть мертвым, —
Одолеет и доставит
В пасть подземного владыки.

Лучших он стрелков из лука,
Опытнейших копыеносцев
На мост первыми поставил
Против Калеева сына.
Мост качался под войсками,
ГнулсЯ под тяжелым грузом,
Содрогался под ногами
Тысяч воинов идущих.
Ноги воинов идущих
Сотрясали мост огромный,
Балки моста прогибали.

Калевитян сын могучий,
Битвою не утомленный,
С колокольчиком на пясти
И с мечом в ладонях дюжих,
Ждал врагов у края моста.
Став на мост одной пятою,
Опершись другою в берег,
Ждал он, как стена стальная,
Ждал, как дуб порывов ветра,
Как скала ударов бури.

А когда свой меч двуручный
Вкруг летать смерчем пусгил он,
Лезвием меча заветным
Покосил их, как солому,
Как осоку на суглинке,
Как речной камыш подрезал, —
Навалил тела валами.
Как косец, что утром ранним
По росе проходит лугом
С острой блещущей косою,
Так мечом работал витязь.
И мечом своим и звоном
Колокольчика златого
Сотни, тысячи бросал он
Ворогов в объятья смерти.
Как под бурей осенней
С полуобнаженных сучьев
Листья желтые слетают,
Густо устилаЯ землю,

Так Рогатого холопы
От ударов богатырских
Густо землю устилали,
Спать валясь на ложе смерти.
Ну, а те, что уцелели,
Испытали резвость пяток,
Роем воющим удрали
Под защиту стен владыки.

Но подземный повелитель
Удирающих в смятенье
Останавливает властно,
Вновь дружину собирает —
Охранять свое жилище,
Дом оборонять богатый.
Он наваливает скалы
Тяжкие в воротах замка,
Он заваливает хламом
Повороты узких улиц,
Ставит сильные преграды
На дороге богатырской,
Чтобы муж Калевипоэг
Не ворвался в недра ада.

А загородив дорогу,
Укрепив свои ворота,
Выбрал он сто слуг храбрейших,
Дюжих телом, как медведи,
Закаленных в адской бане,
В лютой чертовой парильне
Вениками колдовскими.

Калевитян сын могучий
Устали в костях не чуял:
Он стоял стеной железной,
Как могучий дуб под ветром,
Как утес в кипенье бури,
Как гранит непоколебимый.
Мигом расчесал он сотню,
Разбросал исчадий ада,
Перебил их словно мошек.
Ни единого сын Калев
Ни на семя не оставил,
Ни чтоб весть донести до дому

На широком лоне смерти
Вытянулись дети ада,
Очи злобные смежили.
Калевитян сын могучий

Сел на край стального моста
Остудить под легким ветром
Тяжкий пот горячей битвы.

Калевитян сын могучий,
Отдохнув немного, начал
Убирать с моста убитых.
Тех в поток смолы кипящей,
В пламенеющие струи,
Грудами с моста бросал он,
Запрудил телами мертвых
Дымноогненные волны.
А других стащил на берег,
Грудами свалил в долине
Гнить на память преисподней.

И тогда могучий витязь
Снова двинулся в дорогу.
Он ступил на мост железный.
Под его тяжелым шагом
Закачался мост крепчайший,
Гнулись нижние подпоры,
Скрежетали боковые.
Калев-сын шагал по мосту
В черном дыме пламенища,
По крови до щиколоток.
Не замедлив, поспешил он
К роковым воротам ада,
Где Рогатый загражденья
Изготовил для отпора,
Заслонил скалой огромной
Вход в проклятую берлогу.

Калев-сын к скале подходит,
С громом ударяет в стену.
Всею мощью непомерной
Со всего плеча наносит
Он удар, другой и третий.
Треснула стена, и в щебень
Рассыпаются устои,
Толстые столбы — в осколки,
Вдребезги — гранит подпорок!

Витязь, отшвырнув ногою
Глыбы рухнувшей преграды,
Сквозь пролом во двор ворвался,
Через двор неустрашимо
Устремился к двери дома.
Кулаком своим тяжелым

По железной двери треснул,
Вышиб дверь одним ударом,
Выворотил с косяками,
Под ноги стальную грохнул!
Калевитян сын могучий,
Ногу за порог занес он,
В сени, грузную, поставил:
Раскололись половицы,
Обвалились угловые
Камни, стены покосились,
Закачалась кровля дома,
Треснул потолок дубовый.

Женщины туманный призрак,
Скорбный призрак бедной Линды.
Образ матери умершей,
Показался взору сына.
Одинокая, за прялкой
Мать умершая сидела,
Колесо вертя ногою,
Теребя кудель густую,
Золотые волоконца,
Льна серебряную волну
В нитку тонкую крутила,
Петь пускала веретENCE.
Окунала пальцы в чашке
Золотой, стоящей справа, —
В ней была вода живая,
Одаряющая силой.
Слева ж, на столбце, у прялки
Тоже чашечка стояла,
Но с водою увяданья,
Убивающею силы:
Кто в ней хоть язык омочит, —
Телом и душой увянет.

Призрак матери глазами
Указал дорогу сыну
К чашечке, стоявшей справа.
Калевитян сын любимый
Знак ее безмолвный понял:
Взял он чашку золотую,
Отхлебнул воды волшебной,
Чтобы в силах укрепиться.
Силы дивные почуяв,
Поднял он тяжелый камень,
Со всего размаху бросил

В стену горниц потаенных...
Задрожало дно морское,
Моря хлябь над ним вскипела,
Искры брызнули, сверкая,
Сыну Калева в зеницы.
Рухнула стена глухая,
На пол с грохотом упала.

А за той стеной сидела
Мать Рогатого — старуха —
За гремучим ткацким станом.
Ниточки подергивала,
Бердами побухивала,
Полотно сколачивала.

Бабкин глаз заметил сразу
У могучего на пальце
Чародейный колокольчик.
Сладким голосом запела
Старая, заговорила:
— Что за славный колокольчик
На мизинчике у гостя!
Подари мне колокольчик,
Дай мне редкую вещицу!
Повяжу на шею кошке,
Чтоб мышей у нас пугала,
Горностаев забавляла. —

Калевитян сын любимый
Отвечал хитро старухе:
— Прежде чем про колокольчик
Толковать с тобою будем,
Ты скажи-ка мне, бабуса,
Прокудахтай, золотая:
Дома ли хозяин старый,
Петушок твой домовитый?
Надо нам дела мужские
Нынче меж собой уладить,
Коиx женщины не смыслят,
Девушки не понимают. —

Баба старая сказала:
— Улетел петух домашний,
Не дождусь вторые сутки.
Да, наверное, вернется,
Как управится с делами,
Разве завтра к вечерочку
Или утром послезавтра.
Погости у нас покамест,

Поскучай со мной, старухой.
Уж настряпаю на славу
Я для гостя дорогого!
Освежись пока с дороги
Нашей брагою медовой.
Вон прими, на ткацком стане
Слева, кружку золотую. —

Калевитян сын любимый
Разумел, что в этой кружке
Злая влага увяданья,
Отнимающая силу, —
И ответил он старухе:
— Благодарствую, бабуся!
Нет сейчас к питью охоты. —

Витязь начал осторожно
Озирать жилье чужое,
Нет ли где какой лазейки,
Или дверцы потасенной.

И в одной стене увидел
Дверцу, спрятанную в нише.
Неприметную для глаза.
К этой дверце подошел он,
Пальцы протянул к задвижке.

Но в тот миг, когда хотел он
Ухватить рукою задвижку,
Дверца вдруг сама собою
С треском настежь распахнулась

И оттуда, из-за двери,
Из глухой норы глубокой,
Вылетели ураганом
Первые в свирепых битвах
Воины владыки ада —
Те, которых он заране
Выбрал для защиты дома.

Ты видал ли на охоте,
Как вокруг Медовой Лапы,
Как вокруг Лесного Деда
Стая прыгает овчарок,
Измываясь над косматым,
Как за шкуру сына дебрей
Цапают собачьи зубы?
А медведь сидит на месте,
На бугре сидит, согнувшись.
Тяжело сопя да бедра

Охраняя от укусов.
Лишь порою он качнется,
Да махнет широкой лапой,
Да одну из остроклыких
Хватит лапой по затылку.
Взоет, кровью обливаясь,
Уползет, визжа, овчарка
Издыхать в кусты лесные.

Так отмахивался Калев
От собачьей адской стаи:
Как отпустит оплеуху,
В новой не было потребности:
Одному одной хватало, —
Падал воин от удара,
Умирал от оплеухи,
Успокаивался, злобный.

После маленькой забавы
Все вояки околели:
Тридцать было их, отборных
Силачей, у князя ада.
Тридцать раз ударил Калев —
Тридцать мервецов валялось
На полу, залитом кровью.

Это видевший Рогатый
Закричал с порога злобно:
— Что наделал ты, мальчишка,
Сумасброд пустоголовый?
Если шутики ты не понял,
Будет ссора пошумнее!
Пусть на мне вины не будет,
Пусть за все ты сам ответишь!
Ты — грабитель и разбойник,
Вор ты — вот кто! — вор бесстыдный!
На добро чужое жаден,
На мошну чужую ловок!
Вор ты был и вором будешь,
Лиходей ты и разбойник!
Уж не думаешь ли ложью
Перед нами обелиться?
А не ты ли хищной лапой
Растащил мои достатки?
А не ты ль похитил шапку
Исполнения желаний,
Выкрал мой волшебный прутик,
Девушек унес из дому,

Из избы моей — тетерок?
А не ты ли, вор бесстыдный,
Сундуки мои очистил,
Золотой мой клад заветный
Выгреб длинными когтями?
Вот он, меч мой заповедный,
У тебя зажат в ладонях!
Золотой мой колокольчик
У тебя блестит на пальце!
Как же ты не вор, собака?
Разве есть прощенье вору? —

Калев-сын тотчас все понял,
А поняв, хитро ответил:
— Что старьем ты попрекаешь,
Древностью позавчерашней?
Храбреца широкой глотки,
Языком воющего,
Прежде бабой называли,
Примиряющей детишек,
А мужчины разрешали
Несогласье честным боем, —
Слов на ветер не бросали,
Языком не молотили!
Сила в честном поединке
В старину решала споры!
Почему ты, жидконогий,
В лес бежал, укрылся в нору
Прежде испытанья силы,
Честного единоборства?
Почему ты ночью, подлый,
Не в своем являлся виде, —
В жалком образе ребенка, —
Раздражать мужей усталых,
Воровать у них похлебку?
Вылезай-ка из-за печи,
Выходи-ка вон из дому!
На простор пойдем открытый,
Чтобы спор наш стародавний
Верным способом закончить!
Я затем свой дом покинул
И топтал дорогу ада,
Чтоб мы равны в битве были,
Равны в мужестве и силе, —
Меч в ножны убрать хочу я,
Снять с мизинца колокольчик!

Так промолвив, славный витязь
Отвязал свой колокольчик,
Почивать засунул в торбу,
Меч в ножны толкнул, на отдых

А Рогатый, видя это,
Бледный вышел из укрытья,
Бел, как снег, шагнул из двери.

От испуга у злодея
Ум запутался в онучах
Сам не ведал он, что делал,
Под собой пути не видел.

Захотел он выпить влаги,
Что костям дарует силу,
Укрепляет дух и тело.

Но рука его ошиблась,
С перепугу растерялась,
Не по той пошла дороге, —
Ухватила кружку слева,
Где была вода бессилья,
Сокрушающая тело,
Затемняющая разум.

Калевитян сын любимый
Совершившееся видел
И другую кружку — справа —
Всю до капли вылил в горло.

И огнем пошла по жилам
Влага жизни, влага силы.
Волны мощи небывалой
Наполняли сердце мужа...

Пусть повествование боя
Прялка следующей песни
Пропоеет в круженье звонком!
А теперь дорога ада,
Битва на мосту железном
Поистратили всю пряжу,
Веретена притомили.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*Калевипозг заковывает Рогатого в цепи
Счастливые времена Вести о войне.*

К

ак водилось в годы оны,
Память о боях минувших
Деды, в былях воспевая,
Чаще прочих вспоминали
Песнь о тяжко-небывалой
Битве Калевого сына —
Яркое, как солнце утра,
Древнее повествование
Об игре — жестокой битве —
Калева с владыкой ада. .
Боры, горы вслушивались,
Дюны, скалы вглядывались,
Волны моря вспенивались
И трясины вспучивались,
Дно морское колебалось,
Ширь земная сотрясалась
От усилий тяжелой битвы!

Мужи, к бою изготоваьсь,
Близ двора избрали место,
Площадь испытанья силы.

По обычаям старинным,
За бока друг друга взяли,
Всей десятипалой силой
Взяли за пояс друг друга,
За нагашник богатырский.
Кровью налились их ногти,
Вздулись пальцы, посинели.

Все же был могуч Рогатый,
Хоть вода его томила,
Изнуряющая мышцы,
Сокрушающая силу,
Хоть у Калеева сына
Влага мощи вдвое силу
Наростила, укрепила, —
Все же их борьба тянулась —
Грозный розыгрыш победы —
Длилась семь дней без отдышки,
Семь ночей — без остановки.

Много раз в борьбе Рогатый
Подставлял кривую ногу,
Норовил свалить подножкой
Сына Линды дорогого.
Но стоял дубовым кражем,
Тяжкою стеной железной,
Не споткнулся витязь Калев.

Чередую отрывали
От земли они друг друга,
С хрустом ребра сдавливая.
Чередую наземь с громом
Ставили, как будто Кыуэ
Ударял, колебля землю,
Потрясал поля и доли,
Волны на море вздымая.

Богатырь Калевипоэг,
Он не попросту боролся:
Он व्यюном поверху пальцев,
Он змеею из-под пальцев
Выскользнувши, изловчился,
Изготовясь к обороне.
Все же в нем ослабевала
Чудодейственная сила.

Но душа живая Линды
Зорким оком увидала
Ослабление силы сына.
Вывала она из прялки,

С копыла пучок кудели,
Тот пучок над головою
Раз двенадцать покружила,
А потом швырнула о пол —
Сыну милому примером.

Калевитян сын могучий
Понял знак своей родимой.
За ноги врага схватил он,
Крепко взял за голенища,
Вскинул с быстротою вихря,
Закружил над головою, —
А потом как шваркнул оземь —
Трах! — на мураву сырую.
И тотчас — врага за горло,
Наступил на грудь коленом...

Снял кушак свой и проворно
Им Рогатого опутал,
Уволок врага вселенной
В потайной чулан железный,
Он скрутил его надежно
Цепью якорной тяжелой,
Ноги заковал в оковы,
В кандалы забил тройные.
Руки — наглухо в колодки,
Толстое кольцо стальное
Наглухо согнул на шее,
А потом кольцом железным
Пленника перепоясал.
Он ручные и ножные
Притянул к кольцу оковы,
Закрепил одним концом их
Наглухо в стене гранитной;
И, величиною с баню,
Прикатил валун из поля.
К камню этому ошейник
Приковал короткой цепью
И замкнул скобой железной,
Чтоб врагу ни пяткой дрыгнуть,
Ни пошевелинуть рукою.

Богатырь, труды окончив,
Пот со лба ладонью вытер
И заговорил с усмешкой:
— Ты, петух, в надежных путях!
Не скучай, не убивайся
Без меня, один оставшись!

Изливай тоску утесам,
Боль души — лесам дремучим,
Бедствие — пустынным дюнам,
Горе — скалам безответным,
Жалобы — болотам ржавым,
Оханья — чертополоху,
Вздохи — вереску лесному!
Мы с тобою квиты, братец!
Долг тебе сполна уплачен.
Сила правду утвердила,
Счастье мне дало победу! —

И тогда-то взвыл Рогатый,
Начал говорить, проклятый:
— Если бы я знал да ведал,
Видел бы спервоначалу,
Будущее разглядел бы,
Если б хоть во сне увидел,
Что потом со мною станет,
Что беда такая будет, —
Я б из подклети домашней,
Из-за печки бы не вылез,
В бой с тобой не выходил бы,
По следам твоим не рыскал!

Калевитян сын любимый,
Братец мой, могучий в битве!
Прежде вечера не кликай,
До зари не кукарекай!
Ведь пока не село солнце,
Трижды лопнет тоненькая
Скорлупа яйца удачи.
Могут трижды девять бедствий
Приключиться до заката.
Пощади меня, мой братец!
Искуплю вину я златом,
Серебром вражду прикрою! —

А увидев, что и слушать
Дюжий Калев-сын не хочет,
Стал шептать рогатый узник,
Колдовать скороговоркой...

Калевитян сын любимый
Весело шаги направил
В тайники сокровищ черта.
Там, где золото хранилось
В сундуках, обитых медью,
Серебро же ворохами

В крупных ларях лежало.
Серебром пренебрегая,
Золото взялся он черпать,
Насыпать в мешки горстями.
Туго-натуго насыпал
Три мешка, набил четвертый.
А когда взялся за пятый,
Мышка пискнула из норки:
— Не бери так много, братец!
Тяжела, долга дорога,
Непосильной будет ноша! —

Витязь внял совету мышки
И мешок порожний, пятый,
Бросил прочь, на край бочонка.
А наполненных четыре
Накрепко связал попарно,
Чтобы легче было несть их,
Перекинув через плечи.

Были хоть и невелики
Те мешки, да и не малы:
В каждом было по три бочки,
Шесть, пожалуй, рижских мерок
В каждом золота вмещалось.

Калевитян сын могучий
Те мешки взвалил на плечи
И пустился в путь обратный —
К солнцу дня, к родному дому.

Закачался мост железный,
Балки нижние прогнулись,
Треснули быки под грузом
Четырех мешков, висевших
На плечах могучих мужа.
Лютая хозяйка ада
Заскулила из-за печки,
Взвыла у котла похлебки,
Ртом большим запричитала:
— Будет! Будет! Заклинаю!..
Задохнешься ты в долине,
Околеешь по дороге,
Пропадешь в ольховой чаще
И сгниешь среди березок.
У дороги ты замерзнешь,
Под кустом падешь без силы
Издыхать в безлюдных дебрях,
Утопать в лесной трясине,

Умирать в лесу дремучем
На обед волкам голодным,
Воронам на расклеванье,
Детям леса на забаву!..

Калевитян сын могучий
Не слышал ее заклятий,
Шел своим путем упрямо,
Хоть и тяжело золотая
Ноша плечи натрудила,
Грузно спину тяготила.

А как за собой оставил
Он долину преисподней
И приблизился к крутому
Выходу из подземелья,
Тут решил он стать на отдых,
Мощь вернуть усталым членам.
Час ли, два ли продремал он.
Сутки спал иль двое суток,
Сам о том не ведал витязь.

И никто в долине ада
Сна его не потревожил.
Не было ему препятствий
На пути его обратном.
А меж тем рассвет забрезжил
Над ущельем, в верхнем мире,
Отраженными лучами
В сумрак бездны проникая.

Калевитян сын могучий
Встал, пошел с тяжелой ношей
Кверху, потом обливаясь,
Раскрасневшись от натуги,
Охая, глотая жадно
Воздух горлом пересохшим
И стеная от усилий.

Алев — Калева помощник --
Друга ждать один остался.
Он сидел у края ямы
Над провалом преисподней,
Над норой, в которой скрылся
Калев-сын неустрашимый.
Алев ждал и днем и ночью,
Ждал с тревогой и любовью,
Зорких глаз не закрывая.
Сутки сутками сменялись,
Шла неделя за неделей,

Годом в скуке день казался;
И глубокие сомненья
В душу Алева запали:
Жив ли уж Калевипоэг?
Не погиб ли в подземелье?..

Но однажды, на закате,
Из глубин земных донесся
Дальний гул из недр бездонных.
Слуха Алева коснулся
Шум глухой шагов тяжелых.

Встрепенулся витязь Алев,
Начал вглядываться в пропасть,
Вслушиваться в гул подземный:
То не друг ли долгожданный
Подымается из бездны?

Ночью сумерки сменились,
Росы белые вставали,
Петухи зарю пропели,
Утро тучки облагрило.
Вылез из бездонной ямы
Витязь на поверхность мира.
Ношу золота поспешно
Сбросил наземь с плеч усталых
И упал в изнеможенье
На траву, с мешками рядом,
Распрямить спинные жилы,
Отдых дать усталым членам.

Алев-муж, удалый витязь,
Притащил воды проворно.
Освежил водою друга,
Напоил водой студеной.

Тут спросил Калевипоэг:
— Молви, долго ль, брат мой милый.
Пробыл я в подземном мире,
В царстве мрака время тратил? ---

Алев-сын ему ответил,
Объявил, как дело было:
— Ровно долгих три недели
Пробыл ты в подземном мире. --

И повел такие речи
Калев о своем походе:
— Разуму непостижимо,
Недоступно человеку
То, что я в своих скитаньях

Увидал в долине ада.
Нет там ни столпов, ни граней,
Нет на небе звездных знаков —
Тех, что ставят дню пределы,
Меру ночи полагают.
День в аду не знает солнца,
Ночь в аду луны не знает,
Звезд на небо не возводит.
Там ни пеночки не слышно,
Ни кукушки златоклювой.
Нет закагов, нет рассветов,
Не блестят росой травы,
Не красуются в нарядах
Из серебряных туманов.
Зори в бездне не сияют,
День и ночь не разделяют!.. —

А потом он побратиму
О путях своих поведал,
О задержках пятикратных,
О преградах шестикратных,
О жестоком поединке
И о том, как был Рогатый
Пойман им, закован в цепи.
Алев-сын зарезал зубра,
На обед — быка лесного *,
Что семь лет гулял на воле,
Ни ярма не знал, ни плуга.
Что ни год народ окрестный —
Перед праздником особо —
На него облаву правил,
Выгонял быка из чащи.
Целым войском выходили
Забивать лесного зверя,
Воевать с душой могучей.
Сотня мужиков здоровых
За рога быка хватала,
Тысяча детей отборных
Забиралась на загривок,
Семьдесят мужей отважных
Рогача за хвост держали.
Лишь богатыря в округе
До сих пор не находилось,
Кто бы стукнул по затылку,
Кто бы оглушил злодея
Обухом или дубиной.

Алев-муж, могучий витязь,
Он с лесным быком поладил:
Он ему на шею прыгнул,
За рога схватил крутые,
Между рог быка ударил
Топором своим тяжелым,
Перерезал бычье горло,
Крови выпустил сто бочек,
Снял семьсот кадушек сала.

Подкрепляться сели мужи,
Утолять свирепый голод.
Богатырь Калевипоэг
Нагрузил живот едою
Так, что он горою вздулся.
И улегся муж на травку
Отдохнуть после обеда.

Алев-сын, удалый витязь,
Сел на те мешки со златом:
От врага стеречь богатства,
Чтоб разбойник не подкрался,
Чтобы вор мешки не тронул,
Пальцы в них не запустил бы.

Калевитян сын могучий
Отдыхал от треволнений,
От сражений в недрах ада
И от ноши непосильной.
Ночь проспал и день проспал он,
Ночь и день еще, и третий
День — до самого полудня.
Храп его летел на милю,
За две мили шелестели
Ветви от его дыханья.
Как тяжелый конский топот
Бревна моста сотрясает,
Так земля тряслась в округе
От могучего храпенья.

А как встал Калевипоэг,
Мужи двинулись в дорогу.
Алев-сын, удалый витязь,
Взял один мешок тяжелый,
Три мешка — Калевипоэг.

Калевитян сын любимый,
Из глубокой преисподней
Вынесший на нашу землю

Несказанные богатства,
Жил в то время в Линданисе
С побратимами своими.

Олев-сын, градостроитель,
Основал еще три града:
Город — в стороне полудня,
Город — в стороне восхода,
Город — в стороне заката,
Дряхлым старикам укрытье,
Беззащитным — место мира.
Калевитян сын любимый
Золота мешок истратил,
Чтоб украсить и устроить,
Заселить три эти града.
Полных три мешка червонцев
В клетки под замком лежали
Для других работ в запасе.

И пришли к нему три друга,
Ниву слов пред ним вспахали:
— Ты налей вина в баклаги,
Положи подарки в торбы,
В кошель клади приманки:
Свататься поедem в Кунглу,
Выбирать тебе невесту.
В Кунгле есть четыре девы,
Что тетерочки лесные.
Мы силки поедem ставить,
Расставлять на птиц тенета,
Чтоб оттуда унести их,
Из ольховника сманить их!
В Кунгле девушки искусны
Ткать богатые полотна,
По серебряной основе
Золотой узор выводят,
Чередуют красным шелком! —

Калевитян сын любимый
Молвил братьям, усмехаясь:
— Что ж, поедem город строить,
Насыпать валы крутые,
Ставить новый дом для свадьбы,
Ложe брачное готовить!
Из цветов построим город,
По углам поставим башни
Из черемухи цветущей,
А вокруг — валы из клена,

Дом — из желудей дубовых,
Из скорлуп яиц — хоромы,
Чтоб прохожие дивились,
Чужестранцы загляделись,
Умные бы разумели,
Для кого построил Калев
Этот город, эти стены!
Калев создал город счастья,
Терем радости построил,
Сделал ложе золотое
С шелковой плетеной сеткой.
Чтоб войти хотелось в терем,
Чудеса внутри увидеть
За шелковою завесой,
Серебром насквозь прошитой,
Золотом переплетенной,
Из парчи — кайма завесы,
Из тройных золотых волокон.
Там, вверху, растет орешник,
Снизу яблонь расцветает,
По краям белеют вишни,
Яхонты меж ними рдеют.

На откорм коня возьмите,
Выходите верхового!
Откормите боевого
Моего коня гнедого!
До рассвета выводите
На шелковые муравы,
До зари — на край озимых,
До восхода — к водопою.
Тайно от людей кормите:
Дайте мерку пред рассветом,
На заре — овса досыта,
Две — после восхода солнца
И большую меру — в полдень!
Месяц-два коня кормите,
Да еще и третий месяц,
И четвертого с неделю.
Вот тогда пора и в упряжь
Серого, промеж оглобель!
Вот тогда коня направлю
Я по свадебной дороге,
По тропиночке девичьей,
К дому кунгласких сестричек,
Что на шеях носят бусы,

На головушках веночки.
Как роса осыплет шубу,
На кафтан туман осядет,
Дождик брызнет на повязку,
На платок падет градинка, —
Вот тогда-то и поедет
За женой Калевипоэг! —

Калевитян сын любимый
На пиру сидел с друзьями.
Над застольем — звон веселья,
Шутки, громкий смех и говор.
Пенясь, кованные чаши
По рукам мужей ходили.
Восклищая, гости пили.
Покровителю жилища *
На пол — в дань — друзья роняли
Пену меда кружевную.
Брагу, свежий хлеб и мясо
И горячую похлебку
Ставили на камень Ёку.

Говорливых струн хозяин,
Там певец сидел в застолье,
Птицу-песнь в полет пуская:
„Пять в долине древних было,
На загоне слов старинных,
Шесть неведомых гнездились
Золотых в еловой чаще,
Пело семь в густой мозжухе,
Восемь — в ягеле болотном.
Там слова узлом вязал я,
Собирал я, услышал я
Там впервые золотые
И серебряные вести!“

Птица Сиуру, дочка Таары,
Синекрылая летунья
С шелковыми перышками,
Без отца ты народилась,
Проклевалась без родимой,
Выросла без милых братьев
И без ласковых сестричек.
Теплого гнезда не знала,
Мягким пухом выложенной
Колыбели материнской.
Это видел старый Ёку,
Подарил тебе он крылья,

Сделал крылья легче ветра,
Чтоб на них дитя скользило,
Чтоб на крылышках летало
Высоко, до белой тучи,
До серебряного неба!

Птица Сиуру, дочка Таары,
Синекрылая летунья,
Высоко взвилась в полете,
Далеко умчалась к югу.
Как на север повернула,
То увидела три мира:
Первый мир — девиц румяных,
Мир второй за ним — веселых
Недорослочков кудрявых,
Третий мир — приют малюток,
Светлый терем малолетних.

Птица Сиуру, дочка Таары,
Крылья острые раскрыла,
С песней полетела к небу,
К солнца городу златому,
К лучезарному чертогу,
К медным месяца воротам.

Птица Сиуру, дочка Таары,
Крылья легкие раскрыла,
Над землей весь день летала,
Повернула пред закатом
К теремам высоким Таары.
Спрашивал у дочки Таара:
— Где летала ты далеко?
Что в полете ты видала? —

Сиуру не испугалась,
Тааре птица отвечала:
— Где была я, где летала,
Там оставила приметы, —
Перышко одно — на юге,
А другое — на востоке,
Третье же — на полдороге
Между полночью и полднем.
Что я видала в полете,
Есть об этом семь сказаний,
Восемь повестей правдивых.

Мчалась я путями Кыуэ —
Дождевой дорогой радуг,
Грозовой дорогой града.
Долго в небе я кружилась,

А потом помчалась прямо
И увидела три мира:
Первый мир — девиц румяных,
Мир второй за ним — веселых
Недоросточков кудрявых,
Третий мир — приют малюток,
Терем в холе выраставших,
Яблонями расцветавших. —
— Спой о том, что ты видала,
Что в пути своем слыхала? —
— Мой отец, что я видала?
Что слыхала, золотой мой?
Игры девичьи видала,
Сетованья их слыхала.
Почему красавицы те,
Почему кудрявенькие,
Одинокие скучают,
По желанному тоскуют?
У прохожих, у проезжих
Бедненькие спрашивают,
Нет ли у отца сыночка,
Пусть не Сын Звезды — другой кто.
Лишь бы девушек утешил
Да их жалобы услышал! —

Выслушав, ответил Таара:

— Ты лети скорее, дочка,
Поспешай, родная, к югу!
С юга поверни к закату,
Наискось оттоль на север,
К золотым воротам Уку,
К дому западной хозяйки,
К бабе северной на гряды.
Ты зови гостей оттуда,
Честных сватов с женихами! —

Калевитян сын любимый
В дружеском кругу пирует,
Над застольем звон веселья,
Шутки, хохот молодецкий.
Кружки браги, чаши меда
По рукам гостей ходили,
Мужи Калевову сыну
Пили здравье круговое.
Алев-муж, удалый витязь,
Выпускал в полет запевку:
— Лейте, други, пену меда

Покровителю жилища!
Пейте брагу, удалые,
Осушайте ковш узорный,
Чтоб ни капли не осталось
В том ковше золотодонном!
Прутья выбросил я в поле,
Доски выбросил в ольховник,
Поручни унес в рябинник.
Там, где выбросил я прутья, —
Поднялись большие горы.
Там, где доски разбросал я, —
Выросли дубы густые.
Там, где поручни оставил, —
Тучи темные явились.
Где упала пена меда, —
Там широкими волнами
Море шумно заиграло.

Что там выросло у моря?
То два деревца высоких:
Яблонька в цвету весеннем,
Рядом с ней — дубок кудрявый.
Сучья дуба полны белок,
Листья — птичек голосистых.
Наверху орлы гнездятся,
Речка льется под корнями.
В глубине большие рыбы,
Серебристые лососи,
Черные сиги играют.
Девицы стоят на взморье
По колени в шумной пене,
Входят в море с головою,
По плечи в икру лососью.
Что они за рыбу ловят,
Что там ищут, дорогие?
Рыбака ловила рыба,
Деточку взяла морская.
Унесло волною братца,
Глубиною поглотило.

Мать оплакивала братца,
Я пошел искать малютку
В волны шумные по шею,
С головой в икру лососью,
В глубину морской пучины.
Что нашел я под волнами?
Меч нашел на дне пучины.

Взял блестящее железо,
Взял я меч из волн глубоких,
С берега стал кликать брата:
— Воротись, мой милый братец!
Воротись домой, родимый!
Наш родитель умирает,
При смерти лежит родная,
Старшин братец наш скончался.
Умерла сестричка наша,
Девушка лежит в соломе!.. —
Горько-горько я заплакал,
Поспешил домой скорее. —
— Ох, бессовестный лгунишка!
Ох ты, выдумщик бесстыдный!
За сголом сидит родитель
Невредимый с кружкой пива.
Матушка стрижет овечек
Ножницами золотыми,
А сестричка тесто месит,
На руках сверкают кольца.
Старший братец пашет поле
На волах дородных наших,
Борозду ведет глубоко,
Лишь звенят земные недра.
Полосатый вол — монеты
Старые выпаживает,
Белый вол — серебряные
Талеры выпаживает.
В борозде червонцы братец
Золотые подбирает,
Деньги черпает лукошком,
Хлебной меркою монеты,
В бочку золото сыпает! —
Калевитян сын любимый
В дружеском кругу пирует:
Над застольем звон веселья,
Шутки, хохот молодецкий.
В пене ходит кружка браги
По рукам могучих братьев,
В честь победы — ликование.
Сулев-сын, могучий витязь,
Развязал у песни крылья:
— Хмель кудрявый в палисаде,
Блещут шишечки красою,
Вьется кверху горделиво

По шестам-опорам частым,
Плегью скручиваясь туго!
Выходите, удалые,
Зрелый хмель снимать с подпорок,
Спелый хмель снимать идите,
На жердях сушить в овине!
У стены погост насыплем,
Он в котел пойдет оттуда,
Из котла забьется в бочку
И в пивной полубочонок.
Только в кружки пеной хлынет —
У мужчин отымет разум,
Пол-ума возьмет у женщин
И в обман введет сестричек.

Как ходил мой милый братец,
Как невесту ездил сватать:
Он проехал по долине,
Проходил сквозь частый вереск.
Повстречал он по дороге
Четырех невест кудрявых.
Стал он спрашивать красавиц:
„Почему вы, молодые,
Далеко ушли от дома?“
Девушки ему сказали,
Отвечали молодые:
„Из села идем мы в город,
Мы в посад идем, голубки,
Милые, идем на рынок,
По рядам гулять торговым...
Раз высмеивали парни
Нас, кудрявых, на гулянке.
Много сплетников в округе,
Много в селах злоречивых.
Вот они и стали хаять,
Стали девушек позорить...“

Я силки речей расставил,
Стал опутывать голубок:
— Покажи лицо, невеста,
Милый взгляд, румянец нежный! —
Застыдились, заалелись,
Убежали молодые
Через поле быстро к дому.
Я им вслед шаги направил,
Поспешал бегом за ними.
Стал смотреть я сквозь ворота,

Стал подглядывать сквозь ставни-
Спать легли они в подклети.
Как я их увидел, милых,
Сердце у меня заныло,
Все во мне захолонуло...

Вьется хмель-гордец, что кудри,
Блещут шишечки красою, —
Хмель, ты девушек не трогай!
Ты для девушек не шутка!
А веселье зачастую
До беды, до слез доводит. —

Калевитян сын любимый
В дружеском кругу пирует.
Над застольем звон веселья,
Хохот, шутки-прибаутки.
В пене ходит чаша меда
По рукам могучих братьев,
В честь победы — ликование.
Да и как могли помыслить,
Как могли они предвидеть,
Прежде времени проведать,
Что за вести к ним несутся,
Что за грозное несчастье
Попутру их ожидает!

Ходят спешные приказы
По окраинным заставам,
Мчат лихих гонцов гневные
Скакуны в медвежьих шкурах.
Отовсюду к Линданисе
Вести грозные стремятся:
Вновь гроза войны нависла!
Из-под Пскова скачет парень,
А другой — с лугов латышских,
Третий — из дубравы Таары
С горькой вестью о несчастье,
С вестью о беде неожиданной.
Уж к латвийским побережьям
На судах морских приплыло
Множество людей железных*.
От границ земли поляков
Войско движется другое —
Убивать народ и грабить,
Добрый мир в стране нарушить,
Праздник завершить бедою.
Мчитесь, быстрые посланцы!

В кошельках своих глубоких
Донесения старейшин,
Вести черные несите!

Калевитян сын любимый
В дружеском сидел застолье,
В горнице своей высокой,
И в полет беспечной шуткой
Птицу-песню выпускал он:
— Ну-ка, выпьем, братья-друзи!
Изопьем хмельного меду,
Во хмелю повеселимся,
Осушая чаши пива,
Пира славного кувшины!
Край о край бокалы сдвинем,
Пену меда сбросим на пол,
Чтоб светила нам удача,
Чтобы радость расцветала,
Чтобы век светило счастье
Над высокой нашей кровлей!

В поле обручи я брошу,
В березняк — покрышки кубков,
Вытащу столы в ольховник,
Донья бочек разбросаю.

Завтра сам искать начну я,
Выйду глянуть до рассвета,
Что из обручей дубовых,
Что в березнике из крышек,
Из столов в ольховой чаще,
Из разбитых досок доньев
Выросло прохладной ночью.
Люльки шест из прутьев вырос.

Крышки кубков превратились
В деревенские качели.

Поднялись из досок доньев
Для сказителей скамейки.
Девушки — на шеях бусы —
Милые пришли качаться,
Петь веселую былинку,
Так, что море взволновалось,
Корабли в волнах бросая.
И пришли спускать кораблик
На взволнованное море.
Бусы вешали на иву,
На кустарник — ожерелья,
Ленты на песок бросали,

Кольца сыпали на гравий,
На морской валун — браслеты.
Приплыла из моря щука
Черноспинная, из тины,
Птица-чайка прилетела, —
Бусы оборвали с ивы,
Утащили ожерелья,
Унесли с собой браслеты,
Ленты красные украли,
Кольца с гравия морского.

Девушки — на помощь кликать.
Звать защитника в несчастье:
— Выдь на помощь, парень Харью'
Выйди, молодец из Пяру! —

Но не слышал парень Харью.
Добрый молодец из Пяру.
Услыхал, пришел на помощь
Парень скал — игрок на гусях:

— Что вы плачете, голубки,
Жалуется, золотые? —
— Мы пошли спускать кораблик,
Вышли песню петь над морем,
Бусы вешали на иву,
На кустарник ожерелья,
Ленты на песок бросали,
Кольца сыпали на гравий,
На морской валун — браслеты.
Приплыла из моря щука
Черноспинная, из тины,
Птица-чайка прилетела, —
Бусы с ивы утащили,
Взяли наши ожерелья,
Унесли с собой браслеты,
Кольца — с гравия морского,
Ленты красные украли! —

Тот игрок на шведских гусях *,
Парень, девушкам ответил:
— Вы, голубушки, не плачьте!
Не печальтесь, золотые!
Мы разбойников поймает,
Закуем воров в железо! —

Снял тогда с плеча он гусли,
И повел смычком по струнам,
Песню начал ведовскую.

Волны замерли на море,
Тучи в небе стали слушать,
Приплыла из моря щука
Черноспинная, из тины,
Птица-чайка прилетела.
Кольца, бусы, ожерелья
Принесли они обратно.

Парень скал, игрок на гусях,
Молвил девушке с мольбою:

— Будь женою мне, голубка!
Что ни день у нас, то праздник,
Круглый год у нас пируют! —
— Не могу я, милый братец,
За тебя пойти женою!

В наших селах много сватов,
Женихов полно в округе.
Вот уже настанет осень,
Псы дворовые залают,
Сыновья Железной Лапы
Привезут вина бочонки.

А тебе спасибо, братец,
Благодарствуем за помощь!
Больше заплатить не можем. —

Той порон, пока сын Калев
На пиру сидел веселом,
В горницу вошел приезжий —
Чародей лопарский Варрак.
Ласково сказал он, глядя
У хозяина колени:

— Дай тебе удачи Уку!
Да пошлют тебе благие
Счастье в каждом начинанье!
Все в твоём высоком доме
Радостью, довольством дышит.
Ты исполни обещанье,
Чтобы радостный ушел я
В дальний путь, в свою отчизну!
Долго странствовал я в мире,
Много я углов обнюхал
И узнал вчера случайно,
Что хранишь ты в старой башне
Клад, прикованный цепями,
Клад под куполом гранитным.
Дай мне в дар его, чтоб завтра
Радостно я в путь пустился! —

Калевитян сын ответил:
— Нет во всех владеньях наших
Ни теленка на веревке,
Ни щенка, ни пса цепного,
Ни невольника в оковах,
Ни упрятанного клада.
Признавайся, что ты в башне
На цепях и под замками
Мне, хозяину, доныне
Неизвестное увидел? —

Отвечал лукавый Варрак:
— Книгу в башне я увидел,
Письмена в железных крышках,
На цепях тяжелых книга.
Редкую позволь мне книгу,
Древнюю, унести с собою! —

Калевитян сын могучий
Позабыл о древней книге,
Ничего о ней не помнил.
И не ведал он, куда же
Перед смертью старый Калев,
Мудрость жизни долголетней,
Поученья и законы
Записав в железной книге,
Поместил ее надежно.
В этой старой книге были
Древние установленья,
Наше право и законы —
Клад был золота дороже,
Он свободы был оплотом,
Родником добра и счастья.
Захотел лукавый Варрак
Завладеть богатством нашим
Для своей страны — на счастье.

Калевитян сын в похмелье
Гостю хитрому ответил:
— Что ж, бери в подарок книгу,
Чтобы долгой зимней ночью
Не скучать над ней с лампадой!
Может, вычитаешь в книге
Сказку старую, чужую —
Малым детям на забаву,
Старым людям на потеху! —

Сулев с Калевом заспорил,
Олев начал препираться:

— Надо бы добро прошупать,
Прежде чем отдать в подарок!
Кто же купит поросенка,
Из мешка его не вынув?
Ведь отец твой, мудрый Калев,
Книгу б на замок не запер,
На цепях не приковал бы,
Если б в ней добра не видел,
Пользы бы не ждал от книги! —

Калевитян сын любимый
Не внимал запрету друга,
А сказал в ответ беспечно:
— Если даже в книге мудрость
Драгоценная хранится,
Должен я исполнить слово:

„За рога — быка, а мужа
Честного — за обещанье!“ —
Так гласит завет старинный. —

Снять с цепей велел он книгу,
Выдать Варраку немедля.

Письмена в высокой башне,
Заперты тремя замками,
На тройных цепях висели.
Да ключей не отыскали,
Чтоб заржавленные кольца
Вынуть из замковых мочек.
Хоть и знал лукавый Варрак,
Где ключи, о том не молвил.

Калев отдал повеленье:
— Разломайте стену башни!
Ломом выломайте камень
Вместе с книгой и цепями! —

Тяжкий выломали камень
Вместе с книгой и цепями,
Погрузили на телегу,
Запрягли в ярмо телеги
Двух быков могучерогих.
Отвезли на пристань книгу,
На корабль перетащили,
На котором гость лопарский
Плыть за море собирался.

А гонцы с вестями мчались
По бревенчатому мосту,
Под воротами градскими.
Загрели бревна моста,

Дрогнули врата градские,
И тогда спросил сын Калев:
— Это кто по мосту скачет,
По гремучему настилу,
Сквозь высокие ворота? —

В горницу гонцов позвали
Перед Калевовы очи,
И посланцы объявили,
Что уже телега брани
На окраинах грохочет,
Что война уже бушует
Градом стрел, лесами стягов,
Грозною щетиной копий,
Топорами пробиваясь.
Множество людей железных,
Войнство отродий ада,
С берегов на нашу землю
Вышло убивать и грабить,
Угнетать народ свободный.
Женщины в селеньях плачут,
Старики седые стонут,
Дети малые рыдают.

Калев-сын спросил посланцев:
— Что же делают мужчины?
Иль у нас в краю не стало
Дюжих витязей могучих,
Чтобы старых отстояли,
Беззащитных защитили? —

И ответили посланцы:
— Парни руки опустили,
Мужиков гнетет забота:
Меч ломается о латы,
Панцыря топор не рубит! —

Калев-сын гонцам промолвил:
— За столы садитесь, братья!
Тело пищей подкрепите,
Горло медом освежите! —

Накормили, напоили,
Спать посланцев уложили
На пуховые подушки,
На шелковые постели —
Отдыхать, дремать с дороги.

Калевитян сын любимый
Сна отрадного не ведал,
Не сомкнул очей усталых.

Ночью за город он вышел
По ветру тоску развеять,
Заглушить тревогу сердца.
Он пришел на холм отцовский,
Сел на край родной могилы.

Но молчал отец в могиле,
Ничего не молвил сыну.

Лишь взбегали волны моря
С шумом на берег отлогий,
Да стонал холодный ветер,
Падала роса, как слезы,
Тучи плакали седые...

Мертвых призрачные тени
Поднялись, вздымая ветер.

Калевитян сын могучий
Двинулся домой в печали.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

*Сборы в поход Битва
Послы железных людей Кончина Калевипозга
У ворот преисподней*

Щ

вет малины покрывает
Сумрачный кафтан тумана.
За седой холодной мглой
Меркнут дюны золотые,
Море хмурится угрюмо
Морщью горечи и гнева.
Солнца утреннего лик
Тучи глухо завалили
То ль холодный ливень свищет,
То ли град тяжелый хлещет
По увядшему посеву?
То не Калева ли сына
Древний щит звенит о скалы?
Не в руке ли грозной жницы
Блещет серп кровавой жатвы?
Пой, крылатая вещунья!
Из серебряного клюва
Языком прощелкаи медным,
Как беда обсеменилась,
Как погибель подымалась!

Вот он, ров глубокий смерти,
Вот она, долина боя,
Где почили беспробудно
Вечным сном, без сновидений,
Мужи доблести и славы...

Калевитян сын могучий,
Уж не ты ль из мглы вечерней
Рассказать пришел сегодня
О последних горьких ранах?
Сказывай же, друг, бывшее,
Пой из люльки дней минувших
Окончание сказаний!
Пред тобою отступали
Смерть сама и вражья сила.
Но печали злое бремя
Даже мощь твою сломило,
И заклятием злосчастливым
Кузнеца в краю Суоми
И твоим несчастным словом
О мече ты был погублен.

Богатырь Калевипоэг,
Только весть войны услышал,
Тотчас кончил пир великий,
Встал из-за стола веселья.
Он во все свои пределы
Разослал гонцов верхами —
На войну скликать отважных,
Подымать на бой сильнейших,
Храбрых юношей и мужей.
Прежде чем в поход пошел он,
Двум своим друзьям любимым
Мудрое промолвил слово
— Золота у нас не будет,
Серебра в ларях не станет,
Коль уйдем и дом покинем
Без защиты от разбоя
Отнесем добро в укрытье,
В землю черную зароем,
Чтобы тать ночной не выкрал,
Чтоб разбойник не ограбил⁴.
А когда настанет снова
Время радости и мира,
Мы вернем добро из плена,
Огопрем тюрьму сокровищ —

И просторную могилу
Выкопали побратимы
Золото в нее сложили,
Серебро в могиле скрыли.

В тихий час глубокой ночи
Калев-сын изрек заклатье:
„В пазухе земной глубоко,
Под сыпучими песками,
Хороню я наш достаток,
Золотую шапку счастья,
Добрую добычу боя,
Все сокровище победы,
Бусы матери любимой,
Золотые ожерелья,
Серебро рублей тяжелых,
Бочки талеров заморских,
И расходную монету,
И старинные копейки,
Что от дедов нам достались.

Пусть три брата черной крови,
Без одной шерстинки белой,
Будут жертвенным закланьем:
Черный петел, травный гребень,
Черный пес или котенок,
Третий из-под чернозема —
Черношерстый крот безглазый!
Вспыхнет Яни-огонечек —
Указание сокровищ...
Кто придет — обрызжет землю
Черной жертвы черной кровью:
Выдь, котел, на три аршина
И еще — на локоть с пядью!
Ты услышь слова заклатья,
Вверься мудрой силе Таары!
Коль чужак или сородич
Мать пришельца опозорил,
Ты тогда ему, заклятый
Старый клад, не дайся в руки,
Только сыну чистой девы,
Счастье старое, достанься!“

Тут свой клад заговорил он
Древним заговором тайным
И заклал заклатьем страшным.
Этих слов никто не знает,
Никогда не угадает,

Кроме баловня удачи,
Баловня судьбы счастливой,
Лишь ему падет награда
Приподнягь котлы сокровищ,
Взять из-под земли богатство.

Но еще не родился,
Не явился сын удачи,
Кто бы Калева богатство,
Яркую находку счастья,
Отыскал в норе подземной,
Из могилы тайной вынул!

На рассвете раным-рано,
Под багряным стягом утра,
Препоясался на битву
Богатырь Калевипоэг.
С наконечником зубчатым
Взял копье и щит тяжелый.
Вывел скакуна из стойла,
Боевого — от кормушки.
Мужа Алева поставил
За собою щитоносцем.
И, поднявши рог военный,
Затрубил в громоголосый,
Подавая весть народу,
Воинов своих в дорогу
Издалека созывая.

„Туру-руру! Туру-руру!..“ —
Рог взывал зычноголосый.
Отзывался бор глубокий,
Скалы, горы голос рога
Многokrатно повторяли.
Ветер стих, умолкло море,
Внемля рогу боевому:
Дали далям зов тревожный
Витязя передавали,
Чтоб народ его услышал
На морском побережье Виру,
На дорогах Ярва, Харью,
На лугах широких Ляне,
В Алутага, в дебрях Пярну,
На дубравных тропах Таргу.

„Туру-руру! Туру-руру!..“ —
Откликались боры, горы
На могучий зов тревоги.
Ветер затаил дыханье,

Бурное умолкло море:
Дали далям клич военный
Витязя передавали.

Сыновей в дорогу брали,
Старших в селах провожали,
Братья парились на печке,
Матери белье стирали,
Скакунов отцы ковали,
Дяди сбрую снаряжали.
Меч одно село точило,
А другое гнуло шпоры.
На дворе сестра рыдала,
На полу сестра другая,
В задней горнице — невеста.

„Туру-руру! Туру-руру!...“ —
Рог взывал громоголосый.
Вторил рогу бор дремучий,
Горы зычно откликались.
Ветер затаил дыханье,
Бурное умолкло море,
Чуткие внимали скалы
Звукам зова боевого,
Грому Калеева рога:
Дали далям посылали
Несмолкающее эхо.
И гремело это эхо
На морском побережье Виру,
В селах Ярва, в долах Харью,
На полянах вольных Ляне,
Отзывалось в чашах Пярну,
Пролетало в Алутага,
По дубравным тропам Тарту,
До границ далеких Пскова.
Шумно реяли знамена,
За дружинами дружины
Шли топтать дорогу брани,
Путь кровавый ископытить.

По стране — по всем дорогам —
Бодрые гонцы скакали,
Торопя неторопливых...

Тут сестра учила брата:
„Снаряжаю, братец милый,
Снаряжаю, наставляю:
Братушка ты мой родимый,
Как пойдешь дорогой смерти,

Как на поле брани выйдешь, —
Ты вперед не вырывайся,
Позади не оставайся!
Первых — стопчут, посбивают,
Отсталых — поубивают!
Ты кружись в ядре сраженья,
Стой поближе к знаменосцу,
Средние — домой вернутся!“

Женушка в углу стонала,
Так супруженька рыдала:
„Кто меня одну согреет,
В золотых сожмет объятьях?
Ведь ольха не приласкает,
Клен тоску унять не сможет
И березка не обнимет!“

„Тара-рара! Тара-рара!..“ —
По горам, полям и дебрям
Громозвучно раздавался
Калевитян рог военный.
Ветер затаил дыханье,
В море умолкали волны,
Хмурые внимали скалы
Звуку зова боевого,
Гулким эхом откликаясь,
В дали отзвук посылая.
За дружиною дружина
По лесам и по долинам
На призывный голос рога
К сыну Калева спешили.

Калевитян сын могучий
Ехал на коне горячем
В глубину священной рощи,
К месту воинского сбора,
И трубил, не умолкая,
Рог от губ не отрывая,
Чтоб с пути не сбилось войско,
Чтоб в лесу не заблудилось.

В глубине дубравы древней
Птица Калеву пропела:
— Отточь свой меч тяжелый,
Острие копья стальное,
Прежде чем на поле выйдешь
Истреблять людей заморских,
Разрубить щиты и латы! —

Калевитян сын могучий
Внял совету мудрой птицы.
Добыл он точильный камень
И отбойник оружейный,
Отпустил-отбил он оба
Лезвия меча стального,
Крепко насадил копейный
Острозубый наконечник.

А меж тем на берег Эмы,
За дружиною дружина,
К Калеву сходилось войско.
Сулев-муж явился первый
С ополчением отборным,
Следом Олев со своими.
И богатырей сильнейших
Вскоре множество явилось.
Сотен шесть пришло из Виру,
Сотен семь — из Курессааре,
Сотен восемь — из Суоми.

На простор их вывел Калев,
На широкую равнину.
Перечел, число запомнил
Витязей в кафтанах черных...

Сбор тянулся дня четыре,
Наступил уж пятый вечер.
Солнце за лес закатилось,
Как оставшие от войска
Мешкатели подоспели.

Калевитян сын могучий
Стан воздвиг среди долины.
День он людям дал на отдых,
День — для снаряженья к бою,
А на третий, на рассвете,
Чуть на кровле дома Таары
Крыльями петух захлопал,
Рать пошла в поход великий,
Двинулась дорогой брани
К западу, с нагорий Таары.

Солнце полпути дневного
Не прошло, когда ударил
Долгий бой кровопролитный
С выходцами из-за моря —
В сталь одетыми мужами,
Что нагрянули неожиданно,
На несчастье нашим землям.

Калев-сын неутомимый
С полдня до зари вечерней
Сокрушал мужей железных,
Вламываясь в гущу войска.
Пал скакун под ним к рассвету,
Конь не выдержал могучий
Испытаний тяжкой битвы.

Падали ряды слабейших
Сотнями на ложе смерти.
Вражеских мечей удары
Гибель сеяли повсюду,
Где ни рушились на темя,
Опускались на затылки.

Смертоносная секира
Сулеву в бедро вонзилась,
Мышцы до кости рассекла.
На землю с коня упал он,
На истоптанное поле.
Кровь клокочущим потоком
Побежала по долине,
Жизнь умчать спеша из тела.

А как только с поля боя
Был он вынесен дружиной,
К Сулеву склонился знахарь,
Заговариватель крови,
Боль унять жестокой раны,
Ключ кровавый запечатать:
„Кровь, о кровь! Ведь не вода ты!
Кровь, о кровь, ты влага жизни!
Что ж русло ты покидаешь,
Что уходишь из колодца?
Перед словом чародейным,
Перед светлым оком Таары
Затвердей комлем дубовым
В каменном ущелье жилы!..“

Но струею кровь хлестала,
Не послушалась приказа,
Бедренная не закрылась
Перерубленная жила.
Стал ведун тогда словами,
Тайными из самых тайных,
Стал железными словами
Запирать поток кровавый.
Затянул тесьмою красной
Он бедро поверх разруба,

А потомдохнул на рану.
Тут же кровь остановилась.
Снадобье он изготовил,
От смертельных ран лекарство,
Мазь из трав заговоренных,
Мазь из трав, что собирал он
В ночь глухую, в полнолуние,
Что средь вереска лесного
На лугу в ночи нарвал он,
В ельнике нашел зеленом.
Унимающую боли

Положил он мазь на рану
И перевязал тряпицей,
Чистой затынул холстиной.

Калев-сын неутомимый
Воинов валил железных,
Клал пленников в долине.
Содрогнулась вражья сила,
Вспять поспешно обратилась.

Где с мечом прошел сын Калев,
Вражьи трупы дол покрыли,
Словно скошенное сено,
И дымились лужи крови,
Словно влага дождевая
В бороздах иссохшей нивы.
Сотни тел, голов валялись,
Рук отрубленных без счета.

В жаркой суматохе боя,
Под горячим летним солнцем,
Истомился витязь Калев,
Изошел тяжелым потом.
Пересохло горло мужа,
Все нутро его горело
От мучений долгой жажды.
Тут, покинув поле битвы,
К озеру пошел сын Калев,
С берега к воде склонился,
Ртом припал к холодным струям
А когда он пить окончил,
На озерном дне остались
Только черный ил да тина.

Сына Калева дружина
Погребла друзей убитых
На озерном побережье,

Под высокими холмами,
Чтоб могли героев души
В пору паводков весенних
Иль во дни осенних ливней,
Если дол вода затопит,
На вершины тех курганов
Выходить ночной порою,
Проводить в беседе время.

Люди от трудов похода,
От великих тягот боя,
Двое суток отдыхали,
Перевязывали раны,
Затупившиеся в битве
Лезвия мечей точили,
Топоры свои и копья,
Луки ладили и стрелы.

На рассвете третьих суток
Воины шатры связали,
Опоясались оружием,
На спины выюки взвалили
И навстречу новым битвам,
Дать отпор вражде и крови,
Двинулись в поход далекий,
Вслед за Калевым сыном.

К берегам реки священной
Вышли, к Выханду, дружины.
Натаскав камней огромных,
Калев стал носить деревья,
Толстые дубы и сосны
Выворачивать с корнями.
Олев-сын поставил сваи,
Мост бревенчатый построил,
Будто плот на волны легший.

Как пошли мостом дружины,
Бревна нижние дрожали,
Камни на углах качались...

Весть лазутчики примчали,
Что восточную границу
Перешли войска поляков
И воинственных литвинов,
Что идут за ними тучей
Новые враги — татары.

Снова тяжко загремела
Грозная телега брани.
Калевитян сын могучий

Двинулся врагам навстречу.
Первых он поляков встретил,
Взялся вновь за меч тяжелый
И побил в бою жестоком
Супротивников без счета.
Гуще клюквы средь болота,
Больше градин после града
Пало на поле убитых —
На три локтя высотой.
Кровь текла рекой в долине
Глубиной в четыре пяди.
На рассвете дня другого
Повстречались им татары.
Калевитян сын могучий
Взялся вновь за меч тяжелый.
Тысячи там чужеземцев
Спать навеки уложил он.

Бой семь дней тяжелых длится.
Семь ночей, без перерыва.
Много пало вражьей силы.
Но и в Калевовом войске
Не хватало половины.
Сулев, младший из собратьев,
Молодым почил на ниве...

Калевитян сын любимый
Подобрал останки друга
И принес на холм высокий,
Чтоб его оплакать с честью.
Друга Алева послал он
Подбодрить ряды передних,
Поднимать на битву средних.

Алевитян сын любимый
Полетел на крыльях ветра,
Отдал войску повеленье
Опрокинуть вражью силу.
Острые мечи рубили,
Копья вражий строй ломили,
Косы смертные косили.
В пляске топоров тяжелых
Пали многие в долине:
Не роса в тот день к закату, —
Кровь росой легла на вереск.

Калевитян сын могучий
Затрубил отбой дружинам,
Прекратил кровопролитье,

Чтоб соратников убитых
Схоронить под кровом ночи.

Люди, Сулева оплакав,
Тело предали сожжению
И воздвигли холм высокий.
И на том холме высоком
Пепел Сулева в кувшине
Валунами заложили.

Калев-сын с остатком войска
На рассвете дня другого
Снова на татар ударил, —
Тяжкий он нанес урон им.
Но и сыновей эстонских
Без числа в той битве пало.
Те же, что в живых остались,
Дрогнули и побежали.

Трое сильных побратимов:
Олев, Алев и сын Калев —
Словно глыбы скал, бесстрашно,
Три щита сомкнув стеною,
Выстояли в лютой битве
Вплоть до наступленья ночи.
Солнце тихо закатилось,
Тьма ночная наступила.
Утомленная работой,
Битва в поле задремала.

Трое витязей отважных
Двинулись через долину
Поискать ручья в округе,
Освежить водой студеной
Пересохшие гортани.

Там с крутыми берегами
Было озеро в долине —
Под луною восходящей
Тускло зыбь его блестела.
Братья, жаждою томимы,
С крутизны его прибрежной
К водам сумрачным спустились.
Алев-муж, годами младший,
Голову склонил с обрыва,
Только на ногах усталых
Богатырь не удержался
И упал в глубокий омут,
Камнем канул в бочажище.
Олев и Калевипоэг

Бросились ему на помощь.
Только друга дорогого
Не спасли они от смерти —
Вынесли они на сушу
Труп из глубины озерной...
И над берегом высоким
Братья холм ему воздвигли.

Говорят, что глаз счастливый
Видит при сиянье солнца,
Как блесит на дне глубоком
Богатырский шлем железный
И трехгранный меч широкий —
Память Алева святая.

Бедствия войны жестокой,
Милых горестная гибель
Тяжкой скорбью омрачили
Сердце Калеева сына,
Так что ночью сна не знал он,
Днем не находил покоя,
Не был рад восходу солнца,
Вечером не утешался.

Бременем тоски великой
Угнетаемый глубоко,
Олеву он молвил слово:
— Вот цветы времен отрадных,
Первоцветы лет счастливых,
На лугах моих увяли!
С пастбищ, с выгонов весенних
Прежде времени пропали;
Белыми черемухами,
Яблонями осыпаясь,
Разлетелись лепестками
По кустарникам безлистным,
По невспаханному полю!
Солнца лета не дождались,
Красных дней не увидали...
Оттого сегодня плачет,
Как вдова, в лесу тоскует
Безутешная кукушка,
Оттого всю ночь рыдает
Соловей о прошлом счастье.
Как увядший дуб без листьев,
Пораженный в сердцевину,

Я остался одиноким,
Без друзей, без милых братьев,
В путях горести огромной!
Дни веселья улетели,
Солнце счастья закатилось.

Слушай, Олев, друг мой милый!
Ты возьми кормило власти,
Сядь на княжеское место.
Защити побережья Виру,
Заслони селенья Харью
Охраняющей рукою.
Обоснуйся в Линданисе,
В нашей крепости исконной.
Окружи стеной могучей
Городское поселенье,
Рвами стены опоясай.
Сделай город неприступным,
Местом верного укрытья
Немощных и престарелых,
Вдов и девушек печальных,
Детушек осиротелых.
Доброе построй укрытье
Беззащитным, льющим слезы
О мужьях своих, о братьях,
Об отцах своих пропавших
И о суженых, убитых
На войне с врагом жестоким,
Чтобы влаги ключ закрылся,
По щекам не плыли слезы!

Мне пора уйти, как птице
Время с летних вод сниматься,
Как орлу к иным утесам,
Лебедю к иным озерам,
Селезнем в тростник забиться,
Тетеревом — в можжевельник,
В глубине лесной скрываться,
Зарываться в лист опавший,
Время прошлое оплакать,
Потушить пыланье горя,
Позабывать о невозвратном.

Управляй народом Виру,
Мир его оберегая.
Управляй людьми с любовью,
Будь правителем счастливым,
Будь, мой друг, меня счастливей! —

Калевитян сын любимый
С другом горестно прощался,
Покидал поля в унынье,
Тихий дол с тоской глубокой.
В дебри темные ушел он,
В бурелом глухой чащобы.
Там убежища искал он *,
Посреди лесов дремучих,
Где никто пройти не может,
Где никто его покоя,
Дум его не потревожит.

Калевитян сын любимый
В путях горести огромной
Много дней бродил по дебрям,
По трущобным буреломам,
По болотам и трясинам,
По пескам непроходимым.
Наконец, по знаку счастья,
Вышел он на берег Койвы.
Там решил остановиться,
Основать свое укрытье
Под широкой сенью сосен,
Под шатром могучих елей,
Где в любую непогоду,
Под грозою и пургою,
От ветров, дождей и зноя
Мог бы он найти защиту,
Кров для отдыха надежный.

Там-то, никому не ведом,
Славный витязь поселился,
Словно бедный муж-отшельник.
Дни его текли в мученьях,
Ночи долгие в страданиях.
Не смыкал он вежд ночами,
Сна отрадного не ведал.
Много дней в лесу ни пищи,
Ни питья не принимал он.
Был он жив дыханьем ветра,
Обогрет щедротой солнца,
Напоен дождем небесным.

А как мужа донял голод,
Выломил он удилище,
Жердочку для ловли раков.
Начал в Койве удить рыбу,
Раков выгребать из тины.

Вышли на берег в то время
Трое воинов железных *.
Их привел счастливый случай
На лесистый берег Койвы,
Где избрал Калевипозг
Место для уединенья.
Завлекать его пришельцы
Стали хитрыми речами:
— Калевитян сын достойный!
Славный воевода Виру!
Подружись с дружиной нашей:
Власти мощь в твоей деснице,
Полнота державной силы.
Разум же — у нас в кармане,
Мысль и мудрость — в нашей торбе.
Если б мы водили дружно
Братский плуг в ярме едином,
Никакая сила в мире
Не поспорила бы с нами.
Так отдай бразды правленья
Под защиту нам — хитрейшим! —
Калевитян сын могучий,
Речь забавную услышав,
Не ответил им ни слова,
Но глаза свои лукаво
Опустил на гладь речную,
Спину к плутам повернувши.
В зыбком зеркале потока
Калевитян сын увидел
Отраженья говорящих,
Ставших за его спиною,
Как они мечи из ножен
Вынули, намереваясь
Умертвить его разбоино,
Поразить внезапно в спину.
Калевитян сын могучий,
Видя их коварство, молвил:
— Меч пока еще не скован,
Не отточено железо,
Нет еще руки на свете,
Нет еще могучей длани,
Чтоб меня убить сумела.
И не вам об этом думать,
Подлые ублюдки ада,
Заугольные убийцы! —

Так промолвив, ухватил он
Одного из тех пришельцев,
Взял коварного за шею,
Развернул над головою
Сына племени железных,
Закрутил его, как вихорь,
Раскрутил, как пук кудели,
Так что человек железный,
Телом воздух рассекая,
Шум производил, подобный
Свисту северного ветра.
Наконец, Калевипоэг
Грянул оземь сына ада!
По пояс ушел тот в землю,
До полгруды в матерую!

Богатырь в мгновенье ока
Ухватил тогда другого,
Закрутил его, как вихорь,
Раскружил, как пук кудели,
Развертел над головою
С шумом северного ветра.
Словно буря разыгралась,
Вихри бешеные мчались,
Ели стройные сгибая,
Сосны с корнем вырывая,
Мощные дубы качая.
Калевитян сын могучий
Грянул оземь сына ада!
Тот ушел по горло в землю,
В черный грунт по подбородок!

Третьего тогда злодея
За ворот схватил сын Калев.
Раскрутил, вращая вихрем,
Воина в доспехах бранных,
Раскружил, как пук кудели!
Свист пошел по всей округе,
Гулом бор дремучий полня,
Волн валы вздымая в Койве,
Громом отдаваясь в небе,
Будто по мосту стальному
Мчался в кованой телеге,
Потрясая землю, Кыуэ.
Богатырь Калевипоэг
Грянул об землю пришельца
И загнал, собаку, в землю

С головою, в матерую,
Так что памяти по третьем,
Кроме ямы, не осталось!

После них другой явился
Паренек — хитрее первых;
Пришлецы послали парня
Сына Калева тревожить,
Подкупать его посулом.

Долго, сладко говорил он,
Пел медовым голосочком.
Наконец, Калевипоэг
Отвечал миролюбиво:

— Что нам тратить время, братец,
В этих долгих разговорах!
Плохо на пустой желудок
Попусту болтать пустое.
Ты пойди на берег Койвы
К жердочкам моим ловецким,
Да проверь их, сколько раков
На приманках прицепилось.
Как наполню я желудок,
Малость утолю свой голод,
Я добром тебе отвечу,
Объявлю свое решение. —

И тогда тяжелым шагом
Двинулся железнородный
На берег — тащить из речки
Племя с черными клешнями.
Кто видал затейней дело?
Кто еще так забавлялся?
Ловлю добрую задумав,
Калев-сын сосну большую,
Всех других в лесу огромней,
Выворотил с корневищем
И корявыми ветвями
Опустил в реку с обрыва
Ту сосну приманкой ракам,
Вместо жердочки ловецкой.

У железного пришельца
Силы в теле не хватило
Эту жердочку подвинуть
Хоть на палец, а не то что
Выволочь ее на берег.

Двинулся Калевипоэг
Поглядеть, что за причина

Парня в деле задержала.
Подошел. За толстый комель
Взял сосну одной рукою
И на высоту — в три воза,
Друг на друга взгроможденных —
Над водой сосну приподнял.
Что болтается на сучьях?
Лошадь старая — на сучьях,
Падаль, без хвоста и гривы
И с ободранною шкурой.

И с веселою усмешкой
Молвил Калев-сын могучий:
— Двигай, братец, восвояси.
Расскажи своим домашним,
Что ты здесь, в гостях, увидел,
Как ловил со мною раков.
Там поодаль, на полянке,
Ты еще кой-что увидишь.
Там гостей моих недавних
Ты, своих знакомых, встретишь.
Первый — по пояс в землеце,
По уши другой — в матерой,
Третий — вовсе под землею,
И о нем, друзьям на память,
Лишь дыра в земле осталась.
Силою я вас сильнее,
Мощным станом вас дородней,
Костью шире, ростом выше.
Вы не то что мне не ровня, —
Если вас судить по правде,
Вы мне в слуги не годитесь,
Ни в поденщики — по росту,
Ни в наймиты — по дородству.
Лучше жить один я буду,
Как лесной отшельник бедный,
Чем впрягусь в упряжку вашу.
Эти плечи, эту шею
Не сковать стальной цепью,
Не зажать ярмом неволи! —

После этого немало
Уговорщиков лукавых
К Калеву тропу топтало,
Липло, словно гнус болотный.
И с тяжелой ношей горя

С места, еле обжитого,
Двинулся он в лес дремучий,
В недра чащ непроходимых,
Где ни следа, ни тропинки.
Нового искать укрытья
Со своей тоской ушел он.

Шел он сутки, шел другие,
Третьи шел без останову
По лесным угрюмым дебрям.
На четвертый день вступил он
В область озера Чудского,
В земли Пскова, где когда-то
Он дорогою удачи
Много раз ходил в дни счастья.
Но места, родные прежде,
Чуждыми теперь казались.
Дальше путь свой продолжая,
Вышел муж Калевипоэг
На высокий берег Кяпы,
Где в его походе прежнее,
В пору дней его счастливых,
Унесенный хитрым вором
Меч на дно дремать улегся,
Дабы мстить его носившим,
На беду, его владельцам.

Калевитян сын любимый!
Ты не мог заране ведать,
Светлым разумом предвидеть,
Угадать в виденье сонном,
Вещею душой почуять,
Что старинное заклатье
Кузнеца Железной Лапы
Заколдованною сталью
Злую смерть тебе готовит,
Западню кровавой мести.

За похитчиком в погоне,
Меч свой под водой увидев,
Ты ведь сам пропел заклатье,
Завещал стальному другу:
„Если на берег придет он —
Тот, кто завладел тобою,
Ненароком ступит в воду, —
Вот тогда, мой спутник бранный,
Отруби ему ты ноги!“

Это грозное заклатье
Меч заветный обернул бы
Против знахаря лесного,
Колдуна, что в годы оны
Меч украл и, убегая,
Обронил добычу в воду.
Но твое заклатье, витязь,
С прежним кузнеца заклатьем
Меч в дремоте перепутал.

И когда Калевипоэз
Сам ступил на дно речное,
Меч проснулся, вспоминая:
„Уж не тот ли это самый,
Кто носил меня когда-то
И которого жестоко
Поразить теперь я должен?“

И ударил меч свирепый
По коленям богатырским,
Мышцы разрубил и кости,
Голени отсек от гела.

Калевитян сын могучий,
Обуянный смертной мукой,
Вопль издал, зовя на помощь.
Он отполз на четвереньках
К берегу. Упал на землю,
Бурной кровью истекая.

Хоть в реке остались ноги,
Но, упав, огромным телом
Он покрыл полдесятины
Кровью залитой поляны.

Стоны Калееова сына,
Громкий зов его на помощь,
Вопли нестерпимой боли
Гроном к облакам летели,
Выше облак подымались
И достигли тверди неба,
Горницы отца вселенной.

Стоны Калееова сына,
Вопли нестерпимой боли
И теперь, через столетья,
Слышатся, не умолкая,
Сыновьям семьи эстонской,
Дочерям дворов эстонских.

И еще столетья будут
Петь о Калеве в народе —
До поры, пока последний
Соловей золотоклювый,
Песнопевец наших былей,
Не умолкнет, погруженный
В вечный сон, без пробужденья.

Прежние друзья сходили
С неба — посмотреть на брата,
Унимать его мученья,
Утишать его страданья,
Утоляющую боли
Мураву на раны клали.

Все же смерть не отогнали.
Кровь рекою шла из тела,
Жизнь в волнах своих умчала.

Калев-сын со смертью спорил
И, в страданиях угасая,
Кровью алою горячей
Обагрил широкий берег.
Но иссяк источник крови,
Охладело, затвердело
Тело, сердца стук умолкнул.
Но сверкали, как живые,
Мужа ясные зеницы,
Устремляя взоры к небу,
К двери дедова жилища.

И душа его, как птица,
К солнцу трепетно взлетела,
На могучих крыльях в тучах
Пронеслась, достигла неба.

Душу Калева на небе
Облекли подобьем плоти,
Той, что на земле осталась,
Для веселых богатырских
Игр, когда гремит и блещет
Пикне, праздная победу.

От забот земных, тяжелых
Отдыхая, славный Калев
Средь мужей, избранных Таарой,
Перед очагом вечерним,
Подперев щеку ладонью,
Слушал песни и былины,
Где пути его земные,
Богатырские деянья,

Им свершенные при жизни,
Прославлялись золотыми
Языками песнопевцев.

Но в душе носил заботу
Праотец всего живого,
Голову не мог седую
Преклонить на изголовье,
В помыслах перебирая,
На какую должность в небе
Сына Калева поставить.

Ибо муж Калевипоэг
До скончания славной жизни
Совершил неслыханные
Богатырские деянья,
Одолел владыку ада!
Так нельзя же беззаботно
Мужа сильного оставить
Праздно по небу слоняться.

Древний праотец вселенной
На совет созвал великий
Сыновей своих могучих.

Круг сынов мудрейших Таары
Собрался в чертоге тайном,
Меж собой совет держали,
Разбирались двое суток,
Думали два дня, две ночи,
Как бы Калеева сына
К делу на небе пристроить.

И на третий день, к рассвету,
Мужи славные совета
Узаконили разумно:
Чтобы Калееву сыну
Стать у адских врат на страже,
Наблюдать за преисподней,
Чтоб не вырвался Рогатый,
Не порвал цепей, пройдоха,
Не бежал из заточенья.

И покинувшую тело,
Голубком поднявшуюся
В небо душу Калееву
На землю опять послали,
Чтобы в прах вошла холодный,
В прежнюю свою обитель.

Воротилось к жизни тело
Витязя, зашевелилось

От макушки до коленей.
Но в реке оставшиеся
Голенн отрубленные
Не могла ни мудрость вечных,
Не могла ни воля Таары
Прирастить к коленям мужа.

И героя посадили
Боги на коня гнедого,
Провели дорогой тайной
До пределов преисподней
Охранять ворота ада,
Наблюдать, чтобы Рогатый
Не порвал цепей железных,
Не ушел из пут, пройдоха.

Как примчал Калевипоэг
К адским каменным твердыням,
К тяжким кованым воротам,
Мужу с неба возгласил:
„Трахни кулаком о скалы!“
Витязь, тяжело размахнувшись,
Кулаком ударил в скалы.
Раскололась скал твердыня,
Но рука увязла в камне,
На века в скале застряла.

Там и по сей день сидит он,
На коне Калевипоэг.
В толщу скал вросла десница.
Сторожит ворота ада
И Рогатого в темнице.

Слуги ада, в преисподней,
Пламенем горящим жарко
Распаять хотят оковы,
Цепь железную расплавить.
Цепь становится в сочельник *
Толщиною в тонкий волос.
Но едва петух рассвета
Прокричит за воротами,
Наступленье дня вещая,
Делаются звенья цепи
Крепче, тяжелей, чем прежде.

Калев-сын стремится руку
Вырвать из стены гранитной,
Из жестокого зажима.
Трескается твердь земная,

Сотрясаются утесы,
Гор колеблются вершины,
Пенится, бушует море.
Сила Маны держит мужа,
Чтобы врат подземных ада
Страж могучий не покинул *.

Говорят, настанет время:
Если разом все лучины
С двух концов воспламенятся,
Пламя высвободит руку
Из гранитного зажима.
И тогда Калевипоэг
В дом отцовский возвратится —
Счастье созидать потомкам,
Прославлять страну родную.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАПЕВ

К стр. 33. *Дай мне каннеле, Ванемуйне.* В а н е м у й н е — легендарный песнопевец, образ, заимствованный Фельманом из карело-финской руны, — Вийнямёйнен. Ванемуйне учил деревья, животных и людей петь песни и играть на каннеле, народном инструменте, напоминающем гусли, и все живые существа научились у него своей речи. Только рыбы забыли во время пения Ванемуйне высунуть из воды уши, поэтому они и доселе безгласны и только подражают движениям губ певца. Ванемуйне является главным действующим лицом художественных сказаний Фельмана „Песни Ванемуйне“, „Сватанье Ванемуйне“ и „Уход Ванемуйне“. Крейцвальд, в свою очередь, перенял этот образ у Фельмана.

К а н н е л е — гусли, популярный музыкальный инструмент. Представляют собой плоский трапециевидный ящик из цельного дерева с резонатором и 6—7 проволочными струнами; древнейшие же гусли были без резонатора, с 5 струнами из конского волоса. Современное каннеле снабжено 20—30 металлическими струнами.

В народной песне „Каннеле“ говорится об инструменте, сделанном из дерева или рыбьей кости, со струнами из девичьих волос. Эти гусли издают то заунывные, жалобные звуки, то бодрые звуки, призывающие к пляске.

Выйди из волн прозрачных Эндлы. Э н д л а — маленькое, окруженное болотами озеро в средней Эстонии, на берегу которого обитала легендарная Юта (см. примечание к Вступлению, стр. 480).

Калевитян величавых. Имя „Калев“ имеет, повидимому, более чем тысячелетнюю историю. На это указывает наличие в карельской и финской народной поэзии названий Калева: Kaleva, Kalevan pojat (сына Калева). Имя это встречается также в весьма древней лиро-эпической песне „Болезнь Осми“ наряду с именами Алева, Сулева и Леммингяне. В древнерусских летописях и в других памятниках, начиная с XIII века, город Таллин называется Колывань, что толковалось как родительный падеж от слова Калева.

Существует целый ряд объяснений происхождения имени Калев. Совершенно фантастической представляется попытка связать имя Калев с „богом скал“, то есть предположение, что это имя происходит от эстонского слова *kalju*, что значит „скала“.

Согласно предложенной в прошлом столетии этимологии А. Алквиста, имя Калев происходит якобы от литовского слова „*kalvis*“ — „молотобоец, кузнец“.

Наиболее правдоподобное объяснение дано П. Аристе, который производит имя „Калев“ от известного в эстонских островных диалектах слова „*kali*“, означающего „лом“. С близкими по значению словами „*kang*“ („лом“) и „*tugi*“ („опора“) связываются понятия „*kange*“ („крепкий“) и „*tugev*“ („сильный“). Таким образом, вполне можно думать, что слова „*kali*“ („лом“) и „*kali*“ („сила, величина“) — одного происхождения. Предположив, что *kalev* является производным от имени существительного *kali*, можно полагать, что первоначально это имя прилагательное означало вообще нечто сильное или большое.

„Калев“ и „Калевипоэг“ выступали, таким образом, первоначально лишь в значении „сильные мужи“.

К стр. 34. *Повернем оттоль на север*. Крейцвальд имеет здесь в виду испытанное им при создании „Калевипоэга“ влияние так называемой „Старой Калевалы“ (то есть первой редакции карело-финского эпоса), вышедшей в 1835 году.

А весны моей любимцы // Беспробудно спят в могиле. Крейцвальд вспоминает о своих покойных друзьях Э. Саксендале и Фр. Р. Фельмане, который не успел осуществить своей идеи создания эпоса „Калевипоэг“ и как бы завещал выполнение великого замысла Ф. Г. Крейцвальду.

ВСТУПЛЕНИЕ

К стр. 35. *Под полою Уку дремлют*. Уку — дед, небесный дед. Имя этого божества проникло, повидимому, из Финляндии на побережье эстонского края Виру, но встречается и в центральной Эстонии.

Спят в объятиях Марии. Культ Марии играл известную роль в эстонских народных обычаях, куда он проник в эпоху католицизма, но, смешавшись с подлинно народными обрядами, получил новые функции. Мариней посвящен ряд мест, деревень, камней. Она фигурирует в качестве действующего лица народных песен и рассказов, особенно у племени „сету“, в Сетумаа, смежной с Псковской областью.

К стр. 38. *Стоны Мардуса лесного*. Мардус — мифологическое существо, первоначально означавшее умершего, затем получившее значение духа смерти и, наконец, вестника смерти. По поверью, Мардус придет в избе ночью, когда все спят, стучит, грохочет или подает голос. Какой-нибудь необъяснимый глухой звук толковался как предвещающий смерть стук Мардуса, то же значение приписывалось тиканью жучка-древоточца.

У каждого человека имеется якобы свой Мардус. Появление Мардуса предвещает смерть того человека, чьего Мардуса видели. По данным Крейцвальда, голос Мардуса будто бы предвещает всевозможное зло. Если голос Мардуса слышится часто, можно ожидать войны.

В „Калевипоэге“ говорится о времени до прихода „железных людей“, то есть до начала XIII века. Здесь идет речь о покрытых мхом могилах, возникших в результате рабства, войн, голода и мора, которые свирепствовали после завоевания страны пришедшими с запада рыцарями, задолго до того времени, когда „Россия под крылом своим могучим от врагов нас защитила“ (1710 год). Время после присоединения к России представлено в „Калевипоэге“ как мирный период после продолжавшихся в течение пятисот лет народных бедствий. Такие же мысли высказывает Крейцвальд и в своей поэме „Война“. Время до захвата страны „железными людьми“ изображается в эпосе как период мира и дружеских экономических и культурных связей между эстонским и русским народами.

К стр. 39. *Смерть, чума и мор свирепый.* Мор и эпидемии часто опустошали Эстонию в периоды войн. В эстонском фольклоре мор представляется духом, являющимся в образе черного или серого человека, в образе молодой девушки, мальчика, солдата, козы, барана, кота, мыши или клубка ниток. Мор в образе человека дотрагивается до кого-нибудь палкой, и это влечет за собой смерть. Распространению мора, по поверьям, часто препятствует вода; мать защищает детей от мора, простирая над ними руку, когда они спят. Поверье говорит, что полезно также притвориться умершим или перебраться в тень черемухи или рябины, запах которых отпугивает болезнь. Широко известны рассказы о сеятелях мора, в которых народ видит своих угнетателей-помещиков. Помещики хотят истребить крестьянство, чтобы присвоить его земли и добро.

В небесах, в жилище Таары. Т а а р а — упоминаемый в хронике Генриха Латышского (XIII век) бог древних эстов, к которому жители Саарема обращались с возгласом: „Тарапита!“, что означает: „Таара, помоги!“ В эстонской мифологии существовал также образ Вананзы — дедушки. Ванатаата — деда, старика. Согласно народному поверью, это название небесного духа находится в связи с представлением о молнии. Народ веровал в духов, которых, как своих защитников, называл отцами, дедушками, стариками, родителями, матерями.

К стр. 41. *Возле Яни-городища.* Я н и — городище в южной части Хартумаа, которое молодой Крейцвальд посетил в 1819 году. Оно известно также под названием Варбола. Городище было заложено на естественной плитняковой породе; оно окружено болотами и большими лесами. Согласно народному поверью, в городище Яни слышны в тихие вечера крики Мардуса, тоскующего по „злу старых времен“, по войне и кровопролитию.

И, казалось, говорили: „Успи нас! ублюкай!“ Крейцвальд хочет сказать, что выходящие из могил тени прошлого не найдут покоя, пока он не споет об их жизни и борьбе, пока он не раскроет их песенных сокровищ. Даже в могиле не находят покоя те, чьи труды остались

незавершенными. Труд и борьба древних эстов должны сохраняться и жить в творчестве народа.

К стр. 42. *Сестры Харью, дочери Ляне, / Лучшие невесты Пярну. Уезды в Эстонии* (см. в примечаниях к Песне второй, стр. 482).

Мужей Алеов сраженья. А л е в (А л е в и п о э г) — спутник Калевипоэга и друг его. Имя возникло, повидимому, на основе свойственного эстонским народным песням приема звуковых повторов: Калев-Алев.

Мужей Олевов походы. О л е в (О л е в и п о э г) — друг Калевипоэга, искусный зодчий. Ему завещает свое государство Калевипоэг. Это имя иногда встречается в народных песнях в форме „Олевине“.

Мужей Сулеов творенья. С у л е в (С у л е в и п о э г) — спутник и друг Калевипоэга. В эстонских народных песнях он фигурирует иногда в роли обольстителя женщин.

Что нашел я в косах Юты. Ю т а — действующее лицо сказания Фельмана „Сватанье Ванемуйне“ и „Озеро Эндла и Юта“. Ванемуйне стар, и потому его сватанья не удаются. Его песни хороши, „но старые ноги не годятся для пляски, а седая борода не для поцелуев“. С болью в сердце бродя по лесу, Ванемуйне находит в траве новорожденного ребенка, из которого впоследствии вырастает красивая девушка. Эта приемная дочь Ванемуйне, прекрасная Юта, поселяется у озера Эндла. Под ее покровительством находятся окрестные жители, птицы и рыбы. Из оврага слышатся иногда песни Юты и ее плач по любимому. Ее возлюбленный Эндель, сын Ильмарине, умер, так как срок его жизни, как существа среднего между человеком и богом, определил Вананза. Юта проливала горькие слезы по своему возлюбленному до тех пор, пока Ильмарине не сделал для нее золотого платка. Когда она покрывалась им, то видела свое счастливое прошлое и переживала его снова в сладостных видениях. Время от времени Юта дает этот платок смертным людям, и тогда в их песнях и рассказах снова оживает прошлое.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

К стр. 44. *Мать ветров крылом взмахнула. Мать ветров — дух ветра.*

На просторе вольном Пикне. П и к н е — молния. Творцом молнии и грома считали небесного духа. На низкой ступени развития человек был не в состоянии дать этому явлению научное объяснение и наделял его чертами человека, называя его небесным дедом или отцом, Старшим. Эйке. Небесный дед производит гром. Дождь Старшего — грозовой ливень. Культ молнии существовал у эстов по меньшей мере в течение двух тысячелетий. Молния-Пикне преследует злых духов, истребляет их своими стрелами. Только когда духи убегают в воду, Пикне и Эйке не в состоянии их поразить. В наречиях северной Эстонии вместо Пикне встречается наименование Кыуэ.

К стр. 45. *В Турьямаа — другой умчался.* Турия, Турьямаа, Тургия — повидимому, название Норвегии, возможно и Лапландии, в эстонских народных преданиях.

На спину орла морского. Орел часто встречается в народных сказаниях и песнях. Иногда он приносит несчастье. На спине северного орла герои сказок преодолевают большие расстояния.

К стр. 47. *Сальме — девушкою нежной.* Сальме — женское имя; встречается в лиро-эпической народной песне (так наз. „Песня Сальме“ или „Невеста Звезды“). К Сальме приходят блестящие женихи — Солнце, Месяц и Звезда. Она выбирает себе в мужа Звезду как олицетворение скромности, сочетающейся с твердым и постоянным характером.

Линдой ласковою стало. Линда — легендарная великанша, жена Калева. Есть предположение, что древнее название города Таллина — Линданиса — означает „сосок Линды“, то есть город, как сосок, кормил своих жителей.

По семь слушателей тайных. Слушание — известный по всей Эстонии свадебный обычай: к девушке-невесте посылали старуху-сваху, чтобы узнать („услышать“), как относятся к сватающемуся. У старухи была с собой бутылка водки (так наз. „бутылка сватанья“), из которой она предлагала выпить всей семье девушки. Когда предложение о браке принимали, сваха передавала девушке подарки (кольцо, платки, иногда денежный задаток); девушка, со своей стороны, давала пояс. Если „бутылку сватанья“ принимали или пили из нее, это означало согласие, если бутылку, не открывая, отставляли в сторону, то это был знак, что хотят подумать; возвращение же бутылки означало отказ жениху.

И один жених был Месяц. Месяц, а также Солнце, Звезда, Ветер и т. д. в народных сказаниях часто выступают как живые существа, оказывающие большое влияние на жизнь людей. В народных песнях Месяц участвует в диалоге, с ним советуются („Утонувший брат“), он сватается и т. д.

А другой жених был Солнце. Солнцу у многих народов приписываются функции человека или божества, действующего как человек. В эстонских народных песнях оно чешет головы батраков и пастухов. В народных песнях Солнце выступает и в роли жениха.

Паренек-Звезда был третий. Звезда также изображается живым существом, глаз которого смотрит с неба, в то же время Звезда выступает в качестве жениха („Песня Сальме“).

Отозвалась из амбара. В эстонском крестьянском хозяйстве обычно было два амбара: один для зерна, другой для одежды, оба под одной крышей. Летом в амбаре спали.

К стр. 49. *Старший сын звезды Полярной.* Звезда Полярная (Пыльмянаэль — Северный гвоздь) — главная небесная звезда в астрономии эстов. Народ называет ее „гвоздем“ потому, что простому человеческому глазу она кажется стоящей на одном месте, как гвоздь в стене, и вокруг нее вращаются другие звезды. Вокруг Полярной звезды должен вращаться

весь мир. Два задних колеса Телеги (эстонское название Большой Медведицы) и Полярная звезда находятся на одной линии. По Полярной звезде определяли страны света и предсказывали погоду на время полевых работ и сенокоса.

К стр. 50. *С расписными рукавами.* Белая женская блуза без пол, но с рукавами, богато украшенная вышивками, блестками и кружевным бордюром. На острове Хийумаа вышивки заменяются отчасти оборками, этот вид украшения одежды известен только на севере Эстонии.

Пестроцветный плат узорный. — Полотнище в виде полотенца (до 3,5 метра длины и до 40 см ширины), концы которого украшены вытканными красными поперечными полосками или же вышиты геометрическими узорами. Раньше их носили во всей восточной Эстонии, в настоящее время — только в Сетумаа (край, примыкающий к Псковской области). Плат дважды обматывается вокруг головы, завязанные концы его ниспадают на спину.

К стр. 51. *Бабка Муру одевала.* Бабка Муру — дух дома и двора, а также властительница лугов.

Ристи-танец танцевали. Ристи-танец — перекрестный танец, в котором участвуют четверо, образуя четырехугольник; популярный народный танец в северной Эстонии.

К стр. 60. *Сквозь башмак не просочится.* Башмак — подразумеваются постолы, без тесемок (обувь, сшитая из одного куска сыромятной кожи).

К стр. 63. *От ее нагрудной пряжки.* Пряжку (круглую), подобную „месяцу на небе“ (народное выражение), женщины носили на груди как украшение. Особенно крупные пряжки носили в Вильяндимаа и Тартумаа (диаметром 13—15 см).

В Сетумаа вообще не знали пряжек меньше, чем 10 см в диаметре. Крупнейшая пряжка, найденная в Сетумаа, — диаметром в 16 см и весит 563 грамма.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

К стр. 66. *Проберись на берег Виру.* Пярну, Ярва, Харью. Ляне, Виру — города Эстонии и относящиеся к ним земли. Виру — также древнее название Эстонии.

А л у т а г а — северо-восточная часть Эстонии, прилегающая к озеру Пейпси (Чудскому озеру) с севера и северо-запада.

К стр. 67. *Каждый день меняя туфли.* Следуя народным поверьям, беременные женщины меняли каждое утро обувь, чтобы злой дух Вана-Тюхи не нашел ожидающую ребенка женщину и не причинил зла.

Чтобы Тюхи злой, подземный. Тюхи (Пустой) — одно из названий злого духа у эстонцев. Суеверные люди старались не произносить настоящего имени злого сверхъестественного существа (черта, беса и т. п.), боясь, что оно появится и принесет несчастье.

К стр. 69. *Ты лети, коровка божья*. По направлению полета божьей коровки предсказывали, откуда явится жених или невеста или придет война. В эпосе божья коровка указывает, где искать врачевателя.

К стр. 70. *Из пещер подземных Маны*. Мана, Манатарк — название позднего происхождения, встречающееся в северной Эстонии. означает: заклинатель, мастер заговоров и наговоров. Мана, по карело-финскому преданию, — божество подземного царства умерших, Маналы.

К стр. 73. *И мы „Тоомпеа-горою“*. Тоомпеа-гора (Вышгород) — наиболее древняя часть Таллина, расположенная на возвышении из плитняка (около 47 м над уровнем моря). Здесь было заложено когда-то Таллинское городище. По Крейцвальду, это могильный холм Калева, сложенный из камней Линдой, в память мужа.

Выскользнул скалы обломок. Первоначально Линда, видимо, не имела имени и ее называли „девушкой Калева“, которая будто бы носила камни в волосах и переднике (в Палмси каменные глыбы называют камнями из передника „девушки Калева“).

К стр. 74. *А зовется Юлемисте*. Юлемисте (Верхнее озеро) — озеро около Таллина, в южном направлении. Озеро расположено значительно выше Таллина (36 м над уровнем моря), и его используют как естественный водоем для снабжения города водой. Существует народное предание о духе озера, о так наз. „старике с Юлемисте“, который собирается потопить город, когда последний будет отстроен. По преданию, озеро образовалось из слез Линды, оплакивавшей своего мужа.

Плоскогорья Ласнамяги. Ласнамяги — возвышенность к востоку и к югу от Таллина.

К стр. 75. *Истопить велела баню*. Баня служила не только для мытья, но и местом, где производилось лечение, отчасти связанное с магическими действиями, а также пускание крови и лечение при помощи банок. Роды происходили в бане.

Вздохи — к дому Рыугутая. Рыугутая — мифическое существо, охраняющее рожениц и новорожденных. Образ, развитый Крейцвальдом и ставший народным с третьей четверти XIX века. По прежнему народному поверью — злая ведьма, заставляющая плакать детей.

К стр. 80. *Это — калевитян рюхи*. Народное предание называет разбросанные в разных местах валуны „рюхами“ сыновей Калева.

К стр. 82. *Финский знахарь ветра Туслар*. Туслар — заклинатель, волшебник.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

К стр. 85. *Эйке-гром в телеге медной*. См. примечание к Песне первой, стр. 480.

К стр. 93. *На крутые взгорья Иру*. Приблизительно в 61—62 километрах от Таллина по Нарвскому шоссе, у берега реки Пирита, находится гора с ровным плато. Это — становище древних эгзов, лежащее восемь-

сот лет в развалинах. Городище Иру относится к числу крупнейших в Эстонии.

К стр. 94. *Величают „тещей Иру“.* Теща Иру — огромный камень, некогда находившийся около Нарвского шоссе на горе Иру, близ реки Пирита. Крейцвальд использовал здесь народное сказание о девушке или новобрачной, которая окаменеет на руках у своего похитителя. В народном сказании похищенная сама просит превратить ее в камень, чтобы не стать жертвой похитителя. Камня не существует уже около пятидесяти лет.

К стр. 96. *Князьи дочки в дальней Кунгле.* Кунгла — страна счастья, богатая сказочная страна где-то на севере.

К стр. 97. *Дочь единственная Халдьи.* Халдья — дух. Первоначально — дух-„хранитель“, дух-защитник. Согласно народному поверью, духи обитают повсюду — в лесу, в воде, в жилищах и т. д. В лесу живет лесной дух, защитник леса, леший; в домах, в очагах — дух-защитник домашнего очага, домовый и т. д. Название „халдья“ известно главным образом в северной Эстонии. В южной Эстонии сохранились более старые названия духов с добавлением слов: эма (мать), иза (отец), вана (старый), ванем (старший, старейший).

К стр. 98. *Отозвался остров Хийу,||Подал голос Курессааре.* Хийу — остров в Балтийском море. Курессааре — город на острове Сааремаа, ныне Кингиссеп.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

К стр. 106. *К Турьи берегам он правил.* Турья (Турьямаа) — название Норвегии, а возможно и Лапландии.

С неба Звездная Телега. Так называли созвездие Большой Медведицы. По народному поверью, созвездие состоит из следующих частей: первые четыре звезды — колеса телеги, затем следуют дышло и вол, около которого маленькая звезда — волк. На волка надета упряжь, и он тащит воз в наказание за то, что хотел съесть вола — рабочую скотину. Последняя звезда — хозяин.

По этому созвездию определяли время суток: когда Телега склоняется к западу, приближается утро, когда она склоняется к востоку, подходит полночь. „Когда дышло Телеги поворачивается к востоку, зимой бывает шесть-семь часов утра“.

К стр. 108. *Сито Звездное вставгло.* Сито — созвездие (Плеяды), состоящее из семи звезд. По Ситу и Цепу определяли время отправления на работу. Когда Сито и Цеп достигали определенной высоты, около 3 часов ночи, пора было идти на молотьбу. Потом Сито опускалось, наступало утро. По звездам определяли также время начала пахоты, предсказывали изменение погоды и предстоящий урожай.

К стр. 110. *Остров каменный накрыла.* Имеется в виду какой-то остров в Финском заливе.

К стр. 118. *Стройный дуб из сметков вырос*. Эта тема о разгребании моря и о большом дубе, взятая из эстонской народной песни, слита в эпосе с балладой, не имеющей прямой связи с поисками девушки. Чтобы отклонение от главной темы не было слишком велико, Крейцвальд разделил балладу между тремя песнями (4, 5 и 6-й). В народной песне девушка сажает дуб на свое счастье и просит, чтобы его срубил братишка, то есть, надо понимать, жених. Здесь привлечена и другая народная песня: „Орел из-под стога сена“.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

К стр. 135. *Кыуэ там грохочет в небе*. Кыуэ — бог грома (см. примечание к Песне первой, стр. 480).

К стр. 141. *Дай лишь возжи в руки злобе, — || В темный лес умчится лошадь*. Эти стихи стали пословицей.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

К стр. 153. *Третий — с озера Выртсъярве*. Выртсъярв — самое большое внутреннее озеро Эстонской ССР. По народному поверью, озеро упало из облаков на людей, работавших на сенокосе, и потопило их.

Воды из потока Эма. Эмайыги (Мать-река) — самая большая река в южной Эстонии, берет свое начало на возвышенности Отепеа, течет через озеро Выртсъярв, пересекает город Таргу и впадает в Чудское озеро. В сказании „Рождение Эмайыги“, обработанном Фельманом, рассказывается, как Эмайыги возникла в результате совместной работы зверей и птиц.

Воды с пойм зеленых Койвы. Койва — река в Латвии, протекает по границе ЭССР и ЛССР и впадает в Рижский залив севернее устья Западной Двины.

Взял из Выханду шестой он. Выханду — река, называемая также Воо. Берет свое начало в районе Вырумаа, протекает через озеро Вагула около города Выру и впадает в Псковское озеро. По преданию, в этой реке обитает бог молнии (Пикне); не разрешалось препятствовать ее течению, бросать в нее мусор. Когда на реке построили мельницу Сымерпалу, то крестьяне сочли неурожай в 1641 и 1642 годах, вызванный чрезмерными дождями, наказанием за постройку мельницы и сожгли ее.

К стр. 156. *Буйный хмель, цветущий пышно*. Песня о хмеле принадлежит к числу старейших народных песен.

К стр. 164. *Был он назван „финским мостом“*. См. примечание к Песне девятой, стр. 487.

То не Лихала ли город, || То не Рахала ли берег. Лихала —

название, означающее — „богатая мясом, зажиточная местность“ (от „лиха“ — „мясо“).

Р а х а л а — означает „богатое, зажиточное место“ (от „раха“ — „деньги“).

К стр. 165. *Радуга отводит бурю.* По народному поверью, радуга наполняет водой истощенные облака, потому, мол, она и имеет форму дугообразной трубы, каждый конец которой всасывает воду из озера или реки. По степени яркости цветов радуги и по случайному преобладанию одних цветов над другими в старину предсказывали погоду, то есть дождь или его прекращение, засуху и т. д. Имеет значение, согласно поверью, также направление дуги и время дня, когда появляется радуга.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

К стр. 167. *То ли в Тургии он дрался, // То ли в Турьямаа сражался.* См. примечание к Песне первой, стр. 481.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

К стр. 191. *Видят — озеро синее.* Имеется в виду Саадъярв, самое большое озеро в северной части Тартумаа, в 18 километрах от г. Тарту, длиной в 6,4 км, шириной в 1,1 км. У этого озера, по преданию, произошло метание жребия между сыновьями Калева. На берегу озера находится легендарный большой камень, который носит будто бы следы пальцев Калевипоэга.

Древняя дубрава Таары. Дубрава Таары — дубовый лес, посвященный Тааре; древняя роща, место жертвоприношений. Здесь под дубравой Таары подразумевается возвышенность Тоомеяги в городе Тарту.

К стр. 200. *Серебро он бросил в воду.* Для примирения с каким-нибудь земным или водяным духом с серебряной монеты или другого серебряного предмета соскабливали слой металла или приносили в жертву весь предмет. Это был очень распространенный способ жертвоприношения, особенно в случае болезней; он применялся также для их предупреждения.

К стр. 205. *Для грядущих поколений.* Согласно легендам, следы коня Калевипоэга находятся во многих местах Вирумаа; кости этого коня — горные хребты, разбросанные в местечке Поркуни этого района; кожей коня (IX песня) называют там же или в Харьюмаа равнину между двумя деревнями, а следы борозд, проведенных сохой Калевипоэга, — это ряды холмов близ озера Саадъярв и так наз. горы Нерути, которые тянутся параллельно на протяжении нескольких километров. Происхождение источников связывается с потом Калевипоэга.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

К стр. 211. *В Тютарсааре, в Лавассааре.* Кыргесааре, Тютарсааре, Лавассааре — маленькие острова в Финском заливе.

На побережье Виру появились вражеские лазутчики, а на севере были замечены военные суда. Повидимому, в эпосе имеются в виду скандинавы, которые до XIII века совершили несколько захватнических набегов на эстонскую территорию.

Так полярное сиянье. Северное сияние, по верованиям древних эстов, является отражением борьбы духов. Говорили также: небо сражается, север горит или лед Ледовитого моря испускает свет, северное сияние — отражение огнедышащих гор. По северному сиянию предсказывали изменения погоды, осадки, холод, а также войну, раздоры, голод.

К стр. 217. *На дороге трудной птичьей.* Птичьим путем в Эстонии называют Млечный Путь. По народному поверью, перелетные птицы находят свою дорогу с севера на юг и обратно по этой светящейся полосе на небе. По Млечному Пути предсказывали также зимнюю погоду: если он представлялся большим и широким, то ожидали снежную зиму. По Млечному Пути предсказывался также хороший или плохой урожай зерновых.

К стр. 223. *Гнал, скакал я финским мостом.* В эстонских сказаниях часто встречается рассказ о том, как богатырь прокладывает мост через водяное пространство. Убегая от силача острова Саарема Суур-Тылла, Ваналаган, властитель пренсподней, берет горсть песка, чтобы перекинуть мост через Балтийское море. Калевипоэг тоже пытается проложить мост от Виру до Суоми, Финляндии. Народное поверье видит следы этой попытки возле устья Тоолсе.

Согласно народным сказаниям, постройка мостов в большинстве случаев не удастся богатырям. В XII песне говорится еще о постройке Калевипоэгом моста через Чудское озеро, однако ветер и волны разрушают начатое сооружение. Калевипоэг прерывает работу и решает продолжать переходы через озеро вброд. На западном берегу Чудского озера, близ деревни Нос, по преданию, сохранились следы постройки моста — каменная коса. В народных сказаниях на эту тему получили отражение дружеские связи в древности между эстонским и русским народами.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

К стр. 229. *Проходил по Кикерпяру.* Кикерпяра — большое болото на западе Эстонии, в Пярнумаа, на границе Вильяндимаа. В народных преданиях часто говорится о гнездившихся здесь злых силах.

К стр. 233. *За рога быка хватают, — // Человека вяжет слово.* Широко известная эстонская пословица.

Все оно ульется в землю. В эстонском фольклоре часто встречаются рассказы об обмане беса Ваналагана героем сказки: простоватого черта

заставляют снести все золото в шапку, лишенную дна и помещенную над глубокой ямой, чего обманутый, однако, не замечает. Обычно он делает это для того, чтобы предогвратить какой-нибудь постыпок со стороны героя сказки, например, чтобы рыбак не „стянул“ неводом озеро и т. п.

К стр. 238. *Сука, мать чертей болотных*. Подразумевается мать духов преисподней, очевидно, жена Рогатого.

В ад неслась она из Тори. Тори — местечко в 25 километрах от города Пярну. На берегу реки Пярну находится песчаная пещера, которую называют адом Тори или дырой Чертовой горы. По народному преданию, здесь начиналась дорога в преисподнюю.

К стр. 239. *Гору Нярскую завидев*. Нярская гора находится на берегу озера Вильянди: здесь будто бы происходило единоборство с водяным.

К стр. 241. *Близ Чудь-озера упал он*. Согласно поверью, камень, брошенный с Нярской горы водяным, упал возле Выртсярв, а брошенный Калевипоэгом — у Чудского озера.

Наши силы на дубинке. — Игра, в которой двое участвующих пробуют силу: садятся на землю, взявшись за палку, упираются в ноги один другому и стараются перетянуть, приподнять с земли противника.

К стр. 244. *В память матери любимой*. Имеется в виду Таллин (Линданиса).

Возведу в дубраве Таары. Имеется в виду город Тарту, где на взгорье Тоомеяги была роща, посвященная Тааре. Янилинн, то есть город Яни — см. примечание к Вступлению, стр. 479; Алутага — см. примечание к Песне второй, стр. 482.

К стр. 246. *Дева света — Ильманейтси, Дочь пленительная Кыуэ, Сизокрылая синичка*. Ильманейтси — имя дочери Кыуэ. В песнях эстонского племени сету известно имя Ильматютар, первоначально обозначавшее деву из мира живущих, в противоположность деве из царства умерших.

Крейцвальд отождествляет с Ильманейтси сказочную птицу с синими перьями, о которой поется в одной эстонской лиро-эпической песне („Песня о сотворении“). Эта птица, летая в поисках гнезда, находит в загоне для скота три куста: синий, красный и золотистый. Она выбирает для гнезда золотой куст, кладет яйца и высиживает трех сыновей. Одного сына она делает солнцем, другого — месяцем, третьего — звездой.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

К стр. 249. *Против птичьего обмана*. По старому эстонскому поверью, не следовало выходить из дому, не поевши, особенно весной, чтобы не услышать натошак голоса какой-нибудь перелетной птицы — кукушки, иволги, жаворонка, дергача. Того, кто услышит птицу натошак, ожидает какое-нибудь несчастье, например, смерть, потеря слуха и т. п. Этот обычай, повидимому, возник из стремления охотников увидеть до-

бычу раньше, чем она увидит охотника. Калевипоэг, отправляясь в путь, также съедает кусок хлеба „против птичьего обмана“.

К стр. 251. *Там стоял колдун зловещий.* Встречающиеся в эстонских народных преданиях колдуны, иногда лекари, знахари — часто фигурировали под одним названием — „сортс“ (волшебник, заклинатель). В средней Эстонии, очевидно под влиянием литературы, тот же персонаж выступал в образе Ванасапана (рогатый, бес, злой дух). В „Калевипоэге“ — это еще более отталкивающий образ злого страшилища с головой кабана.

В этой песне эпоса могучему Калевипоэгу противостоит колдун, обладающий свойствами всех волшебников и знахарей эстонского фольклора, окруженный многочисленными сыновьями.

Мог накликать зло любое. Кудесник, ворожей, заклинатель („арбуя“ — эст.) в эстонских поверьях с помощью ключа и сита указывает потерянный предмет, находит травы для лечения болезней, в стакане водки показывает лицо вора, заклинанием насылает болезни и т. д.

Мог суставы ловко вправить, / Укрепить их красной ниткой. Знахари врачевали вывихи, обвязывая поврежденное место красной шерстяной ниткой, магическое действие которой якобы усиливалось, когда делали на ней определенное число узлов.

К стр. 252. *Против ярости змеиной.* По эстонскому фольклору — змеи опасны не только своим ядом, но и как существа, связанные с духами (анимистическое представление). С этой опасностью боролись при помощи заклинаний и т. п.

От недуга земляного / Серебром лечил он светлым. Когда от лежания на земле на коже появлялась вызывавшая зуд краснота, знахари ее лечили водой, в которой лежала серебряная монета.

От кликушества, удра. Удар (апоплексический), или паралич: по народному поверью, существовали будто бы люди, умевшие изготовлять волшебные стрелы, умерщвлявшие животных, а иногда и людей, вызывая у них паралич.

Пастухам — заклятый посох. Заклятый посох готовили на святках из рябины и клали на зиму в хлев под солому, в Юрьев день (23 апреля) его вынимали, чтобы вручить пастуху. Эти посохи делались толщиной в два-три сантиметра и на них наносились особые колдовские знаки.

Бабам — корень приворотный. Имеется в виду средство для молодых женщин „против“ тоски по родному дому и страха перед беременностью.

Клад по огненному знаку / Мог открыть беззвездной ночью. Согласно поверью, над зарытым в землю кладом часто якобы горит огонь; хранителем клада считали беса.

К стр. 253. *Чтоб построить славный город.* В XI песне указывается еще раз на дружественные экономические и культурные связи между эстами и русскими. Согласно народным преданиям, которые использовал Крейцвальд, Калевипоэг неоднократно посещает Псков, где он покупает доски для постройки городов, после чего переходит вброд Чудское озеро

с грузом досок на спине. Эти сказания имеют историческую основу: в борьбе „с железными людьми“ эсты пользовались поддержкой русских. Кроме военной помощи, пользовались, повидимому, также советами русских при усовершенствовании и укреплении городищ. Наряду с экономическими сношениями происходило и культурное общение, на что указывает наличие общих элементов в эстонских и русских сказаниях.

К стр. 256. *Он рябиновой листвою.* Как и многие другие растения и деревья, по поверью древних эстов, рябина обладает магической силой. Это дерево якобы помогало изгонять и отпугивать злых духов. Поэтому из нее делали окна и двери.

К стр. 257. *В месяце волхвов рожденных.* Месяц волхвов — июнь. В этом месяце, особенно около Иванова дня, происходило собирание „волшебных“ трав.

Верованья преувеличивали действия целебных трав, наделяя их сверхъестественными свойствами. По народному поверью, в Иванову ночь цветет папоротник, и тот, кто найдет его цвет, разбогатеет.

Вторым, связанным с поверьями месяцем, был ноябрь, месяц умерших, когда души посещали родные дома, их тогда нужно было принимать и угощать. Люди верили, что и в эту пору происходят сверхъестественные явления.

Вот на берег Кяпы вышел. Кяпа — речка, берущая начало в северной части Тартумаа, в озере Кайу. По эпосу (Песнь двадцатая), меч, лежавший на дне, отрубил Калевипозгу ноги, когда он перешел вброд эту реку. Согласно народному преданию, враги отрубают богатырю ноги, когда он идет пить воду из реки. Вариант, записанный в Тартумаа, связывает этот эпизод с рекой Кяпой.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

К стр. 273. *Лучше пол-яйца — да в мире, || Чем куренок, взятый с бою.* Распространенная в Эстонии пословица.

К стр. 275. *Ежик в рваной рубашонке.* По известной в Эстонии народной сказке, еж дал хороший совет боровшемуся с бесами богатырю и в благодарность за это получил полу его кафтана и облекся в колючую шубу на вековые времена. Согласно латышскому фольклору, еж получает за хороший совет свою колючую шубу от бога.

К стр. 281. *Колдовать он стал над пряжкой.* Для колдовства и гадания употреблялись иногда нагрудные пряжки. Согласно поверью, с их помощью можно узнать местонахождение предмета, а также получить ответы на различные вопросы.

Закружил вороний камень. Вороний камень обладает будто бы волшебными свойствами. Его применяли при лечении рожи, опухолей на шее, зубной боли и других болезней. По преданию, этот камень добывали следующим образом: из вороньего гнезда вынимали насиженные яйца,

варили их и клали обратно в гнездо; птенцы не вылупляются, и ворон замечает обман, приносит из дальних стран чудесный камень, после чего птенцы выходят из яиц. Когда птенцы оперятся, волшебный камень можно взять из гнезда.

К стр. 281. *А до Вильянди от Виру.* Вильянди — город на юге Эстонии. По преданию, Калевипоэг боролся с сыновьями колдуна близ деревни Тараквере. После схватки герой эпоса отдыхает, дремлет, к нему подкрадывается колдун и усыпляет на долгое время. Между тем Калевипоэга тщетно жгут в Тарту на большой народный праздник на горе Таары, куда стекается народ из земель Виру, Ярва, Харью и Ляне; сюда же по реке Эмайгги плывут люди на судах с побережья Чудского озера. Спустя семь недель богатырь пробуждается, увидев сон, напоминающий ему о его преступлении — убийстве сына кузнеца.

К стр. 283. *Поселился Ильмарине.* И л ь м а р и н е, по мифологии, был сотворен богом неба Вананза. Он был наделен большой силой, мудростью и художественным талантом. Из наилучшей стали он сковал свод неба, распростер его над землей и прикрепил большим гвоздем (Полярная звезда), затем приспособил к небесному своду движущиеся звезды, луну и солнце. Первоначально имя Ильмарине было одним из древнейших названий небесного духа у финно-угорских народов, в эстонских источниках оно появилось из карело-финских источников.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

К стр. 296. *Забелела средь долины.* Постелями или ложами Калевипоэга в Тартумаа народное поверье называет семь городищ различного типа, где часть возвышенности с одного или двух концов отделена углублениями, и земля из них в определенном месте как бы образует „изголовье“. Вблизи одного „ложа“ имеется холмик, о котором говорится, что он образовался из песка, выпавшего из полы одежды Калевипоэга, когда он сносил песок для возведения „ложа“.

Тут услышал он сороку. Сорока — в эстонских народных верованиях считается зловещей птицей: ее появление и стрекот предвещают приговор суда или приказ помещика, всегда связанные с каким-нибудь несчастьем. Это суеверие возникло в тяжелых условиях феодально-крепостнического гнета.

К стр. 298. *К Ильмяярв-озеру пришел он.* И л ь м ь я р в — небольшое озеро среди холмов, около шоссе Тарту—Таллин. Народ считал это озеро самым глубоким водоемом во всей Эстонии. Из-за его глубины даже Калевипоэг не мог перейти его вброд.

К стр. 302. *Для Рогатого похлебку.* Р о г а т ы й — то есть властелин преисподней; в народных сказаниях и в эпосе — это иносказательный образ угнетателя, помещика-крепостника, так же как Ад, Преисподняя — символизирует мызу, поместье прибалтийских баронов.

К стр. 303. *Он для трапез четверговых.* Четверг считался у эстонцев праздничным днем. В этот день запрещалось работать. В старину четверг был днем, когда приносили жертвы, лечили больных, чинили суд; часто это был и день сватанья; позднее четверг стал также днем колдовства. По народным поверьям, в этот день злые духи находились в движении и с ними можно было вступить в договор.

К стр. 311. *На другом — болтался прутик.* В эстонских сказках нередко говорится о чудесной ветке, имеющей силу возводить препятствия между преследователем и беглецом (обычно непроходимый лес). В „Калевипозге“ волшебный прут исполняет и другие желания, например, вызывает появление моря между беглецами и погоней.

К стр. 312. *Из ногтей ее сваяли.* По анимистическим верованиям, жизненная сила человека скрывается в различных частях тела, например в слюне и поту человеческого, в волосах, бороде, ногтях: все это не должно попадать к враждебным духам, которые могут их употребить во вред. Волшебная шапка из ногтей нередко встречается в народных сказаниях.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

К стр. 318. *Жерди — тоже из железа.* В старых эстонских сушильнях (комната-рига, служившая и для жилья) под потолком находились подвижные жерди, на которые клали снопы для просушки. О них очень часто говорится в эстонских народных песнях.

К стр. 322. *Из яиц крылатой Сиуру.* Си у ру — сказочная птица, дочь Таары.

К стр. 324. *В ноябре на „праздник духов“.* Праздник духов — период в шесть недель между днем Михела (29 сентября) и днем Марта (10 ноября), посвященный поминовению умерших. Поверье говорит, что в это время души умерших будто бы могли приходить домой, где их следовало принимать как гостей, заранее приготавливая для них еду.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

К стр. 338. *Если б села разумели.* Вступление к этой песне является полемическим ответом прибалтийско-немецким пасторам Аренсу, Шюллеффелю и Калмейеру, которые выступили с злопыхательской критикой первого выпуска „Калевипозга“, называя эпос „собственным изобретением“, обманом, и объявили его слабым по языку. Отсюда указание на „церковных черных галок“, которые собрались „заклевать“ дитя (то есть эпос), прежде чем оно успело целиком появиться на свет.

К стр. 349. *Где скоту дворы построить.* При постройке домов народ долгое время считался со старыми поверьями. До постройки жилого дома

и помещений для скота старались испробовать, хорошо ли избранное место. На него клали щепки, тряпки, траву. Если на них появлялись черные муравьи, место считалось пригодным для стройки.

К стр. 352. *В Алутага жил волшебник.* Алутага — здесь, видимо, имеется в виду Алулинн — древняя эстонская крепость в Вирумаа, приблизительно в трех километрах от Финского залива, в болоте Алу. В настоящее время на этом месте осталась стена из известняка, построенная без извести, толщиной около сажени и вышиной примерно в полсажени. В 1862 году в этом болоте нашли склад старинного оружия. По преданию, крепость была возведена великим колдуном, у которого было много помощников.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

К стр. 359. *Кайу-озеро измерил.* Кайу — озеро неподалеку от города Тарту. Из этого озера вытекает река Кяпа.

К стр. 360. *Ахти черные могилы.* Ахти — название водяного духа, заимствованное из карело-финского эпоса „Калевала“. В карельских песнях Аhti выступает то как богатырь, то как дух.

Мне Муст-озеро по брюхо. Муст-озеро — имеется в виду озеро в северной части Тартумаа. Чтобы показать гигантский рост Калевипозга, часто рассказывается о том, как он шагает через озера, причем вода доходит ему то до колен, то до пояса или до шеи: только Ильмъярв оказывается как бы бездонным.

К стр. 368. *Это скудный берег Лапу.* То есть Лапландия, страна лопарей, саамов (древнерусская Лопь). По представлению народа, — темная холодная страна севера, где жили известные колдуны, колдуньи и мудрецы. Из Лапландии, по преданию, проникла в Эстонию плесенная болезнь (малярия), в виде духа, принимающего человеческий облик.

„Женщина жила на свете.“ Здесь приводится „Песня Сальме“ — рассказ о родителях Калевипозга. (См. Песнь первую.)

К стр. 371. *Остров Искр лежит в тех странах.* Остров Искр — вероятно, Исландия, где много вулканов и гейзеров.

К стр. 378. *Полупсы и полудюди.* По народному поверью, это существа, стерегущие преддверие к краю света.

К стр. 381. *Так плыви, корабль мой, к Лалли.* Лалли — древнее название Таллина.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

К стр. 384. *Он воздвиг прекрасный город.* Подразумевается Таллин.

К стр. 388. *Прахом пали в Ассамалле.* Ассамалла — село того же названия в Вирумаа. По преданию, на полях близ этого села произошла битва между Калевипозгом и большим военным отрядом железных мужей, то есть рыцарей (или датчан), которые были разбиты. Они прибыли из-за

моря на кораблях и высадились на берегу Вирумаа. Здесь на полях были найдены остатки старинного оружия.

К стр. 391. *Длиннохвостого берлогу*. „Длинный хвост“ — образное название волка. Волка боялись называть настоящим именем, так как считали, что он может явиться на пастбище. Известна сказка: черт создал волка, но не сумел вдохнуть в него жизнь. Тогда небожитель Ванаиза дал ему совет. „Скажи: — Волк, встань, повали черта!“ Когда черт произнес эти слова, волк ожил и стал преследовать черта. Таким образом, волк сделался врагом черта.

К стр. 394. *Мальчик — телке по колено*. Карлик, злой дух.

К стр. 401. *Вышли дочки бабки Муру*. По эстонским народным поверьям, существуют русалки луговые, травяные; их властительница — хозяйка лугов, бабка Муру.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

К стр. 405. *Дева тоненькая Энды*. См. примечание к Вступлению, стр. 480.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

К стр. 432. *На обед — быка лесного*. Тема „большого быка“ встречается в трех эстонских народных песнях и их вариантах. В первой — „Финский бык“ — говорится об исполинском быке, заколоть которого никто не берется. Вторая песня — „Талгуд“ (толока) — иронически восхваляет устроителя толоки за то, что им был заколот большой бык. Третья песня — „Еда богатого и бедного“: богатый закалывает большого быка, но мяса не хватает ни для еды, ни для продажи; бедный же убивает старую ворону — и у него есть чем прокормиться и что продать.

К стр. 436. *Покровителю жилища*. Дух-защитник здания и жилища, которому приносили в жертву все первое, например, первый глоток пива, первый кусок хлеба и т. п.

К стр. 442. *Множество мужей железных*. Немецкие рыцари-меченосцы в конце XII века высадились близ теперешнего города Риги, завоевали сперва территорию латышей и ливов, а в начале XIII века (в 1208—1227 гг.) завладели вместе с датчанами и эстонской землей.

К стр. 444. *Тот игрок на шведских гусях*. Шведские гусли — известный на островах Хийумаа и Вормси музыкальный инструмент четырехугольной формы с квадратной выемкой для руки на краю; на трех-четырёх натянутых струнах играли смычком. Для игры инструмент помещали ребром на коленях, пальцами левой руки играли на струнах, а правая рука водила смычком.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

К стр. 451. *Чтоб разбойник не ограбил.* По народному поверью, в земле, среди развалин, а также в воде спрятано много денег — их иногда находят счастливы. Деньги находятся под охраной страшлищ и злых духов, которые чинят препятствия при добывании этих кладов. На месте, где хранятся деньги, иногда вспыхивает огонь, так называемый денежный огонь, указывающий ищущему местонахождение денег. Среди эстонских народных сказаний рассказы о денежных кладах весьма многочисленны.

К стр. 464. *Там убежища искал он.* Во время многочисленных войн древности народ со всем своим имуществом скрывался от вторгшегося в страну врага на трудно доступных островах среди болот, в дремучих лесах, в подземных пещерах. В народе знают много таких убежищ. В поверьях считали, что в таких местах человек находится под защитой духов

К стр. 465. *Трое воинов железных.* Подразумеваются немецкие рыцари-меченосцы.

К стр. 473. *Цепь становится в сочельник.* Древний праздник зимнего солнцеворота, который совпадал с Новым годом; сочельник (и вообще рождественские святки) в народном сказании — время чудес; души умерших возвращаются в сочельник домой. Суеверные люди боялись в эти дни выходить в одиночку из комнаты, опасаясь встретить духов; для „изгнания злых духов“ из дому применялись различные средства, в особенности волшебные знаки.

К стр. 474. *Страж могучий не покинул.* Калевипоэг стоит на страже ада, где находится Рогатый, закованный в цепи. По народному преданию, к концу года оковы Рогатого стираются и становятся более тонкими, но когда в сочельник утром поет петух, оковы снова вдруг становятся толстыми.

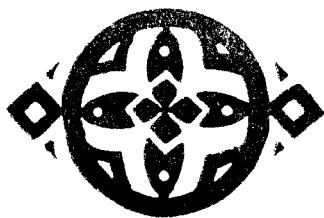
Заключительные стихи „Калевипоэга“ глубоко оптимистичны и говорят о том, что Калевипоэг возвратится к народу и даст ему свободу и счастье. Эти стихи призывали народ к борьбе за свое освобождение от немецких феодалов.

ЭДУАРД ЛАУГАСТЕ

Перевод эпоса выполнен: запев, вступление, песни 1, 2, 4, 5, 9, 17, 18, 19 и 20 — поэтом *В. Державиным*, песни 3, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 — поэтом *А. Кочетковым*.

Для настоящего издания перевод был сверен с оригиналом; в соответствии с этим *В. Державин* пересмотрел весь текст, включая перевод покойного *А. Кочеткова*, и перевел до 500 новых стихотворных строк, которые были пропущены в прежних изданиях.

Сверку текста провели *Е. Позо
някова* и *Н. Пановская*.

СОДЕРЖАНИЕ

Эстонский народный эпос „Калевипоэг“. —	
<i>Предисловие Энделя Нирка</i>	3

Калевипоэг

Занев	33
Вступление	35
Песнь первая. <i>Прибытие Калева. Сальме и Линда.</i> <i>Свадьба</i>	43
Песнь вторая. <i>Кончина старого Калева. Детство</i> <i>Калевипоэга</i>	64
Песнь третья. <i>Сыновья Калева на охоте. Похи-</i> <i>щение Линды. Возвращение сыновей</i>	85
Песнь четвертая. <i>Плаванье Калевипоэга. Девуш-</i> <i>ка-островитянка. Песнь о море</i>	105
Песнь пятая. <i>Калевипоэг в Суоми. Могучий дуб.</i> <i>Расправа с Тусларом</i>	126
Песнь шестая. <i>Покупка меча. Пир и ссора. Муж-</i> <i>чок с ноготок срубает дуб</i>	144
Песнь седьмая. <i>Возвращение. Песня теней. Рас-</i> <i>сказы братьев о поисках матери. На могиле отца.</i>	166
Песнь восьмая. <i>Братья бросают жребий, кому</i> <i>наследовать власть. Пахота и гибель коня</i>	186
Песнь девятая. <i>Расправа с волками. Весть о вой-</i> <i>не. Вещий сон. Гонец войны</i>	206
Песнь десятая. <i>Болото Кикерпяра. Золото водя-</i> <i>ного. Состязание в силе. Уплата долга за меч. Ко-</i> <i>лечко девы Ильманейтси</i>	227
Песнь одиннадцатая. <i>Калевипоэг несет доски —</i> <i>строить города. Вброд через Чудское озеро. Кража</i> <i>меча. Калевипоэг заклинает меч. Приключение че-</i> <i>ловечка</i>	249

Песнь двенадцатая. <i>Схватка с супостатами и еж. Долгий сон. Сновидение. Ягненок пастушка- сироты. Возведение моста</i>	271
Песнь тринадцатая. <i>Возвращение с досками. В подземном царстве. Девушки в аду</i>	294
Песнь четырнадцатая. <i>Зрелище подземного ми- ра. Первый поединок с Рогатым. Обратный путь</i> .	316
Песнь пятнадцатая. <i>Бесы преследуют Калевипозга. Олев-зодчий. Судьба девушек, освобожден- ных витязем</i>	338
Песнь шестнадцатая. <i>Постройка корабля и от- плытие. Путешествие на край света. Лапландия и Варрак</i>	358
Песнь семнадцатая. <i>Калевипозг в походе. Битва с чужеземцами в Ассамлале. Происшествие у ад- ского котла. Танец дочерей Муру</i>	384
Песнь восемнадцатая. <i>Второе путешествие в подземный мир. Битва с воинством адл. Поеди- нок с Рогатым</i>	404
Песнь девятнадцатая. <i>Калевипозг заковывает Рогатого в цепи. Счастливые времена. Вести о войне</i>	425
Песнь двадцатая. <i>Сборы в поход. Битва. Послы железных людей. Кончина Калевипозга. У ворот преисподней</i>	450
Примечания <i>Эдуарда Лаугасте</i>	475

КАЛЕВИПОЭГ

Редакторы *А. Деев* и *Р. Мияна*

Художник *В. Носков*

Худож. редактор *Г. Кудрявцев*

Технический редактор *Л. Сутина*

Корректор *А. Гипольт*

*

Слано в набор 4 VII-55 г.
Подписано к печати 1 XI-55 г. А 06139.
Бумага 60×92¹/₂, печ. л. 31,03 уч.-изд.
л. + 1 вкл. = 31,09. Тираж 25000. Зак. 348.
Цена 14 р. 50 к.

*

Гослитизтат
Москва Б—66, Ново-Басманная, 19

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической про-
мышленности. 21-я типография им. Ивана
Федорова. Ленинград. Звенигородская, 11.